

Истории из исследовательских документов легендарного Вело, рассказывающие о любых вещах и событиях Королевств, которые имеют отношение к магии - артефакты и предсказания, волшебники и оружие, герои и авантюры.

«КОРОЛЕВСТВА МАГИИ»

под редакцией Брайана Томсена и Дж.
Роберта Кинга

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "**Forgotten Realms**". Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

Пролог - Брайан Томсен - **RoK**

1. Гвенвивар - Р.А.Сальваторе - **Robin**

2. Дымный порох и отражения - Джефф Грабб - **RoK**

3. Похититель магии - Марк Энтони - **RoK**

4. Тихое место - Кристи Голден - **irene_dragon**

5. Око дракона - Эд Гринвуд - перевёл **RoK**

6. У каждой собаки бывает свой день - Дэйв Гросс - **kisushka, Elstan, traum**

7. Обыкновенная грамотность - Кейт Новак и Джефф Грабб - **Elstan**

8. Первое Лунное Озеро - Дуглас Найлз - **Дариэль**

9. Удача Луэллина Болтливового - Аллен Купфер - **maelin** и **Elstan**

10. Особенный фамильяр - Дэвид Кук - **RoK**

11. Красные амбиции - Джейн Рейб - **mar4uk**
12. Воровская награда - Мари Герберт - **RoK**
13. Шестерка Мечей - Уилльям Коннорс - **dubolom**
14. Дикая Магия - Том Дюпри - **RoK**
15. Всех жирней тот червячок - Дж. Роберт Кинг - **RoK**
16. Торговец оружием - Роджер Е. Мур - **RoK**
17. Прямой подход - Элейн Каннингем - **mar4uk**
- Эпилог - Брайан Томсен - **RoK**

Редакторы: **Faer, Дариэль, nikola26**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» - этого будет достаточно. ;-)

ПРОЛОГ

Издательство «Тим из Глубоководья» являлся издателем произведений Волотампа Геддарма ещё с тех времён, когда странствующий бродяга и пронырливый предприниматель заключили свою первую сделку – каждый из них был уверен в своём преимуществе перед другим. С тех пор было издано много томов, и вот уже Воло заслужил репутацию самого известного путешественника в Королевствах, а Джастин Тим – славу успешнейшего издателя Фаэруна.

Все эти годы творения Воло отдавали на рассмотрение многочисленным редакторам, и каждый из них стремился отхватить себе кусочек славы писателя. А меж тем уже более чем несколько сезонов прошло с того момента, когда великодушный издатель и благородный странник встречались с глазу на глаз. Недавнее увольнение последнего редактора, чудесным образом совпавшее с пребыванием выдающегося путешественника в Городе Роскоши, являлось отличным предлогом для встречи между двумя джентльменами.

Воло припоминал, что Джастин всегда был совой – вне сомнений, приобретая привычку поздно ложиться из-за всех этих неисчислимых ужинов с авторами, агентами и продавцами книг (эту практику писатель всецело одобрял). Поэтому не стоит даже и говорить, что Воло удивился, и совсем не слегка, когда обнаружил в своих апартаментах записку, объяснявшую, что время встречи сдвинулось с приемлемого «около полудня» (что подразумевало под собой бесплатный обед) до ужасающе несправедливого часа, когда даже базары только открываются. Конечно, сразу же появилась необходимость организовывать ранний подъём, неудобный ни для него, ни для Трикси, хозяйки заведения. Но, несмотря на это, лишь благодаря средствам Джастина он мог заплатить за эти роскошные покои, а потому, слегка заспанный и не до конца отдохнувший, Воло выдвинулся в офис издателя.

Улицы были наводнены проворными купцами, держащими путь к торговым площадкам, коробейниками, раздающими товары со своих передвижных палаток, и обычными трудягами, спешащими на работу. Воло вовсе не завидовал окружающим его людям и молча негодовал по поводу того, что Джастин заставил его окунуться в легендарную атмосферу утренней спешки в Глубоководье. Всё же, счета требовали оплаты. А завтра, к этому времени, при должной удаче, он вновь покинет город, при деньгах и готовый наслаждаться свободой открытого пути, где все встречи назначаются по принципу «когда доберёшься дотуда», а сроки сдачи – «ну, когда допишешь».

Но хватит. Деньги Джастина стоили этих временных неудобств.

Витрины магазинов, с проходившими мимо них людьми, вскоре уступили место офисному кварталу с причудливой архитектурой зданий, принадлежащих волшебникам-консультантам, недешёвым юристам, и ещё более недешёвым клубам. Воло входил в район, где издательство «Тим из Глубоководья» располагалось с самого своего основания много лет назад – тогда ещё будучи печатным магазинчиком, промышлявшим «экзотическими памфлетами и произведениями, от которых мурашки бегут». И, поскольку бизнес расцвёл, то и окружение также процветало, и бывший мрачный складской район стал «местом для своих» - других профессионалов, задумавших разместить здесь свои лавки.

Несмотря на множество предложений по выкупу от каратурских и кормирских холдингов, Джастин непоколебимо отстаивал свою независимость, и процветание следовало за ним по пятам.

Как говорил сам Тим, «это не я торгую хорошо, это все остальные торгуют плохо», и такой расклад ему нравился.

К зданию был пристроен ещё один этаж, нависавший над и без того узкой улочкой. Проход здесь был погружен в тень – как будто это какие-то сомнительные задворки, а не один из просторных проспектов города.

«Должно быть, дела идут хорошо, - подумал Воло. – Интересно, когда Джастин выкупит соседа напротив? Ещё одно такое расширение вверх, и магазин будет нависать над ним, а не над улицей».

Как он и ожидал, дверь оказалась не заперта, и Воло беспрепятственно продолжил свой путь по лестнице наверх. Зная Джастина, он предполагал, что его кабинет должен быть на самом верху.

Четырьмя этажами выше, чуть подальше пустой приёмной, в офисе, из которого открывался вид на оживлённую улицу, сидел высокий и почти полностью лысый человек в очках. Издатель носил точно подогнанный, модный костюм, какой он смог только купить на свою, не самого атлетичного сложения, фигуру. Мужчина немедленно вскочил на ноги, приветствуя своего самого лучшего автора.

- Воло, мой мальчик, сколько лет, сколько зим! – с воодушевлением воскликнул он.

- Сколько никто из нас и не упомнит, - отозвался газетчик, добавив, - а с каких это пор ты стал ранней пташкой? Я почти поверил, что это сообщение не от тебя.

Издатель поколебался, а потом усмехнулся:

- Ранняя пташка червячка ловит – боюсь, и когда ты ведёшь бизнес, и когда ползаешь по подземельям.

Ответ приятеля заставил Воло хмыкнуть и подумать про себя, что Джастин ни разу не видел изнутри ни одной пещеры, не говоря уже о ползании. Всё же этот старый лысый гусь если не ранняя пташка, то странная уж точно.

Джастин жестом попросил лучшего писателя сесть на стул, а сам быстро вернулся на место.

Воло уселся, откинулся, балансируя на двух ножках и закинув ноги на дорогой стол, расслабился и отсутствующе поинтересовался:

- Ну, как идут дела?

- Лучше и быть не может! – живо отозвался издатель.

- Наклёвываются какие-нибудь горячие новинки?

- А то, - похвастался Джастин, на мгновение замолчав, пока не обнаружил на поверхности стола макет обложки. – Издаём сочную новую книгу про Кормир. Вот предполагаемая обложка.

Воло оценил симпатичный рисунок, на котором на фоне гористой местности был изображён фиолетовый дракон; ниже и выше – название книги и имя автора, соответственно.

- «Кормир: Новелла», - прочитал Воло вслух. – Гринвуд Грабб. Тебе не кажется, что название скучновато?

- Ни в коем разе, мой мальчик, - улыбнулся Джастин искренней улыбкой оркамошенника. – Кроме того, название выбрано автором и главным редактором. Я подбирал рисунок.

- Понятно, - сказал Воло, удивлённый таким «я-здесь-ни-при-чём» поведением, которое выказал обычно держащий всё под контролем делец.

- Всё же, - добавил издатель, - главного редактора я только что уволил. Возможно, мне стоит пересмотреть...

- И за что ты его так?

- Её, - поправил Джастин. – Она оказалась простушкой, и слишком чудаковатой, даже для гнома, если ты понимаешь, о чём я.

- Насколько? – поинтересовался писатель, подумывая, что редакторы, хорошие или не очень, являются видом, находящимся под угрозой скорейшего исчезновения с Торила.

- Она постоянно меняла написание своего имени. Я бы не выдержал, если бы мне пришлось снова печатать табличку и визитные карточки с новыми инициалами.

- Ясно, - обронил журналист.

- А ещё она постоянно пытается присвоить себе лавры за книги, к которым она не имеет отношения. Как-то раз она даже утверждала, что обнаружила тебя, и подписала с тобой контракт на первую книгу. Разумеется, я знал, что она врёт, но остальные-то нет. Когда я надавил на неё перед публикой, она стала утверждать, что имела в виду Маркуса Уондса, так же известного как Марко Воло. Слыхал про такого?

- Сталкивался, - ответил Воло, страстно желая, чтобы этот эпатажный подлец наконец сменил своё имя и перестал смущать умы, а то это уже доставило самому Воло множество неудобств.

- Не стоит даже и упоминать, что этот Марко Воло и в подмётки не годится оригиналу, Волотампу Геддарму.

- Конечно, - отозвался писатель, довольный тем, что издатель не пожалел времени на умасливание.

- Но довольно пустой болтовни, - сменил тему Джастин. – Какую изумительную новую книгу ты принёс нам сегодня? Я бы не отказался от того, чтобы хорошее, громкое название последовало за предсказуемым успехом «Путеводителя Воло по Долинам»... ну, например, «Путеводитель Воло по Лунному Морю». После окончания той большой заварушки в Зентильской Твердыне рынок постоянно требует информации.

- «Лунное Море» уже в работе, - заверил Воло, - честно говоря, когда я закончу дела здесь, в Глубоководье, я отправлюсь в Мульмастер. Ещё несколько месяцев исследований, в худшем случае, и путеводитель будет окончен.

Джастин сдвинул брови.

- Это хорошо, наверное, - неуверенно сказал он, - но я надеялся на что-нибудь, что мы сможем опубликовать немножко пораньше.

- Конечно, конечно, - согласился Воло, добавив заговорщицким тоном, - поэтому я и принёс с собой кое-что другое.

- Отлично, - кивнул издатель, - что-то, что позволит нам продержаться до следующей части путеводителя?

- Нет, - без колебаний отрезал автор. – Что-то, что перевесит все другие книги, вместе взятые. «Путеводитель Воло По Всему Магическому; Пересмотренное, Достоверное и Расширенное Издание».

Не успел писатель произнести слово «магическому», как Джастин уже отрицательно замотал головой.

- Прости, старик, - объяснился издатель. – Это не пройдёт. Первый «Путеводитель по Всему Магическому» едва не забил последний гвоздь в крышку гроба компании. Когда Хелбен сотоварищи запрещают книгу – они *запрещают* книгу. Каждая копия – пуф! – бесследно исчезает, и тщетно даже упоминать про возмещение расходов на изготовление или о потерянной прибыли. У меня нет ни малейшего желания снова играть в эту игру.

- Как и у меня, - заверил писатель. – Потому оно пересмотренное.

- И как же?

- На этот раз всё основано на серии бесед, историях и легендах, которые я собрал из самых дальних уголков Фаэруна. Ничто не похищено, ничто не украдено, и в этот раз не будет повода утверждать, что что-то получено окольными путями.

- Да, да, - отсутствующе отозвался издатель, пытаясь в то же время придумать дипломатичное оправдание тому, почему, на его взгляд, отказ от публикации не окажется нарушением свободы выбора, что позволит его любимому автору отправиться к другому издателю. Через некоторое время он признал, что такой причины не существует.

- Воло, - начал от твёрдо, - я не могу пойти на это. Даже пересмотренное издание с тайными заклинаниями и тому подобным принесёт нам неприятности. Книгу вновь запретят, и кто знает, как Хелбен отреагирует на повторное нарушение.

- Я не боюсь старого Чёрного Посоха, - кипятился нахальный газетчик. – За ним должок за спасение задницы – его и всего Фаэруна – тогда, во время заговора доппельгангеров.

- Я говорил не о тебе, - успокоил Джастин, - я говорил о себе.

- Боишься, что он всё ещё помнит ту помойную непроверенную биографию за авторством Кайти Блай, опубликованную тобой?

- Предполагалось, что это будет надёжное журналистское расследование, - начал оправдываться тот. – Откуда же мне было знать, что эта дворфиха гораздо больше смыслит в выдумывании фантазий, нежели в вынюхивании правды.

Лицо Воло осветила широкая улыбка.

- Ну, в этот раз тебе не нужно будет так беспокоиться, уверяю, - поддразнил он, всё ещё с лёгкой насмешкой. – В этот раз «Пересмотренный, Достоверный и т.д. Путеводитель Воло по Всему Магическому» не просто громкий срыв покровов с тайного и опасного, а сборник качественно задокументированных второстепенных проявлений магии, случавшихся на территориях Королевств. В конце концов, если люди рассказывали всё это мне, они поделятся тем же самым с кем угодно. Следовательно, всё это доступно широкой публике, по крайней мере тем из них, кто путешествует, имеет какие-то связи... и тебе хорошо известно, что никто не путешествует больше, и не имеет столько контактов, сколько Волотамп Геддарм.

Джастин откинулся в кресле и почесал ухо – словно его щекотала несуществующая прядь когда-то пышной шевелюры.

- Продолжай, - попросил издатель. – И какого же рода все эти проявления?

- В основном, всё, что как-то связано с магией, от А до Я. Магические штуковины, места, заклинания – известные и неизвестные. Зачарованные артефакты прошлого, призрачные существа, славные деяния. Такие личности, как Эльминстер и Хелбен – ничего предосудительного, впрочем – а также другие известные маги и их ученики. Ну знаешь, рассказы про всяких подмастерьев...

- Что ж, ясно, - прервал издатель, - но...

- Есть даже парочка историй про дымный порох, новейшая запрещённая субстанция из разряда «как-то раз встречал её в одном из Королевств», и о которой все говорят.

Издатель пребывал в замешательстве. Очевидно, сборник рассказов про «магию» являлся недостойной заменой той удивительной книге про тайные искусства, которой не дали ход... С другой стороны, раз уж никто даже не видел оригинала, ни у кого не будет оснований для сравнения. И кто тогда скажет, что это не просто очередная коллекция историй?

- И ты хочешь назвать его «Путеводитель Воло по Всему Магическому и т.д. и т.п.»? – с нажимом уточнил лысый человек.

- Ну да, - ответил Воло, довольный тем, что ему удалось заинтересовать своего издателя, и что вечером его ожидает отличный ужин. Конечно же купленный на деньги, которые он, несомненно, скоро получит. – Так мы договорились?

- Не так быстро, - осмотрительно возразил Джастин. – Ты ведь не думаешь, что я могу купить пегаса в небе, не так ли?

- Разумеется нет, - притворно возмутился Воло, при упоминании возможности нечестной игры напустивший на себя вид оскорблённого достоинства. – Хочешь взглянуть на рукопись? – с этими словами он вытащил стопку бумаги из рюкзака.

- Давай сюда, - подавшись вперёд, издатель протянул руку за бумажками над столом.

- Осторожнее, - предупредил Воло, отдавая манускрипт. – Единственный экземпляр.

Джастин начал шуршать страницами.

- Что ты делаешь? – поинтересовался нетерпеливый писатель.

- Выискиваю лучшие куски, - объяснил собеседник.

Воло, задумавшись, запустил пальцы в бороду. Ему не хотелось весь день торчать тут, в ожидании того момента, когда Джастин, удовлетворившись, закончит просмотр. Внезапно он увидел решение.

- Джастин, - предложил он. – Я знаю, ты человек занятой. Почему бы тебе эти лучшие истории не послушать?

Джастин отложил рукопись в сторону и откинулся в кресле.

- Ты всегда был отличным рассказчиком, Геддарм, - согласился он. – Начинай.

Воло потёр ладони друг о друга, глубоко вздохнул и перешёл к повествованию.

ГВЕНВИВАР

Роберт Сальваторе

Джозидая Старим беспечно бродил по улицам Кормантора. Эльф, обычно строгий и сумрачный, позволил сегодня прекрасной погоде и последним переменам в его любимом городе вскружить ему голову. Джозидая был «певцом клинка», соединяющим меч и магию, защитником эльфийского народа и образа жизни. А в Корманторе 253 года многие эльфы нуждались в защите. Вокруг кишели гоблиноиды, но что хуже, и в самом городе накалились страсти. Противостояние благородных домов, - среди которых были и Старимы - угрожало разорвать на части всё, что созидал государь Эльтагрим, всё, что воздвигли эльфы в Корманторе, величайшем городе в Королевствах.

Но ничто не нарушало покой этого дня, сияния весеннего солнца, легкого дуновения северного ветерка. Даже сородичи Джозидаи были сегодня в хорошем настроении. Его дядя Талейсин пообещал защитнику, что нанесет визит ко двору Эльтагрима и попытается найти пути к примирению их разногласий.

Джозидая надеялся, что эльфийская аристократия снова станет единой. Ему, возможно, больше, чем любому другому в городе, было, что терять. Он был «певцом клинка», квинтэссенцией всего, что считалось эльфийской чертой, но в эти чудные времена эти черты стали не так ясны. Это было время перемен, великой магии, монументальных решений. Это было время, когда люди, гномы, полурослики, даже бородатые дварфы скитались в поисках удачи на ветреных дорогах Кормантора, мимо остроконечных шпилей обтекаемых строений эльфов. За все сто пятьдесят лет жизни Джозидаи традиции эльфийского общества казались ясны и нерушимы. Но теперь из-за их государя, мудрого и заботливого Эльтагрима, вспыхнули споры о том, что считать эльфийской сутью, и, что не менее важно, какие отношения следует эльфам строить с другими добрыми народами.

- Доброе утро, Джозидая, - обратилась к нему юная и миловидная девушка, племянница самого Эльтагрима. Она стояла на балконе, оглядывая просторный сад, чьи бутоны еще не распустились, с улицей позади него.

Джозидая остановился на ходу, совершил сальто в воздухе и приземлился аккуратно на согнутое колено, его золотистые волосы захлестнули лицо и отхлынули в стороны, открывая его блестящие синие глаза. - Добрейшего из утр тебе, добрая Фелисити, - ответил защитник. - Жаль, что при мне вместо цветов, достойных твоей красоты, лишь эти клинки, откованные для войны.

- Эти мечи красивее всех цветов, что я видела, - лукаво улыбнулась Фелисити, - Особенно в руках Джозидаи Старима на рассвете, на плоской скале на вершине пика Беренгиль.

Воин почувствовал, как краска прилила к его лицу. Он давно подозревал, что кто-то следит за его утренним ритуалом - танцем с мечами, в обнажённом виде - и теперь получил подтверждение. - Возможно, Фелисити стоило бы присоединиться ко мне в танце рассвета, - ответил он, сдерживая дыхание, - чтобы я мог по достоинству вознаградить её за успехи в слежке.

Девушка смущённо рассмеялась и убежала обратно в дом, а Джозидая покачал головой и побрёл прочь. Ему нравились мысли о том, как он мог бы «по достоинству отплатить» этой непослушной девчонке, хотя он опасался, что, с учётом стати и красоты Фелисити, такие игры могли привести к чему-то большему - чего он остерегался сейчас, когда Эльтагрим так непредсказуем.

Воин тряхнул головой, отбрасывая эти мысли. День был слишком хорош для мрачных рассуждений, а мысли о Фелисити могли выбить его из колеи перед предстоящей встречей. Джозидая направился к западным воротам Кормантора, чьи стражи почтили его коротким поклоном, и вышел на открытый воздух. Сколь бы Джозидая ни любил город, дикую природу он любил еще больше. Только здесь он был по-настоящему свободен от всех забот и мелких, и только здесь было то чувство опасности, что поддерживало его в форме. Не следит ли за ним сейчас гoblin из тени, держа наготове свое грубое копьё?

И еще здесь был друг, человек по имени Андерс Бельтгарден, волшебник и бывший следопыт, которого Джозидая хорошо знал уже четыре десятилетия. Андерс не ходил в Кормантор, даже после указа Эльтагрима, открывшего ворота инородцам. Он жил вдали от людных дорог, в невысокой, ладно построенной башне, которую охраняли магические стражи и ловушки его собственной работы. Даже лес вокруг его дома был полон ловушек и иллюзий, сбивающих с пути. Бельтгарден так тщательно скрывал свой дом, что немногие эльфы из Кормантора вообще знали о его существовании, и еще меньшее количество видели его. И никто из них, не считая Джозидаи, не мог найти его снова без помощи самого Андерса. И Джозидая не сомневался: если бы Андерс хотел скрыть башню от него, ему бы это не составило труда.

Но в этот прекрасный день даже запутанные тропинки к дому Бельтгардена казались Джозидае проще, чем обычно. А когда он подошёл к подножию здания, дверь оказалась не заперта.

- Андерс! - крикнул он, пытаясь разобрать что-либо во мраке за дверным проёмом, откуда пахло так, словно там только что сожгли дюжину свечей, - Старый болван, ты дома?

Зверский рёв заставил воина выхватить свои поющие клинки мгновенным, неуловимым для глаз движением.

- Андерс? - осторожно переспросил он, пробираясь вдоль коридора. Его ноги двигались в совершенном равновесии, мягкие туфли касались камня нежно, бесшумно, как лапы кошки.

Рык раздался снова, и на сей раз, Джозидая понял, с чем имеет дело: хищная кошка вышла на охоту. И большая кошка, заключил эльф, прислушавшись, как дрожат глубоким эхом каменные стены коридора.

Он прошёл мимо двух дверей напротив друг друга, и мимо еще одной по левой стороне.

Третья дверь - он понял, что рык раздавался из-за третьей. Эта мысль дала певцу клинков слабую надежду, что ситуация под контролем - ведь эта самая дверь вела в алхимическую лабораторию Андерса, самое охраняемое место башни.

Джозидая мысленно проклинал себя за то, что не подготовился магически. Он заучил всего несколько заклинаний сегодня, в этот день, казавшийся столь замечательным, что эльф решил не тратить ни мгновения его сидя носом в книгах. Если бы только у него было теперь заклинание, которое позволило бы ему проникнуть в комнату быстрее, через магический портал, или хотя бы позволило ему видеть комнату перед ним сквозь каменные стены...

У него оставались только его мечи, но и с ними Джозидая Старим был далеко не беззащитен. Он прислонился спиной к стене около двери и глубоко вдохнул. И, не медля не секунды - старый Андерс мог быть в большой беде - певец клинков ринулся прямо в дверь.

Он ощутил, как искры тока стремятся по его телу, когда сработала защита двери, его подбросило в воздух, и, наконец, он приземлился у подножия тяжёлого дубового стола. За столом стоял Андерс Бельтгарден, взяв с чем-то, его лицо осталось равнодушным к гремучему вторжению эльфа.

- Ты мог бы просто постучать, - сухо заметил старый маг.

Джозидая без церемоний вскочил с пола, чувствуя, что его мышцы ещё не пришли в норму после ловушки.

Убедившись, что поблизости нет опасности, Джозидая направил свои глаза на человека, как обычно. Певец клинков видел немногих людей в своей жизни - люди лишь недавно появились на северных берегах Моря Падающих Звёзд, и были редкостью в окрестностях Кормантора. А этот был, вдобавок, весьма занятым человеком, с грубым, морщинистым лицом и окладистой седой бородой. Андерс потерял один глаз в битве, и он теперь выглядел мёртвым, с серой плёнкой поверх яркой зелени прежнего. Да, Джозидая мог разглядывать старого Андерса часами, читая сказания времён в его шрамах и морщинах. Большинство сородичей эльфа сочли бы старика просто уродцем - у эльфов не бывает морщин, они стареют красиво, и выглядят под конец жизни так же, как несколько столетий назад.

Но Джозидая не считал Андерса некрасивым, вовсе нет. Даже остатки кривых зубов во рту старика возвышали это старое и мудрое создание, этот монумент годам, опалённым солнцем и пронизанным штормами, годам боёв с гоблинами и великанами. Джозидая казалось нелепым, что он вдвое старше этого человека. Эльф не отказался бы сам иметь пару морщин, отмечающих пережитый им опыт.

- Должен был догадаться, что дверь защищена, - рассмеялся Андерс, - Ах, ну конечно, ты знал! Ха-ха! Просто решил повеселить старика, пока он ещё жив!

- Я боюсь, ты меня переживёшь, старый друг, - ответил певец клинков.

- В самом деле, если продолжишь так же вламываться в двери.

- Я беспокоился за тебя, - объяснил Джозидая, оглядывая просторную залу - слишком просторную, чтобы уместиться внутри тонкой башни, даже если бы она занимала весь этаж. Воин подозревал, что здесь замешана магия измерений, но не мог определить её, да ревнивый Андерс ему бы и не дал. И при всех своих размерах, лаборатория Андерса представляла собой свалку из рядов коробок до потолка, столов и шкафов, расставленных в беспорядке тут и там.

- Я слышал рык, - продолжил эльф, - рык дикой кошки...

Не отрывая глаз от пробирок, с которыми возился, Андерс кивнул в сторону коробки, покрытой сукном. - Смотри, не подходи слишком близко, - коварно усмехнулся старый маг, - Старая Мурка схватит тебя за бок и умнёт вмиг, не сомневайся! И тогда тебе не помогут даже твои блестящие мечи, - прохихикал Андерс.

Джозидая почти не слушал, он осторожно подкрадывался к покрывалу, стараясь идти бесшумно, чтобы не потревожить кошку внутри. Он взялся за угол сукна и, отодвинувшись в сторону, сдернул его. И тут у певца клинков отвисла челюсть.

Это была кошка, как он и предполагал, огромная чёрная пантера, вдвое - нет, втрое больше, чем самая крупная кошка, о которой Джозидая приходилось слышать. Притом кошка была самкой, а самки обычно меньше самцов. Она медленно, методично расхаживала по клетке, как будто в поисках слабого места, чтобы сбежать, её могучие мускулы переливались под кожей с неповторимой грацией.

- Где ты достал такое восхитительное животное? - спросил эльф. Его голос насторожил пантеру, она прекратила нарезать круги. Кошка окинула Джозидая таким пристальным, умным взглядом, что дальнейшие слова застряли у него в глотке.

- О, у меня свои источники, эльф, - проворчал старый маг, - Я искал такую киску много-много лет, по всему известному миру - даже в тех частях, которые никто ещё не знает, кроме меня!

- Но зачем? - прошептал Джозидая. Его вопрос относился в равной степени к пантере и к магу - в самом деле, певец клинков не мог понять, что может оправдать заключение такого творения в клетку.

- Помнишь мою историю про тупиковый каньон, - ответил Андерс, - откуда мы с моим учителем улетели верхом на сове от тысячи гоблинов?

Джозидая кивнул, улыбаясь при воспоминании об этой удивительной истории. Слова Андерса полностью дошли до него только через минуту. Он обернулся к магу с хмурой тенью на лице. «Статуэтка...» - пробормотал Джозидая. Сова была статуэткой, превращающейся в гигантскую птицу, когда требовалось её хозяину. В мире было множество таких артефактов, даже в Корманторе, и Джозидая немного знал о способах их создания, хотя его собственной магии не хватило бы сил на самые сложные заклятия. Он с печалью взглянул на огромную пантеру и снова повернулся к Андерсу.

- Кошка будет убита в момент приготовления, - возмутился эльф. - И тогда энергия её жизни вольётся в статуэтку, что ты создашь.

- Я над ней как раз постарался, - беспечно ответил колдун. - Я нанял самого доброго гномьего ювелира вырезать статуэтку. Этот человек, тобишь гном - самый лучший мастер в стране. Не бойсь, статуэтка будет кошке по достоинству.

- Достоинство? - откликнулся Джозидая ироническим эхом, глядя вглубь бездонных, мудрых жёлто-зелёных глаз пантеры. - Ты же убьёшь кошку?

- Я дам киске бессмертие! - важно ответил Андерс.

- Ты дашь только смерть её телу и рабство её душе, - выплюнул Джозидая, испытывая к старому Андерсу ярость, какой не знал прежде. Певец клинков и раньше встречал подобные статуэтки, и считал их полезными артефактами, не задумываясь о жертвоприношении животного. В конце концов, убивал же сам Джозидая оленей и кабанов для своего стола. Так почему бы волшебнику не создать такой замечательный инструмент из животного?

Но на сей раз, всё было по-другому, Джозидая чувствовал это всем сердцем. Это животное, величественная и свободная кошка, не должна попасть в рабство.

- Ты сделаешь из пантеры... - начал было Джозидая.

- Мурки, - поправил Андерс.

- Пантеры, - с напором повторил эльф, не в силах смириться с таким дурацким ярлыком, повешенным на гордое животное. - Ты превратишь пантеру в игрушку, живой инструмент, работающий только по воле своего хозяина.

- А чего ещё ты ожидал? - удивился старый маг. - Что можно придумать лучше?

Джозидая пожал плечами и беспомощно вздохнул. - Независимость, - пробормотал он.

- А тогда какой толк будет в моей работе?

По лицу Джозидая нетрудно было прочесть ответ. Независимый магический спутник будет не так полезен путешественнику в опасной ситуации, но, безусловно, это будет более предпочтительно с точки зрения убиваемого животного.

- Ты зря пошёл в певцы клинков, парень, - поддразнил его Андерс. - Тебе бы учиться на следопыта. У тебя мозги на эту сторону повёрнуты!

- Следопытом? - переспросил эльф, - Как некий Андерс Бельтгарден в прошлом? Старый маг выдохнул долго и устало.

- Ты настолько отрёкся от идеалов своего прежнего дела, променяв их на обманчивый флёр тайн магии?

- Ох, и славный следопыт из тебя бы вышел! - сухо констатировал Андерс.

Джозидая пожал плечами: - Моя нынешняя профессия не так уж отлична, - возразил он.

Андерс мысленно согласился. В глазах Джозидай Старима старик видел отражение себя в молодости, наивного идеалиста. Забавно выходит с этими эльфами, отметил он, что тот, кто вдвое его старше, так похож на него, на треть младше нынешнего.

- И когда ты начнёшь? - спросил Джозидая.

- Начну? - проворчал Андерс, - Парень, я уже начал и работаю над этой тварью последние три недели, и ещё шесть месяцев я потратил на то, чтобы подготовить свитки, порошки, зелья и травы. Нелегкое это было дело. И недешевое, должен сказать! Знаешь, во что мне влетели самые обыкновенные металлические опилки от гномов, достаточно мелкие, чтобы их без опаски можно было добавлять к еде кошки?

Джозидая почувствовал, что не хочет больше продолжать разговор об этом. Ему не хотелось слушать о яде - как он понял слова мага - подсыпаемом этой прекрасной пантере. Он снова взглянул на кошку, в её глубокие, пристальные глаза, разумные сверх всякого понимания.

- Снаружи прекрасный день... - пробормотал эльф, даже не думая, что Андерс улучит минутку на прогулки ради хорошей погоды. - Даже мой упрямый дядюшка Талейсин, лорд-протектор дома Старим, позволил солнцу отогреть его лицо.

Андерс хрюкнул. - И он будет весь день ухмыляться, когда уложит вашего Эльтагрима хуком по морде?

Эта шутка застала Джозидая врасплох, и он не устоял от заразительного хохота Андерса. Талейсин и в самом деле был столь упрям и резок, что Джозидая не особо удивился бы, если, вернувшись в дом Старим, он бы обнаружил, что его дядя поколотил государя Эльтагрима.

- Важное решение принял Эльтагрим, - вдруг Андерс посерьёзней, - И на редкость смелое. Допустив в город другие добрые народы, ваш Государь завертел колесо истории, и теперь его нелегко будет остановить!

- К добру или к худу?

- Одни провидцы знают, - пожал плечами Андерс. - Но выбор его был верным, я уверен, хотя и не без риска. - Маг снова фыркнул, - Какая жалость, ведь даже будь я молодым человеком, мне бы не светило увидеть последствия указа Эльтагрима. Ведь эльфы тянут время медленно. Сколько столетий пройдёт, прежде чем Старим вообще решат, согласны ли они с указом Эльтагрима?

Ещё один смешок вырвался у Джозидай, но он был короток. Андерс говорил о риске, и был совершенно прав. Многие высокие дома, не только Старим, пришли в негодование от иммиграции народов, которые высокомерные эльфы привыкли

считать низшими расами. Были даже несколько смешанных браков между эльфами и людьми, но отпрыски таких союзов становились в Корманторе изгоями.

- Мой народ со временем примет мудрые слова Эльтагрима, - решил эльф наконец.

- Молю, чтобы ты был прав, - откликнулся Андерс, - ведь Кормантору грозят опасности покруче, чем возня заносчивых эльфов.

Джозидая поглядел на него с удивлением.

- Люди, полурослики, гномы, и, главное, дварфы ходят среди эльфов, живут в Корманторе, пробормотал Андерс, - Так с чего бы, думаю я, гоблинам не понравилась мысль, что все их главные враги собрались в одном месте, в один лакомый винегрет?

- Но вместе мы во много раз сильнее, - возразил певец клинков. - Многие волшебники людей превосходят даже наших. Дварфы куют лучшее оружие, а гномы - диковинные машины. А полурослики... ну, даже полурослики - ловкие союзники и опасные противники.

- Я даже не возражаю, - кивнул Андерс, успокаивающе махнув морщинистой рукой, трёхпалой после зубов гоблина. - Я же сказал, Эльтагрим сделал правильный выбор. Но молю я, чтобы внутренние распри поутихли, иначе же, говорю я, внешние проблемы Кормантора удесятятся.

Джозидая кивнул, успокаиваясь. Он не только не спорил с рассуждениями старого Андерса, но в глубине души пиал такие же страхи. Если все добрые расы сольются под единой крышей, то и племена гоблиноидов соберутся в стаи большие, чем когда-либо прежде. Если бы пёстрый народ Кормантора стоял друг за друга, находя силу в своей разнообразии, то любая орда гоблиноидов была бы отброшена прочь. Но если нации Кормантора не найдут пути к такому единству...

Джозидая вытеснил мысль из сознания, отложил на другой день, какой-нибудь дождливый и туманный. Он снова взглянул на пантеру и вздохнул с ещё большей печалью, чувствуя себя беспомощным. - Обращайся с кошкой хорошо, Андерс Бельтгарден, - сказал он, и был уверен, что бывший следопыт так и сделает.

А потом Джозидая ушёл, неторопливо направившись обратно в эльфийский город. Он снова увидел Фелисити на балконе, одетую в тонкое шёлковое платье и призывно улыбающуюся, но лишь махнул ей рукой. Ему вдруг резко расхотелось играть с ней.

Много раз в следующие недели Джозидая возвращался в башню Андерса и молча сидел у клетки, общаясь взглядами с пантерой, пока маг возился за работой.

- Когда закончу - она твоя! - объявил вдруг Андерс, когда весна повернула к лету.

Джозидая непонимающе воззрился на старика.

- Кошка, говорю, - повторил Андерс, - Мурка будет твоей, когда я закончу работу.

Голубые глаза Джозидаи распахнулись в испуге, но Андерс принял его взгляд за невысказанный восторг.

- Мне от неё мало толку, - объяснил маг, - Я теперь мало странствую, не выхожу за дверь, и, по правде, вряд ли протяну ещё больше, чем пару зим. Так кто больше заслуживает моё лучшее творение, я спрашиваю? Джозидая Старим, мой лучший друг, который мог бы быть славным следопытом!

- Я не могу принять это, - неожиданно резко ответил Джозидая.

Андерс выпучил глаза в изумлении.

- Я буду всегда помнить, какой кошка была прежде, - сказал эльф, - и какой она должна быть. Каждый раз, когда я буду вызывать её порабощённое тело, каждый раз, когда это величественное создание будет сидеть, ожидая моих приказов, которые лишь одни способны вдохнуть в неё жизнь и движение, я буду понимать, что преступил свои права смертного. Что я играю в бога с кем-то, кто не заслуживает моих дурацких притязаний.

- Это же просто животное! - возмутился Андерс.

Джозидая мысленно порадовался, что смог задеть чувства старого мага. Эльф знал, что старик слишком чувствителен для такого поворота событий.

- Нет, - повторил эльф, отвернувшись, чтобы глядеть в бездонные, понимающие глаза пантеры. - Не эта. - Он замолчал, а Андерс, протестующе пыхтя, продолжил свою работу, оставив эльфа сидеть и безмолвно делиться своими мыслями с пантерой.

Эта ночь была для Джозидая Старима абсолютной пыткой. Андерс должен был закончить работу, прежде чем зайдёт луна, и огромная пантера будет принесена в жертву предмету, магическому инструменту. Певец клинков покинул Кормантор, не слушая разговоров об опасности прогулок вне города по ночам: гоблины и более крупные враги, по слухам, слонялись в лесу.

Джозидая было наплевать на это и собственную безопасность. Не его судьба была на грани в тот раз, но пантеры.

Он думал сходить еще раз к Андерсу, последний раз попытаться отговорить старика от его планов, но певец клинков отбросил эту мысль. Ему не понять людей, решил он, и он потерял часть своей веры в них (и в решение Эльтагрима) после того, что он счел глупостью Андерса. Этот маг прежде был следопытом, и был ближе к эльфийским идеалам, нежели любой другой из его грубой расы. Он должен был знать и понимать больше. Он не должен был приносить в жертву своей магии такое чудесное и разумное животное, как эта пантера!

Джозидая прошел через лес, вышел на опушку в сиянии мириад звезд, сияющих в споре с заходящей полной луной. Он достиг голого холма, взобрался по его склону сквозь густые заросли травы на самую вершину, в свое любимое место для размышлений.

Теперь он просто стоял и глядел вверх на звезды, мысленно уносясь к великим тайнам мироздания и небес, неведомых никому. В такие минуты он чувствовал себя смертным, как будто отмеренные ему столетия пролетят как короткий вздох в вечном круговороте вселенной. И этот вздох будет куда длиннее, чем оставшаяся жизнь пантеры - если она вообще еще жива.

Короткий треск у подножия холма насторожил эльфа, вырвал его из размышлений. Он подошел к склону и вперился вниз, дав своему зрению перейти в инфракрасный спектр. Источники тепла двигались сквозь заросли, вдоль всего подножия холма. Джозидая узнал их. Он не удивился, когда лес вокруг извергся

стоями бешено вопящих орков. Размахивая оружием и крича, они полезли вверх по холму к одинокому эльфу, который казался такой лёгкой добычей.

Передние ряды орков уже были на самом гребне холма, так близко, что Джозидая мог видеть блестящие нитки слюны, свисающие с их губ - когда эльф выпустил свой огненный шар! Потоки пламени охватили весь склон холма, превращая орков в угли. Это заклинание было знаком отчаяния, Джозидая не должен был творить огонь посреди живого леса, но у него оставалось мало выбора. Даже когда первые ряды орков пали, объятые пламенем, корчащиеся, умирающие, их сменили вторые. А за ними третья группа бешено бросилась на него с другой стороны холма.

Мечи-близнецы вынырнули из ножен и встали на изготовку. «Пламя очистит!» - воскликнул эльф, вызывая силу клинков. Зеленое пламя лизнуло металл, замутнив грациозную соразмерность близнецов.

Двое ближайших орков, чудом избежавших пламени минуту назад, отпрянули при виде пылающих мечей и, пусть на мгновение, замешкались в обороне.

Этого было достаточно для Джозидая: левый клинок пробил одному глотку, правый вошел глубоко в грудь второго.

Эльф развернулся, отразив бросок копья, уклонился от второго, третье раздробил яростным ударом. Он завертелся волчком и ринулся на другую сторону холма. Здесь он врубился в троих наступающих монстров, которые еще не успели подготовиться к защите. Первый пал со смертельной раной, другой потерял полруки от смертоносного взмаха. Но тут же на Джозидая напали со всех сторон, орки тыкали его длинными пиками, пытались рубануть короткими мечами.

Он не мог отразить их все, только отбивался, как мог, пока его губы шептали новое заклятие. Копье вонзилось ему в бок, едва не выбив из надлежащей концентрации. Только эльфийская кольчуга спасла ему жизнь. Эльф закончил заклинание, сложив вместе рукояти мечей, и выплюнул завершающее слово. Его мечи резко поднялись, большие пальцы его рук соприкоснулись, и взрыв пламени разлетелся от него веером.

Не задерживаясь даже посмотреть на эффект своих трудов, Джозидая снова завертелся, его мечи кромсали спереди и сзади. Своим неистовым напором певец клинков смял ряды орков и завоевал себе шанс пробиться наружу. Адреналин пылал в венах, заставляя двигаться всё быстрее, плясать, рубить с невиданной прежде яростью. Он снова подумал о пантере, о ее незаслуженной участи, и заставил себя обвинить бедных орков в этом.

Еще один покойник пал, другой - на него, а многие просто откатились с холма, не дожидаясь своей очереди под мельницей рук столь могучего воина.

Вскоре вокруг Джозидая всё стихло. Лишь горстка орков осталась перед ним, и та держалась вне досягаемости. Но было что-то еще, как почувствовал эльф. Какое-то большее зло, какая-то сила, придававшая оркам уверенности, даже когда более трех десятков их сородичей лежали у его ног убитыми и ранеными.

Дыхание эльфа дрогнуло, когда новые враги вышли на поляну. Джозидая понял свою ошибку. Он мог победить десяток орков, два десятка, полсотни, даже потратив все свои заклинания, но эти трое были не орки.

Это были великаны.

Кошка беспокойно расхаживала по клетке и рычала. Андерс задумался, уж не догадывается ли киска, что это ее последняя ночь в качестве смертного создания? Мысль, что она может это понимать, потрясла старого мага, заставила его еще раз вспомнить все возражение Джозидаи против трансформации.

Пантера взревела и швырнула себя на дверь клетки, отлетев, снова начала нарезать круги, глухо рыча.

- Ты чего это? - подивился старый чародей, но кошка только взревела вновь, яростно, отчаянно. Андерс огляделся вокруг: что могла знать кошка? Что вообще происходит?

Пантера снова бросилась на дверцу с грохотом, и снова ее отшвырнуло. Андерс покачал головой в смущении - такой он пантеру еще не видел ни разу.

- Провались ты в Девять Кругов Ада, эльф, - проворчал волшебник, жалея, что показал Мурку Джозидае, прежде чем трансформация совершилась. Он глубоко вдохнул, прикрикнул на кошку и извлек из глубин мантии тонкую палочку.

- Это не больно, - пообещал Андерс извиняющимся тоном. Он произнес команду, зеленоватый луч вырвался из навершия жезла и врезался в пантеру. Кошка перестала расхаживать, остановилась и замерла, замороженная магией жезла. Взяв фигурку и ритуальный нож, Андерс открыл дверь клетки.

Он никогда не думал, что это будет так легко. Он стоял сбоку от кошки, статуэтка в его руке, нож медленно тянется к горлу животного. Но Андерс колебался.

- Неужели я и вправду пытаюсь играть роль бога? - спросил он вслух. Он заглянул в эти бездонные, мудрые глаза, подумал о Джозидае, который был так похож на следопыта, похож на Андерса, прежде чем тот ступил на дороги магии.

А затем он опустил глаза на нож в своей руке, руке следопыта, готовой оборвать жизнь чудеснейшего из творений.

- Да чтоб тебя черти драли, эльф! - выкрикнул маг и отшвырнул нож в угол клетки. Затем он приступил к заклинанию, которое вырвалось из его губ без рассудочной мысли. Он много месяцев не использовал этого заклятия, а тут оно само всплыло в его мозгу; как - Андерс не мог понять. Он ворожил его со всей силой, и все двери в его лаборатории, дверцы шкафов, в коридоре, двери по всей башне широко распахнулись.

Старик отошел к краю клетки и осел на корточки. Кошка уже переминалась с ноги на ногу - даже могущественная магия жезла не могла долго удержать такое создание. Андерс снова вцепился в палочку, раздумывая, не понадобится ли она ему теперь для спасения собственной жизни.

Кошка резво трянула головой и сделала осторожный, пробный шаг, проверяя, вернулась ли чувствительность к её мышцам. Андерса она окинула косым взглядом.

Старик отложил жезл в сторону.

- Я с тобой в бога играл, Мурка, - прошептал он, - Ну так теперь твой ход.

Но пантеру занимали другие мысли, она не уделила волшебнику ни уголка в них. Словно выпущенная стрела она ринулась прочь из клетки, вниз, в холл и прочь из башни. Она давно уже убежала, когда Андерс добрался, наконец, до дверей башни.

Так он стоял в ночи, размышляя обо всем потраченном им впустую времени и золоте.

- Нет, не впустую, - признался себе Андерс, вспоминая урок, который он только что получил. Он слабо улыбнулся и собрался было идти обратно в башню, как вдруг заметил вспышку пламени, поднимающуюся грибом над вершиной холма на севере. Место, которое Андерсу было слишком хорошо знакомо.

- Джозидая! - выдохнул он. Не без оснований, этот холм был любимым местом прогулок Джозидая. Как раз таким, куда эльф мог бы пойти такой ночью.

Проклиная себя, что не подготовил достаточно боевых заклинаний, старик нырнул обратно в башню, судорожно собирая свои инструменты.

Его последним шансом была скорость - пробиться стрелой, не дать врагам угнаться за ним. Но даже такая тактика могла лишь отсрочить неизбежное. Он бросился влево, но вынужден был снова обернуться, чувствуя преследователей прямо за своей спиной. Осадив их коротким взмахом клинков, Джозидая развернулся и снова бросился влево. Нетрудно догадаться, его снова задержали. На сей раз, эльф не просто отмахнулся, но, продолжая бежать задом, сделал выпад и всадил клинок прямо в брюхо преследующего орка.

Его угрюмое удовлетворение, когда дохлая тварь сползла с его клинка, а остальные бросились вновь врассыпную, не могло помочь ему, когда Джозидая заметил приближение троих великанов. Пятнадцатифутовые гуманоиды хладнокровно помахивали своими шипастыми дубинами, каждая размером с самого эльфа.

Джозидая перебирал оставшиеся заклинания, лихорадочно пытаясь найти способ повернуть ситуацию в свою пользу. Бесполезно: ему придется биться одними мечами с тремя гигантами, слаженно наступавшими на него. Ему эта идея совсем не понравилась.

Он отскочил вправо, уходя от замаха дубины, затем отступил назад, подальше от второго великана. Первый нападавший открылся, и эльф попытался достать его, пока тот не поднял снова свое тяжелое оружие. У него был бы шанс, если бы не третий великан, который заставил его покатиться по земле, уворачиваясь от тяжелого удара.

«Надо заставить их работать друг против друга», - мелькнула мысль. «Чтобы они запутались своими длинными лапами».

Он поднял меч над головой и закричал, бросаясь на ближайшую тварь. Затем пригнулся, проходя под поднявшейся для защиты дубиной, и сделал кувырок вперед. Поднявшись на ноги, он снова бросился вперед, прямо меж широких ног монстра. Первый меч ударил вверх, второй вбок, и Джозидая выбежал из-под великана, встретив удар его коллеги блоком обоих мечей, с трудом приняв и направив могучую дубину в сторону и вниз.

Руки Джозидая онемели от тяжести удара, и он не смог контратаковать. Уголком глаза он заметил движение третьего великана и понял, что его

безрассудная атака на первого монстра поставила его в невыгодное положение. Он отскочил в сторону, сделал еще один кувырок и увидел, как поднимается дубина.

Но этот великан был умней, он придержал удар и приблизился еще на один широкий шаг. Джозидая перекатился второй раз, и третий, но не мог уйти от дубины. Не на этот раз.

Великан взревел. Дубина снова поднялась, высоко за его головой, и Джозидая начал снова катиться вбок, но остановился, изумленный, когда огромное черное копьё - копьё? - пролетело у него над головой.

Нет, не копьё, понял певец клинков. Это была пантера, Мурка старого мага! Она грузно приземлилась на грудь великана, намертво впившись в нее когтями, челюсти щелкнули у самого лица ошеломленного чудовища. Страшила отпрянул назад, теряя равновесие, и пал наземь. Пантера оставалась на его груди до самой земли.

Кошка была слишком близко для его ударов, посему великан отпустил дубину и попытался просто стащить с себя несносное животное. Но передние лапы пантеры держали мертвой хваткой, а задние начали яростно загребать, разрывая тунику гиганта из медвежьей шкуры - и его собственную шкуру под ней!

У Джозидая не было ни мгновения, чтобы спросить - как? откуда? - или что-то еще. Он снова вскочил на ноги, а третий великан уже приближался. Да и раненный второй, пошатываясь, присоединился к нему. Певец клинков бросился вбок, стараясь, чтобы один гигант заслонял другого, чтобы драться в каждый момент только с одним из них. Он поднырнул под рубящий удар, снова пригнулся, когда дубина просвистела в обратном направлении, перепрыгнул, поджав ноги, когда великан попытался сбить его в третий раз, на сей раз предсказуемо понизу. А раз великан бил так низко, значит, он должен был пригнуться ниже к земле. Джозидая приземлился на бегу, бросился вперед, оказавшись снова в пределах досягаемости дубины, и ужалил монстра в лицо раз, и два. Тот охнул и упал навзничь. А его спутник уже ковылял следом, сжимая одной рукой дубину, а другой - окровавленный пах.

Неожиданно молния ударила в склон холма, ослепив эльфа и великана. Но Джозидая не нужны были глаза, чтобы драться. Он бросился вперед, разя вслепую.

Рука великана обхватила пантеру, но ловкая кошка вывернулась, по пути откусив громиле три пальца. У страшилища больше не осталось планов раздавить своего врага. Он лишь отмахнулся другой рукой, сбросив кошку со своей груди. Великан перекатился, шаря рукой в поисках дубины. Он знал: нужно подняться на ноги, прежде чем кошка вернется.

Пантера не оставила ему шанса: ее лапы ударились оземь одновременно, когти намертво врезались в грунт, каждый мускул напрягся, сохраняя баланс ее тела. Торф взвился из-под ее когтей, когда кошка взвилась винтом и обрушилась на голову поднимающегося великана, царапая, кусаясь и терзая.

Страшилище взвыло в агонии и снова бросило дубину. Его кулаки обрушились на пантеру, нанося тяжелейшие удары. Но кошка не отступала: огромные клыки

пробивали глубокие дыры в плоти чудища, могучие когти стирали черты с гигантского лица.

Джозидая неся на своего первого противника. Великан истекал кровью из множества ран, но был далеко еще не готов. Его спутник шел рядом с ним плечом к плечу.

И тут еще одна тень пересекла гребень холма - сгорбленная фигурка человека. Второй великан повернулся лицом к новому противнику.

- Долго ты добирался сюда, - саркастически заметил эльф.

- Так орки же в лесу, - оправдался Андерс. - Вот ведь крысы, а?

В руках у старика не было никакого видимого оружия, так что великан направился к нему без страха, помахивая дубиной в обеих руках. Андерс не обращал на него ни малейшего внимания, сосредоточившись на словах своего следующего заклинания.

Свистнула дубина, и Джозидая едва не вскрикнул, думая, что Андерс сейчас пролетит милью от гребня холма.

Но великан мог бы с тем же успехом колотить скалу. Дубина тяжело обрушилась на плечо Андерса - и просто отскочила. Волшебник не моргнул и глазом, не остановив работу над заклятием ни на секунду.

- Ох, как же я люблю этот фокус! - пробормотал маг, улучив момент между согласными новой формулы.

- Каменная кожа! - догадался Джозидая, - Научишь меня этому?

- И вот этой штуке тоже, - рассмеялся Андерс. Его заклятие подошло к кульминации, он выбросил руки вперед и вниз, к ногам великана. И тут земля яростно полетела вверх, как будто дюжина великанов с огромными лопатами ускоренно копали на этом месте. Когда это закончилось, великан стоял в глубокой яме, его глаза были на уровне глаз волшебника.

- Вот так-то почестнее, - заметил Андерс.

Гигант взвыл и попытался замахнуться дубиной, но обнаружил, что яма слишком узка, чтобы поднять оружие. Тем временем, волшебник приступил к еще одному заклинанию, протягивая руки к монстру. Он поднес указательный палец к глазам великана и согнул его, показывая сияющий перстень.

Не сумев вытащить свою дубину из узкой ловушки, великан импровизировал. Он вытянул шею и вцепился зубами в протянутую руку чародея.

И снова Андерс с трудом закончил чтение. Великан заревел во весь голос, потеряв один зуб от отдачи волшебной брони.

Андерс выбросил руки вперед, держа кольцо примерно в дюйме от распахнутой пасти монстра, и выпустил магию перстня. Из его руки вырвались шаровые молнии, прямо в разинутый рот, подсветив изнутри голову чудовища.

- Та-дам! - пропел старый маг, делая шуточный реверанс и разводя руки с поднятыми пальцами в стороны. Великан безвольной кучей оседал в дыру.

- И могилу рыть не надо! - похвастался Андерс.

Последний великан видел все слишком хорошо и уже удирал вниз по склону холма, но Джозидая не собирался так легко его отпускать. Певец клинков бросился в погоню, на бегу извлекая мечи из ножен. Он дал великану спуститься пониже с холма, и когда здоровенный нос чудовища поравнялся с ним, он прыгнул. Вцепившись в нос со всей силы, другой рукой он направил меч глубоко в глотку монстра. Великан попытался схватить своего противника, но начал задыхаться, споткнулся, упал на колени и скатился с холма. Рука Джозидая работала взад и вперед, расширяя рану, разрывая артерии и дыхательное горло громаы. Он отпустил монстра, когда тот рухнул ничком, и встал у него на спине. Тот был еще жив, еще хрипло дышал, но Джозидая знал: рана была смертельна. Он развернулся и пошел обратно на вершину холма.

Самодовольная ухмылка Андерса испарилась, едва он увидел избитую пантеру. Кошка хорошо выполнила свою работу - великан плавал в луже собственной крови - но и ей досталось. Она лежала рядом в неестественной позе, хриплое дыхание с трудом вырывалось из ее сломанных ребер и хребта.

Андерс подбежал к пантере, мгновение спустя рядом был и Джозидая.

- Сделай что-нибудь! - умолял эльф.

- Ничего тут не поделаешь, - вздохнул Андерс.

- Верни кошку обратно в статуэтку, - напомнил Джозидая, - Она будет снова целой, когда ее вызовешь.

Андерс повернулся к эльфу и схватил его за воротник туники. - Я не закончил превращение, понял? - выкрикнул он.

Только тут это полностью дошло до старого мага. Почему пантера рвалась сюда? Почему это дикое, свободное животное хотело помочь эльфу?

- Я даже и не начал... - сказал он уже спокойнее, отпуская эльфа. - Я просто отпустил ее...

Джозидая перевел изумленный взгляд с Андерса на пантеру. Вопрос, который не решались произнести ни маг, ни эльф, застыл в их глазах.

- Надо отнести ее назад в мою башню, - наконец сказал Андерс.

Джозидая не переменял мрачной гримасы. Каким чудом они могли протащить эти шесть сотен фунтов живой плоти через весь путь до башни?

Но у Андерса, как всегда, был свой ответ. Он вытащил черный вельветовый платок и развернул его в несколько раз, пока на вершине холма не получился круг черноты диаметром в несколько футов. Затем волшебник приподнял край платка и бережно подложил его под зад пантеры.

Джозидая не верил своим глазам - хвост кошки растворился в платке!

- Приподними-ка ее, пока я просуну эту штуку снизу, - попросил Андерс. Джозидая послушался, приподняв кошку на дюйм, а маг протащил под ней черное покрывало. В следующий миг пантера растворилась в его черноте.

- Межпространственная дыра, - пояснил Андерс, продолжая натягивать его, чтобы укрыть голову кошки. Затем он сложил платок обратно и бережно засунул его в глубину своих карманов. - Милая девочка, правда? - сказал он. - Ну, может, не для великанов.

- Чудесные игрушки у тебя, чародей, - восхитился Джозидая.

- Портит весь вкус от приключений, - подмигнул ему Андерс. - Никогда не пользуйся!

Их шутовское настроение сошло на нет, когда двое подошли обратно к дому Бельтгардена. Что они могли дать кошке, кроме как облегчить ее смерть?

Андерс раскрыл свою переносную дыру и нежно начал перекладывать пантеру на пол. Неожиданно он остановился. Джозидая вздрогнул, осознавая, что слышит уже последнее дыхание кошки.

- Может быть, я еще успею закончить трансформацию в фигурку... - решил Андерс. Он с сочувствием взглянул на Джозидая. - Выйди, - велел он, - мне надо убить кошку быстро и безболезненно.

Джозидая покачал головой, решив наблюдать за процессом до конца, до самой смерти чудеснейшей из кошачьих, мудрой пантеры, которая пришла без зова спасти ему жизнь. Как эльф мог объяснить, что за узы связали его с кошкой? Не приготовления ли Андерса вызвали у пантеры верность к нему, зародив зачатки рабского подчинения, на которое будет обречена?

Джозидая заглянул в глаза животного и понял, что неправ. Случилось нечто иное, нечто более высокое, лишь ускоренное воздействием Андерса.

Андерс торопливо извлек фигурку и поставил рядом с умирающей пантерой. - Держи статуэтку, - велел он Джозидая.

- Я не могу... - ответил певец клинков. Он не смог бы видеть пантеру униженной, не мог принять ее в качестве своей рабыни.

Андерс не стал спорить - времени уже не оставалось. Он вылил колдовское масло на голову кошки, помавая руками, затем положил ладонь на глаза пантеры.

- Я нарекаю тебя Муркой... - начал он, протянув кинжал к горлу животного.

- Нет! - воскликнул Джозидая, подбегая к магу. Он схватил его за руку и оттащил лезвие от горла. - Только не Мурка, что угодно!

Джозидая вгляделся в бездонные желто-зеленые глаза пантеры, сияющие спокойствием, несмотря на смерть, приближавшуюся с каждым вздохом. Он рассмотрел это животное, своего молчаливого, прекрасного друга. - Тень, - произнес он, - Нет, не Тень... - он снова удержал кинжал. - Слово для тени из языка высших эльфов... - Он смотрел в глаза кошки, ища подтверждения. Он не выбирал это имя, он просто понял: это и было настоящее имя пантеры всегда.

- Гвенвивар...

И как только он произнес это слово, сверкнула черная молния, словно теневое отражение шаровых молний Андерса. Серый туман заполнил лабораторию, растворив сперва черный платок, а затем и саму пантеру, в пустоте.

Андерс и Джозидая повалились навзничь, бок о бок. На мгновение им обоим показалось, что пустота перечеркнула залу, словно разрыв в ткани Вселенной, самой плоти Планов Бытия. Но затем все исчезло - пантера, дырка, разлом, и осталась только ониксовая статуэтка.

- Что ты сделал? - набросился Джозидая на мага.

- Я сделал? - возмущился Андерс. - Ты сам-то что сделал!

Джозидая медленно, осторожно приблизился к статуэтке. Взяв ее в руки, он оглянулся на Андерса, который одобряюще кивнул.

- Гвенвивар, - неуверенно позвал эльф.

Мгновение спустя серый туман окутал эльфа и все вокруг, клубы его медленно слагались в силуэт пантеры. Она уже легче дышала, как будто ее раны заживали с удивительной быстротой. Кошка подняла глаза на Джозидая, и дыхание замерло в груди эльфа от глубины и мудрости этого взгляда.

Это была не рабыня, не магическая игрушка, не инструмент. Это была пантера, та самая, чудесная пантера!

- Как ты это сделал? - спросил эльф.

- Понятия не имею, - признался Андерс. - Я даже не знаю, что такое я, тобишь мы, проделали сейчас со статуэткой. Смотри: статуэтка должна превращаться в животное. А здесь что: кошка тут, и статуэтка никуда не делась! - Старый маг засмеялся, поймав взгляд эльфа. - Отправь ее обратно подлечиться, - велел он.

- Джозидая взглянул на кошку. - Иди, Гвенвивар, но я еще призову тебя вновь. Я обещаю...

Пантера заворчала, но в ее голосе не было раздражения. Она снова медленно, плавно начала таять, превращаясь в серый дымок.

- Вот в чем прелесть магии! - провозгласил Андерс. - Это тайны и загадки! Да ведь лучшие маги в Королевствах не нашли бы этому объяснения, мой мальчик! То ли все мои приготовления, то ли магия дырки - эх, славная была дырочка! - а может, и все вместе. Прелесть загадки, закончил он, - Ну хорошо, дай-ка мне ее... - Он протянул руку к статуэтке, но Джозидая лишь вцепился крепче в нее.

- Ну уж нет, - улыбнулся эльф, и Андерс мог лишь улыбнуться в ответ.

- Ну ладно, - маг не был ни капельки удивлен, - Но ты должен оплатить мне потерю дырки, времени, и сил!

- С радостью, - ответил эльф. Сжимая статуэтку, ключ к его драгоценной Гвенвивар, которая, Джозидая знал, станет ему самым верным спутником до конца дней, он понял, что это стоит дороже любого золота.

ДЫМНЫЙ ПОРОХ И ОТРАЖЕНИЯ

Джефф Грабб

Поразмыслив, Джахан Уондс понял, почему многие приключения начинаются в тавернах. Там есть всё, что нужно – сочетание шума, толкотни, смелых высказываний и эля в должных количествах – чтобы убедить, в общем-то, разумных людей делать неразумные вещи, например, отправляться в поиски и убивать драконов. Таверна – единственное место, где можно найти всё это сразу.

«Ухмыляющийся лев» как раз и являлся таким местом, расположенным в северных, обеспеченных кварталах Уотердипа, Города Роскоши, жемчужины севера, драгоценности Сияющего моря. Это был не какой-то портовый кабачок или притон

авантюристов, но солидное, хорошо освещенное заведение, часто посещаемое местными и молодняком из знатных семейств города. Здесь личности из числа тех, кто в ужасе убрался бы из «Кровавого Кулака» или «Улыбки Селуны», могли пропустить стаканчик-другой в компании людей схожего статуса.

Здесь не было пропитанных дорожной пылью жителей Долин, Красных Волшебников или дворфов с топорами. Большинство была местная молодёжь в разных степенях опьянения и небольшое число состоятельных торговцев, лебезящих перед ещё более состоятельными семьями. В одном из углов оживленно метали дротики; во втором расположились любители талиса, игры с высокими ставками; третий был занят мужчиной средних лет, рассказывавшим толпе юных слушателей «Истории Воло».

В последнем углу стоял стол, за которым тихо сидели трое молодых учеников магов. Это были новички, едва выучившие первые заклинания и ещё выполнявшие неблагодарные обязанности, характерные для подмастерьев – чистку котлов, беготню по мелким поручениям, подношение компонентов для заклинаний, подметание полов в комнате для призыва и прочие ненавистные обязанности, какими только захотят нагрузить их наставники. Как и представители любого другого ремесла, они использовали эту временную свободу, чтобы пожаловаться друг другу на своих учителей, от которых они только что отлучились.

– Даже с фамильярами обращаются лучше, чем с нами, – сказал Джехан Уондс. Он был самым высоким из троицы, юноша с темными волосами, собранными в хвост, и золотой серьгой в ухе (которую он носил только когда его наставника, Маскара Уондса, по совместительству его двоюродного деда, не было рядом).

Его друг Антон, рыжеволосый паренёк, одобрительно хрюкнул:

– Да что там фамильяры – встречал я компоненты заклятий, с которыми обращаются бережнее, чем с учениками. Неужели эти старые пни не помнят, что тоже были молодыми?

– Думаю, помнят, – ответил Джеральд, мрачный долговязый блондин с короткой стрижкой. – И поэтому обращаются с помощниками так же плохо, как когда-то обращались с ними.

Предположительно, Джеральд был знакомым Антона, но Джехан пересекался с ним лишь пару раз за последние несколько месяцев.

– Мне-то достаётся в два раза больше, – произнёс Джехан, – ведь я работаю на главу семейства собственной персоной. Он настолько стар, что получил от нас прозвище Муми-Маскар. Такой же забальзамированный и ссохшийся. Стоит мне допустить хотя бы малейшую ошибку, как он требует от моего отца провести воспитательную работу, и сразу начинается одна из бесед «твоя мать и я крайне разочарованы тобой». Я слышал, он любит превращать подмастерьев в лягушек и тритонов – это было бы намного лучше, чем выслушивать очередную проповедь.

– Хех. Тогда мне приходится в три раза хуже, – не уступал ему Антон. – Мой наставник утверждает, что был учеником самого Эльминстера. У него через слово «Эльминстер то, Эльминстер это» да «Вот когда я был в твоём возрасте и работал на Эльминстера...». Я не думаю, что он бывал западнее хотя бы Крысиных Холмов, но он никогда не услышит от меня этих слов. Не хочу быть лягушкой.

Джеральд покачал головой.

– Да я должен жаловаться в четыре раза больше, чем вы! Я на услужении у великого и могучего Хелбена «Черного Посоха» Эрансана, так он просто сумасброд, холодный, подозрительный и непередаваемо жестокий. Он участвовал во множестве заговоров и если уловит хотя бы намёк, допустит хотя бы тень мысли о том, что ты представляешь опасность для Уотердипа в любом виде — пшик! – блондин схватился за лоб, растопырив пальцы. – Он запустит в тебя заклятие скудоумия и спалит твои мозги.

– Ну хотя бы у тебя там рядом Лаэраль, любимица Хелбена. Я слышал, на неё весьма приятно смотреть, – вставил Антон.

Джеральд фыркнул:

– Ты думаешь ей есть дело до какого-то послушника? Нет, она боготворит саму землю, над которой полевитировал Хелбен.

Он попытался сделать глоток для большего эффекта, но, обнаружив, что кружка пуста, заказал ещё одну.

– Готов поспорить, он ничего не говорит твоим родителям про тебя, – сказал Джехан. – И ты не должен жить так, чтобы соответствовать стандартам семьи. Как бы мне хотелось, чтобы старый Маскар хотя бы раз отнёсся ко мне как к разумному существу, а не как к младшему отпрыску своего племянника. Но он думает, что все в городе лишь низшая форма жизни, особенно его студенты.

Джеральд согласно кивнул.

– А другие маги едва стоят их упоминания. Хелбен зовёт твоего наставника Старым Реликтом.

– А твой напоминает мне скунса, с этой его белой прядью в бороде. Я слышал, мой учитель зовёт его Старым Пауком.

Белобрысый сверкнул зубами в озорной усмешке, первой за вечер.

– Да его все так зовут, и, по-моему, ему это нравится. Черный Посох и другие именитые маги упиваются иллюзией своей силы и закутаны в неё, словно в подбитый мехом плащ. Запугивание помощников – часть образа. В качестве бонуса.

– Это не было бы такой проблемой, – отозвался Антон, – если бы они хотя бы прислушивались к свежим идеям.

– О нет, даже не начинай об этом, – ответил Джехан, собираясь сделать именно это. Эта тема была любимейшей у молодого волшебника, в том числе и потому, что раскрывала недостатки старших чародеев. – Они и так параноики из-за того, что им приходится доверять такие силы рукам неопытных щенят наподобие нас. Новая магия недоступна их старым мозгам, поэтому она пугает их.

– Что ещё за новая магия? – поинтересовался Джеральд.

– Ты ведь слышал про Мацтику, так? Страну, что по ту сторону Сияющего Моря? – отозвался Джехан. Его собеседник кивнул. – У них там совершенно другой вид магии, что-то с использованием перьев и клыков. Мацтиканы используют её чтобы двигать воду по трубам, как водопровод. Только представь, сколько пользы такая система принесла бы Уотердипу. Я пробовал спросить старика Маскара, что он об этом думает, и получил лекцию на тему «сначала выучи основы, а уже потом увлекайся непроверенными чарами». Непроверенными! Где-то там есть целая культура, способная изменить наш мир, а он отворачивается от неё.

– Да, а ещё все вокруг печатают при помощи деревянных блоков с буквами, - подтвердил Антон, - но только мы всё так же пишем заклинания от руки.

И снова Джеральд кивнул:

– И оружейные технологии все ещё на том же уровне, который был в те времена, когда эльфы покинули Миф Драннор, словно и не было никаких улучшений за последнюю тысячу лет.

– Ты ведь сейчас про дымный порох? - спросил Джехан.

Антон неуютно заёрзал на своём стуле, однако Джеральд с готовностью кивнул:

– Существует много разных штук, но да, я говорю о дымном порохе, самой больной мозоли Черного Посоха.

Джехан рассмеялся.

– Мозоли? Ходят слухи, что Старый Паук становится абсолютно невменяем, стоит кому-нибудь упоминать про порох. Он взрывает его везде, где находит, и полгорода в придачу. Говорят, этот порошок приходит с других планет или с других планов.

Антон хмыкнул в кружку.

– Должен признаться, мне не очень нравится разговаривать о таких вещах. Я слышал, дымный порох опасен.

Джехан помотал головой. «Антон бывает чересчур осторожным временами», - напомнил он себе.

– Не беспокойся. Не похоже, чтобы Паук подслушивал нас, так и выжидая, когда же мы решимся на что-нибудь предательское с этим порошком. Ведь по сути, что это? Просто магическая смесь, взрывающаяся при контакте с огнём. Дальше к югу уже даже делают аркебузы, использующие силу взрыва для метания снарядов, и пушки, стреляющие укреплёнными железом каменными ядрами.

Антон пожал плечами, пытаясь напустить на себя беспечный вид.

– Значит эта штука делает большой бабах. Разве у нас недостаточно заклинаний, делающих большой бабах, которые можно изучить?

Внезапно вмешался Джеральд:

– Но ведь заклинания для заклинателей. А дымный порох, как и печатание, может дать сравнимые возможности остальным людям, а?

– В точку, - подтвердил Джехан, всё более охотно интересуясь объектом беседы, в то время как последняя кружка эля всё более охотно согревала его нутро. – Но все эти Старые Гончие города, в том числе Муми-Маскар и скунсобородый Паук, не видят этого, да и не увидят, пока не станет слишком поздно. Тот факт, что они ограждают нас от слишком большого знания этих вещей, не означает, что другие этому не научатся. Но нет, они застряли в своём мирке под названием Огненные Шары и Удары Молнии, и ничто не способно их переубедить.

Антон пробормотал что-то про пиво, просящееся на выход, поднялся и, пошатываясь, направился прочь. Остальные двое не обратили на его исчезновение никакого внимания.

– Так значит ты не думаешь, что мы, маги, окажемся не у дел, если дымный порох будет просто лежать тут и там, доступный любому желающему? - спросил Джеральд.

Джехан ответил смешком:

– Не больше, чем мы окажемся не у дел, когда всё больше людей смогут читать. Маги всё ещё нужны, чтобы делать... всякое. Не говоря уже о том, что они пригодятся, чтобы сделать дымный порох безопаснее и улучшить оружие, использующее его. У аркебуз есть одна большая проблема – они иногда взрываются. Волшебник может усилить чашу для снарядов, либо улучшить точность и дальность. Это целый мир возможностей, но Старые Гончие, при всей их мощи, не осознают этого, и тянут в темноту неведения молодые поколения.

К тому моменту, как Антон вернулся, Джеральд и Джехан уже перешли к другим идеям – лодкам на големной тяге и механическим заводным фамильярам, которых Старая Гвардия либо игнорировала, либо неистово уничтожала. Трое друзей утвердились во мнении: проблема была в том, что раз старые маги контролируют, какое знание следует передавать, они же контролируют и прогресс (вернее, его отсутствие) в магическом искусстве.

После этого Джеральд покинул компанию, объяснив, что ему нужно вернуться в башню Черного Посоха, иначе Старый Паук пошлёт за ним адских гончих. Антон заказал последнюю порцию выпивки, и разговор переключился на другие темы, например, предполагаемую доступность сестёр Фибиночи. Затем и Антону пора было уходить, поскольку его наставник собирался варить нечто ядовитое на восходе, и ему нужны были абсолютно чистые котлы.

Джехан поболтал остатками эля в своей кружке, размышляя, какими же закостеневшими стали старые колдуны. И, поскольку они все были старше даже гор Холодного Хребта, они ограждали всех остальных от изучения новых вещей. Предполагалось, что они должны являться источниками знания, но на самом деле лишь стояли на пути прогресса. Джехан преисполнился уверенности, что, когда он получит величественный и почитаемый титул полноправного мага, он никогда не будет мешать свежим идеям, как его дед Маскар, или Хелбен, или прочие стариканы. Ну а пока он должен мести полы, изучать всё, что только может, и быть открытым для новых тенденций. В конце концов, ничто не может помешать небольшой самостоятельной работе.

Юноша уже направлялся к выходу, как вдруг его перехватил один из торговцев.

– Прошу прощения, - начал человек со странным акцентом, мягко коснувшись плеча молодого волшебника. - Правильно ли я понял, что вы – маг?

Джехан крепко зажмурился, отгоняя лёгкий, навеванный выпитым туман, и, открыв глаза, посмотрел на собеседника. Он не мог распознать акцент говорящего, и фасон его одежды был странным – туника чуточку длинна, чтобы уложиться в понятие о стиле, а швы прошиты на спине, а не вдоль плеч.

– Я ученик мага, - ответил молодой человек. - Подмастерье.

– Но вы владеете магией? – продолжал настаивать купец. Интонация, с которой он говорил, повышалась к концу каждой фразы, заставляя каждое предложение звучать вопросительно.

– Немного. Парочка заклинаний по мелочи. Если Вам нужна магическая помощь, в Уотердипе хватает именитых колдунов, которые могут пом...

– Мне неловко говорить, - прервал торговец, - однако я случайно подслушал ваш разговор и подумал, что вы должны быть достаточно осведомлены? Видите ли, есть одна маленькая проблема, которая требует крайне деликатного подхода? И я не

уверен, что это хорошая идея - обращаться к старшим магам по поводу?, - и он перешёл на шёпот, - Дымного пороха.

Последняя часть была уже не вопросом. Джехан вскинул брови и окинул странного человека взглядом, затем кивком попросил следовать за ним.

Уже на улице, Джехан спросил:

- Так что там насчёт... упомянутого *материала*?

- Я понимаю, что это... неправильно, располагать им в этом городе? - вновь повысив голос на последнем слове, сказал незнакомец.

- Это незаконно, - ответил юноша. - Крайне незаконно. И в городе несколько магов, которые не преминут уничтожить любое найденное количество *материала*. И всех рядом с ним.

Горестная гримаса исказила лицо его собеседника.

- Этого я и боялся. Видите ли, так уж вышло, что я стал владельцем некоторого количества этого *материала*, не осознавая при этом его незаконности? И я хотел бы вынести его за пределы города настолько быстро, насколько это возможно?

- Отличная идея, - подтвердил Джехан, пытаясь звучать мудро и убедительно.

- Но с этим проблема? - продолжал с теми же странными интонациями торговец. - Я был дважды обманут, ведь я не знал, что *материал* незаконен? И потом, я не ожидал, что кто-то смешает его с песком? Если я хочу вынести это из города, я должен очистить от песка?

- Я... - Джехан замолк, раздумывая над последними словами. Продавец должно быть подслушал их беседу про подозрительного и могущественного Хелбена Черного Посоха и теперь пытается убрать свой товар из города как можно скорее. Правильнее всего было бы сообщить властям, чтобы они уничтожили незаконную продукцию.

Но конечно, убрать её из города так же неплохо, как и уничтожить, и если при этом Джехан сможет заполучить щепотку для своих экспериментов, то даже лучше. Совсем чуть-чуть, для независимого изучения. Эта идея пришлась ему по душе, а выпитый эль лишь укрепил его намерения.

- Я буду рад помочь и сделать всё что в моих силах, - сообщил он, - но, разумеется, за небольшой образец *материала*. Где вы его храните?

Торговец повёл его мимо Города Мёртвых, к Торговому Кварталу. Аккуратные стены домов разнообразных благородных семейств уступили место простым городским домам, затем нестройным рядам строений, сооруженных разными руками в разные столетия, а под конец сменившись угрюмыми переулками между складами, в стороне от главного пути. Эти места были знакомы только возницам, перевозящим добро, да торговцам, продающим его.

Всё это выглядело так, словно они вошли в чужой, незнакомый город, далёкий от магических предписаний и дружелюбных пивных. Джехан мог бы забеспокоиться, но эль и его собственная решимость не позволяли допустить ни малейшего сомнения. Помимо прочего, он всё-таки был магом, и даже с его простым набором заклинаний он мог потягаться с любым обычным горожанином, торговцем или мошенником Уотердипа.

Торговец направился к тяжелой дубовой двери и сильно постучал три раза. За дверью громко щёлкнула задвижка, и продавец сдвинул всю дверь целиком в

сторону, по древним ржавым полозьям. Не оглядываясь, он вошёл и дал знак следовать за ним.

Хранилище было средних размеров помещением, одним из тех, что могли бы принадлежать шести или семи арендаторам, которые либо быстро реализуют свои товары, либо хранят их вечно и забывают о них. Судя по пыли и завалам, собравшимся на большинстве запасов, большинство владельцев принадлежали к последней категории.

Огромные, подбитые железом ящики выстроились ровными рядами в центре здания, а вместительные полки тянулись от пола до самого потолка. Лишь один объект, стоявший в дальнем конце, выглядел странно – большая, сильно проржавевшая статуя крылатой девы, отлитая из бронзы. «Возможно, свадебный подарок, - иронично отметил про себя Джехан. – принят со всей благодарностью, спрятан со всей поспешностью». Всё пространство было освещено тусклым лунным светом, пробивавшимся через слой льда на окнах застеклённой крыши.

В центре комнаты находились с полдюжины маленьких бочонков с откинутыми крышками, рядом с ними – пустая здоровенная бочка. Кроме ёмкостей, там же расположилось высокое гуманоидное создание, подобного которому Джехан раньше не встречал. Оно было в полтора раза выше него, с массивным, огроподобным торсом и большеротой головой, напомнившей юноше о бегемотах. Гигант был одет в черные брюки и багровое пальто, декорированное металлическими вставками. На широком ремне у него висела пара маленьких арбалетов. «Нет, - поправил себя Джехан, - не арбалетов - аркебуз». Это и в самом деле были миниатюрные аркебузы, длинное, похожее на пистолет оружие. Огромное создание коротко кивнуло своей большой головой, отмечая появление мага.

Закрыв дверь позади них, торговец обнаружил что Джехан всю пялится на существо.

– Его зовут Ладисло? Он гифф, представитель одной из звездных рас? Обычно он не такой раздраженный, но текущее положение дел испортило ему настроение?

Джехан не мог сказать, был ли гифф раздражён, раздосадован или в блаженном экстазе. Что он знал точно, так это то, что это существо могло заглотить его по пояс в один присест.

Молодой ученик придал своему лицу самый серьезный вид, на который был способен, тот самый, который он использовал при выслушивании лекций от своего деда.

– Это и есть... *материал*?

Гифф Ладисло издал громкий, насмешливый всхрип, словно звук пузыря, всплывшего на поверхность в смоляной яме.

– Это лучшее, на что ты способен, Канос. Больше нет колдунчиков на этом клочке грязи.

Голос бегемотоголового существа был ровным и однообразным, его вопросы звучали как утверждения.

– Я думаю, и этот сгодится, Ладди? - отозвался Канос. – Тебе ведь не нужна пушка, чтобы подстрелить воробья, так?

Ладисло пробурчал что-то, что Джехан не расслышал, и двинулся к бочкам. Юный маг подошёл к контейнерам и снял крышку с ближайшего из них.

Дымный порошок был твёрдым на ощупь и зернистым серовато-черным порошком с вкраплениями серебра. Джехан не слышал об этих серебряных зёрнышках и потому мысленно поздравил себя с открытием. Это был ещё один факт о порохе, который Старейшины оставили при себе.

Джехан ухватил гранулу порошка двумя пальцами. Она была тяжелее, чем выглядела, словно была отлита из свинца. Он попытался раскрошить её ногтями, но с тем же успехом он мог бы пытаться раздавить булыжник.

Ученик мага заглянул внутрь бочки. Маленькие гранулы лежали вперемешку со светло-серым мягким песком. Самая крупная его частица была немногим больше самой маленькой крупинки дымного пороха. Несомненно, торговец уже думал над возможностью применения решета. Джехан покатал песчинку между пальцами, и она тут же рассыпалась в пыль и медленно осела на пол в неподвижном воздухе амбара.

Молодой колдун слизнул немного оставшейся пыли с кожи. На вкус она напоминала землю из комнаты призыва, принадлежащей старому Маскару. Затем он скатал намоченную пыль в шарик.

«Решето не поможет, да и вода их не разделит», - подумал Джехан, вслух же сказал:

– Вы можете разделить их без помощи магии в городе побезопаснее. Возможно, будет разумнее просто увезти все бочонки и разделить субстанции позднее.

Гифф издал звук, похожий на урчание человеческого живота, а Канос добавил:

– Мы считали, что будет проще перевезти одну бочку, чем шесть, особенно через весь город? Мы не хотим, чтобы это попало не в те руки? Можете разделить сейчас?

Джехан зачерпнул рукой горсть смеси и просеял её между пальцев. Некоторые крупные гранулы остались в ладони, но большая часть серебристых зернышек упала обратно вместе с некоторой частью песка. Песок сыпался медленнее, словно семена одуванчика на ветру.

Наконец он кивнул:

– Да, это выполнимо. Вы ведь хотите, чтобы весь порошок был в той большой бочке? Канос с энтузиазмом закивал.

– Ну что ж, тогда, если господин Ладисло будет так добр и *медленно* ссыпет содержимое всех мелких сосудов в большой, я могу что-нибудь придумать, чтобы убрать ненужный сор.

Гифф хрюкнул и взвалил на плечо первый бочонок. Джехан припомнил кое-какие основы колдовства, небольшое полужаклинание, которому Маскар научил его, чтобы тому было проще нести. Это было очень простое заклятье – «половинка намерения и шепотка ветра», как описал его наставник, когда впервые обучал ему. Разумеется, Муми-Маскар никогда бы не подумал использовать чары для подметания пыли подобным образом.

Джехан произнёс нужные слова и кивнул громадине. Гифф начал сыпать смесь в бочку, маг же направил порывы ветра на верхнюю половину тары. Легкий бриз отсеял большую часть песка и трухи, сдувая их в сторону. Более тяжелые гранулы дымного пороха падали прямо в ёмкость, формируя большую тёмную кучу с серебряными искрами. Без лишней пыли эти искорки стали светиться ярче в лучах лунного света.

Тем временем Ладисло закончил пересыпать содержимое из первой бочки и принялся за вторую, затем за третью. Джехан задумался, хватит ли у него сил поддерживать заклинание для всех шести бочонков, и удвоил концентрацию, когда гифф поднял четвёртый контейнер. На пятой бочке с его лба градом катился пот, а на шестой маленькие звездочки стали танцевать где-то на границе его бокового зрения.

Гифф опорожнил последнюю тару, и Джехан смог наконец произнести последние слова магической формулы. Он сделал глубокий вдох и отмахнулся от слабости, охватившей его. Затылок ныл, и парень осознал, что с потом из него вышел и выпитый ранее эль – он доколдовался до лёгкого похмелья.

Он посмотрел на остальных. Пыль в воздухе ещё не осела, и в лунном свете это придавало всему помещению вид окутанного туманом. Ноздри громадного гиффа задержались, и он начал тереть свою морду тяжелой лапищей. Продавец же весь лучился и зачерпнул полную ладонь дымного пороха, давая грубым дробинам проскользнуть между пальцами. Затем он подобрал крышку и водрузил её на место.

Джехан осторожно прочистил горло, затем, беспокоясь, что его кашель может быть воспринят как просто реакция на пыль, кашлянул снова. Торговец недовольно уставился на юного мага.

– До того, как ты закроешь бочку, - беспристрастно сообщил Джехан, - я хотел бы напомнить об оплате.

– Оплате? - переспросил Канос, и улыбка вернулась на его лицо. – Конечно, чуть не забыл. Ладисло, не мог бы ты заплатить этому молодому человеку?

Гифф снял с пояса аркебузы и направил их на Джехана.

Последние из звёздочек, заполнявших взор юноши, растворились, и теперь внимание колдуна было полностью сосредоточено на дулах.

– Пока, колдунчик, - произнёс гифф. – Мы не можем оставить тебя в живых, чтобы ты потом рассказал всё старшим.

Он спустил курки, и его лицо озарилось двойной вспышкой от сдетонировавшего дымного пороха.

Джехан резко бросился на пол за секунду до выстрела. Несмотря на это, он все равно почувствовал, как что-то горячее прочертило борозду по его левому плечу.

Боль подтолкнула его к действию. Как только он коснулся холодного жёсткого пола, то тут же пополз на четвереньках, стараясь оставить как можно большее расстояние между собой и оружием гиффа. Он то бежал, то полз прочь от парочки, дальше вглубь запыленной темноты склада. Позади него Канос осыпал проклятиями своего сообщника.

Плечо жгло, словно облитое кислотой. Напуганный, раненный и протрезвевший, юный маг ругал себя за глупость и доверчивость. Ему следовало оставить сообщение в таверне, на худой конец сообщить Джеральду или Антону. Но нет, он же был так уверен, что справится с этим небольшим магическим заданием, с этим независимым исследованием. Он был слишком уверен, что его невеликие магические силы справятся с чем угодно, что только можно ожидать от простого торговца.

Но сможет ли он справиться с врагами, вооруженными дымным порохом, возводящим их на уровень самих волшебников?

Джехан облокотился на груды ящиков и попытался восстановить дыхание. Его раненное плечо охватил холод, начавший распространяться вниз по руке, а его одежда липла к коже. Нужно было покинуть это место и как можно скорее. Его преследователи были где-то в пыльной тьме между ним и единственной дверью.

Джехан заодно проклинал и Муми-Маскара за то, что тот не научил его никаким полезным заклятьям на такой вот случай. Ещё один пример того, что эти старики оставляют знание только себе.

Юноша внезапно ощутил присутствие высокой человекоподобной фигуры рядом с собой и дёрнулся в сторону, едва не закричав. Но это была лишь виденная им ранее уродливая статуя девы. Обрамлённое разведёнными крыльями, её ангельское лицо оставалось безучастным к его незавидному положению, и его черты словно мерцали, отражая сияние льющего с потолка лунного света.

Статуя возвышалась на половину расстояния до окна в крыше, и выше неё находилось несколько полок. Большинство таких окон всегда имеют защёлку с внутренней стороны, которую легко отодвинуть. Даже без этого Джехан, возможно, смог бы разбить стекло и выбраться до того, как по нему начнут стрелять.

А они вряд ли будут ожидать того, что мелкий колдун взмлет к небесам.

Медленно и мучительно юноша подобрался к основанию скульптуры. Его рана болела всё сильнее, и он задался вопросом, сможет ли он осилить весь путь наверх. Несмотря на это, всё же было лучше затаиться на полках наверху, нежели быть обнаруженным без сознания где-нибудь на земле.

Статуя стояла на пьедестале, и между ней и стеной оставалось свободное пространство, чуть более полуметра. Джехан упёрся спиной в стену, ногами – в изваяние и покарабкался вверх, осторожно подтягивая тело и оставляя за собой влажный, тёмный след.

Он почти достиг крыльев, когда услышал внизу тяжёлую поступь шагов. Маг затаился.

Воин-гифф топтался где-то под тем местом, где спрятался молодой человек, помахивая одной из аркебуз. Джехан решил, что вторая должна быть у Каноса, который или обыскивает другую часть помещения, или стоит и охраняет выход. Он одновременно вознёс молитвы о помощи Азуту и обругал себя за неопытность. Если бы он был полноправным магом, он бы с лёгкостью разделался с этой парочкой. Однако нарастающая боль в плече заставила его усомниться в истинности последней мысли.

Ладисло приблизился к основанию пьедестала и остановился – как и сердце в груди юноши. Ноздри здоровяка раздувались, в то время как он осматривался, изучая окружение. Затем он посмотрел вверх, на полки и статую.

Джехан запаниковал – статуя давала лишь минимальную защиту для обездвиженной мишени, застрявшей между стеной и куском бронзы. Он напряг ноги, пытаясь вдавить себя глубже в стену.

Стена, разумеется, не пошевелилась. А вот статуя – да. Медленно она стала крениться вперёд, совсем не держась на своих разболтанных креплениях.

Страх Джехана быть подстреленным внезапно сменился другим – страхом шмякнуться с высоты из своего укрытия. Вскрикнув, он запрыгнул на падающую скульптуру, стараясь ухватиться за крылья, и соскользнул по ней вниз.

У гиффа было время лишь на то, чтобы взглянуть на приближающуюся махину, раззявить огромную пасть да вскинуть оружие. Выстрел раздался ровно в тот момент, когда бронзовое изваяние с Джеханом в роли наездника впечаталось в бегемота.

Джехан откатился в момент столкновения и почувствовал, как в правой ноге что-то хрустнуло. Он медленно поднялся, пытаясь оценить повреждения. Ладисло оказался придавлен тяжелой скульптурой, и большая лужа черной крови растекалась под ним. Но создание все ещё боролось – пока Джехан рассматривал его, оно начало сталкивать статую в сторону. Аркебузы нигде не было видно, и у мага не было времени на её поиски.

Юноша взглянул наверх, на окно – столь же недостижимое теперь, сколь и луна за ним. Теперь единственный путь наружу лежал мимо торговца, наверняка вооружённого второй аркебузой.

Джехан направился к двери, укрывшись за тремя рядом коробок и надеясь, что Канос прибежит на крики и грохот, чтобы проверить своего компаньона. И, похоже, Азут и Мистра вправду были благосклонны к нему – пространство перед массивной дубовой дверью было пустым. Здоровой рукой он потянул её в сторону, затем до него дошло, что она всё ещё заперта. Со стоном он потянулся вверх и отодвинул щеколду.

– Может, ты отойдёшь от двери, а парень? – раздался голос у него за спиной, как обычно повышая тональность на последнем слове.

Джехан выругался и повернулся, чтобы узреть Каноса. Как бы он хотел иметь при себе заклинание удара молнией или любое другое, способное уничтожить торговца на месте, но он был всего лишь новичок, и вызов легкого ветра истощил его силы.

Теперь перед ним Канос, и да, в руках он держит вторую аркебузу. Хотя бы гиффа нигде не видать. Губы продавца пороха скривились в усмешке.

– Я ведь и правда хотел бы оставить тебя в живых?, – начал он, выделяя последнее слово. – Но ведь это всё равно бы не помогло, правда? Ну то есть, твои собратья по магии наверняка захотели бы устранить тебя, когда они сами начнут становиться жертвами, скажем, пуль убийц? Разумеется, порох не нужно вывозить из города, нет, ведь для него здесь есть гораздо лучшее применение? Несколько хорошо спланированных выстрелов в наиболее могущественных магов, и остальные разбегутся по своим башенкам? Они ведь все трусы, не так ли? А к тому времени, когда они отойдут от потрясения, у нас уже будет установлен канал поставок от друзей Ладисло? Что ж, ты помог принести новшество в Уотердип, и большую независимость от колдунов – пусть и невольно?

Разумеется, Джехан сейчас не думал об улучшениях в городе – гораздо больше его интересовало расстояние до угрожавшего человека. Четыре шага. Более чем достаточно, чтобы он успел выстрелить до того, как юноша доберется до его оружия. Судя по легкости, с которой Канос обращался с аркебузой, он явно был лучшим стрелком, нежели гифф. Всё же, сложившаяся ситуация была из разряда «умри, действуя или умри покорно».

Джехан начал движение, но в этот момент дверь сдвинулась, скрипя по несмазанному полозью. Свежий ветерок разметал пыль, всё ещё висевшую в

воздухе. Канос уже держал дверной проем на мушке, когда вошло новое действующее лицо.

У Джехана перехватило дыхание. Новоприбывший выглядел в точности как он, вернее, как здоровый, не окровавленный Джехан, одетый так же, как когда он покинул таверну, опрятный и безоружный. Хотя, новый Джехан был чуточку выше и чуточку свирепее, но в остальном это была точная его копия.

– Ещё один колдун? – сплюнул Канос. – Стой на месте и не двигайся?

– Я так не думаю, – уведомил другой Джехан, повторяя звучание голоса настоящего Джехана и его движения. – Мне кажется, пора завершать это маленькое представление, а?

– Я выстрелю? – предупредил торговец.

– Разумеется, – отозвался двойник, шагая вперед и становясь перед израненным оригиналом. Джехан заметил всполохи магической энергии на кончиках его пальцев.

Другой Джехан сделал ещё два шага, и Канос выстрелил. Эхо от оглушительного грохота заполнило всё небольшое помещение амбара. Двойник не дрогнул и тем более не упал. Пуля ударилась об него с металлическим звоном и отскочила в темноту.

Тоже-Джехан преодолел оставшиеся два шага и вытянул руку, схватив торгаша за лоб. Желтые вспышки энергии затанцевали на лице Каноса, тот закричал, а его череп сотряслся под хваткой мага. Несколько мгновений спустя он свалился вперёд, и тонкие струйки белого дыма зазмеились из его ушей и рта.

Другой Джехан повернулся к юному магу и нахмурился, придав своему лицу то самое серьезное выражение, с которым Джехан настоящий выслушивал своего наставника.

– Теперь, когда всё улажено, тебе лучше отправиться домой. Я проконтролирую уничтожение порошка.

Джехан-оригинал покачал головой. Его голос надломился, когда он сказал:

– Здесь есть ещё один, гифф. Он тоже вооружён.

– Правильно, – раздался голос Ладисло, стоявшего рядом с бочкой пороха. Его лицо и пальто были покрыты черной кровью, и после столкновения с крылатой девой он потерял глаз. Он навёл оружие на двойника.

– Ты же видел, что случилось с твоим союзником, – отозвался Тоже-Джехан. – Ты думаешь, ты сможешь обойтись обычными пулями?

Гифф ухмыльнулся полным крови ртом и ответил:

– Нет, не пулями.

С этими словами он перевёл прицел на ёмкость с очищенным дымным порохом.

– Не пулями, – повторил он, – Но единственный выстрел сюда отправит нас всех напрямик к загробной жизни.

Двойник Джехана шагнул вперёд и щёлкнул пальцами. На кончике указательного пальца зажёгся и заплясал огонёк.

– Беги отсюда, мальчик, – обратился он к побитому оригиналу.

И Джехан неуклюже побежал, делая длинные, прихрамывающие прыжки. Уже пройдя через дверь, он услышал рёв гиффа: «Я не блефую!»

И холодный ответ от другого Джехана: «Я тоже».

Молодой колдун миновал дверь и успел сделать десять, может, одиннадцать шагов, как внезапно огромная рука схватила его и прижала к земле. Затем раздался гром, будто одновременно выстрелила сразу тысяча аркебуз, он прокатился над ним и прижал к булыжникам мостовой ещё сильнее. Наконец, его обдало волной жара, устремившейся к выходу из аллеи.

Джехан медленно поднялся. Его глазам предстал полыхающий склад, огонь уже прорывался через разбитое чердачное окно и жадно облизывал крышу. Единственный вход казался порталом в ад, и, хотя стены выстояли против взрывной волны, ничто не могло бы выжить внутри.

Другой Джехан появился в дверном проёме, абсолютно нетронутый взрывом и пламенем. Он осмотрелся, заметил нетвёрдо стоявшего на ногах юношу и направился к нему.

На ходу черты его лица менялись – он стал ещё выше, почти долговязым, а его волосы сменились с тёмного хвоста на белобрысую короткую стрижку. Джеральд, друг Антона.

А затем он снова изменился, светлые волосы сменились чёрной, словно ночь, шевелюрой, свободно лежавшей на плечах. Лицо постарело и заросло густой бородой, черной, с белой прядью в середине. Плечи стали шире, а походка – уверенной и размашистой. Хелбен Эрансан, Черный Посох Уотердипа. Старый Паук.

– Ты в порядке, дитя? – обратился старший маг.

Джехан, держащийся за стену, смог слабо кивнуть. Он заметил, что на пальцах волшебника больше нет прожаривающих мозги всполохов.

– Это хорошо, – отметил маг. – Маскар становится весьма мрачен, если из-за меня его ученики получают травмы. Вдвойне мрачнее, если это его родня. Хотя, конечно, он выгонял подмастерьев за гораздо менее серьезные провинности.

Джехан наконец обрёл контроль над собственным ртом.

– Чт...? – выдавил он. – Что произошло?

Губы Хелбена сжались, образуя тонкую линию.

– Если на то пошло, можешь сказать своему наставнику, что мой первоначальный план не подразумевал твоего участия. Я обнаружил небольшое количество дымного пороха и подсыпал туда песка, в надежде, что мне удастся выйти на поставщиков. Позже, в роли Джеральда, я болтался в лучших тавернах, громко высказывая свои бунтарские мысли в поддержку пороха, ожидая, что кто-нибудь обратится ко мне с просьбой решить проблему, которую я же и устроил. Однако я не рассчитывал на другого юнца, рассуждающего об этом веществе убедительнее меня. Я даже не знал, что они вышли на тебя, до того момента, как сторожевые чары, оставленные мной, дали знать, что порох был очищен. На тот момент самым лучшим казалось спрятаться за твоей внешностью и сбить врагов с толку – в случае если они уже убили тебя. Личина Джеральда ранее их не впечатлила, а мой настоящий облик немедленно обратил бы их в бегство – да-да, тот самый, что ты так метко назвал скусобородым.

Старый маг прервал словоизлияния, словно только сейчас вспомнив о Джехане, всё ещё делившемся со стеной своей кровью. Он осмотрел потрёпанного юношу и добавил:

– Так что, дитя, ты всё ещё считаешь, что все в Уотердипе должны обладать дымным порохом?

Джехан взглянул на пылающие остатки амбара. Местные жители уже отреагировали и сформировали пожарные бригады, передающие ведра с водой от ближайших цистерн до горящего здания. Никто не замечал двух волшебников – вне сомнения, эффект ещё одного заклинания Старого Паука.

– Я считаю, – начал он, слишком вымотанный, чтобы выказывать должное уважение или страх, – что нельзя просто так взорвать будущее и спрятаться в прошлом. Где-нибудь кто-нибудь проскользнёт мимо тебя, и тебе нужно быть готовым к этому дню. Нельзя остановить прогресс.

Реакция Хелбена на эти слова удивила молодого чародея – старый маг рассмеялся, острыми сухими смешками.

– Ну, хотя бы в этом наши мысли сходятся. Ты прав – мы не можем остановить прогресс. Дымный порох, печатное дело, новые виды магии – всё это наваливается на нас. Но мы можем замедлить бег прогресса, заставить его перейти на шаг, чтобы мы могли хотя бы подготовиться. Чтобы мы управляли им, а не он нами.

Джехан застонал.

– Вы думаете, Старый Рели... Маскар откажется учить меня после всего этого?

Хелбен кивнул на обломки.

– Он, конечно, больше не превращает учеников в тритонов за то, что они забыли положить лимон в утренний чай... но да, всё это достаточно серьёзно. Конечно, я могу сказать за тебя пару слов. Но, может быть...

Юноша взглянул на Хелбена, но никак не мог сфокусировать свой взгляд.

– Может быть? - едва выдавил он из себя.

– Мне бы пригодился молодчик для чистки котлов, мытья полов и изучения тех крох магии, что я соизволю преподавать. Всё лучше, если он к тому же любитель приключений, благо мой Джеральд будет вынужден покинуть город на некоторое время, – Старый Паук вновь усмехнулся. – А Маскар будет рад узнать, что ему не придётся отчитываться перед твоими родителями за твою последнюю авантюру.

Джехан попытался улыбнуться, но это попытка забрала последние остатки его самообладания, и он провалился в мягкую, уютную тьму.

Юный маг проснулся дома. В соседней комнате лекарь что-то говорил родителям тихим, успокаивающим голосом – голосом врача, уверенного в скором выздоровлении пациента. Плечо и нога все ещё болели, но это была боль от перетрудившихся мышц, а не от растерзанной, израненной плоти.

Его родители колебались между гневом за подвергание жизни риску из-за какого-то дурацкого приключения и гордостью за то впечатление, что он явственно произвёл на великого Черного Посоха, который принёс его домой и рассказал про его доблесть. Прямо сейчас, сообщили они, он беседует с Маскаром по поводу перевода Джехана под его крыло. Только представить, один из Уондсов будет учиться у самого Старого Паука. Но всё равно, он не должен был иметь дела с тем злобным торговцем.

Родители всё ещё пытались разобраться, сердятся они или гордятся, когда он снова провалился в сон.

Он проснулся много позже, обнаружив, что проспал весь день. За открытым окном тысячей мерцающих огней раскинулся Уотердип, спускаясь до самого моря.

Внезапно около верфей темноту прорезала серия ярких вспышек. Прошла секунда, другая, и наконец его ушей достигла и череда раскатов, порождённая этими небольшими взрывами. Видимо, это Хелбен нашёл остатки запасов дымного пороха, подумал Джехан. Россыпь этих раскатов звучала в точности как смешки Черного Посоха.

Юноша ещё долго сидел, вглядываясь в темноту, окутавшую город, но подобное больше не повторялось. Молодой маг задумался: то, что Хелбен взял его учеником, это награда или всё-таки наказание?

Или, быть может, у него на уме что-то совсем другое?

Джехан всё ещё пытался это понять, решить первую из многих загадок, что Черный Посох наверняка поставит перед ним, когда сон вновь уволок его в свои объятия.

ПОХИТИТЕЛЬ МАГИИ

Марк Энтони

Я сохраняю на бумаге эту историю как предупреждение, чтобы ничего подобного не случилось с другими, как это вышло со мной. Главной моей ошибкой при встрече того вора было то, что я пожалел его. Но в то время я всегда жалел таких как он: тех, кто посвятил свою жизнь тому, чтобы стать волшебником, но – из-за жестокой насмешки судьбы ли, или из-за обычного невезения – оказался неспособен осязать и плести бесплотные магические узоры. Как же это было просто для меня, уютно укрытого мантией колдовского величия, пожалеть такого несчастного. Но жалость может быть слабостью. Моею, как я узнал, не единственной. Выслушайте же мой рассказ.

Всё началось с любопытного приглашения, которое я получил, едва солнце полностью скрылось за горизонтом.

За окном моего кабинета последний день осени умер, залитый золотом, и серое покрывало сумерек обволокло бесчисленные шпили Старого Города. Я вздохнул и отложил перо, оставив его лежать рядом с кипой пергамента, который я заполнял размышлениями о природе магии. Как это всё чаще бывало в последнее время, необычайное оживление охватило меня. Рассеянно я скользил взглядом по своему прибежищу. Толстые сембийские ковры покрывали пол, ярко горел огонь в медной жаровне. Все стены заставлены шкапами из ценного дерева и забиты книгами, свитками и хрустальными флаконами. Всё в моей комнате говорило о познании, комфорте и спокойном достоинстве. Я обставил всё лично, позволю заметить.

Я глотнул вина из серебряного кубка, задаваясь вопросом, что же меня всё-таки тревожит. Совершенно очевидно, ничто не представляло для меня угрозы здесь, в надежных стенах моей башни. За все эти годы я усыпал стены, двери и окна защитной магией и ограждающими чарами. Никто не мог войти сюда без моего дозволения; я был в полной, абсолютной безопасности.

Я отставил кубок и поймал отражение человека в серебре его поверхности. Он был высок и величественен, и облачен в одеяние со вставками серого жемчуга. На его красивом лице не было морщин, а его голубые глаза блестели, словно сапфиры. Длинная грива золотистых волос упругими волнами рассыпалась по его плечам. Человек выглядел намного моложе, чем был на самом деле. Что ж, магия может иметь и сохраняющее действие на обладающих ею.

Я знал это, потому что в стакане отражался я. Морхион Джен'даар, величайший волшебник Иризбора.

Я покачал головой – ведь этот титул не был выбран мной. Да, много лет назад я бывал в рискованных переделках. Я помог очистить землю от порождений древнего, неопишемого зла. Возможно, в то время я и познал нечто похожее на заслуженное величие. Но что я свершил с тех пор? Ничего, кроме того, что забился под своды умиротворенного спокойствия своей башни. Я был защищен, благоустроен и в безопасности. Да, безопасность – вот нужное слово, и внезапно оно стало моим проклятием. Я в гневе сжал руку в кулак.

Мгновенье спустя я моргнул, и горький смех сорвался с моих губ. Если башня и стала моей тюрьмой, то лишь благодаря мне самому. Смирено вздохнув, я вновь потянулся за пером.

Моя рука остановилась на полпути из-за чарующего перезвона маленького бронзового колокольчика. Кто-то поднимался на крыльцо моей твердыни. Заинтригованный – ведь у меня было мало посетителей в последнее время – я поспешил спуститься по винтовой лестнице во входной зал. Запоздало я повёл рукой, снимая заклęcia, охранявшие дверь – иначе бы меня хорошенько потрянуло – и распахнул створы.

На пороге никого не было.

Дорога, что вела от Рунной улицы до моего жилища, также была пуста. Непонятно почему разочарованный, я уже начал закрывать дверь, как вдруг заметил кое-что краем глаза. Это был клочок бумаги, покоившийся на каменных ступенях. Я наклонился, чтобы подобрать его, и обнаружил на нём послание, написанное тонкими острыми буквами:

«Я хочу встретиться с тобой. Приходи к Вороньему Гнезду, когда взойдёт луна. Я верю, что мы многое можем почерпнуть друг у друга. Зет».

Я уставился на слова с легким интересом. Это было далеко не первое такое приглашение, что я получал. Обычно они были от людей, желающих стать моим учениками, странствующими магами, ищущими знания, или – намного реже – нахальными юнцами, желающими бросить мне вызов. Я изучил бумажку, размышляя, к какой же категории принадлежит этой таинственный Зет. Последняя строка была необычна – большинство требовало от меня чего-либо, но этот человек похоже считал, что я сам могу получить что-то от него.

Но, несмотря на интригующее послание, я знал, что должен отказаться. Внезапно меня охватило острое нежелание возвращаться в застенки своей башни. Я слышал о Вороньем Гнезде – это была мрачная таверна на набережной, опасное местечко. «Не я ли величайший маг Ириэбора? – хмыкнув, подумал я. – Так чего же мне бояться?» Даже не осознавая свои действия, я схватил с вешалки темно-серый плащ. Закрыв за собой дверь и, одним лишь взмахом руки вернув на место охранные заклятья, я направился на встречу, погружаясь в сгущающуюся темноту ночи.

Быстрым шагом я двигался вниз по виляющей Рунной улице. Неясные очертания неисчислимых башен Старого Города вырисовывались над головой, заливая петляющие внизу улицы густыми тенями. Вскоре я добрался до выхода из этого лабиринта и, срезав путь через крутой склон одной из гор хребта Тора, спустился вниз, к растекшемуся пятну Нового Города. Здесь улицы были шире и просторнее, чем в Старом, и были хорошо освещены рядами ярко горящих факелов.

Я едва достиг границы самого обветшалого и неприглядного района города, когда был перехвачен девушкой.

- Не хотите ли приобрести немного магии, милорд? – бойко поинтересовалась она. Широкая улыбка зажглась на её чумазом лице, когда она достала из складок своей потрёпанной одежды какой-то предмет.

- Хм, говоришь, это магия? – с оттенком торжественности в голосе спросил я, принимая протянутую вещь. Это была маленькая трубка, сплетённая из соломы.

- Если вставить пальцы с обеих сторон, то их нельзя будет вытащить. И чем сильнее тянешь – тем крепче она держит. Это колдовство! – рьяно закивала беспризорница.

- О, причём весьма сильное! – тихо посмеялся я. Не было сомнений, что девочка – сирота под присмотром одного из здешних мелких мошенников. Если у неё не получится продать свои безделушки, то, скорее всего, она будет наказана. Я вытащил серебряную монету и кинул её ребёнку.

- Благодарю, милорд! – вскрикнула она, поймав деньгу, и сразу же скрылась во тьму аллеи. Я засунул дешёвую игрушку в карман и продолжил свою прогулку, слабо улыбаясь своим мыслям.

Я добрался до таверны как раз в тот момент, когда бледная сфера Селуны выкатилась на небосвод над сторожевыми башнями города. Луна взошла. Развалюха располагалась на старом, далеко вдающемся в воды реки Чионтар причале; запахи рыбы и мусора плотной пеленой висели в воздухе. Я отворил дверь этой пивнушки и вошёл в слабо освещённое помещение.

В тот же момент дюжина пар глаз уставилась на меня, затем так же быстро их обладатели вернулись к прерванным делам. Это было опасное место – завсегдатаями его были убийцы, пираты и воры. Но любой узнает волшебника, когда увидит его перед собой; среди напивавшихся здесь не было глупцов, считавших свой нож или кулак способным потягаться с силой заклинаний. Все они склонились над своими напитками и продолжили разговоры. Ладонь левой руки внезапно кольнуло, и я рассеянно потёр её. Мои пальцы повторяли знакомый рисунок старого сморщенного шрама – Руны Магии, давнее свидетельство о магическом посвящении.

Я осмотрел задымлённый зал; в одном из углов сидел бледный человек, нервно крутя в руках надколотую флягу, однако не прикладываясь к ней. Это мог быть только он. Зет. Он оказался старше, чем я предполагал. Черты его худого лица были резки, но его нельзя было назвать неприятным. Его темные волосы были чуть тронуты сединой. Однотонное одеяние свободно облегло его стройную фигуру. Я сразу понял, что он не являлся волшебником. Я пробрался к нему и уселся напротив. Мне показалось, что в его темных глазах мелькнуло странное самодовольство.

- Не думал, что ты придёшь, - сообщил он хриплым голосом.

- Но всё же вот он я, - спокойно парировал я.

Он неуклюже протянул бутылку:

- Выпьешь?

- Нет.

Между нами воцарилась тишина. Первым её нарушил мой таинственный собеседник. Он поёрзал на стуле: «Я чувствую, как она исходит от тебя, - его слова были пронизаны голодом, - Ну, знаешь, магия. Это... это должно быть... так... пьяняще».

После этой фразы я всё понял. Без сомнений, Зет был одним из тех несчастных, кто полностью неспособен к колдовскому искусству – один из тех, кого некоторые маги прозвали «лишёнными». Таких было немного, но о них было известно на протяжении столетий. Периодически, учителям попадались студенты, которые, независимо от их умственных способностей или рвения, не могли овладеть даже простейшими из заклинаний. По непонятным причинам, они не могли ни ощущать, ни управлять потоками магии. Большинство лишённых прекращали изучение тайных искусств и обращались к другим профессиям, продолжая жить полноценной жизнью. Но до меня доходили слухи о некоторых из них, тех, что были сведены с ума своим злополучным вождением к колдовству.

- Мне жаль, - сказал я, озвучивая первое, что пришло в голову.

Его глаза запылали злобой.

- Оставь себе свои извинения, Морхион Джен'даар! – прошипел он, сжав руку в трясущийся кулак. – Мне нужна твоя сила, а не твоя жалость!

Я смотрел на него не мигая.

- Я не могу дать тебе то, что ты хочешь, Зет.

Он медленно разжал пальцы, и его худые плечи безвольно опустились.

- Да, конечно не можешь, - прошептал он, подавленно упершись взглядом в стол. – Я надеялся, может ты знаешь способ помочь мне. Мне следовало знать, что это не так.

«Какая это должно быть для него пытка», - подумалось мне. Вероятно, его тянет к волшебникам с той же силой, с какой он их ненавидит. Это беспощадная немощь, но я не мог её излечить, только разжечь ещё больше одним лишь своим присутствием.

- Теперь я пойду, Зет, - тихо произнес я.

Он отрывисто кивнул, всё ещё уставившись в поверхность стола, но поднял взгляд на меня, когда я начал вставать.

- Пожалуйста, - выдохнул он, - дозвожь хотя бы пожать твою руку, чтобы я мог говорить потом, что встретил великого Морхиона.

Я заколебался. Мне казалось неправильным подпитывать его иллюзии, но настолько затравленным был его взгляд, что я не смог противиться.

- Хорошо, - наконец произнёс я.

Он поднялся и протянул руку – левую, не правую. Хотя это и было необычно, я не придал этой детали никакого значения, и протянул свою руку в ответ.

- Да благослови тебя Мистра... - начал я, но слова застыли на моих губах.

Замысловатый символ был вытатуирован на тыльной стороне его ладони. Он внезапно наполнил меня необъяснимым ужасом; я попытался отдернуть руку, но было слишком поздно. Пальцы Зета уже сомкнулись. Агония распространилась по моей руке, словно испепеляющее пламя. Моя спина выгнулась, а голова запрокинулась, и из груди исторгся дикий крик. Последовала ослепительная вспышка, а в воздухе запахло грозой. Наконец, Зет отпустил меня. Я отшатнулся, слегка ударившись об стену, и в замешательстве уставился на него сквозь пелену боли. Как ни странно, он смеялся.

- Да, ты не можешь дать свою силу мне, - насмешливо сообщил хитрец, - но я сам могу её забрать.

Он поднял свою руку – на ладони красовался скукоженный шрам, словно от раскалённого клейма. Я хорошо знал эту метку - Руна Магии. Его смех оглушительным рёвом отзывался в моих ушах. Я схватился за стену, стараясь удержаться на ногах, но перед глазами всё поплыло, и я погрузился во тьму.

К тому времени, как я очнулся, Зета простыл и след.

Я заморгал, пытаюсь распознать размытые лица склонившихся надо мной людей. Кроваво-красный свет мерцал позади них, вторя острой пульсирующей боли, раздававшейся внутри моего черепа. Волна слабости захлестнула меня, и я выплеснул содержимое своего желудка на покрытый загнившей соломой пол, закашлялся и, наконец, смог вдохнуть. Лица стали четче. Они оказались грубыми, носили плотоядные выражения и принадлежали полудюжине головорезов, склонившихся над моим телом.

- Походу он эта, всё-таки не дохлый, - проворчал один из них.

- Ну, особо живым он тоже не кажется, - отозвался другой, скалясь пожелтевшими зубами. – Тот, другой, что-то с ним сделал, что-то неприятное. Давайте глянем, что у него есть.

Смятение прорвалось через завесу боли – эти оборванцы больше не смотрели на меня со страхом и благоговением. Я попытался подняться, но все мои конечности словно окаменели. Я смог только прислониться к стене. Я чувствовал себя немощным и опустошённым – будто какая-то часть меня оказалась вырвана. Что же Зет сделал со мной?

- Придержите его, парни, - прорычал второй грабитель. – Гляну-ка, что там в этом увесистом кошельке.

Остальные всё ещё сомневались, беспокойно переглядываясь. Они всегда избегали попыток обчистить волшебника, даже такого, который выглядел обессиленным. Это дало мне некоторое время, я закрыл глаза, и очистил мысли, вспоминая лишь слова нужного заклинания.

Пустота.

Потрясённый, я неверяще уставился перед собой. Я выполнял эти действия тысячи раз! Магия должна была заполнить меня, словно вода – пустой сосуд. Но ничего не произошло. Я торопливо повторил ту же последовательность действий, повелевая словам явиться. В ответ всё та же пустота. Я порылся в закромах моего ума, и нашёл нужное место – так человек ощупывает пустое гнездо на месте выдернутого лекарем зуба. В моём разуме зияла дыра с рваными краями, непроглядная тьма – там, где раньше были все мои отточенные заклятья.

Видя мое замешательство, грабители заушмылялись. В свете факела блеснул зазубренный нож. В отчаянии я вцепился в кошелек, болтавшийся на поясе, и со всей остававшейся в руках силы отбросил его подальше от себя. Увесистые золотые монеты высыпались и покатались по полу. Какое-то мгновение нападавшие просто стояли и смотрели друг на друга, затем, все как один, развернулись и бросились к месту падения, стараясь выцарапать вожака из разбросанной соломы. Их вожак ощерился на меня, размахнувшись ножом, заколебался, и, выругавшись, присоединился к остальным в поисках добычи.

Я не стал упускать свой шанс; заставляя свои трясущиеся руки и ноги работать, я уполз прочь, держась вдоль стены и огибая углы, пока не достиг входной двери. Каким-то образом я всё же смог подняться на ноги, вывалился в проём и пьяной шатающейся походкой доковылял до улицы. Только сейчас со стороны Вороньего Гнезда донеслись негодующие крики – мое исчезновение наконец заметили. Я попытался ускориться, но моя нога соскользнула в грязную сточную канаву. Потеряв равновесие, я упал, больно ударившись о булыжники мостовой, и стремглав покатился вниз по широкой аллее, остановившись только в середине груды тухлой рыбы и прочих объедков. Я замер. Выше по улице, нечеткие силуэты пробежали мимо входа в переулок, их злобные возгласы растворялись в ночи.

Задышавшись от вони, я выкарабкался из кучи мусора и выпрямился, пытаюсь понять, что же произошло. Я потянулся своим естеством, стараясь нащупать магическую субстанцию, пронизывавшую пространство между всеми предметами. Но я был словно слепец, пытающийся нащупать путь онемевшими пальцами. Ничего, и опять ничего. Я мог вспомнить, как творил мощные чары, мог вспомнить то ощущение искрящейся через кончики пальцев силы; но слова, интонации, запутанные пассы – всё это ушло. Я прижал горячий лоб к холодной грязной стене. Неужели я сошёл с ума?

Странное спокойствие овладело мной. Нет, я не сумасшедший. Что-то другое. Что-то куда хуже. «Ты не можешь дать свою силу мне, но ясам могу её забрать», - так сказал Зет. Каким-то образом он украл мою силу, присвоив себе. Мне снова стало плохо. Вот, оказывается, каково это – быть лишённым.

Словно по своей собственной воле, моя рука поднялась на уровень лица. Ладонь, ранее носившая печать Руны Магии со времен моего посвящения, теперь же была чиста. С обратной стороны появилась татуировка, которую я мельком заметил на руке вора – запутанный узел из острых, угловатых линий. Определенно, этот знак таил в себе мощь, и я смутно осознавал, что где-то уже видел подобные ему. Но где? Я напряг память. Пусть моя магия и покинула меня, все остальные общие знания – философия, математика, история – оставались. Внезапно я вспомнил.

Нетерил. Немногие знали это название, ибо эта древняя империя исчезла тысячелетие назад, поглощённая песками пустыми Анаурок. Сетчатый узор был популярным мотивом в искусстве и магии Нетерила. Теперь я вспомнил, как когда-то читал о гор-кеталах, похитителях магии. Они были бичом тогдашнего государства – знать правила по праву волшебства, и каждый из них боялся гор-кеталов, что могли отнять колдовскую силу – и власть – одним лишь касанием.

Последние частицы головоломки встали на место. В поисках желаемого, Зет каким-то образом наткнулся на тайное знание гор-кеталов, и я превратился в его добычу. Так же, как и воры магии тех времен, он перенял себе мою способность к ней. Жар ярости зверем метался внутри меня, но я заставил её улечься, позволяя мне обдумать сложившуюся ситуацию хладнокровно. Нерушимый закон – для каждого заклятья есть контрзаклятье, отменяющее его. Должен был способ обратить моё изменение, и я должен был оставаться спокоен, если хотел найти его.

Нервный смешок сорвался с моих губ. Ну конечно, вот же он, прямо передо мной! Метка гор-кетала красовалась на моей собственной руке. Теперь я был похитителем. Всё что мне оставалось сделать, это найти Зета и коснуться его – тогда моя магия вернулась бы ко мне. Не то чтобы это было так просто выполнимо, ведь Зет будет настороже, ожидая преследования. Только теперь он ещё и колдун. Всё же, это давало мне надежду, чего мне как раз сейчас не хватало.

Я взглянул на небо. Шар Селуны висел уже прямо над головой. От осознания нового ужаса застыла кровь. Помимо сетчатого узора, другим важнейшим элементом нетерильских искусств была луна. Внезапно я со всей чёткостью понял – как только Селуна спрячется за горизонтом, станет слишком поздно. Если я не найду негодяя до того момента, я останусь таким опустошённым навсегда.

Не медля ни секунды, я поспешил вверх по улице, и далее через лабиринт неосвящённых закоулков. Всё ещё ослабленный, я тем не менее постепенно привыкал к ощущению пустоты внутри себя. Раньше, я даже не обращал внимания на ветхие домишки и грязные дороги в этой части Нового Города. Всегда я проходил по этим улицам без опаски, беспечный в своей уверенности, что аура магии отпугнёт любого. Теперь я чувствовал опасность, притаившуюся за каждым углом. Памятуя о господах из таверны – тех самых, что собирались ограбить меня и перерезать мне горло – я двигался так быстро, как только мог, одновременно обдумывая, как найти Зета.

Впрочем, это оказалось не такой сложной задачей.

Неподалёку, колонна зелёного огня взметнулась к ночному небу. Это могло быть только одна вещь. Заклинание.

Двинувшись на этот сигнал, я вскоре оказался на широкой площади. В центре её стояла высокая бронзовая статуя, памятник какому-то давно забытому правителю города. Она была объята изумрудным пламенем, тяжёлый металл плавился, стекая и брызжа на булыжники, образуя ручейки. Зет развлекался со своей новой игрушкой.

С отвращением окинув взглядом это проявление безответственности, я поторопился дальше. Похоже, мой противник двигался к хребту. Я не мог позволить ему слишком опередить себя.

На пути мне попала открытая дверь питейного заведения, из которой доносились звуки веселья. Но в музыке крылось пугающее неистовство, а в смехе

проскальзывали маниакальные нотки. Я заглянул внутрь. Внутри, мужчины и женщины кружились в безумном танце, дёргаясь, словно марионетки под управлением безумного кукловода. Показные улыбки застыли на их лицах, но в глазах плескался ужас.

Молодая девушка с серым от истощения лицом вихрем пронеслась мимо двери и увидела меня. «Пожалуйста, помогите нам!» - выдохнула она.

Я лишь печально покачал головой – сейчас я ничего не мог поделать. Они будут танцевать, безвольные и заколдованные, и лишь смерть остановит их неудержимую пляску. Пока я смотрел на неё, женщина крутанулась и приложилась об стену. Кровавый цветок украсил её рассечённую бровь. Боль застелила её глаза, но улыбка лишь стала шире, и её снова увлекло магическим танцем.

- Будь ты проклят, Зет! – сплюнул я, заставляя себя отвернуться от дьявольского зрелища. Он опьянел от магии, сыпля ею во все стороны и не думая о последствиях. Может, теперь он и мог колдовать, но у него не было дисциплины, приобретаемой вместе с тайным умением. С ещё большей поспешностью я продолжил преследование.

Следы погрома, оставляемого воров, продолжали складываться в единую линию, ведущую прямиком к хребту Тора. Зачем-то он двигался к Старому Городу. Бросив взгляд вверх, я обнаружил, что луна уже преодолела зенит – время утекало. Наконец, надо мной нависла темная громада горы. Я свернул на дорогу, взбиравшуюся вверх по склону, и внезапно наткнулся на препятствие.

Железная решетка преграждала дальнейший путь. Закрытые ворота.

Я проклял свою несообразительность. Я не сомневался, что Зет помнил тот факт, что вылетел из моей головы. Толстосумы, обитавшие на слонах горы, предпочитали, чтобы всякий сброд оставался по ночам в Новом Городе. Буква закона гласила, что врата должны быть затворены в полночь и не открываться до самого рассвета. Бывший лишённый наверняка перебрался на ту сторону при помощи волшебства, но что оставалось делать мне?

Факела торчали тут и там вдоль каменной стены, огородившей старую часть. Преграда была высокой и гладкой, и заканчивалась острым выступом. Даже опытный вор имел бы трудности в её преодолении, что уж говорить про потерявшего умения мага! Я уделил внимание и воротам, закрывавшим увенчанный аркой проход. Тяжелый железный замок надежно преграждал путь, а толстые прутья располагались очень плотно друг к другу. Я подергал решетку, но без особого рвения – даже самый сильный человек не смог бы их погнуть.

Я отвернулся. На небесном своде луна неумолимо спускалась к горизонту, и мои надежды таяли с каждым пройденным отрезком её пути. В недалёком прошлом, я бы повёл рукой и прошёл, словно гордый лорд. Но кем я был сейчас? Уставшее, запачканное, бессильное ничтожество без магических способностей.

Или нет? В конце концов, со мной была вся моя накопленная мудрость. Как бы справился ученик мага с проблемой закрытых врат?

Мой мозг заработал на полную. Взгляд зацепился за прогоревший факел, оставивший после себя лишь обугленный огрызок. И меня осенило. Я залез в карман своего дуплета и вытащил пригоршню податливых жёлтых камешков. Сера. У меня с собой всегда было немного этого вещества, оно частенько пригождалось при

сотворении чар – хотя сейчас было бесполезным в этом плане. Однако оно могло послужить мне другим способом. Я подошёл к стене и вытащил головёшку из державшего её гнезда. Вот и уголь. Оставался лишь один ингредиент. Я оглядел улицу – и в неверном лунном освещении увидел то, что искал. Ступка и пестик, висевшие над дорогой. Лекарская лавка.

Мне не хотелось прибегать к воровству, но я решил отложить угрызения совести до менее отчаянных времен. Подвернувшемуся камнем я разбил стекло витрины. К тому моменту, как проблески неровного света замелькали в окнах верхнего этажа, а сердитые крики нарушили тишину ночного неба, я уже убрался оттуда, достав всё необходимое. Укрывшись в густой тени у ворот, я осмотрел добытое – глиняный горшок, наполненный маленькими белыми кристалликами. Селитра. Она широко применялась целителями для лечения судорог. У меня было для неё другое применение.

Я расстелил на земле платок, и высыпал на него содержимое горшочка. Затем раскрошил и добавил к селитре уголь и серу. Очень осторожно я смешал все три составляющих до состояния однородного темно-серого порошка. Плотно связав углы носового платка, сформировал из него кулёк. Подбрав случайный кусок потрепанной верёвки, я запихнул один её конец внутрь, а затем поместил сверток между стальными прутьями около замка. Поднявшись, сорвал со стены факел и коснулся им свободного конца верёвки. Запал занялся. Я развернулся и бросился в укрытие.

Сухая материя горела быстрее, чем я того ожидал – я успел сделать меньше десяти шагов, когда ослепительная вспышка и громовой рокот раскололи ночь. Невидимая сила ощутимо ударила меня в спину, словно рука горного великана, швырнув меня наземь. Слегка оглушённый, я, тем не мене, поднялся на ноги. Едкий дым затянул всё вокруг.

Красные Волшебники Тэя утверждали, что дымный порох – а они славились тем, что изготавливали и использовали его – являлся могущественным магическим артефактом, но это была ложь. Этот порошок был продуктом не чар, но алхимии. Волшебства в нём было не больше, чем в огне очага добросовестной хозяйки, хотя, конечно, он был намного более разрушительным.

Когда дым рассеялся, я приблизился к преграде. Створы всё ещё были закрыты, и на мгновение мне показалось, что моя задумка не удалась. Я схватился за всё ещё теплый металл железных стержней и попробовал толкнуть. Раздался глухой звон – это развалился повреждённый замок. Ворота распахнулись – путь был свободен. В то же время откуда-то со стены донеслись шум и крики, моя маленькая проделка не осталась незамеченной стражниками. Я поторопился дальше и, укрытый тенями, добрался до верхней части города, никем не обнаруженный и не остановленный.

Сперва мной овладело отчаяние при мысли о поисках следов Зета в переплетении здешних улиц. Впрочем, бояться не стоило. Уже через пару секунд я упёрся в огромную дымящуюся яму, зияющую прямо посредине проулка. Чуть поодаль обнаружился величественный ясень, который изгибался под немыслимыми углами, а ветви были завязаны в узлы. Ужас и гнев охватили меня при виде этих бесчинств – чем более могущественные чары вызывал глупец, тем меньше они были ему подконтрольны. Не обращая внимания на усталость, я продолжил следовать

разрушительным подсказкам, оставленным похитителем моей магии. И – теперь я знал, куда он направлялся.

Луна уже почти касалась горизонта, когда я остановился перед ней – моей башней, на Рунной улице.

Я уставился на тёмную громаду строения, служившего мне домом долгие годы. Свет струился лишь из окна самой верхней комнаты. Наконец я понял – подлец стремился завладеть не только моей магией, но и самой моей жизнью. Он пришёл в мою башню, чтобы объявить её своей собственностью. Я почти рассмеялся перед лицом столь горькой иронии. Годами я окружал своё жилище сетью охраняющих чар и символов. И теперь тем, от кого они защищали, оказался я. И всё же я должен был войти. Как угодно.

Скрываясь, я обошёл твердыню кругом. «Думай, Морхион, - шептал я про себя. – Должна же быть какая-то трещинка в той броне, что ты возвёл для своей защиты. Не мог ты быть идеально укрыт, как бы ни хотелось считать иначе».

Всё же, даже зная, где и какие ловушки расставлены, я не видел способа обойти их. Дверь была под прикрытием такого количества магической энергии, что хватило бы изжарить и слона. Толстые стены были специально сделаны зеркально гладкими и скользкими – конечно же, не без помощи заклятий. Фиолетовый стебель вьюна змеился с западной стороны здания, проползая мимо окна кабинета, оставляя возможность взобраться к нему. Но даже отсюда я видел слабое голубое свечение защищавшего окно магического экрана. Всякий, кто попытался бы проникнуть таким образом, тут же бы упал замертво. Единственная возможность попасть внутрь – это по приглашению самого хозяина.

Тут неожиданная идея пришла в голову, воодушевляя мой упавший дух. Конечно, сложно было назвать такое приглашением, но это могло сработать, если принимать во внимание любопытство Зета и отсутствие должного контроля над новоприобретёнными способностями. Я мельком глянул на быстро спускавшееся ночное светило – на лучший план времени не оставалось. Я торопливо обыскал кусты, росшие у основания башни, в поисках чего-либо, раньше бывшего живым существом. Наконец я наткнулся на высушенный трупик небольшой птички. Сгодится.

Скрывшись в пятне густой тени, я бросил останки на каменные ступени крыльца. Тут же я услышал приглушённый перезвон откуда-то сверху – это была трель дверного звонка. Теперь я мог надеяться только на то, что самозванец клюнет на наживку. Конечно, я мог бы и просто дожидаться его, укутанный тенями, в надежде застать его врасплох. Но он будет ожидать нападения, поэтому я задумал кое-что более непредсказуемое.

Добежав до западной стены, я схватился за толстые щупальца растения, цеплявшегося за кладку, и начал взбираться. Временами мои руки нестерпимо горели, но я продолжал карабкаться, лишь сильнее стиснув зубы. Вскоре я добрался до входа в кабинет. Я мог видеть освещённую камином комнатушку, в которой сейчас никого не было. Но путь всё ещё преграждала смертоносная голубоватая завеса.

Несколько напряженных мгновений я висел так, цепляясь с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Затем я услышал скрип отворившейся двери; в тот же

момент голубая пелена мигнула и исчезла. Победная усмешка озарила моё лицо, смывая признаки истощения. Как я и ожидал, Зет не обладал тем уровнем концентрации, что был необходим для снятия только лишь одного из защитных знаков. Чтобы открыть дверь, он был вынужден развеять всю магическую защиту башни – и прежде чем неумелый колдун смог восстановить её, я протиснулся в окошко.

Расположившись в своём удобном кресле и потягивая рубиново-красное вино, я дождался того момента, когда дверь в кабинет распахнулась.

- Добрый вечер, Зет, - поприветствовал я ровным голосом.

Он был облачён в мою лучшую серую мантию, прошитую серебряными нитями. На его тощем лице на секунду отразился шок, но потом оно побагровело от злости.

- Давно не виделись, лишённый, - плюнул похититель. – Я должен был догадаться, что ты сможешь до меня добраться. Но ты опоздал.

Он показал на окно.

- Смотри, пока мы болтаем, луна садится.

Как только я повернулся в ту сторону, он резко вытянул свои растопыренные пальцы ко мне. Но я ждал именно этого. Я нырнул под стол и откатился, и об спинку кресла разбилась вспышка зелёной энергии, оставив дымящуюся дыру. Ринувшись к нему, я выбросил левую руку – ту самую, что сейчас носила печать гор-кетала.

Но прежде чем я успел коснуться предателя, он прокричал полное силы слово – и взмыл в воздух. Мягко проплыв через всё помещение, он приземлился и обернулся ко мне. Я попытался подняться, оступился и снова оказался на полу. Он простёр руку в моём направлении – мой план провалился.

- Знаешь, не следовало тебе приходить сюда, - сообщил он, в его голосе как будто проскальзывали нотки печали. – Ты мог бы жить своею новой жизнью дальше.

- Лишённым? – тихо отозвался я. – Нет, Зет. Это свело бы меня с ума. Так же, как сводило тебя.

Его грусть уступила новому приступу ярости.

- Морхион Джен'даар, я больше не нуждаюсь в тебе. У тебя больше нет магии, которая не принадлежит теперь мне.

Багровые искры затрещали, запрыгали на кончиках его пальцев.

Я смотрел на вора в ужасе, зная, что в этот раз мне не избежать смертельного удара. В окне за его спиной бледный диск луны начал сваливаться в пропасть за горизонтом. Я инстинктивно запустил руку в карман своей накидки, словно в поисках компонента для нужного заклинания. Вот только я не знал ни одного. Всё, что моя рука нащупала там, была маленькая плетёная трубочка...

- Ошибаешься, Зет, - внезапно произнёс я. – Есть одно заклятье, неподвластное тебе.

Я вытащил из глубин одежды безделушку, накануне купленную у беспризорницы, и бросил к его ногам.

- Попробуй, разгадать суть вот этих чар, «маг»!

Глаза моего врага сузились в подозрении, но было понятно, что мои слова задели самолюбие. Словно голодающий, приглашённый на банкет, бывший лишённый не мог устоять даже перед мельчайшим проявлением магии. Погасив смертоносные искры небрежным взмахом, он наклонился, чтобы поднять

брошенный предмет. Нахмурившись, он изучил его, засунул палец с одной стороны, ощупывая внутренность, затем запихнул ещё один палец с противоположной стороны трубки.

- Здесь нечего разгадывать, - с отвращением фыркнул незадачливый волшебник.

- Что ж, если ты так считаешь, значит, действительно пришло время от меня избавиться, - смиренно кивнул я в ответ.

Жестокая гримаса расплылась на его лице.

- Ну как скажешь.

Зет вознёс руку над головой, приготовившись бросить заклятье. Вторая рука, с пальцем, застрявшим в трубочке, последовала за ней. Недоуменно взглянув, он попытался освободить свои пальцы из ловушки – без толку. Со всё возрастающей паникой он тянул сильнее и сильнее, но это было бесполезно. Безобидная на вид игрушка крепко держала его руки. Глядя на меня, охваченный внезапным страхом, он попытался начать заклинание. Но без плетущих мистические узоры рук использование магии было невозможным.

Это был мой шанс. Я вскочил на ноги. Мошенник попытался увернуться, но оступился и упал, снеся книжный шкаф. Не давая ему уползти, я схватил его за воротник и прижал свою левую ладонь к его мокрому лбу.

И вновь были вспышка и гром, в этот раз мощный и kloкочущий, в то время как море яркой энергии наполняло меня. Я отшатнулся, хватая воздух. Все фибры моей души лучились магической силой – я снова был собой. Зет же со стоном свалился на пол, и на его лбу теперь красовалась метка гор-кетала.

Он поднял дрожащие, обессиленные руки, всё ещё пойманные в игрушку-ловушку:

- Здесь ведь нет никакой магии, да?

- Нет, Зет, совсем никакой, - покачал я головой. Теперь, когда я одолел его, я понял, что не могу испытывать к нему ненависти; его душа и так была истерзана. – Позволь помочь тебе. Может, вместе, мы сможем найти для тебя покой, который ты так ищешь.

На мгновение в его тёмных глазах загорелась надежда, однако сразу же сменилась горечью и ненавистью, не направленными конкретно на меня.

- Я сказал, что мне не нужна твоя жалость! – выдавил поверженный вор. – Ты думаешь, ты поборол меня, но на самом деле победа все равно за мной. Теперь ты всегда будешь знать, что твоя магия не безупречна. Я забрал все твои умения, но ты все равно обхитрил меня, своим простым трюком. Точно так же это могло случиться и с тобой. Так пусть осознание этого гложет тебя до конца твоей никчёмной жизни, Морхион Джен’даар!

Слишком поздно я понял, что он задумал. Издав последний, душераздирающий вопль, Зет вскочил и бросился к окну. Он был мёртв ещё до того, как его тело коснулось земли – магическая защита продолжала хранить окно от посторонних, неважно, с какой стороны.

Так закончилась история Зета, гор-кетала, последнего из похитителей магии.

Дописывая последние строки, я снова смотрю на листок с приглашением, оставленный им на крыльце. «Я верю, что мы многое можем почерпнуть друг у друга», - так он написал.

Забавно, ведь Зет и вправду кое-что дал мне. Он был прав. Моя магия не безупречна. Я не всемогущ. Но кое-что он ошибся. Это открытие не тревожило меня. Ибо, как я узнал из нашей последней встречи, иногда слабость есть сила, а сила является слабостью. Больше я не был в абсолютной безопасности за стенами моей обители.

И благодаря этому, я понял, что всё ещё живу.

ТИХОЕ МЕСТО

Кристи Голден

Они были убийцами, ворами, насильниками; все - негодяи. За свои преступления каждый из них по меньшей мере трижды заслуживал смерти. Но они были еще и людьми, а поскольку существо, которое наблюдало, как они располагаются лагерем на поляне, человеком не было, оно и решило, что не вправе их судить.

Оно, то есть он, терпеливо ждал в тени, слушая их рассказы о жестоких злодеяниях. Если бы в его жилах текла теплая кровь, она замерзла бы от этих историй и от небрежных интонаций, с которыми их рассказывали. Наконец, оставив на страже только одного - и то довольно далеко от костра - они заснули.

Вампир подождал, пока его исключительный слух не уловил звук ровного дыхания; подождал, пока широкие груди не начали ритмично подниматься и опускаться. Потом он подобрался к ним - тише теней, в которых прятался.

При жизни он был золотым эльфом, уроженцем прекрасного волшебного королевства Эвермит. Звали его Джандер Санстар, и, в отличие от большинства ставших нежитью, он помнил, что такое сострадание и милосердие. Он подошел, как и всегда, только чтобы поесть, чтобы утолить невыносимую жажду, терзавшую его холодную плоть. Он подошел не для того, чтобы убивать. Он никогда не убивал.

От запаха немых тел нос Джандера сморщился, но сквозь эту вонь пробивался сладкий запах горячей крови, струящейся по живой плоти. У Джандера начали расти клыки, рот его заболел. Он с отвращением относился к потребностям своего тела, к жажде крови, ненавидел свою способность чувствовать запах крови, но не мог сопротивляться этому адскому зову. По крайней мере, подумал он, я добрее к моим жертвам, чем эти люди - к своим.

Джандер наклонился над одним из них, осторожно повернул его мягким прикосновением холодных пальцев, опустил на колени и обнажил клыки. Легкий укус, и плоть шеи отдала свой сладкий сок голодному вампиру. У кожи этого

человека был неприятный вкус пота, но сладкий вкус крови перебивал все неприятные ощущения. Еще несколько глотков, и все.

Он поднялся и тихонько подошел к следующему. Несколько глотков из каждого, и Джандер насытится, а его жертвы не получают ощутимого вреда. Бесшумно опустившись на колени, он опять повернул человеку голову так, чтобы легче было добраться до его шеи.

Но этот выпил меньше других, и почти неощутимое прикосновение эльфа-вампира разбудило его. Он закричал, и тишина исчезла.

Немедленно проснулись остальные - настороженные и опасные. Напуганный Джандер замешкался всего на секунду, но этого было достаточно, чтобы разглядеть его золотистое под туникой тело, достаточно, чтобы увидеть его лицо. Он повернулся и бросился прочь, преследуемый бешеными воплями шестерых мародеров.

Ему придется насытиться где-нибудь еще. И эта мысль отнюдь не была ему приятна.

На третью ночь после этой неудачи Джандер смотрел на луну. Она была почти полная, ее мягкий свет ласкал деревья и серебрил траву. Джандер любил прекрасное, но великолепие луны не радовало его. Он знал, что все свое оставшееся неестественное существование будет смотреть только на луну, и никогда - на солнце; пить только кровь, и никогда - вино.

По щеке его скатилась алая кровавая слеза.

- Я этого не хотел, - негромко сказал он, хотя некому было услышать его - он стоял один на позолоченном лунной луной около Мистльдэйла. - Разве нигде нет ни прощения, ни милосердия?

Ему ответили только тихие звуки летней ночи, но он не нашел в них утешения. Он хотел тишины. Он не хотел своих обостренных чувств - они только напоминали ему, что он такое.

Его рот заболел, он почувствовал запах крови. Заяц, олень - неважно. Все сгодится, чтобы утолить его отвратительную жажду. Он вытер золотистое, угловатое лицо, стирая метку боли, запятившую его щеку.

Он шел в облике эльфа. Не для Джандера Санстара стремительность волка или летучей мыши, кроме как в случаях необходимости. Так легки были его шаги, что капли росы не падали с травинки под его ногами. Он был не особенно голоден, так что торопиться было не нужно. В густом лесу было немало пещер, в которых можно будет лечь спать, когда солнце поднимет свою прекрасную, смертоносную золотую голову.

А потом лес внезапно поредел. Неестественно острый слух вампира уловил шум бегущей воды. Кроме обычной угрозы, которую представляет для нежити текущая вода, Джандер не чувствовал никакой опасности. Завороженный смехом воды, который напомнил ему о счастливых временах, он осторожно вышел из зарослей.

Впереди был круг огромных древних дубов. Никаких признаков работы рук не было, и эльф предположил, что этот круг - творение природы. Такое бывало, хотя и

редко. Его ноздрей достиг чистый запах воды. Эльф шагнул вперед, решив только постоять секунду у ручья, мирно журчащего в тишине, только недолго отдохнуть, прежде чем идти дальше. Но тут он услышал пение - и застыл.

Эльф? - подумал он с внезапной глубокой болью. Нет, этот голос был слаще, чище, чем даже голоса Прекрасного Народа. Нимфа или наяда? Эту мысль он тоже отверг, потому что такое существо почуяло бы его, так же, как он бы ее почуял. Она бы убежала, печально подумал он, - убежала от чудовищной, неестественной твари, которой он стал.

Сладкий женский голос по-прежнему звучал - чистый, словно это сама вода обрела голос. Красота песни, ласкавшая слух Джандера, манила его, словно цветок - пчелу. Он вошел в круг могучих дубов - и увидел ее.

В центре круга было маленькое озерцо, журчал родник, а в середине озера на валуне сидела женщина, прекрасная неопишимо. Это она пела, и, пока Джандер зачарованно смотрел на нее, она подняла голову, темную, как сами дубы, и посмотрела на него сияющим взглядом.

- Подойди, Джандер Санстар, - пригласила она. - Священная роща знает о твоей муке и приветствует тебя. Вода ждет, чтобы очистить тебя и дать тебе новые силы.

Вампир нашел слова, хотя и не понял, как.

- Если эта роща приветствует такого, как я, Госпожа, значит, мир сошел с ума.

Она улыбнулась, и у него заболело сердце.

- Нет, вампир, просто слегка изменились правила, вот и все. Великое сердце иногда может одержать победу над великой болью.

Она поднялась, и он увидел, что она одета в развевающиеся зеленые одежды. Они были почти как листья, почти как вода...

- Подойди. Омойся и прими тишину Элдат.

Элдат, Тихая, Богиня Поющих Вод! У Джандера мысли перемешались в голове. Текучая вода, попав на его мертвую плоть, убьет его. Джандер это знал. Но какой же может быть более дивный способ наконец умереть, познать покой, чем омыться в озере Элдат! Конечно, единственное, зачем его могут пригласить войти в святое место - даровать ему смерть. Эту смерть стоило принять, и Джандер, подавив рыдание, бросился вперед. Подбежав к Тихой, он остановился.

- Это, - она обвела рукой вокруг, - дубовая роща, посвященная Сильваносу. Родник посвящен мне. У деревьев хороший слух и хорошая память. По всем Долинам они говорят о тебе добрые слова - о том, кто не приемлет своего проклятия, о том, кто помогает раненым, о том, кто не убивает. Сам лес привел тебя сюда.

Ее большие мягкие глаза стали грустными.

- Я не могу снять с тебя твое проклятье. Я не могу вернуть тебе солнце - это не в моей власти. Но в границах этой рощи я могу смягчить твою боль и печаль - заставить замолчать тот зов, что преследует тебя. Примешь ли ты мой дар?

Джандер почувствовал, что по щекам у него текут слезы. Он не попытался смахнуть предательские красные капли: она знала, кто - что - он такое. Знала и прощала.

- Да, Госпожа, с глубокой благодарностью.

- Сначала встань на колени и омой лицо, - сказала она. Он послушался. Вода была холодной и освежающей. Он плеснул немного на глаза и щеки, смывая кровь, но

успокоиться и перестать плакать все никак не мог. Джандер вытер лицо - и уставился, ошеломленный, на свою золотистую ладонь, блестевшую одной водой.

- Они все еще солоны, но больше не от крови, - прошептала Элдат, внезапно оказавшаяся рядом с ним. - Войдешь ли ты в озеро?

Не осмеливаясь верить, он это сделал, не думая, что сделает вода с его башмаками, одеждой и инструментами. Когда текучая вода охватила его, Джандер думал, что вот-вот почувствует боль смерти. Но она не пришла. А пришло - мягкое и сладкое, как ласковый сон - чувство глубокого покоя. Мягкими пальцами Элдат, сияющая в лунном свете, потянулась и коснулась его ушей, носа, рта и плеч.

- Эти уши острые, но отныне они лишены слуха летучей мыши. Этот нос обладает отличным нюхом, но отныне он лишен чувствительности волка. Этот рот голоден, но отныне он не будет жаждать вкуса жизни. Эти плечи широки, но отныне они не будут двигаться с силой носферату.

Внезапно, неожиданно, она протянула вперед обе руки и толкнула его вниз. Вода сомкнулась над его пшенично-золотистой головой, радость сменилась страхом, и Джандер забился. Если он и сомневался раньше в ее божественности, то теперь перестал, ибо ее силе и воле сопротивляться ему было не под силу.

Так же неожиданно давление, удерживавшее его под водой, исчезло. Джандер рванулся на поверхность. Элдат исчезла, оставив Джандера лихорадочно вдыхать воздух. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это значит.

Ему нужен был воздух. Милостивые боги, впервые почти за сто лет ему был нужен воздух!

Задыхаясь, он рассмеялся и бросился к берегу. Он выбрался из воды, мокрый, замерзший - замерзший! - и дрожащий. Джандер вспоминал слова богини, кашляя, и смеялся. Отдышавшись, он глубоко втянул носом воздух. Он почувствовал сладкий запах ночного леса - и все. Никакого запаха оленя или белки; никакого запаха или звука живой крови, текущей по венам и артериям.

Он опять бросился в озеро, добрался до валуна, на котором сидела богиня, и обхватил его. Напрягшись, он попытался поднять валун. Раньше он поднимал вещи и потяжелее, но теперь его жуткая вампирская сила исчезла. Дрожа, он опять бросился в воду и медленно направился к берегу.

Она это сделала. Благословенная Элдат Тихая, с одобрения Сильваноса, Повелителя Дубов, забрала у него большинство из того, что означает быть вампиром. Джандер понимал, что никогда не сможет покинуть небольшой защитный круг, дарованный роцей. Но разве это тяжело - в обмен на то, что они дали ему!

Но ночь быстро подходила к концу, а Элдат предупреждала, что не может защитить его от палящих лучей солнца. Мокрый и дрожащий, эльф отправился осматривать роцу. Он нашел то, что ему было нужно - каменный завал над глубокой ямой в земле. Там он сможет надежно спрятаться от прекрасного, но смертоносного света.

Волшебная ночь становилась светлее, и бывший вампир отправился спать. Впервые за много десятилетий у него было легко на сердце.

Джандер проснулся в сумерках, предвкушая первую ночь без ужасной жажды. Он глубоко вдохнул прохладный вечерний воздух, закрыв глаза и наслаждаясь свежестью.

- Добрый вечер тебе, друг!

Вздрогнув, Джандер резко обернулся.

- Кто меня зовет? - спросил он, насторожившись.

Но это был всего лишь молодой человек, одетый в мантию коричневых и зеленых тонов. Волосы у него были рыжие, как у Сьун Огненноволосой, а открытое, дружеское лицо усеивали веснушки.

Запах его крови Джандер вообще не чувствовал.

- Брат Эндрис из Аббатства Дубовой Рощи. - Он указал на два деревянных ведра.

- Я пришел набрать воды из родника. А кто ты, друг?

Внезапно страх сжал Джандеру сердце.

- Не прогоняйте меня, - взмолился он.

Брат Эндрис озадаченно посмотрел на Джандера.

- Зачем бы нам это делать?

Он шагнул вперед и начал набирать воду из родника.

- Я... Я... - Джандер подыскивал слова. - Брат Эндрис, вы верите в чудеса?

Эндрис недоверчиво посмотрел на него широко раскрытыми голубыми глазами.

- Какой же я был бы священник, если бы не верил в чудеса?

Джандер почувствовал внезапное смущение.

- Я не хотел оскорблять вас, - извинился он. - Но до прошлой ночи я явно перестал надеяться на чудо.

Джандер рассказал о встрече с Элдат, но умолчал о том, что он такое. Он сказал, что был «поглощен великим злом», что «должен оставаться в кругу в качестве символа своего раскаяния». Он ожидал увидеть на лице Эндриса недоверие или даже гнев. Вместо этого брат внимательно слушал. Наконец он заговорил.

- О подобном порой слыхали, - сказал он тихо. - Похоже, у Сильваноса и Элдат есть для тебя работа.

- Но... я не могу выйти из рощи, - сказал Джандер. - Как же мне зарабатывать на жизнь?

- Если уж боги настолько взяли тебя под крыло, они выразят свои желания достаточно скоро. А пока, - и он улыбнулся, словно полурослик, - ты можешь помочь мне тащить воду.

Джандер рассмеялся и с радостью взялся за ведро. Он проводил Эндриса до круга дубов.

- Спасибо тебе еще раз, что позволил мне остаться здесь, - сказал он.

- Не за что, - весело ответил Эндрис. - Но хорошо увидеть лицо эльфа. Сейчас нас так редко навещают. Мне не терпится еще раз поговорить с тобой, Джандер Санстар.

Джандер мысленно возблагодарил судьбу, что аббатство редко навещают. Без сомнения, его имя быстро разнеслось среди жителей Мистльдэйла, с того случая несколько месяцев назад... Нет. Это было частью прошлого. А это, подумал он, оглядывая мирную рощу - это будущее.

Когда Джандер повернулся, чтобы пойти обратно к роднику, он споткнулся. Он посмотрел вниз и увидел сброшенные рога оленя, промчавшегося через рощу, и несколько веток, упавших со старых деревьев.

И тогда он понял, что это значит.

- Я понимаю, - негромко сказал он тишине, наполнявшей священное место. Джандер благоговейно поднял рога и ветки, сел на валун рядом с родником, вытащил нож и принялся за работу.

Перед рассветом, когда Эндрис опять пришел за водой, Джандер закончил третью статуэтку. Улыбаясь, он вручил ошеломленному молодому брату свои творения.

- Они... они изумительны, - тихонько сказал Эндрис, осматривая два резных деревянных подобию Элдат и сувенир из дубовых листьев и желудей, который Джандер сделал из рогов.

- Если ваш настоятель их благословит, вы сможете продавать их в качестве талисманов, - сказал Джандер. - Вы сможете поднять доходы аббатства.

Эндрис поднял на вампира сияющие глаза.

- Я же говорил тебе, что боги дадут тебе знать, что они от тебя хотят. Спасибо, Джандер. Отец Рэйлен будет очень благодарен. О, я чуть не забыл. У меня тоже кое-что есть для тебя.

Он притащил с собой большой мешок. Теперь он рылся в нем, что-то бормоча себе под нос.

- Ага, вот.

Из мешка появилась коричнево-зеленая мантия с простым веревочным поясом, фрукты и бутылка вина.

- К любому, кто, подобно тебе, одарен милостью богов, в аббатстве очень хорошо относятся, - улыбнулся он.

Джандер заговорил, с усилием выталкивая слова из горла.

- Спасибо... тебе, брат. Спасибо.

Этих слов было недостаточно, но больше ничего не было. Это было все, что мог выговорить удивленный эльф.

Последующие несколько недель все ночи были похожи друг на друга. Вечерами и под утро Джандер беседовал с Эндрисом, а все оставшееся время вырезал статуэтки. Большую часть своей жизни он провел в поисках приключений и сначала боялся, что тишина, покой и неспособность уйти из замкнутого круга станут для него нелегким бременем. Но это было не так. Он долго прожил, дыша, и почти сто лет существовал как нежить. А теперь он просто был, и этого было больше, чем достаточно. В течение долгих часов, пока Джандер в тишине занимался своими статуэтками, он прислушивался к окружающей тишине, думал о делах давно минувших, о людях, давно уже обратившихся в пыль. И радостно думал: «Мне не нужно пить кровь!» И эта мысль дарила ему чувство, которое можно было бы назвать странным изгнанием в рай.

Эндрис тоже помогал провести время. Он был веселым парнем, и, казалось, у него каждый день была наготове для друга новая шутка. От него Джандер узнавал, что происходит день за днем в Аббатстве Дубовой Рощи, которое находилось на небольшом зеленом холме неподалеку. Джандер даже мог разглядеть его каменные

стены, когда ветер раздвигал ветви. Но для вампира аббатство было не ближе, чем Эвермит - ибо он не мог ни на шаг приблизиться к нему.

Однажды в сумерках Джандеру пришлось ждать появления Эндриса дольше обычного. Но брат не пришел. Настала ночь, и Джандер начал беспокоиться.

И тогда он услышал звон колокола и увидел, что ночное небо освещено злым оранжевым светом.

Пожар!

Первым порывом Джандера было бежать на помощь. Он остановился уже у самого края рощи. Оставь он рощу, он никогда не сможет вернуться. Он заколебался, разрываясь между беспокойством о своем друге и своим благословенным покоем. Наконец, злой на себя, но другого выхода не видя, Джандер повернулся и направился обратно к роднику, грустно надеясь, что обойдутся и без его помощи.

Ночь пронзили крики. Джандер напрягся. Огонь, конечно, страшен, но уверенные в себе монахи не станут паниковать и кричать в ужасе - не так ли?

- Пожалуйста, Сильванос, защити преданных тебе, - прошептал он. Его золотистые руки сжимались и разжимались, выдавая битву, происходящую в его душе.

Внезапно среди криков ужаса и боли прозвучал злобный смех. Вампир подпрыгнул и бросился к границам священного места, словно пантера в клетке. Не в состоянии сдерживаться, он закричал:

- Эндрис? Кто-нибудь?

- Джандер!

Голос был слабым, но Джандер его узнал. Это был Эндрис, и через несколько секунд, показавшиеся взволнованному эльфу необыкновенно долгими, появился брат.

Его лицо было покрыто кровью, он неловко поддерживал свою левую руку. Джандер, который на своем веку повидал добрую сотню битв, сразу понял, что рука сломана.

Джандер сжался, думая, что понял, что хочет сказать Эндрис. Брат и не представлял себе - и представить не мог - истинную глубину зла, которое преследовало Джандера Санстара. Он не мог знать, что, ступи Джандер на шаг из рощи, к нему вернется сводящая с ума жажда крови, что ему нужно будет охотиться и ранить; что он опять станет нечистью. А Джандер знал, что Эндрис собирается просить о помощи. Что ему сказать? Что он может сказать?

Он мысленно приготовился выслушать мольбу, но слова Эндриса его потрясли - и тронули.

- Джандер, - выдохнул молодой монах, - спрячься! В аббатство пришли мародеры. Они притворились пилигримами, а как только оказались внутри... Если они тебя найдут, они тебя непременно убьют!

- Но, - сказал Джандер, - моя помощь...

- Ты - всего лишь одинокий безоружный эльф, - ответил Эндрис, вздрагивая от боли. - Ты не выступишь против шестерых таких, как они!

Джандер почувствовал жуткое, тошнотное ощущение в глубине живота.

- Шестерых? - повторил он. Нет, этого не может быть - в лесах множество разбойников...

Но у него больше не было времени на расспросы. От горящего аббатства неслся смех и крики. Эндрис с ужасом посмотрел на четверых людей, возникших из тени, опять закричал «Прячься!» и, безоружный, бросился на врагов.

Возможно, это был самый смелый поступок, который Джандер видел за несколько столетий. С секунду он смотрел, онемев. Он узнал этих людей. Это была та самая шайка шестерых убийц, из которых он пытался пить кровь несколько недель назад. С ужасной дрожью он понял, что они последовали за ним. Сам того не зная, он, Джандер Санстар, привел их сюда, к обители невинных священников, дал им возможность осквернить рощу, которая его приютила.

Они занимались избиением Эндриса. Они не пользовались оружием - они растягивали удовольствие, убивая Эндриса голыми руками и умелыми ударами. Эти люди, чьи лица горели у Джандера в мозгу, не увидели эльфа. Еще не увидели. Он мог поступить так, как хотел Эндрис - спрятаться под своим каменным завалом, переждать нападение, выбраться здоровым телом и душой и по-прежнему отдыхать от вампиризма.

Но это значило бы позволить Эндрису и всем остальным добрым людям, которые делали ему только добро, умереть бессмысленной, жестокой смертью.

Слезы обожгли глаза Джандера, и сердце его разбилось.

С криком, в котором смешались гнев и глубочайшая печаль, Джандер бросился на воров и убийц. Покинув защитный круг, тихое место, он ощутил, как на него вновь обрушилось всей своей тяжестью его проклятие. Жажда крови вернулась, более сильная, чем когда-либо. Он превратился в золотого волка. Тело наполнилось силой, а гнев познал удовлетворение, когда ближайший к нему человек увидел его, и его глаза в ужасе расширились.

Волчьи челюсти щелкнули, перекусывая глотку. Кровь потекла у Джандера по подбородку, и он чуть не забыл свою истинную цель в ошеломляющем желании лакать алую жидкость. Одной только силой воли он отвернулся от мертвого, нашел еще одну жертву и опять вцепился в человеческую глотку.

Теперь в ужасе кричали напавшие. Чтобы еще больше их испугать, Джандер позволил себе вновь принять эльфийский облик. Но ни один эльф, который дышит воздухом, не мог бы так выглядеть: золотистое лицо покрыто кровью, длинные клыки оскалены, серые глаза сверкают яростью.

Двое были мертвы. Оставшиеся двое бросились бежать, но Джандер легко догнал их. Одного он убил кинжалом, другому одним движением могучей руки с острыми ногтями оторвал голову.

Четверо были мертвы. Оставались двое, оскверняющие и разрушающие аббатство. Джандер рванулся туда. Вдруг до него донесся хриплый зов Эндриса.

- Джандер!

Гнев утих, сменившись страхом. Все, кто узнавал об его истинной природе, отталкивали его. А что сделает Эндрис? Эльф-вампир медленно обернулся.

Эндриса сильно избили. Джандер вдруг испугался - а вдруг его вмешательство, его жертва, пришло слишком поздно? Но молодой человек с усилием приподнялся на здоровом локте, и окровавленная сломанная рука протянулась к вампиру. Джандер подошел к нему. Если Эндрис хочет плюнуть ему в лицо, он вправе это сделать.

Эндрис закашлялся, задыхаясь.

- Ты говорил... о зле... я не знал. Возвращайся, Джандер. Ты оставил... приют ради доброго дела... Возвращайся назад.

В сердце Джандера внезапно вспыхнула надежда. Может быть, Элдат и Сильванос действительно поймут, почему он отверг их величайший дар? Может быть, они дадут ему еще один шанс? Слова Эндриса придали ему решимости. Насколько мог, осторожно, Джандер подвел руки под тело друга.

- Тебе нужна помощь, - сказал он тихонько, когда Эндрис начал возражать. Молодой человек, хотя и сильный и мускулистый, показался вампиру почти невесомым. Быстро, стараясь идти как можно ровнее и ритмичнее, чтобы не причинить другу боли, Джандер побежал к аббатству. На первых же нескольких шагах Эндрис застонал и потерял сознание. Он еще дышал; он просто потерял сознание от боли. Джандер подумал, что это, возможно, к лучшему.

На полпути его встретила толпа разгневанных братьев с крепкими посохами. Один или двое из них были одеты в красивые, словно бы из дубовых листьев выкованные доспехи, традиционные для священников Сильваноса. Когда они увидели окровавленного эльфа и его драгоценную ношу, они сначала подумали, что он - еще один мародер. Один из них бросился на него, замахиваясь посохом.

- Нет, подождите! - раздался голос. Между братьями протолкался высокий худой человек с белыми волосами. Джандер догадался, что это настоятель Рэйлен. - Должно быть, это друг Эндриса, эльф, которому было дарован приют в роще.

- Да, отец, - сказал Джандер. Он вручил потерявшего сознание Эндриса ближайшим священникам, которые осторожно приняли его на руки. - Вам больше нечего бояться четверых из тех, кто напал на Дубовую Рощу. Но остались еще двое...

- С ними мы сами справились. Они арестованы и ждут нашего решения. - Рэйлен внимательно посмотрел на него. Даже в этом тусклом свете Джандер видел великолепно. Лицо этого человека было изборождено годами, но было очевидно, что его разум все еще так же крепок, как дубы, что растут в роще.

- Остальные четверо... твоих рук дело? - негромко спросил Рэйлен. Джандер кивнул.

- Я оставил рощу, чтобы спасти жизнь Эндриса и защитить ваше аббатство. Это был... долг. Я думаю, возможно, это я невольно привел к вам этих злых людей. Мне нужно было это искупить. Эндрис думает, что меня могут впустить обратно в рощу, потому что я покинул ее ради доброго дела.

Мудрые глаза Рэйлена осмотрели Джандера с головы до ног, не упустив ни крови, ни растрепанных волос. Благодарение богам - свет был слишком тускл, чтобы он мог разглядеть клыки Джандера. Когда он наконец встретил взгляд Джандера, его лицо было печально. Он медленно покачал головой. Сердце у Джандера упало.

- Но... Эндрис бы умер... как же мог я ему не помочь? - воскликнул Джандер.

- То, что ты решил поступить так, прежде всего объясняет мне, почему Элдат дала тебе убежище в роще - у тебя доброе сердце, как бы ни были темны твои дела. Эндрис был неправ, давая тебе ложную надежду. Немногие получали и единственную возможность, подобную той, что была дарована тебе, друг мой. Никто не получает такого благословения дважды, какое бы доброе дело они ни сделали. Утешайся тем, что ты пожертвовал своим приютом не зря - Эндрис будет жить. И

другие, которые могли бы умереть, если бы не ты. - Он поднял морщинистую руку, собираясь благословить Джандера.

Вампир быстро отшатнулся. Как только Рэйлен начнет говорить священные слова, немедленно обнаружится, что он - нежить. Ни слова ни говоря, он повернулся и побежал вниз по травянистому склону, обратно к роще. Приблизившись, он замедлил шаг, почувствовав, что в нем поднимается удушающий страх.

- Пожалуйста, - только и сказал он и шагнул вперед.

И вздрогнул от боли, перешагнув невидимый барьер, который немедленно ослабил его - неосязаемое, но очень реальное препятствие, которое не давало злым тварям войти в священное место. Он посмотрел туда, где всего несколько минут назад был его приют, дарованный богиней. Его серые глаза жадно оглядели валун, на котором он сидел, наполовину оконченную статуэтку, которая выпала из его рук и теперь тихо лежала на прохладной траве.

Джандер наполовину надеялся, что появится Элдат, и он сможет поговорить с ней и попросить о прощении. Но она не появилась, и, пока медленно текли секунды, в сердце его печаль медленно сменилась решимостью.

У него не было иного выхода. Он знал, что сидеть и смотреть, как убивают невинного друга, для него так же невозможно, как и самому стать священником. Если бы он так поступил, роща была бы запятнана его трусостью. Он возненавидел бы ее, как ненавидел самого себя; и однажды он непременно оставил бы это тихое место с куда большей горечью в сердце, чем теперь.

Джандер с усилием отвернулся и пошел прочь. Куда, он и сам не знал. Может быть, в Вотердип, куда направлялся с самого начала. Боги попытались предложить ему утешение, но судьба и то, что осталось светлого в самом Джандере, обрекли на поражение эту попытку обрести покой.

Он с усилием вдохнул воздух, и резкий запах дыма опять наполнил его ноздри; но пламя больше не плясало. Раненых вылечат, разрушенное восстановят. Жизнь в аббатстве пойдет, как прежде - и в этом будет, пусть небольшая, но и его доля.

На сердце у него стало немного легче. Одинокий, без друзей и без надежды, эльф-вампир направился на восток, и, хотя по его следам шли тьма и смерть, на губах у него была улыбка.

Он правильно поступил. И в конце концов, когда все очки будут подсчитаны и все превратности судьбы отойдут в сторону, этот глубокий покой будет стоять всех тихих мест в мире.

ОКО ДРАКОНА

Эд Гринвуд

Амбрин с раздражением глянула в окно, пока шла через Облачную Залу, стараясь не отставать от вежливого, но настойчивого дворецкого. Ну почему бабушка Тэшла желала видеть её именно сейчас?

Безумно холодный ветер, гулявший в окрестностях Дома Хоквинтер, наконец стихал. Скоро Глубоководье облачится в сырую, липкую мглу, которая начнёт выплясывать радостный танец Тиморы, играя вспышками ветвистых молний. Даже если все домочадцы погрузятся в сон, она не посмеет призвать ни единой искорки. Неуклюжее, неотточенное колдовство – вот всё, что ей оставалось.

Ещё одна декада пройдёт в бесконечных дворцовых променадах, нудных уроках по достославной и долгой истории династии Хоквинтер и бессмысленной болтовне с пустоголовыми высокородными девицами, подругами её сестёр – если, конечно, этих хладнокровных, мелочных и вечно что-то замышляющих склочниц мог назвать друзьями хоть кто-нибудь. Ещё целых десять дней, во время которых Амбрин Хоквинтер – всего лишь очередное украшение общества в городе, изобилующем высокомерными молодыми дворянками – не сможет заниматься сколько-нибудь значимой магией.

Девушка нахмурилась, взглянув на своё отражение в зеркале, мимо которого как раз пробежала. Да, было бы так легко просто сдаться. Она могла бы похоронить в памяти все эти тайные занятия, полные выматывающей концентрации и произносимых благоговейным шёпотом заклятий, и просто прожигать жизнь, неотвратимо двигаясь к унылости свадьбы с обожаемым наглецом, щёголем или болваном из очередной благородной семьи, почитаемой Хоквинтерами. Так, будьте прокляты все боги, просто! Она гордо вскинула голову и посмотрела на обескураженного прислужника. Они уже свернули в Башню Тэшлы и начали взбираться по винтовой лестнице, ведущей к покоям, никогда не оставляемым бабулей Хоквинтер.

- Я не позволю дать этому случиться с такой лёгкостью, - беззвучно поклялась она. – Я не стану одной из тупоголовых мочалок, скорее Дом Хоквинтер погрузится в свои собственные выгребные ямы!

Вход в покои был сразу за дальним краем красного гобелена из мерцающей пряжи. Дворецкий позвонил в висевший рядом звонок, представлявший собой россыпь латунных колокольчиков, спускавшихся изящной спиралью. Затем слуга открыл дверь, потянув тяжёлую створу, плавно отошёл в сторону и пропустил Амбрин.

Младшая дочь рода Хоквинтеров пронеслась мимо него, окружённая ореолом такой абсолютной уверенности, что слуга про себя прозвал её Маленькой Королевой Всея Глубоководья. Она шагнула внутрь, в неосвещённые и тихие апартаменты, которые теперь были единственной вотчиной, что имела в распоряжении когда-то всемогущей вдовы Хоквинтер.

Бесценные скульптуры из сверкающего камня скользили в медленном танце, когда она проходила мимо. Слабо сияющие картины со сценами эльфийской летучей охоты и вальсирующих лордов и леди притягивали глаз своими бесконечно сменяющимися одно другое под воздействием чар изображением. Очарованная девушка на добрых двадцать шагов удалилась от двери, углубившись в роскошные покои, прежде чем поняла, что одна. Не было ни следа присутствия трёх пожилых камеристок, вечно трущихся у ведущей в центральную спальню лестницы и только и ждущих, чтобы Тэшла приказала им явиться к ней. Амбрин неуверенно остановилась в пустой прихожей, раздумывая, что делать дальше.

Внезапно на поверхности гладкого, выточенного из слоновой кости наверх одной из нижних лестничных стоек появился глаз, рот украсил другое и произнёс знакомым, сухим и дребезжащим голосом бабушки Тэшлы:

- Поднимайся наверх, девочка; мне осталось не так уж много времени.

Лёгкий холодок пробежал по спине Амбрин при этих словах, произнесённых так спокойно. Покорно она ступила на вьющуюся лестницу – вот он и раздался наконец, зов, которого она так боялась. Она подобрала юбки и торопливо начала взбираться по ступеням.

Ей следовало навещать бабулю почаще, и оставаться подольше, не обращая внимания на вездесущих, злоупотребляющих парфюмом старых камеристок, с их сумбурными, снисходительными комментариями и нескончаемыми жизнерадостными, но нарочито вежливыми и пустыми разговорами о погоде. Ей следовало рассказать леди Тэшле – которая, согласно слухам, заигрывала с тёмной и смелой магией в дни её молодости – о своих собственных неуклюжих потугах овладеть этим искусством. Ей следовало...

Амбрин добралась до верха и остановилась, поражённая. Бабушка была в комнате совершенно одна и лежала на кровати, поддерживаемая грудой подушек. Должно быть, она отослала прислужниц прочь и самостоятельно расплела волосы.

Тускло светившая плавающая сфера висела в воздухе над кроватью. В её свете девушка могла разглядеть, что леди Тэшла была облачена в чёрную мантию, а рукава переливались трепещущим пламенем красного шёлка и больше бы подошли коварной искустельнице, нежели главе одного из старейших и благороднейших домов Глубоководья. Она казалась опасной, и взгляд в её старые, мудрые глаза лишь усиливал это впечатление.

Амбрин сглотнула.

- Бабуля, я пришла так быстр...

- Да-да, похоже, весьма вовремя, - прервал её дребезжащий голос, с едва заметной ноткой усталости. – По крайней мере, я ещё дышу. Да не стой ты там, дрожа, как неопытная куртизанка, лучше подойди и дай тебя чмокнуть – а то у тебя ещё есть-таки шанс опоздать с этим.

Ошеломлённая, Амбрин послушно выполнила, что ей было велено. Немощные руки бабушки тряслись при объятьях, но губы были всё такими же властными и непоколебимыми, как и всегда. Юная леди Хоквинтер взглянула в чёрные, словно бездонные озёра, глаза пожилой леди – соколиные, как их однажды назвал её отец – и произнесла:

- Бабушка, я должна рассказать тебе кое-что. Я пыталась...

- Плести заклинания, - нетерпеливо закончила за неё леди Тэшла. - Ты думаешь, я об этом не знала, девочка? Ну-ка скажи, куда выходит моё любимое окно?

Конечно же, на окна спальни Амбрин, но при чём тут...

- Я довольна, что ты использовала слово «пыталась». Ох и задала ты тому плащу тёмной тени, - сухо отметила Тэшла. – Но основные движения ты делаешь правильно, моя девочка. Любой молодой подлец долго будет трястись, получив от тебя порцию чар опоросения, если позволит себе слишком многое во время танца!

Амбрин смущённо покраснела – как могла запертая в мрачной башне бабуля узнать об этом? Она могла поклясться, что смогла вернуть старой боевой гончей должный вид, прежде чём её испуганный визг...

Плавающая сфера завертелась, привлекая её внимание – и внезапно в её недрах появилась панорама Замка Глубоководья с высоты птичьего полёта, как если бы кто-то смотрел вниз с вершины возвышающейся над городом горы!

- Вот так я за всем и наблюдаю, - сообщила ей Тэшла, когда видение погасло. - Коснись поверхности.

Изумлённая девушка подчинилась, и покалывание пробежало по ней от кончиков пальцев до самых пяток. Пожилая леди одобрительно кивнула.

- Теперь шар будет слушаться тебя. Когда ты уйдёшь, все будут думать, что я всего лишь одарила родню толикой своей магии, перед тем, как отдать себя в руки богов – но смотри, зачем я на самом деле позвала тебя.

Дряблая рука с удивительной скоростью потянула из-под корсета добротную цепочку, испускавшую блики и висевшую там, сколько Амбрин себя помнила – и вытащила на свет ажурный профиль драконьей головы, отлитой из серебристого металла. На месте глаза был вставлен большой тёмный драгоценный камень, глянцевого на вид, и подобных ему девушка за свою жизнь никогда прежде не встречала, хотя множество раз имела возможность лицезреть сокровища, томно демонстрируемые на пирах и приёмах. Она всмотрелась в него... и украшение словно бы воззрилось в ответ.

- Что это? – прошептала она, когда Тэшла, снова медленно и немощно стянув цепь через голову, протянула её.

- Око Дракона, дитя, - мягко ответила бабушка. – Пусть оно послужит тебе лучше, чем мне – и используется тобой мудрее, чем мной. Возьми.

Младшая дочь Хоквинтер сглотнула и, подняв голову, уверенно потянулась за амулетом. Тэшла хмыкнула при виде столь властных движений, затем чуть склонилась, чтобы наблюдать за наследницей внимательнее... почти настороженно.

Благоговейно переняв ожерелье, Амбрин словно почувствовала его тепло и душу – и невесомость, как если бы оно могло парить в воздухе само по себе. Оно таило мощь, сильные чары, которые девушка ощущала всем телом. Она восхищённо уставилась на вещь, затем почти неохотно перевела взгляд на женщину.

- Я... я даже мечтать не могла, чтобы такая невероятная вещь оказалась в нашем доме, - восторженно воскликнула юная наследница. – И получить его... Спасибо, бабуля! Огромнейшее! Я не знаю, как выразить это, но...

- Ты должна узнать, каковы его свойства, прежде чем так рьяно и свободно радоваться, - предостерегла Тэшла. – Это твоё истинное наследие, только чародейка может им пользоваться. Храни его в тайне. Больше никто в этом доме не знает об амулете; это предмет величайшей силы.

Глаза старой чародейки угрюмо изучали лицо Амбрин.

- Запомни, девочка – изучи его тщательно и используй с особой осторожностью. Он крадёт, а украв, оберегает, воспоминания, и может оставить от человека лишь пустую оболочку... как я обнаружила это на свою беду.

Сдвинув брови, молодая девушка взглянула на старую женщину. Бабуля обратила человека в... оболочку? Кого же она хотела так наказать – кто вообще

осмелился взглянуть на неё косо? Должно быть, это был какой-то безрассудный грабитель – явился в самую высокую башню Дома Хоквинтер в надежде набрать безделушек, ну и...

- Думай, что хочешь, - предупредила её леди Тэшла, словно читая мысли, - но даже не пытайся тратить последние вздохи, дарованные мне в этой жизни, на дурацкие вопросы «кого» и «зачем». Это моё дело, хотя ты можешь узнать правду из Ока, когда меня не станет. Но помни и остерегайся – он опустошает память.

Амбрин уже готова была надеть могущественное украшение, но остановилась на полпути и посмотрела на него так, словно оно могло её укусить, затем спешно убрала его во внешний карман своих одежд.

- Мудро, - отметила Тэшла, откидываясь на подушки. – Теперь, когда с этим разобрались, и...

Её глаза закрылись и голос угас. Девушка с возрастающей тревогой смотрела на наставницу.

- Бабушка? – почти срываясь на крик, позвала она. – Баб...

И потом она услышала хлопок неровного вдоха, затем другого – медленного и неверного. Бабуля ещё жила, но всё же эта кровать станет её смертным ложем. Совсем скоро.

Амбрин ещё долго тихо стояла рядом с диваном леди Тэшлы, напряжённо размышляя, а затем вихрем развернулась и решительными шагами покинула каморку; волшебная сфера бесшумно поплыла за ней.

Пронесаясь мимо дворецкого, она почти бежала, и не обратила внимания на его удивлённый, вопрошающий вид и приглушённый вопрос. Она пересекла Облачную Залу с такой скоростью, какой старый воин за ней никогда не замечал - ему пришлось припустить, чтобы не отстать. Поприветствованная камеристками, она, вместо того, чтобы кинуться в свои покои или же удариться в слёзы, резко свернула в сторону, направляясь к задней лестнице, ведущей в конюшни, а затем к воротам.

Дворецкий семенил вслед за ней, придерживая ножны, чтобы они не мешались под ногами, грозя послать его в не самое грациозное падение.

- Леди Амбрин! – пропыхтел он, стараясь звучать повелительно. – Это недопустимо! Ваш отец ничего не сказал о том, что вы куда-то собирались сегодня, а учитывая, что уважаемая Леди Тэшла так близка...

Леди Амбрин даже не удосужилась повернуть головы.

- Он не упомянул об этом? Что ж, сходи к нему и убедись в обратном – но если хочешь остановить меня, делай это на свой страх и риск! – ложь легко шла к ней, и она вся тряслась от возбуждения и злости. Никто не остановит её, даже лорд Пьергайрон собственной персоной! Бабушка была её единственным другом, и Амбрин не намеревалась её терять, что бы там сама Тэшла не думала об оставшемся ей времени...

Сотню вздохов назад, Амбрин Хоквинтер была бессильна против неотвратимого увядания бабули. Но это было до того, как Око Дракона попало к ней в руки.

Оно было восхитительным – да, таким восхитительным! – и к тому же являлось мощным артефактом. Но что значила эта вещь в сравнении с душевной теплотой и мудростью бабушки, всегда готовой посмеяться вместе с Амбрин, или пожурить, или обучить путям магии, людей и самого Глубоководья?

Ходили разговоры, что во всём городе нет мага могущественнее Хелбена Чёрного Посоха. Раз уж он мог воскрешать мёртвых и собирать по кусочкам самих богов, несомненно он мог подлатать одну старую женщину! Наверняка он захочет получить это Око в обмен на такое маленькое, но доброе дело.

Мельком Амбрин подумала, какой сильной заклинательницей амулет сделал бы её саму, и как медленно - опять - без него будет продвигаться её обучение, но отмахнулась от этой мысли. Без наставлений и направляющей руки бабушки она никогда не научится управляться даже с этим кулоном, не то, что с собственной магией!

Она неслась по улице, а дрейфующая за ней сфера, в компании пытящего, побагровевшего дворецкого, привлекали взгляды толпы. Дюжина ухмыляющихся, наспех созванных солдат из числа стражи Дома Хоквинтер завершали процессию. Но девушке было все равно. Для того чтобы не сбиться с пути до тёмной иглы Башни Чёрного Посоха, видневшейся вдалеке, ей нужны были только глаза.

Каждый ребёнок Глубоководья знал это строение; дом человека, владевшего заклинаниями столь могучими, что они могли отправить в небытие личей, иллитидов и бехолдеров, всех разом, и чьё правосудие было столь непреклонным, что пугало даже гордецов из богатейших семей города. Приближаясь к строению, она внутренне съёжилась. Но, в конце концов, она была из рода Хоквинтеров, и миссия её была благородна – кто знает, может когда-нибудь и её имя будет произноситься с тем же трепетом, что и имя Хелбена Арансана. Девушка вздёргнула подборок и устремила вперёд, не замедляя шаг... а позади, закатив глаза и дыша с присвистом, не отставал дворецкий. Почтительный ужас отразился на его лице, когда она вступила под сень оплота Чёрного Посоха.

Пламя одинокой тонкой свечи в покоях Амбрин заметалось, когда она решительно задвинула дверную щеколду. Она устремила к пыльному пространству позади шкафа, где были спрятаны те немногие кусочки магии, что у неё имелись.

Ей почти удалось. В двух шагах от тайника она разрыдалась; горячие слёзы ярости и горя прорвались потоком, ослепляя, застилая взор. Юная леди наощупь двигалась вперёд, всхлипывая, пока не наткнулась на полированную стенку гардероба. Вздвев трясущиеся кулаки, она изо всех сил лупила по ней, снова и снова, не замечая боли.

Хелбен принял посетительницу сразу же, и надежда огнём взметнулась внутри неё, ровно до того момента, как Амбрин произнесла имя. Архимаг тяжело посмотрел на неё и произнёс слова, теперь словно выжженные в её сознании навек: «Тэшла Хоквинтер? Нет, дитя. Только не её. Она знает, почему, и приняла свою судьбу. И ты должна».

Больше он не проронил ни слова, несмотря на слёзные мольбы. Наконец, юная дочь Хоквинтеров поднялась с колен, вздёргнула подбородок, молча развернулась и ушла, не окликнутая. Хелбен даже не оторвал взгляда от своих бумаг!

Она понеслась прочь, окружённая стражей, во главе с дворецким; ни один из воинов не осмелился беспокоить её вопросами. По возвращении домой, она обнаружила тишину, накрывшую Дом Хоквинтер, и такие же бледные, как и её, лица обитателей. Лишь приглушённые стенания доносились из-за закрытых дверей. Старая вдова Хоквинтер покинула этот мир.

Священники полудюжины храмов бормотали молитвы, собравшись вокруг закрытой балдахином кровати. Амбрин даже не позволили взглянуть на останки её бабушки – маленькое, высохшее тело навсегда заснувшей старушки, покоящееся на груди шёлковых подушек – пока все эти лицемерные посторонние не ушли.

Её отец тоже был здесь. Он позвал её один раз, мягко, и потянулся за ней – но девушка, обойдя его, осталась смотреть на леди Тэшлу в одиночестве и молчании. Когда она отвернулась, чтобы покинуть церемонию прощания, отец дал знак слугам не следовать за ней. Да, за этот жест трогательной заботы ей следует принести свою благодарность, когда найдётся возможность. Но не сейчас, о нет, отнюдь не сейчас.

Она заставила себя подняться, в её горле кипел гнев, из-за которого ей хотелось кричать, рвать и метать, круша всё подряд. Она прошипела голосом, отчаянно пробивавшимся сквозь пелену слёз: «Я заставляю тебя заплатить за её смерть, “великий” Лорд-маг Хелбен Чёрный Посох Арансан. Амбрин Хоквинтер заставит тебя просить о помощи... и ты получишь от меня ту же милость, что получила я. Клянусь».

Эти последние слова эхом отозвались внутри неё, и девушка схватилась за дверцу шкафа, стараясь унять внезапную дрожь. «Вот как ощущает себя человек, давший смертную клятву. Да ещё и против могущественнейшего мага Глубоководья», - вздохнула она, и поспешила к двери. Она должна была добраться до бабушкиных книг с заклинаниями и прочих магических штук, пока кто-нибудь из служанок не умыкнул их, в надежде выручить монетку-другую – тогда их и след простынет. Юной леди Хоквинтер предстояло много работы...

Месяц спустя, Амбрин стояла перед гардеробом, вглядываясь в своё отражение. На неё в ответ своими чёрными, ввалившимся глазами уставилась исхудавшая девушка с бледной кожей, но горящим взглядом. Прислуга втайне шепталась о том, что молодая девушка тронулась умом из-за смерти госпожи Тэшлы - она знала об этом, но ей было плевать.

Амбрин была почти готова. Оттачивание всех чар из книг бабушки Тэшлы – теперь уже её книг – могло занять годы, но у неё на груди свободно сияло Око Дракона, едва уловимо трепеща и отдавая коже своё тепло по ночам, наполняя сны неясным шёпотом.

Слишком часто ночные видения, насылаемые им, рассыпались лохмотьями дыма, но в те моменты, когда воля её была достаточно сильна, чтобы удержать их, эти грёзы являли ей способы, пользуясь которыми можно было забирать воспоминания... или доставать их из глубин амулета, просматривая, точно кукольные представления, показываемые на банкетах.

Как и предостерегала бабушка, Око могло высасывать мысли – и когда ей представится возможность, она использует это против Хелбена, чтобы украсть его

магию. И тогда она станет могущественной чародейкой, а он останется неуклюжим, слюнявым болваном. Достойная его судьба, считала она... до того чёрного дня, когда кулон явил ей истинную причину, по которой маг отказался сохранить старой женщине жизнь.

Амбрин увидела, как всё произошло, увидела своим Оком.

В молодости Тэшла была цветущей, роковой красоткой – сверкающие глаза, струящиеся волосы цвета вороного крыла, жестокий изгиб насмешливых пышных губ... и гордый, безнравственный дух. Многие мужчины желали её добиться, но всех она рассматривала лишь как приятное средство для достижения ещё большего богатства и власти. Она поклялась в вечной любви одному волшебнику – только лишь затем, чтобы, в постели, телом прижать к нему Око, прижаться к его губам своими – и высосать всю колдовскую силу Эндейрна, неудавшегося любовника, становясь магом в тот же миг.

Получив новые способности, она заточила опустошённого чародея в тёмный подвал, наложив заклятье безмолвия, и отправилась покорять самого процветающего из торговцев города, рассчитывая женить его на себе.

Хортран Хоквинтер и вправду был богат. Она бы не отказалась быть осыпанной его золотыми монетами, но что её привлекало больше всего, так это его ум, его способность видеть людей насквозь, знать всё об их прошлом, интригах, союзах и умениях. И именно её она забрала в ночь, подобную первой, в той самой постели, что он делил с ней, постели, в которой она через много лет встретит свою кончину. Потерявший способность думать, Хортран с этого момента был заперт в своих чертогах, посещённый Тэшлой один раз, когда ей понадобился наследник, и второй – чтобы зачать ещё одно дитя, на случай, если злой рок постигнет первого ребёнка.

Дрожь пробежала по её телу, когда Око показало младенцев – её отца и дядю, лежащих друг рядом с другом в детской. Тем временем Тэшла выцарапывала и прогрызала свой коварный путь к господству, превращая Дом Хоквинтер в одно из крупных и уважаемых семейств Глубоководья.

Слёзы наворачивались на глаза, когда Око показало скучающую Тэшлу, сведшую своего мужа и лишённого разума волшебника в поединке, для своего развлечения. Они оба погибли – но, удушаемые рукой противника, они смотрели друг другу в глаза и делили между собой взгляд, полный чистосердечной благодарности.

Этот взгляд беспокоил коварную женщину, даже после того, как она сожгла тела, развеяв затем с судна Хоквинтеров пепел над морем. Он снился ей в кошмарах, и вскоре её слуги были настолько ими напуганы, что обратились к Лорду-магу Глубоководья. Хелбен изъясил у их хозяйки все книги заклинаний и предметы силы, кроме Ока, оставив её одну в башне. И то, как он посмотрел на Тэшлу перед уходом, мучило её не меньше предсмертных взглядов Эндейрна и Хортрана.

Спустя долгие годы, женщина восстановила свою коллекцию, свиток за свитком; туда, куда она сама не могла проникнуть, находило дорогу её богатство, помогая заполучить – при этом часто оставляя кровь на клинках наёмников – то знание, которое она не смела искать в открытую. Её сын и наследник, Эремос, под влиянием лучших наставников, которых только можно было заполучить за золото хоквинтерской казны, вырос в мудрого и справедливого мужчину. И настал день,

когда он вернулся в Дом Хоквинтер с красивой женой, волшебницей Мерилайли Карантор из Аткатлы.

Чётко видя свою мать в видениях из памяти, Амбрин оцепеневши наблюдала, как амнийка отправилась к Хелбену, искать защиты от Ока. Укрытая его чарами, она попыталась завладеть магией Тэшлы.

Колдовская атака на Дом Хоквинтер не оставила и следа от возлюбленной Эремоса, истребила половину прислуги и разметала верхние этажи особняка. Он всегда считал, что эти разрушения были результатом происков дома-соперника, не зная о том, что это была магическая дуэль между его женой и его же матерью. Дуэль, которую Тэшла не проиграла.

Амбрин заплакала, когда увидела себя, под защитой чар Тэшлы, лежащую в яслях. Только родившись, она стала избранницей бабушки – другом и преемницей тайн – и эта роль ей навязывалась безучастно и расчётливо.

Досмотрев до конца длинную-длинную череду воспоминаний, сохранённую Оком, она провела на коленях полную рыданий ночь. Наконец она поднялась – глаза сухи, но ненавистный лик Хелбена всё ещё маячит перед ними.

Почему он не остановил колдунью? Будучи Лордом-магом Глубоководья, он нёс ответственность за это. Так почему же он позволил матери Амбрин быть уничтоженной, а Дому Хоквинтер – быть на побегушках, выполняя прихоти Тэшлы? Он знал об её делишках и амбициях, но ничего не предпринял. Что же делало его лучше старой леди Хоквинтер?

Ничего. Она ушла, оставив лишь формулы заклятий, Око и... стыд. Но архимаг всё ещё жил, тот, кто проигнорировал Амбрин, даже не взглянув на неё, тот, кто позволил дому Хоквинтер превратиться в творение Тэшлы. А её отец даже ничего этого не знал...

В то же утро Эремос Хоквинтер нарушил траурное молчание. Во дворец и в каждый из великих домов города были посланы приглашения на празднество. И они не останутся без ответа – о гостеприимстве Дома Хоквинтер ходили легенды.

Имя Хелбена Арансана тоже было на одном из листков... и он должен был явиться. После того, как Амбрин сообщила леди Лаэраль о том, что подумывала начать изучение магических искусств и о том, как сильно она хочет увидеть архимага, она была уверена, что Лаэраль убедит великого мага посетить мероприятие.

Девушка медленно улыбнулась, открывая книгу заклятий. До пиршества оставалось десять дней; у неё было не так много времени, чтобы хорошенько подготовиться к встрече Хелбена. Она подозревала, что будет не так-то просто заставить Лорда-мага покончить с собой.

Обмен приветствиями был завершён; разноцветные плавающие сферы, сотворённые ею, в сгустившемся сумраке стали намного полезнее. Когда Лорд-маг Глубоководья со своей спутницей были встречены отцом, юная леди Хоквинтер издалека, через всю площадку для танцев, помахала и улыбнулась Лаэраль, а затем позволила очередному предполагаемому ухажёру увлечь себя пустой беседой.

Девушка едва узнала себя в зеркале, когда служанки закончили наводить на неё красоту; однако даже если бы она была мешком немых помидоров, то все равно каждый из молодых представителей городской знати преследовал бы её, грозя растоптать. Но ночь продолжалась, и Амбрин по-прежнему носила спокойную улыбку и использовала магию, чтобы сохранять причёску в форме, а свои ноги – самую чуточку выше плиток пола. И когда она покинула постоянно потеющего Талага Илвастарра в поисках уединённого места, она не была и наполовину такой уставшей, какой она станет после восхода луны.

Множество парочек наслаждались красотой обширных садов Дома Хоквинтер, укрывшись здесь от смеха, песен и болтовни. Какая-то часть Амбрин страстно желала всю ночь напролёт хихикать и нежиться в руках какого-нибудь молодого красавчика, но она не могла нарушить данное самой себе обещание. Можно сказать, это был первый раз, когда она твёрдо решила сделать что-то важное в жизни. Отныне Амбрин Хоквинтер будет держать свои клятвы. Любые.

Она стояла одна в плохо освещённой комнате. Пара движений и брошенное слово – и под свободным платьем заходили ходуном мышцы. Их шевеление ощущалось весьма своеобразно; она становилась толще, её щёки и подбородок – полнее, а волосы приобретали каштаново-рыжий цвет. Теперь ни один воздыхатель не признает в ней очаровательную наследницу Хоквинтер.

Она мрачно улыбнулась и отправилась на поиски Лорда-мага Глубоководья.

Его не было ни на танцевальной площадке, ни в окружающих её шумных, переполненных людьми вестибюлях, где представители старшего поколения аристократии занимались тем, что громко выясняли отношения, обсуждали сплетни, объедались и напивались вусмерть. Амбрин не нашла его и там, где ожидала увидеть больше всего – в тёмных прокуренных комнатах этажом выше, где те из гостей, что считали себя умными и влиятельными, шептались вполголоса, обсуждая заговоры и договоры, предрекали Глубоководью тёмные времена и заключали всё новые выгодные сделки и пакты, новые нити в и без того запутанной паутине городских интриг.

Юная девушка направила чары поиска на спальни и комнаты прислуги. Увиденное там заставило её покраснеть – а её брови, возможно, навсегда теперь останутся поднятыми. В одной из спален она обнаружила Лаэраль и своего отца – к счастью, они всего лишь разговаривали. С некоторым облегчением – ведь ей не пришлось добавлять ещё и Леди-мага Глубоководья в список тех, кого она должна уничтожить – она продолжила поиски архимага.

Наконец, по ту сторону залитых лунным светом садов, она заметила его, общавшегося с кучкой молодых гостей, празднично бродивших рядом. Хм. Вне всяких сомнений, делясь своей колдовской мудростью. Глаза Амбрин сузились, и она прочитала ещё заклинание. Раздался звук, похожий на негромкий перебор струн арфы, а затем:

- Отличная ночь, вот уж точно, – громко произнёс кто-то, кого там не было, прямо ей в ухо, – только вот живот крутит, как корабль на волнах прибоя!

- Это из-за того вина, – раздался в ответ более тонкий голосок. – Если уж ты решил попробовать осушить погреба Хоквинтеров в одиночку...

Чары работали, но где же голос Хелбена? Колдунья нахмурилась и послала свою волю в направлении мага.

Третий, жизнерадостный голос воскликнул: «Неплохой вечер, Лор-» - и резко смолк, словно обрубленный ножом.

Амбрин вдохнула жизнь в тающие лоскуты первого заклинания и увидела человека – должно быть, это были его слова – в укороченном плаще, сиреневых брюках и обшитом золотым шёлком дуплете... беседующего с Хелбеном. Прокляни его боги... маг должно быть наложил заклятье тишины, чтобы случайно подслушивающий не мог узнать сказанного!

Она подозрительно прищурилась. Что за слова могли быть настолько важными, что должны были оставаться сокрытыми ото всех?

Неожиданная мысль пришла в голову девушки – она пустила свои чары ясного слуха обратно через весь дом, и они валом накрыли комнату с Эремосом и Лаэралью.

- Услуги, предоставленные Вами ордену Арфистов, были своевременны и весьма удовлетворительны, как и обычно, - сообщила Леди-маг, - и я хочу сообщить Вам, что они не остались неоценёнными, равно как и само собой разумеющимися.

Амбрин моргнула. Её отец – Арфист? О боги!

- Я знаю, что это так, - ответил он, - но должен признаться – у меня была и своя причина для этой встречи...

- И эта причина – растущее магическое умение Вашей младшей дочери? – мягко спросила Лаэраль.

- Верно, - подтвердил Эремос Хоквинтер. – Я знаю, в Башне Чёрного Посоха всегда много учеников – больше, чем то количество, на которое у Вас с Хелбеном хватало бы времени – но если бы вы согласились исследовать её возможности... и, признаюсь, её мысли и чувства... Она была расстроена смертью моей матери гораздо больше остальных моих детей, или любых детей её возраста. Так что я был бы очень благодарен. Пока я не понимаю её интересы и сильные стороны, я не могу нанять подходящего наставника, а спросить её напрямую – значит умалить себя в глазах моей дочери, расстроить, но всё равно не узнать ответы.

- Я могу заняться этим утром, если желаете, - успокоила его Лаэраль. Амбрин в панике вскрикнула, и её заклятье рассыпалось.

Она должна действовать прямо сейчас! Как только леди Лаэраль прощупает её разум, все секреты будут обнаружены, а Хелбен превратит её в лягушку, или вообще в подставку для книг, или даже в свою рабыню – пока она будет скулить под воздействием чар Леди-мага.

Дрожа от нетерпения, Амбрин вновь сменила внешность. Молодая женщина, почти бегом, вихрем спустилась по ближайшей лестнице в сады, распугивая парочки и прерывая их объятия, и постаралась как можно скорее найти нужное, залитое лунным светом местечко.

Агенты Арфистов, похоже, закончили свои дела с Лордом-магом Глубоководья, и на один леденящий миг девушка решила, что Хелбен уже покинул Дом Хоквинтер, и она упустила свою возможность. Но затем она заметила его в дальнем углу садов, сидящего в одиночестве на озарённой ночным светилom скамье. Сняв амулет через голову, она спрятала его в рукав, отдышалась, приобретая контроль над своим дыханием, и медленно двинулась к своей жертве.

Это её единственный шанс. Чтобы сдержать зарок, она не должна провалиться. Амбрин двигалась настолько беззвучно, насколько могла, не выглядя при этом подкрадывающейся - если Хелбен повернёт сейчас голову, он должен увидеть её завлекающей, а не шныряющей, точно вор.

Когда она приблизилась, он, подперев подборок, внимательно смотрел на светлый пояс звёзд над головой, так, словно они что-то рассказывали ему.

- Какая встреча, Лорд-маг, - соблазнительным тоном начала девушка, когда до скамейки оставалось несколько шагов. Она старалась говорить низким, густым голосом, с нотками смеха – как у обворожительной куртизанки; однажды во дворце она подслушала развлекательную беседу такой дамы с калимшанским торговцем. - Лунный свет Вам к лицу.

- Позвольте, последнюю фразу должен был произнести я, леди, - спокойно ответил Хелбен, изучая её глазами, казалось бы, видящими сквозь магическую маскировку.

- Я ещё молода, - легко парировала Амбрин, - и до сих пор пополняю свой список фраз для обождения и заигрываний. Всему Глубоководью известны Ваше стремление к справедливости и Ваша преданность леди Лаэраль, мой лорд, но всё же мне интересно, не были бы Вы против, если бы девушка, предпочитающая ум и зрелость пустой гордыне юнцов, попрактиковала строчку-другую из него на Вас... возможно, после этого став намного смелее...

Она наклонилась к Лорду-магу Глубоководья, предоставляя тому возможность оценить очаровательный кружевной узор, изображавший вздыбившихся драконов и окаймлявший её корсет, медленно и хрипло продолжая:

... для того, чтобы получить поцелуй? Который я буду с нежностью вспоминать, оставшись наедине с собой, никому о нём не рассказывая...

Лорд-маг окинул её взглядом. Уголки его губ почти поднимались в улыбке.

- И что же именно у вас на уме, увлечённая молодая леди?

Амбрин позволила широкому рукаву принять на себя вес Ока, и протянула эту руку к Хелбену. Когда она присела на колени – чтобы её глаза оказались на одном уровне с глазами волшебника – его взгляд метнулся от одной чистой, не обременённой кольцами кисти к другой.

- Я не чудовище под маской, я обычная одинокая женщина, - проворковала она, приглашающе и испытующе глядя в лицо Лорда-мага, - и я совсем не отказалась бы от поцелуя.

Она облизала губы и прошептала:

- Я не буду против любой магии, что Вы захотите использовать, чтобы убедиться, что я... не опасна.

Чёрный Посох приподнял бровь.

- И к чему же готовность принять эти жертвы - возможное унижение, может, даже угроза жизни - ради одного лишь поцелуя от старика?

- Я слышала много вещей о волшебниках, - шёпотом отозвалась девушка, сверкнув очами.

Хелбен быстро осмотрелся по сторонам, словно проверяя, что никто не наблюдает за ними, и приглашающе развёл руки.

- Что же, девочка, попробуй осуществить задуманное...

Амбрин заподозрила неладное при этом выборе слов, но предоставленная возможность слишком манила её, чтобы быть упущенной. Жадно открыв рот, она скользнула в его объятия – и изогнулась в них, доставая кулон и оборачивая его цепочку вокруг шеи жертвы, придавая сходство с атакующей змеей. Око Дракона сверкнуло, вторя её крику: «Забери его память! Всю до дна! Отдай её мне!»

Цепь стягивалась вокруг горла мага, но он лишь подтянул её ближе и пророкотал:

- Не забывай, ты ведь хотела поцелуй.

Его губы были тёплыми, но Амбрин судорожно замотала головой и попыталась укусь их. Наконец, освободившись, она плюнула ему в лицо и прошипела:

- Моли! Моли меня не забирать магию, архимаг!

Она затянула цепь ещё крепче. Однако Хелбен всё не приобретал фиолетовый оттенок, как она того ожидала, лишь слабо улыбался.

- Ты знаешь, что это? – прорычала девушка, вновь дёрнув цепочку. Маг кивнул.

- Око Дракона, - сообщил он невозмутимо. – О, девочка, многие годы прошли с тех пор, как я видел его в последний раз. Так, посмотрим...

- Годы? – Амбрин с трудом выдавила слово – губами, что внезапно начали извиваться и двигаться... Её тело и лицо принимали истинную форму!

Но бородатое и изборожденное лицо её врага тоже таяло и менялось. Она взглянула на окончательную его форму – и цвет схлынул с её собственного, а от ужаса застучали зубы.

Она видела Старого Мага Долины Теней только раз, но ошибиться было невозможно. Тот, кого звали Эльминстером, широко улыбнулся ей.

- Если собираешься прожить немножко подольше, детка, - начал он мягко, - то никогда не пытайся добраться до настоящего Хелбена таким способом. Он не настолько доверчив, знаешь ли... В конце концов, вот уже несколько столетий разные миловидные дамочки стараются осуществить то же самое – большинство, конечно, его ученицы.

- Но... как...?

- Хелбену нужно было поспешить в свою башню по какому-то арфистскому дельцу, ход которому был дан сегодня ночью, - пустился в объяснения Старый Маг. – И он, и Лаэраль почувствовали твои мысленные щупы – серьёзно, девочка, будь более осторожна с такими вещами – поэтому он попросил сыграть его роль, на случай, если другие Арфисты также решат доложиться... или если ты решишь проверить что-нибудь невероятно глупое.

- И так ли уж было глупо то, что я сделала? – обманчиво спокойно уточнила девушка, закручивая цепь до тех пор, пока она не вгрызлась в шею старца.

Эльминстер беззаботно улыбнулся и ласково потрепал её по подбородку, словно она была маленькой девочкой.

- Ну, это уж точно было невероятно, - проворчал он. – Я бы не стал носить такое платье.

Он наклонил голову, чтобы поближе рассмотреть корсет.

- А, драконы, вставшие на дыбы... Тэйская работа; очень мило....

Амбрин ринулась к нему, оплетая его ноги своими и прижимаясь как можно крепче к его телу. Положив голову на плечо, она прижала подбородок с силой, несомненно оставляющей синяки, держа его изо всех сил своими трясущимися руками.

- Теперь, - сказала она на ухо волшебнику, - любое гибельное заклинание, применённое ко мне, повредит и тебе. Хелбен поступил неправильно с моими бабушкой и семьёй; моя месть предназначалась ему. Но твоя магия тоже может послужить мне – она даст мне нужные заклятья, способные уничтожить его другим способом... чувствуешь, как воспоминания покидают тебя?

- Нет, - легко отозвался Эльминстер. – Я знаю, как заставить Око работать так, как предполагал его создатель. Я делюсь с тобой только теми частичками памяти, которыми хочу... и оставляя их у себя, а не позволяя быть высосанными.

Амбрин недоверчиво усмехнулась в ответ:

- И как же ты можешь делать это? Леди Тэшла не могла; оно даже мне не открыло подобного способа обращаться с ним! С чего ты решил, что эксперт в этом?

Искорки веселья зажглись в глазах великого мага, когда он игриво ответил:

- Видишь ли, девочка, я его создал. В Миф Дранноре, на досуге.

Амбрин насмешливо мотнула головой, но ничего не сказала. Он был так спокоен... что, если он не врёт?

Внезапно она вздохнула и напряглась – мир вокруг неё растворился в потоке воспоминаний, не принадлежавших ей. Картинки столь живые и ясные, словно это она проживала их прямо здесь и сейчас... Она смутно осознавала, что её ногти впиваются в чью-то спину, и её владелец протестующе рычит, потом внезапно появился сильный запах трубочного табака, но...

Она стояла на палубе попавшего в бурю корабля, наблюдая за тем, как одетый в богато украшенную мантию человек отвернулся от своего сына – а тот засмеялся и выпустил из рук ветвистую молнию. Удар разорвал тело его отца пополам, сверху вниз, воспламенив половину корабля...

Мгновением позже она уже стояла в спальне, к двери в которую мечом был приколот мужчина – и жизненная сила покидала его вместе с кровью, собираясь на полу.

- За что, Маруэль? Почему ты это сделала? – выдохнул он.

- Потому что я так хочу, - отозвалась с кровати ошеломительно красивая женщина, с усмешкой, не уступавшей лучшим из усмешек Амбрин. – И потому что наконец-то ещё и могу. Я – Шэдосил, и отныне я буду получать всё, что только пожелаю... а не вымаливать это!

Привычным жестом сотворив заклинание, она заставила длинный клинок, весь покрытый чёрной кровью, послушно выскользнуть из тела поверженного человека. Он свалился на пол, глотая воздух:

- Но я любил... тебя.

- И что мне с того, болван? – лишь рассмеялась красавица...

Изображение завертелось, и вот уже Амбрин снова в другом месте...

Башня, рыдающая женщина, дым, клубящийся из её пустых рук, пепел вокруг неё. Человек, сидящий неподалёку прямо в воздухе, произнёс:

- Итак, твоя уловка обернулась против тебя. Отличная работа, Алата... о, просто отличная!

Животный, полный горя вой женщины отбросил Амбрин на новое место действия – к видению с колдуньей, предающей своего наставника, затем на следующее – к тщеславной магистрессе, свернувшей на путь зла и случайно убившей любимого...

- Всё это произошло, девочка, и всему я был свидетелем, - мягко обратился к ней Эльминстер. – Неужели ты так хочешь присоединиться к ним?

Амбрин разрыдалась и попыталась отстраниться, мотая головой и пытаясь сосредоточиться на выбранных ею мыслях... но её вновь безжалостно затягивало в водоворот мести, горя и злодеяний...

- Боги! О боги, хватит! Я прошу пощады! – всхлипывала она.

- Больше пощады, чем ты намеревалась показать Хелбену, надеюсь? – угрюмо уточнил старый маг, и неожиданно перед ней предстала молодая девушка, облачённая лишь в свои длинные, роскошные волосы, коленопреклонённая посреди светящихся, плавающих символов в палате, чьи тёмные стены усыпаны мигающими звёздами.

- Кто...?

- Леди Миф Драннора, сотворяющая первое заклятье предвидения, - ответил Эльминстер.

Без предупреждения, заклятье просочилось в мозг Амбрин, впечатываясь рунами даже не огненными, но из самой эссенции пламени. Она задыхалась и стонала, а её разум растягивался, вызывая головокружение, яркий свет словно пронизывал её, и...

- Запомни, эти чары позволяют только тебе видеть судьбу других. Если твой разум выдержит их, и ты не сойдёшь с ума, они станут твоим самым полезным инструментом – и самой тяжёлой ношей, - поделился Эльминстер, когда она, поморгав, снова увидела его лицо, в сантиметрах от своего.

Заботливые руки вложили в её ладони Око Дракона.

- И кстати... насчёт того поцелуя...

И когда тёплые губы старого мага нежно коснулись губ девушки, она вновь едва не расплакалась, а старый мудрый голос поблагодарил: «Спасибо за воспоминания».

Пожилой волшебник отвернулся; Амбрин смотрела ему вслед и из глаз ручьями текли слёзы тысячи прожитых лет. Эльминстер пересёк сад, и пока он шёл, его поношенные сапоги стали отрывать от покрытой росой травы. Он шёл, опираясь на пустоту, словно само звёздное небо было его лестницей. Он поднялся над стеной, выше и выше, а затем и над крышами города.

Когда он скрылся из виду, девушка посмотрела на лежавший в ладонях амулет. Неожиданно он заговорил голосом Мага Долины Теней, и от испуга она чуть не выронила его.

- А, девочка, - молвил он, - не расстраивайся, ибо всё, что говорят о волшебниках – правда. Надень кулон, если захочешь поговорить со мной... или с Хелбеном. Он ожидает, что ты придёшь повидаться.

Юная леди Хоквинтер ещё очень долго смотрела на свет звёзд, слишком поражённая, чтобы плакать, неподвижная и молчаливая, точно окружавшие её статуи.

Так уж вышло, что молодая, мило воркующая парочка пробрела мимо, не заметив задумчивую фигуру. Амбрин знала девушку – Берента Мантар, скромная знатная девица одного с ней возраста, которой она иногда улыбалась на праздниках, наследница Дома Мантар с того момента, как её брат Карн погиб на охоте – и уже хотела начать приветствие. Но только она об этом подумала, как молодой и умопомрачительно симпатичный спутник Беренты, Ферентар из Амна, хрипло спросил:

- Берента, перед ликом Селуны, нашего свидетеля этой ночью... ответь же – ты выйдешь за меня, будешь ли предана мне до конца дней своих?

Амбрин сглотнула, с ожиданием глядя на наполовину скрытое в тени лицо девушки. Она чувствовала щекочущее пощипывание, и желание знать правду, что таилась за слащавыми словами, перевесило всё остальное. Она сконцентрировалась на щеколке предвидения.

Было весьма странно пытаться управлять этим, но она вовремя обуздала новую способность – вовремя, чтобы узнать, что Берента всю свою душу вложила в ответные слова:

- Я согласна... О, Ферентар, я согласна! Обещаешь ли и ты мне, в присутствии Селуны и всех богов, быть справедливым и честным со мной?

- Конечно, моя дорогая Берента, - нежно ответил молодой человек.

Холод, перехвативший дыхание, оставил её беспомощно трястись. Сила предвидения явила ей – Ферентар хотел всего лишь быть лордом Мантаром, носить внушительный меховой плащ и тратить деньги на вино и танцовщиц. Ему не было дело до этой глупенькой тёлочки из Глубоководья, столь страстно уставившейся на него большими наивными глазёнками – о, она вполне мила, но...

Амбрин Хоквинтер хотела выкрикнуть предупреждение и навсегда оттолкнуть их друг от друга – но проклятое предвидение продолжало работать. Она увидела, как делает это, и как Берента смотрит на неё как на злейшего врага... и как день свадьбы все равно настанет, но потом лорд Ферентар Мантар пускает слухи на гуляньях в высокородных домах: «Амбрин Хоквинтер – распутная колдунья, пытавшаяся соблазнить меня, чтобы прибрать богатства Дома Мантар к своим рукам». Затем она увидела, как он удовлетворенно смеётся, сталкивая свою жену с погружённого в ночной мрак балкона, и поворачивается в гнев к Сокрытым Лордам с требованием арестовать Амбрин Хоквинтер – за магическое убийство леди Беренты Мантар... и сразу же лицо Ферентара превратилось в лицо бабушки Тэшлы. Юная девушка услышала свой собственный крик:

- Хелбен! Лорд Хелбен! Помоги мне!

Сильные руки обхватили её, грубоватый голос Чёрного Посоха произнёс прямо в ухо:

- Я здесь, девочка – прочь, Ферентар, иначе я выверну выгребную яму, что у тебя на месте мозга, всему Глубоководью на обозрение! – я здесь.

Амбрин повернулась к спокойной силе этого голоса; она услышала яростный крик – это могла быть только Берента – и Фаэрун бешено закружился вокруг неё, погружаясь во тьму.

Она очнулась в Башне Чёрного Посоха, обнаружив перед собой заботливые руки Лаэраль с кружкой дымящегося чая из лепестков роз. И с этого дня, и до того самого

утра много лет спустя, когда боги решили, что Амбрин Хоквинтер пора покинуть земную обитель, Око Дракона никогда не покидало её груди.

У КАЖДОЙ СОБАКИ БЫВАЕТ СВОЙ ДЕНЬ

Дэйв Гросс

Король бежал далеко передо мной, пробегая по оживленной улице в Рэйвен Блаф с необычайной собачьей ловкостью, чтобы пройти через лес человеческих ног. Я следовал за ним, стараясь успевать, мне мешали острые локти и замечания от взрослых, которые были готовы простить бегущую собаку, но не бегущего мальчика.

– Гав! – позвал Король. Голоса из толпы ответили ему, в то время как я пытался протолкнуться в его направлении.

– Король! Хороший мальчик.

– Какой хороший пес!

Все знали и любили Короля, одну из бродячих уличных собак города. У каждого имелись байки о выдающихся подвигах старого терьера: спасение утопающих детей, раскрытие карманников, выслеживание преступников... На этот раз тем, кто нуждался в его помощи, был я. Моя сестра Дона была в руках похитителей, и единственным, кто их видел, кроме меня, был Король.

– Король! Ты где? – закричал я.

Оглядев улицу, по повернутым головам и расступающимся людям я обнаружил Короля.

– Гав, Гав.

Его грубый лай донесся через открытую дверь небольшого домика. Здание удивительным образом выделялось из прямых рядов лавок и закусовых на Уикер Стрит. Резная доска рядом с дверью гласила: «Барли Боул».

– Р-р, Гав, – позвал он снова.

Затем я услышал жалобный звук: скуление Короля. Мне приходилось слышать и его старческое мрачное рычание на хулиганов, и приветливый дружеский лай, и даже будто бы щенячье таяканье в погоне за другими бродячими псами. Но я никогда прежде не слышал его скулящим от боли. Это заставило мое сердце сжаться и я почти начал плакать снова. Но вместо этого я утер затуманенные глаза и вошел в трактир.

Внутри за незатейливыми столиками сидело с десяток человек, перед ними в деревянных мисках стояли их обеды. У ног одного из этих людей, самого старого человека из всех, кого я когда-либо видел, и сидел Король.

Старик придерживал голову Короля длинными, сухопарыми руками. Яркие глаза глядели в лицо пса.

– О, у тебя есть выпивка, отлично! Какой мерзавец тебя обидел? – голос старика был слащавым и неровным, как у гобоя.

У "самого старого человека, которого я когда-либо видел", была борода столь же белая и прекрасная как крыло лебедя. На своих узких плечах он носил увядшую синюю одежду, порезанную, как было модно тридцать лет назад. Значок на его груди выглядел внушительным и официальным.

– Сюда, парень. Подержи его голову.

Я замешкался, прежде чем понял, что он обращается ко мне.

– Поторопись. Если бы ты стоял в цементе, ты бы уже превратился в фонарный столб!

– Хороший мальчик, – сказал я Королю, становясь на колени возле него.

– Хороший мальчик, – сказал мне старик. Если бы я не был уже так расстроен, то мог бы и обидеться. – Держи его, пока я буду применять Универсальное Средство.

«Зелье!», – подумал я. После побега, преследования и, наконец, потери следа тех, кто похитил Дону, мы нашли волшебника, который поможет нам. Волшебники часто бывают злобными, но как только он исцелит глаза и нос Короля от перца, я попрошу у него помощи и он поможет спасти мою сестру.

Но вместо того чтобы принести сверкающий пузырек с волшебной жидкостью, старик взял чашку с водой и аккуратно залил воду в слезящиеся глаза Короля. Король вырывался, но я крепко держал его.

– Вот так, друг мой. Это должно убрать жжение. Ничто не прочищает канавы лучше маленького дождика.

Король проскулил еще раз, на этот раз менее жалостливо, и уткнулся в руку старика.

– Но вы сказали "Универсальное Средство", – возразил я, – я думал, вы волшебник. – Я знал, что с волшебниками лучше вести себя вежливо, но мое разочарование оказалось быстрее моего благоразумия.

– Но что это, как не вода? Любой каменщик, который ценит свой песок, скажет тебе это. А я являюсь волшебником и каменщиком дольше, чем... – Он ушел в себя, и его губы беззвучно шевелились, пока он пребывал в раздумьях.

– Мне даже не с чем сравнить мой возраст, – подытожил он. – Кроме, возможно, самого Короля.

– Вы – хозяин Короля? – спросил я.

– О, нет. Король сам себе хозяин. Мы – старые, старые друзья. Если считать в годах собаки, мы – почти одного возраста. – Он посмеялся, затем отрезвился, как будто мысль сначала порадовала, затем опечалила его. – Две старые собаки города, – он вздохнул.

– Если вы волшебник, то должны помочь нам. Король пытался помочь мне, но когда похитители схватили Дону и скрылись за оградой, кто-то кинул в него перечницу. И тогда...

– погоди! Вернись к чертежу, мальчик.

– Чему-чему?

– Ты не можешь построить дом без чертежа, – сказал он. – И ты не можешь просить об одолжении, не представившись.

– О, я Джейм.

– А я Амбасадор Кэрреджью. Рад знакомству, молодой Джейм.

– Кэрреджью! Говорили что вы мертв! Мой отец читал вслух некролог из Трампетера, и затем пытался выяснить – кто заменит Кэрреджью на посту главного строительного надзирателя.

– Мертвый? Тьфу ты. Эти идиоты не могут объяснить разницу между трупом и ручной пилой. Я спал! Хорошо еще, что я проснулся до того как они положили меня в гроб. Что? – Король нетерпеливо терся носом о ногу Кэрреджью.

– Ах, да, да. Дона была похищена, не так ли? Кто такая Дона?

– Дона – моя сестра. Они пытались похитить и меня. Но я играл на улице, а Король, когда увидел, что её уносили, начал лаять. Это их отпугнуло, но они не оставили Дону. Король и я преследовали их.

– Почему её похитили?

– Мы богаты, – объяснил я. – Им нужны деньги моего отца.

– Твои родители подняли тревогу?

– Отец сейчас возвращается из Сембии с шелком и вином на продажу. Его не будет дома еще некоторое время. Мама умерла много лет назад. А Чесли – наш дворецкий – не верит всему тому, что я говорю! Он думает, я снова рассказываю ему байки. Но Король все это видел и практически поймал похитителей.

– Но они же улизнули от тебя, да?

– Да, – с грустью в голосе ответил я. Король зарычал в подтверждении моих слов. – Если бы я был более расторопен, то смог бы увидеть, куда они убежали. Но к тому времени как Король пролез под забором, а я перелез через него, они скрылись. Король не смог взять их след, так как его нос был забит перцем.

– Я осмелюсь сказать, что не по этому. Даже у Короля есть предел. – Король настороженно посмотрел на Кэрреджью. – Ну-ну. Есть всего лишь некоторые вещи, для которых ты лучше всего подходишь, Король. – Терьер выглядел несчастным.

– Если бы Король был человеком, то он смог бы вмиг перелезть через забор. И тогда бы мы спасли Дону.

Пристальный взгляд Короля был направлен на меня, его красные, усталые, большие глаза были полны обиды из-за моего замечания. Его пасть раскрылась в поразительно человеческом выражении изумления от внезапной атаки со стороны друга.

– Ой, я не это имел в виду, Король. Ни один человек не смог бы так же брать след как ты. Ты делаешь все, на что способна собака. – Король скрестил свои передние лапы и опустил свою голову, заскулив. Я знал, что снова сказал неправильные вещи. Что-то в Короле заставляло чувствовать, что он понимает каждое слово, а не только интонацию.

– Ты не знаешь тайну Короля, не правда ли?

– Я знаю только то, что он самая умная собака во всем Рэйвенс Блаф! Ведь он спасал тонущих людей, срывал планы грабителей и убийц и – И сейчас, когда я подумал об этом, я понял, что даже самая умная собака в мире не смогла бы сделать даже половины, того что совершил Король.

– Да, все это в принципе правда. Но это только внешняя сторона. Существует более глубинная история, скрытая на дне. Становление Короля каким оно было.

– Каким же?

– Лучше показать тебе. Но только если Король не против поведать тебе этот секрет. – Кэрреджью посмотрел вниз, как бы ожидая ответа. – Это может быть путь к спасению сестры Джейма, – подсказал он.

Подняв голову, Король посмотрел на каждого из нас по очереди. Он приподнялся с выражением размышления о человеческой жизни, его усатая морда вытянулась и сжалась. Кэрреджью ответил на взгляд, на его мрачном лице отразилась какая-то капризность. Они долго смотрели друг на друга – старый пес и старый волшебник. Потом Король совсем по-человечески кивнул.

– Ко мне в кабинет, мальчики. – Кэрреджью поднял свою палку, как генерал, командующий войсками. – Ко мне в кабинет.

Министерство Искусств – дом самых влиятельных городских волшебников – стояло вдали от резиденции мэра.

– Может быть, нам стоит взорвать дыру в в замке, – пробормотал Кэрреджью. – Это просто смешно. Мы не какие-нибудь там ученики. Едва ли устроишь здесь взрыв.

Этой и другими репликами Кэрреджью внушил мне ужас по отношению к этому месту еще до того, как мы отправились туда. Оно выглядело величественным, украшенным, хорошо охраняемым и очень грозным.

– Ваш кабинет здесь?

– Да, да. Они переселили меня сюда, когда поняли, что я не умер. Но они отняли у меня работу. Вот так вот! – он щелкнул пальцами. – А тот нелепый гном, которого они наняли! Ах!

Старик потряс палкой, начал спотыкаться, а затем снова остановился.

Кэрреджью держался за перила, пока мы поднимались по мраморным ступеням. Стража позволила нам войти, хотя один из них кинул на меня вопросительный взгляд. Король залаял в дружеском приветствии, и стражник подмигнул ему. Все знали Короля.

Кэрреджью на минутку остановился передохнуть после небольшого восхождения. Волшебник он или нет, но он очень старый человек. Я хотел предложить ему свою помощь, но побоялся, что ему это не понравится.

Богато украшенный красный ковер застилал весь холл и красочные гобелены поднимались во мраке до самого потолка. Мы медленно проходили мимо женщин-грифонов и левиафанов, мимо единорогов и эльфов, воздушных кораблей и нарисованных солдат – мимо всего фантастического, когда-либо виденного мною. Кэрреджью едва ли обращал на них внимание, ведь он должно быть видел намного более удивительные вещи в своей жизни. Я поймал себя на том, что пристально смотрю на них в благоговейном страхе и тоске. А потом я с виноватым видом вспомнил для чего же именно мы здесь.

– И что же вы собираетесь делать, чтобы найти Дону? – спросил я.

– Пожалуй, ничего. Это Король найдет ее. Он герой. Я волшебник. А ты мальчик, так что больше наблюдай и меньше говори.

Мы остановились около одной из множества дверей, которые окаймляли холл. Символ Кэрреджью отмечал эту дверь. Он произнес слово, которое я не смог запомнить, и через две секунды после того, как он это сделал – дверь открылась.

Весь мир был втиснут в этот кабинет. Я предположил, что здесь можно месяцами искать что-то и найти то, что ты когда-то хотел найти. Я ожидал увидеть

откормленных сов, рога единорогов и крылья фей в стеклянных банках, пузырящиеся пробирки и мутные котлы – и что-то из этого тут было. Но кроме того тут были маски из перьев, статуи, украшенные драгоценными камнями, заключенные в рамку картины и обилие мебели, которой бы хватило на десять домов. Там стоял бюст мужчины, в котором я смутно припомнил короля всего Моря Падающих Звезд. С потолка свисала пара тоненьких крыльев на деревянном скелете, и под огромным дубовым столом передвигалось что-то, что тут же скрывалось от взгляда, как только я смотрел туда. В большом стеклянном глобусе в водовороте кружились зеленые морские водоросли, из которых крошечная фигура похожая на человека посматривала на нас. Попугай слетел с окна вниз и опустился на спину Короля, пока терьер не огрызнулся на него и не заставил улететь прочь на свой насест.

– Черт побери эту женщину, – начал ругаться Кэрреджью. – Она убиралась в кабинете, пока я отсутствовал! – Я посмотрел на Короля, а он на меня. Никто из нас не заметил ни одного следа уборки.

– Мне нужны ивовая палочка и пурпурная пыльца Рорина. – Он открыл ящик большого письменного стола, служащего более в качестве бельевого стола нежели письменного. – Нет, нет. Это не подходит. Нам нужна желтая пыль доппельгангера. – Он обратил свое внимание на комод. – Здесь, – сказал он после того, как шесть раз захлопнул крошечные ящики. Он держал в руках маленький черный мешочек. – Желтая пыль.

Кэрреджью оглянулся вокруг, а потом похлопал по волшебной палочке на поясе. – Эх, если бы она всегда была со мной. Ну а теперь к делу. – Король приземлился в одно из кресел без каких-либо помех. – Ты готов, старина?

Король по-человечески кивнул.

– Готов к чему? – спросил я. – Что вы собираетесь с ним делать?

– Разрушить сделанное с ним. Я верну его обратно в исходное состояние.

– Его исходное состояние?

– Механическое запоминание полезно для клерков, мой мальчик. – Кэрреджью слегка ударил палочкой по моей руке. – Но мы имеем дело с магией. Настоящей магией. Не повторяй то, что я говорю.

– Что вы подразумеваете под исходным состоянием Короля? – Я надеялся, что вопрос был достаточно отличен, чтобы избежать еще одного удара, но я держал руки за спиной на всякий случай.

– Ну то, кем он был до того как превратился в собаку.

– Превратился в Я на мгновение остановил себя. – Кем он был до этого? – Я внимательно посмотрел на Короля в надежде получить ключ к разгадке. Его глаза были ясными и умными, но такие были у многих собак. Мог ли он быть драконом, спрятанным за шкурой пса? Или мог ли он быть ...

– Мужчиной, конечно. Фактически героем. – Кэрреджью развязал черный мешочек и начал посыпать желтой пылью серебристую шерсть Короля. Король встряхнулся и укоризненно посмотрел на волшебника.

– Теперь не двигайся, Король. – Кэрреджью продолжил обсыпать Короля пылью, и тот сносил это стоически.

– Если Король раньше был человеком, почему же вы раньше не возвратили его в прежнее состояние?

Кэрреджью повернулся вокруг, чтобы показать на меня, желтая пыль осыпалась вниз, образуя полукруг вокруг него. – Вот он, первый умный вопрос, который ты задал. Король гавкнул, соглашаясь либо будучи в нетерпении.

– Он никогда не спрашивал это прежде, – отчетливо произнес Кэрреджью.

– Гав! – вставил свое замечание Король, расчесывая пыль на своей шерсти. Он точно хотел покончить со всякой магией в исполнении Кэрреджью.

– Спокойствие, Король, – упрекнул его Кэрреджью. – Если мальчику нужно научиться чему-либо, то есть повод поведать ему историю.

– Р-р! – не согласился Король.

– Ты прав. Мы торопимся, так как Дона в опасности, – уступил Кэрреджью.

– Вы можете понимать его? – спросил я, удивленный.

– Не лучше и не хуже, чем ты можешь, если внимательно вслушаешься, – сказал волшебник. Вкратце история заключается в том, что Король, когда был еще мужчиной, обидел колдунью. Она убила его товарищей, а его прекратила в собаку, насколько ты можешь видеть. К счастью для него он сбежал и пришел в Рэйвен Блаф, где он стал самым известным героем города, человеком или собакой.

– А теперь, Король, – сказал волшебник серьезно. – Это действительно то, чего ты хочешь? Превратить ли мне тебя обратно в человека, так чтобы ты смог найти сестру Джейма?

Король кивнул так по-человечески как никогда раньше.

Кэрреджью кивнул ему в ответ. – Очень хорошо, – сказал волшебник.

Затем Кэрреджью поднял ивовую палочку и проговорил несколько тех слов, которые не задерживаются в памяти. Я приготовился к вспышке света, какому-то грому, может быть, даже завыванию ветра, который разбросал бы содержимое комнаты (и, рассуждал я, объяснил бы ее нынешнее состояние). Король просто сидел у ног монотонно поющего и размахивающего палочкой Кэрреджью, терпеливо ожидая превращения.

Но ничего не произошло.

– Ничего не произошло, – подчеркнул я услужливо.

– Нет? – Кэрреджью нахмурился на палочку. – Хм. Возможно это зеленый порошок должен менять форму, – задумался он.

Король зарычал, затем широко разинул рот.

– Уаа, – зевнул Король. Потом он внезапно выпрямился, его передние лапы изящно вытянулись вперед так, будто они были поранены. Они начали распухать, и все его тело стало растягиваться как резина со скрипучим звуком.

– Вот это да, – воскликнул Кэрреджью. Он отступил от Короля и его стула. Я последовал за ним.

Морда Короля втянулась, и вся шерсть на ней погрузилась обратно в тело. Его уши с обеих сторон соскользнули вниз будто парусные суда, исчезающие за горизонтом. Его ужасный жалобный вой становился все глубже и громче.

– Р-р-р! – завыл он, и заревел, как только его голос поменялся.

Там где раньше были когти, теперь изогнулись пальцы, и его расширяющаяся спина склонилась вперед в боли или экстазе. На моем лице отразилась гримаса, и я

закрыв глаза только для того, чтобы сразу же их открыть. Зрелище было ужасным, но в то же время потрясающим.

Голый мужчина сидел там, где был Король. Его непослушные волосы отсвечивали серебром, так же как раньше шерсть собаки, и у него были такие же большие, умные глаза. Несмотря на то, что он оставался мускулистым и здоровым, его кожа была тонкой, как старый пергамент. Хотя не настолько древний как Кэрреджью, Король все же был стариком. Он прищурился на нас.

– Именно поэтому я никогда не просил тебя делать это раньше, – прохрипел Король. – Было даже больнее, чем в первый раз.

Кэрреджью только кивнул.

Кэрреджью без труда нашёл одежду для Короля – он просто её сотворил. И если у меня были какие-то сомнения насчёт его способностей, они исчезли, как только он взмахнул пальцами и произнёс заклинание, не забыв уточнить цвет, размер и тип ткани.

Появилось разноцветное облако, которое потом потемнело и уменьшилось, сформировав настоящие нити в воздухе. Быстрее чем паучьи лапки, пальцы Кэрреджью связали из них брюки, тунику, ботинки и кепку для Короля.

Король взял меч с тростниковой полки Кэрреджью, поднял его, затем одобрительно заворчал. – Это прекрасное ощущение, снова держать меч, – произнес он. Его голос загрохотал, низкий и приятный.

– Но не беги сразу в бой, – предупредил Кэрреджью. – Ты снова обрёл дар речи, но это ещё ничего не значит. Тебе нужно что-то большее, чем меч, чтобы победить похитителей.

– Поверь мне, – сказал король. – Я прожил достаточно долго, без меча, чтобы знать, как использовать свой ум. Ты должен много думать, будучи собакой в городе людей.

Кэрреджью кивнул, затем взглянул на свою напольную вешалку и снял с нее маленькую зеленую шапку и протянул ее мне. – Мне кажется, это твой размер, мальчик. Попробуй надеть ее. Я с усилием натянул ее на голову.

– Немного давит, – сказал я. Кэрреджью улыбнулся в ответ, но рот Короля раскрылся так широко, как он не раскрывался в те времена, когда он был собакой. В его глазах прозвучал немой вопрос к Кэрреджью.

– Это Пиксвислская шапка-невидимка – произнес волшебник с гордостью.

– Что? – Я посмотрел на свои руки. Они были вполне видимы мне. – Я не невидим.

Король посмотрел на меня и затем принюхался. – Да, ты невидим. Я даже не могу учуять твой запах.

– Действительно, ты едва ли сможешь почувствовать его запах, если не подойдёшь очень близко, – сказал Кэрреджью. – Твой нос уже не такой чувствительный как был раньше.

Я оглянулся в поисках зеркала в то время, как два пожилых человека обсуждали обонятельные, слуховые, вкусовые и другие свойства, которые не интересовали

меня. После того как я протолкнулся через пару манекенов и пробрался через корзины и ларцы, я отыскал зеркало в полный рост в раме, вырезанной из дуба.

– Эй, я невидимый! – воскликнул я. Я снял шапку. – Я снова видимый! – Хотя преобразование короля и колдовство его одежды были более зрелищными, эта особая магия была намного более личной. Она работала на мне.

Кэрреджью и Король закончили их дискуссию и повернулись ко мне. – Настало время найти Дону, – сообщил Кэрреджью.

– Давайте начнем со слуг в твоём доме, – сказал Король.

– О, господин Джейм! Мы так волновались!

Бэта выбежала из кухни, схватив меня в охапку свои мясистыми руками, которые больше подходили для того, чтобы разделять домашний скот, нежели обнимать детей. Я думаю, что я вряд ли когда-нибудь полностью оправлюсь от таких сокрушительных объятий. Но по крайней мере это была Бэта, а не Чесли.

У меня осталось мало сил для того, чтобы снова рассказывать мою историю. – Я в порядке, Бэта. А вот Дону похитили. Уф! – Она снова меня озадачила. – А я это и имел в виду. Это не просто сказки, как говорил Чесли. Король тоже их видел.

– О, мы знаем, мой мальчик. Мы знаем. – Она обняла меня снова, и это было последнее, что я мог говорить некоторое время.

– Госпожа Бэта, я здесь, чтобы расследовать похищение Доны.

– И по какому праву Вы здесь, сэр? Чесли появился из столовой. Он был в ливрее весь в узкую полоску. В нашей семье не было ливреи, но Чесли настоял на том, чтобы носить ее всем. Ливрея и униформа были так же важны для него, как протокол и этикет.

– Я служу послу Кэрреджью из Министерства Искусств, – произнес Король с гордостью. Он задрал свой подбородок. Если бы он был собакой, то его шерсть на загривке вздыбилась бы. Но я не мог осуждать его.

– Боюсь, я не понимаю, почему Министерство Искусств вовлечено в это дело в качестве наблюдателя, – фыркнул Чесли.

– Я был по близости, – засопел Король. В отличие от Чесли он действительно сопел. Он подошел прямо к Чесли и продолжил обнюхивать, нагибаясь вперед, чтобы легче было почувствовать запах. Чесли был не готов к этому.

– Ч-ч-что вы делаете? – заикаясь пробормотал стюард.

Если бы у меня остался хоть глоток воздуха, я бы снова потратил его на хохот.

– Где вы были, когда Дону похитили? – спросил Король. Чесли не привык к тому, чтобы беседа шла под таким углом.

– Ну, я... ну, я был на рынке.

– Тогда с какой стати ты послал меня на рынок этим утром? – спросила Бэта возмущенно. – Я бы могла закончить всю уборку, на которой ты настаивал, к полудню.

Король продолжал обнюхивать Чесли, передвигаясь от его утончающихся волос к узким плечам, а потом все ниже. – Все в порядке? – спросил Король.

– Как будто это вообще имеет значение! – запротестовал Чесли, отталкивая Короля, который забыл про всю неуместность своего поведения. – Если Вам нужно знать, я должен был принести бутылку хозяйского вина, которую я имел неосторожность разбить сегодняшним утром.

– Хм, – сказал Король.

– Хм? – сказал Чесли.

– Я не чувствую никакого запаха вина от вас.

– Конечно, вы не чувствуете, вы бессмысленный дурак! Я переоделся.

– Не имеет значения, – сказал Король.

– Не смешно, – запротестовал Чесли.

Даже я знал, что что-то не так.

– И вы боитесь этих вопросов. Вы вспотели от страха.

– С меня достаточно этого запугивания, – сказал Чесли, становясь все более высокомерным. – Это правда, что я не поверил истории мальчика эти утром, но это только потому что он признанный лже...

– Это потому, что вы знаете, где находится Дона, оборвал его Король, вставая во весь рост. Теперь он был выше даже дворецкого. – Я чую это. – Король оскалился и зарычал.

Впоследствии я понял, что когда люди улыбаются, это что-то вроде разговора без слов. Иногда их улыбки значат просто "это смешно" или "какая вы чудесная женщина". Иногда – "Я не знаю, что сказать, поэтому улыбаюсь". Бывают такие улыбки, за которыми люди скрывают своё плохое отношение к вам. Улыбка короля говорила: "Я перегрызу тебе горло, если ты не заговоришь". Чесли, к счастью, правильно понял эту улыбку.

– Это была не моя идея! Я не хотел денег! Они мне угрожали!

Теперь мы все знали, что он лжет. Было несложно выбить из него все остальное, особенно после того, как Бэта подняла его вверх и схватила за тощее горло.

– Что ты сделал с этой милой девочкой? – заревела она. И я, и Король быстро отошли от нее. Даже такой неудержимый малый как Король знал, кто здесь более сильная собака.

В скором времени она смогла добиться от Чесли всей информации.

– Здесь, – сказал Король. При лунном свете его волосы, руки и глаза отливали серебром. Он указал на мягкий свет фонаря, исходявшего из склада сквозь хлипкую дверь. На двери была видна тень охранника, безмятежно откинувшегося на спинку стула.

– Это склад отца, – сказал я. – Он арендует его для товаров, которые покупает за границей. С чего бы им держать ее здесь?

– Возможно, потому что мы бы искали её здесь в последнюю очередь, Джейм. – Я подумал, что Король был слишком умён, даже для человека.

– А теперь послушай. От тебя не будет никакого толку, если эти люди наложат свои лапы и на тебя. – Король взял меня за плечи и вытащил украшенную перьями

шляпу из-под моего ремня. Он одел ее мне на голову и плотно натянул вниз. Я смог понять по его глазам, что я сейчас снова невидим.

– Не снимай ее. Как только мы будем внутри, начинай поиски Доны. Вывести ее оттуда – это твоя задача. А я заставлю похитителей попотеть.

Я кивнул, но он продолжал на меня смотреть так, будто я этого не сделал. – А, я имел в виду, что согласен, – сказал я. Быть невидимым – довольно сложное занятие.

– Вперед, ребята, – сказал Король. Он повернулся и сократил путь к двери, присев так, чтобы быть в полумраке. Он был примерно в пяти шагах от стража, когда ножны ударились о землю и произвели ужасный скрежет.

– Что такое? – сказал страж. – Кто здесь? Он с грохотом встал со своего стула, и я был уверен, что он выстрелит еще до того, как Король сможет остановить его. Но Король темным расплывшимся пятном бросился к двери и со стуком захлопнул ее прямо перед лицом стража. Ошарашенный мужчина осел как мешок с мукой.

– Шшшш! Ты здесь, Джейм? – прошептал Король. Я поспешил нагнать его.

– Я прямо за тобой.

– Слушай. – Мы на секунду прислушались. Голоса доносились из темноты складского помещения, они звучал в форме беседы. Король кивнул, что все в порядке, а затем усадил упавшего мужчину обратно на стул. Осторожно наклонив его назад, Король оставил мужчину, выглядевшим настолько же внимательным, каким он был раньше. Мы зашли на склад.

За пределами желтого круга света недалеко от двери, склад находился в темноте, и в нем было прохладно. Пахло чистотой и сыростью, хотя пол был сух и на нем были рассыпаны древесные опилки. Балки были скрыты в темноте, но я чувствовал свободное пространство над нашими головами. За пределами теней от ящиков и бочек, другой свет тускло отражался от дальней стены.

В начале я осторожно следовал за Королем среди холстов шелка Шоу. Но когда мы подошли к Мулорандским резным орнаментам, он наклонил меня вперед.

– Посмотри – прошептал он. – Это Дона?

Я стал вглядываться через пространство, остававшимся между грозным фараоном и стройной богиней-кошкой. Это была Дона.

Они привязали ее к стулу, и она сложилась как пружина так, будто истязала себя сражением. У нее не было ни синяков, ни крови, поэтому я вздохнул с облегчением. Похитители хотели выкупа.

Мы смогли увидеть трех похитителей, двух из которых я помнил по нашей утренней погоне. Третьим был Сиворд, молодой головорез, которого нанял Чесли в качестве разнорабочего в прошлом месяце. Чесли не сказал нам, что этот парень был в деле, но нам следовало бы догадаться. На голову выше меня и, возможно, на два года старше, Сиворд задирал меня, когда впервые пришел в дом. Теперь я знал, что это не было пределом его злодеяний.

– Видишь это? – прошептал Король. Он указал на ряд бочек позади стула, на котором сидела Дона.

Я кивнул, а потом прошептал: – Да.

– Постарайся проложить путь, чтобы освободить Дону. – Он достал нож, и я взял его. Я снова кивнул, повернулся и стал перебираться на другую сторону так тихо, насколько я мог. Король исчез в темноте ящика.

Проверяя на месте ли шапка, я пробрался мимо огромного мешка с запакованными специями. Некоторые из них защекотали мой нос, и я зажал его. Я не хотел чихнуть и случайно всполошить негодяев. Довольно скоро я нашел место, через которое я мог подползти поближе к Доне.

Просунув голов в узкий проход между бочками, Я некоторое время пытался привлечь внимание Доны неистовыми движениями. Моя невидимость мне мешала. К счастью, никто не мог меня заметить.

Я посмотрел вокруг и насчитал Сиворда и еще трех мужчин, одного из которых я не видел раньше. Двое из них играли в жеребьевку, а один, которого мы не видели раньше, ножом приводил ногти в порядок, пока Сиворд отдыхал, прислонившись к стене, пытаясь выглядеть суровым и знающим. Он посылал быстрые взгляды на остальных мужчин, чтобы понять заметил ли кто-нибудь из них насколько он опасен. Никто из них не заметил.

Похитители были заняты каждый своим делом, поэтому я без проблем проскользнул к стулу, на котором сидела Дона. Наверное, мне также помогло то, что я был невидим.

– Дона, это я, Джейм, – тихо прошептал я.

– Джейм? – спросила Дона. Я не мог обвинять ее. Мне также пришлось потратить определенное количество времени, чтобы привыкнуть к невидимости.

– Что такое? – спросил Сиворд, вставая прямо напротив Доны. – Букашка что-то сказала?

Дона – смелая девчонка. – Я слышала голос, – сказала она. – Должно быть это был городской страж, который пришел вас всех арестовать. Однако, она никогда не умела хорошо придумывать истории. Хорошо, что все получилось.

– Ага, а потом они все нарекут тебя принцессой Кормира. Ха! Мелкая букашка! Я клянусь, твой отец никогда не получит тебя назад, ты уродливая девчонка. Потом мы расплющим тебя как букашку. – Я никогда не видел и не слышал ничего противнее, чем смех Сиворда. Я подумал, что у Доны должно быть что-то острое, что ответить ему. Но она сжала свое лицо и начала всхлипывать. Я понял, что это первый раз, когда я действительно возненавидел Сиворда.

Он снова засмеялся и еще несколько раз обозвал ее "мелкой букашкой". Я подумал, что это слишком глупо с его стороны, но эта фраза производила резко выраженный эффект на Дону, чьи всхлипывания превратились в сильный плач. Я надеялся, что Король скоро сделает свой шаг. Чего же он ждал?

– Ну спасибо, – закричал один из играющих в лото. – Не заставляй ее начинать снова. Уйди от нее, мальчик.

– Кого ты называешь мальчиком? – бросил вызов Сиворд. Но он все же вернулся обратно к своему месту у стены. Тогда то я и понял, что маникюрные ножницы исчезли. Похитители это тоже заметили.

– Где Лонни? – спросили остальные игроки. Его оппонент пожал плечами.

– Вероятно, он пошел кое-куда. Они засмеялись этой старой шутке. Я мог поклясться, что Король справился с этим мужчиной и сейчас был занят тем, чтобы связать его. Я использовал это время, чтобы зажать рукой Доне рот и снова прошептал.

– Это я, Джейм, твой брат. Я невидим. Правда. Я дам тебе убедиться в этом позже. Но для начала я собираюсь освободить тебя. Не кричи, не говори мне ничего и вообще ничего не делай. Хорошо? Она все еще не сняла мою руку и сделала что-то на подобии кивка, так что я приступил к делу. Веревки легко и быстро мне поддавались, но потом они упали и ударились об пол с заметным глухим звуком.

– Эй, она свободна! – воскликнул Сиворд.

Оба игрока в лото поднялись из-за стола, и внезапно появился Король, перепрыгнув через ящики позади них. Но он прыгнул плохо, используя для приземления сначала передние лапы. Руки человека не совсем подходят для этой задачи, поэтому он распластался на столе между двумя удивленными похитителями.

– Взять его! – воскликнул игрок в лото. Другой выхватил меч и поднял его, готовясь нанести удар Королю в спину.

– Король! – закричал я. – Берегитесь! – К тому времени, Сиворд был почти возле Доны. Я стянул шапку со своей головы и натянул ее на кудрявые волосы сестры. Сиворд остановился от моего внезапного появления и исчезновения Доны на достаточно долгое время, чтобы я успел крикнуть: – Беги! Ты невидима! Беги домой к Бэте!

Затем Сиворд лавиной обрушился на меня.

– Это ты, придурок! – визгливо закричал он, теряя всякое самообладание. – Я разорву тебя в клочья!

Я хотел ответить что-нибудь умное, но он был быстр, чтобы воплотить в жизнь свою угрозу. Мой единственный ответ был серией неразборчивых хрюканий, подчеркивающих каждый из его ударов. Я отчаянно оглянулся на Короля, надеясь, что он не только справился со своими врагами, но и также может спасти меня от Сиворда.

Но у Короля были свои проблемы. Оба похитителя размахивали ножами, клинком к клинку, прижав Короля к стене. К его чести, он был хорошим мечником, но сейчас оружие неуклюже смотрелось в его руках. С последнего раза, как он дрался, прошло очень много времени. Затем один из похитителей наградил его сильным ударом в плечо, опуская свой клинок вниз. Лезвия обоих злодеев были направлены на его глотку.

– На колени, герой, – насмеялся одним из мечников. Сиворд держал меня за воротник и повернулся, чтобы посмотреть.

Король был поражен и растерян. Он поколебался, затем медленно опустился на колени. Поражение читалось в глазах старого воина.

– Наземь, дворняга, – приказал другой мужчина. Первый схватил Короля за плечо и толкнул его вниз на руки.

– Король! – закричал я.

Король посмотрел на меня, лежавшего под хохочущим Сивордом. Все трое похитителей с издевкой смеялись, взглядами поздравляя друг друга. Король кидал взгляды на выбитый меч с выражением безнадежности, его голова опустилась. Он выглядел совершенно поверженным.

Но затем Король сгорбился, ища равновесия между своими руками и ногами. Он медленно поднял голову. Похитители были заняты тем, что широко улыбались друг другу, поэтому только я видел, что Король в улыбке оскалил зубы так, чтобы если

бы эта улыбка предназначалась мне, я бы испугался до чертиков. Мечники не видели, что Король смотрит на них, и того разгорающегося огня в его глазах. Он вытянулся, готовый к прыжку.

– Гар-р, – прорычал Король, бросившись на ногу первого похитителя.

Мужчина закричал от боли и начал безуспешно отбиваться от нападавшего. – Он укусил меня! Он укусил меня! – повторял он в недоумении.

– Он безумный, – крикнул другой, подняв меч.

Затем они услышали низкое, ужасающее рычание, и увидели глаза Короля, оскалившего окровавленные зубы.

– Милостивые боги, это оборотень! – закричал один. Два меча одновременно ударились о землю, а похитители побежали так быстро, что один из них шлепнулся лицом в статую богини-кошки, бессмысленно ударившись. Другой убежал немного дальше, завопил, затем упал с громким глухим стуком. Я позже выяснил, что он споткнулся о Лонни, которого посчитал несчастной жертвой Короля, оборотня.

Реакция Сиворда была столь же внезапной, как и у его товарищей. – Оборотень! – закричал он.

Сиворд пробежал три шага и сразу же споткнулся о стул, который таинственно скользнул ему под ноги. Появилась Дона, шлепающая лепечущего Сиворда шапкой. – Кто раздавлен теперь, маленькая букашка? – Остановить ли кровотечение из раны к его достоинству или сохранить истощающееся здравомыслие, Сиворд выбрал более подходящей вариант и упал в обморок.

Дальше была докучливая процессия прибывающих стражей, плачущей и крепко обнимающей Бэты, и большого количества вопросов. Недавние острые ощущения не давали нам спать в течение первого часа или около того, но потом зевки Дону превратились в сон. Король отнес ее домой на руках, и я еле-еле возвратился своими собственными силами.

– Вы должны остаться здесь на ночь, – сказала Бэта Королю. Герой открыл рот, будто собираясь спорить, затем снова его закрыл. Бэта все же была более крупной собакой.

Мне хватило сил только на то, чтобы показать Королю спальню для гостей. Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и я повернулся, собираясь уйти. Но потом остановился на мгновение у двери, чтобы посмотреть на него, думая что-то сказать, но не находя слов. Он не смотрел на меня.

Я наблюдал, как он лег в кровать с тяжелым вздохом, затем тяжело повернулся на бок. Несколько неудобных переворачиваний, и Король слез с мягкой перины на ковер, трижды прокружил на четвереньках, затем свернулся калачиком, чтобы удобно заснуть.

Отец вернулся через четыре дня после того как мы спасли Дону. Он не позволял нам исчезать из поля его зрения в течение нескольких дней. В первый раз я увидел Короля на суде Чесли. Суд был забит с людьми, и я не смог к нему пробраться. Даже на расстоянии, я видел, что он был несчастный. Он немного потерял серебряный

отблеск, который был у него в ночь спасения. Он выглядел только серым и усталым. И старым.

В конце концов, отец снова вернул мне свободу, и я бросился на улицу, чтобы найти Короля. Я хотел бы услышать все его рассказы, все о том, почему колдунья превратила его в собаку, и обо всех его приключениях с тех пор.

Король мог быть где угодно, так что я посмотрел повсюду. После обыска доков, территории цирка, рынков, и даже Министерства Искусства – где стражники сказали мне, что Кэрреджью пошел ужинать – я нашел себя на Уикер-стрит, недалеко от "Барли Боул". Я почувствовал запах ячменного супа и узнал, что Кэрреджью должен быть внутри. Конечно, он мог сказать мне, что случилось с Королем.

Посол был там. Он прислонился к стене, и тихо храпел. Длинная трубка покоилась около пустой суповой миски. Одна рука свисала, лениво поглаживая серебряную шерсть стареющего терьера смешанной породы.

ОБЫКНОВЕННАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Кейт Новак и Джефф Грабб

- Это пустая трата времени. Мне не нужно такое образование, - настаивал Марл, сын бондаря.

Кит Лейас свирепо посмотрела на мальчика, но она умела держать себя в руках. Марл был не первым учеником, чернящим знания, которые она пробовала преподавать. Но он не должен быть и последним. Марл был большим мальчиком, чьему примеру последовали бы другие. Пока ни один из учеников не сказал ни слова, некоторые смотрели на Марла с восхищением, что у него есть храбрость выразить то, что многие из них думали. Остальные ученики наблюдали за Кит с любопытством, ждали, чтобы посмотреть, как учительница справится с вызовом к ее полномочиям.

- Даже бондарю, иногда нужно читать и писать, Марл, - ответила Кит, заправляя прядь своих длинных, темных волос за ухо. - Тебе, возможно, придется записывать заказы твоих поставщиков и клиентов, чтобы лучше их помнить.

Другие ученики закивали на пример Кит, но Марл насмешливо фыркнул. - Я не собираюсь быть бондарем, - объявил мальчик. - Скоро, когда я накоплю достаточное количество денег, чтобы купить меч, я присоединяюсь к каравану как охранник. Я собираюсь быть искателем приключений.

- Новичок без обыкновенной грамотности, - грустно пробормотала Кит.

- Что за «новичок»? - спросила дочь трактирщика, Лисака.

- Что за «обыкновенная грамотность»? - спросил Марл.

- «Новичками» искатели приключений называют, - начала объяснять Кит, - только вышедших на тракт наемников. А «неофитами» - волшебников, еще не

успевшими зарекомендовать себя. «Обыкновенная грамотность» - это ... ну, вообще так называется история, которую я слышала от наёмницы Элии.

Дети в классной комнате наклонились вперед все как один. Подобно всем ученикам повсюду в Королевствах, они знали, что учительницу можно отвлечь от урока, если поощрять ее к воспоминаниям. Также они горели желанием услышать историю о наёмнице Элии. Наёмница Элия была знаменитой искательницей приключений – она спасла хафлинга Оливию Раскеттл от дракона Мистинарпераднеклеса и дважды обхитрила безумного бога Моандера. Только в прошлом году она управляла гильдией воров в Западных Вратах. История об Элии была бы удивительной.

- Расскажите нам, пожалуйста, - попросила Лисака.

- Да, расскажите историю, - требовательно попросил Марл.

Кит пожала плечами. – Я слышала эту историю, когда Элия рассказывала ее в селе Серпентсфорд (Змеиный Брод) в Физердэйле (Долине Перьев). Люди там были подозрительны ко всем женщинам-незнакомкам, которые проходили через город, даже к героине подобно Элии, ибо село зачумила пенанггалан.

- Что это? - спросил Джевел Вивер, самый младший ученик в классе.

- Это женщина-вампир, - сообщил Марл с выражением превосходства.

- Не совсем, - возразила Кит. - Пенанггалан немертва, и она пьет кровь живых, но на этом сходство заканчивается. Пенанггалан появляется как обычная женщина в дневном свете, и лучи солнца ее не уничтожают. Но ночью ее голова отделяется от тела, таща черный «хвост», который является останками желудка и кишок. Тело лежит неподвижным, в то время как голова летает далеко и охотится на своих жертв. Она предпочитает кровь женщин и девочек.

Джевел взвизгнул, и несколько студентов дрогнули. Даже Марл выглядел немного бледным.

- Люди Серпентсфорда знали достаточно, чтобы сжигать трупы жертв пенанггалан, так что те не смогли бы стать неумершими, - объяснила Кит. - Но сельские жители начинали терять надежду, что они когда-либо обнаружат чудовище, или даже любое из ее скрытых логовищ, ибо она была очень хитрой. Элия рассказывала эту историю, чтобы поднять их дух.

- Так что за история? - нетерпеливо проворчал Марл.

Удивлённая внимательностью мальчика, Кит слегка улыбнулась. Она села обратно на стул и положила руки на колени. Марл извивался от нетерпения.

Кит начала рассказ. - Это история о кампании искателей приключений, известной как Сванмейс. Она состояла из двух женщин-мечников, Белинды и Миртл; пары мошенников, Ниома и Тени; клирика Пейсила; и волшебницы, Кейсилит. В Год Червя, Сванмейс зимовали в Западных Вратах. Владелица дома, в котором они жили, ткачиха, имела ученицу, девочку-сироту названную Стилли, которой было тринадцать лет. Стилли и Кейсилит стали близкими подругами, и Стилли захотела оставить ткачиху, чтобы присоединиться к Сванмейс.

В то время, хотя это было законным обязательством каждого мастера, ткачиха еще не научила Стилли читать и писать. Белинда, лидер Сванмейс, не была страстно увлечена взять на себя ответственность за неграмотную девочку, способности которой были только к тканям, и похищение ученика было преступлением в

Западных Вратах. Все же Белинде нравилась Стилли. Она пообещала Кейсилит, что если волшебница обучит Стилли читать и писать, то она пойдет в городской совет оспаривать права ткачихи на девочку, и подаст прошение взять ее как ученицу мечницы.

В течении зимы, Кейсилит обучала Стилли читать и писать. Стилли верила, что Кейсилит фактически обучала ее магии; то, что каракули на бумаге могли что-нибудь подразумевать, было очень благоговейно для девочки. Кейсилит шутила, что, если это волшебство, то это самые общие заклинания в Королевствах.

Той же зимой пенанггалан начала охотиться на женщин Западных Врат. Ни городская стража, ни искатели приключений, населяющие город, не могли обнаружить логово существа. При жизни, чудовище было дворянкой и ее семья и их власть помогали ей скрываться. Случайностью или судьбою, немертвая дворянка пришла в мастерскую мастерицы Стеллы, чтобы починить разорванный плащ и решила сделать ткачиху своей следующей жертвой. Объяснив, что не сможет прийти за плащом раньше вечера, пенанггалан договорилась с ткачихой о встрече после закрытия мастерской.

Немного позже, ткачиха узнала о плане Белинды взять Стилли к себе. Гневаясь, ткачиха приказал Стилли починить плащ дворянки, затем заперла девочку в рабочем помещении. Стилли слышала голос ее хозяйки, приказывающий Сванмейс убраться из ее дома, затем стук двери.

После рыданий о своем потерянном счастье, Стилли вернулась к работе. В кармане плаща дворянки, девочка обнаружила дорогой медальон с выгравированным именем. Так как Стилли научилась читать, она узнала, что имя принадлежит девочке, которая пала жертвой пенанггалан. Стилли громко позвала хозяйку, но ткачиха, думая что девочка только впала в истерику, пренебрегла ее криками. Гораздо позже вечером ученица услышала, как хозяйка отодвинула засов на двери дома, а затем закричала в ужасе. Пенанггалан пришла за ткачихой в своем истинном виде.

Запертая в рабочем помещении, Стилли слышала стоны ткачихи и звуки твари с чавканьем пьющей ее кровь. Стилли тряслась от ужаса до тех пор, пока не потеряла сознание.

Утром пенанггалан, снова в человеческой форме, отперла дверь рабочего помещения, чтобы забрать свой плащ. Симулируя заботу о девочке, немертвая дворянка пообещала вернуться и освободить Стилли когда стемнеет. Девочка скрыла свой страх и знание истинной природы женщины. Зная, что пенанггалан намеревается вернуться вечером, чтобы убить ее, так же как убила ткачиху, Стилли задумала отчаянную хитрость. На задней стороне плаща монстра она написала каракулями «пенанггалан» мелом, затем тщательно свернула плащ так, что ее ремонтные работы были видны, а надпись - нет. Дворянка кивнула, удовлетворенная работой и позволила Стилли помочь надеть ей плащ. Затем женщина оставила рабочее помещение, заперев ученицу. Это был последний раз, когда Стилли ее видела.

- Потому что люди прочитали надпись ... и убили пенанггалан, - сказал Джевел взволновано.

- История Элии так и закончилась, - сказала Кит, кивнув. - Чтение и письмо, обыкновенная грамотность, сохранили жизнь Стилли.

- Это все? - спросил Марл, неудовлетворенный рассказом.

- Нет, это не все, - возразила Кит, ее голос внезапно стал более глубоким и более внушительным. - Элия рассказала неправдивое окончание истории.

Глаза учеников расширились от удивления.

- Но почему Элия соврала? - спросила Лисака.

Кит пожала плечами. - Она узнала эту историю от отца, барда Финдера Драконошпора, другими словами он рассказал ее ей. Барды печально известны манипулированием фактами для их собственных целей. Но я знаю, что это не было правдивым окончанием истории. Я останавливалась в постоялом дворе, когда Элия рассказывала эту историю, - объяснила Кит, - и когда она закончила, одна женщина из слушателей обвинила ее во лжи и ударила.

Студенты открыли рты от изумления, даже Марл.

- Женщина была волшебницей Кейсилит из Сванмейс, - объяснила учительница.

- Ей было только двадцать семь, но она выглядела как минимум на пятьдесят. Она рассказала Элии и сельским жителям истинное окончание истории.

- Какое? - спросил Марл.

- Предполагалось, что Кейсилит обучает Стилли читать и писать, - сказала Кит, ее голос звучал с горечью, - но вместо этого две девочки потратили зимнее время на легкомысленные игры с магией, игрушечными мечами, их волосами и платьями. Когда Стилли нашла медальон в плаще пенанггалан, она не смогла прочесть надпись на нем. У девочки не было никакой возможности обнаружить, что дворянка была пенанггалан, и даже если ученица подозревала что-то исходя из услышанных ночью криков ткачихи, она не знала достаточного количества букв, чтобы написать что-либо на тыльной стороне плаща чудовища. Следующей ночью дворянка вернулась освободить Стилли. Она освободила ее от жизни, иссушив всю кровь с ее тела.

- О, нет, - прошептал Джевел.

- О, да, - ответила Кит.

- Они когда-нибудь поймают пенанггалан? - спросил Тодд, сын пекаря. - Минуту! - воскликнул мальчик. Это была та же пенанггалан в Вестгейте, которая была в Серпентсфорде. Кейсилит все еще охотилась на нее, чтобы отомстить за смерть Стилли, не так ли?

- Это она сказала Элии и ее товарищу Драконбайту, - ответила Кит.

- Так они поймали пенанггалан? - спросил Марл.

Кит продолжила. - У Элии был осколок камня-поисковика, старый разбитый артефакт. Если бы вы держали камень и имели ясное представление о ком-либо или о чем-либо, осколок указал бы путь светом в направлении того или чего, что вы хотели найти. Кейсилит говорила, что она однажды увидела человеческое тело пенанггалан. Элия дала ей камень. Его свет привел их к логову, скрытому под землей, где туловище пенанггалан лежало на катафалке свежих сосновых ветвей. Головы чудовища там не было; она вернулась бы перед рассветом, а сейчас была на охоте.

С важным видом, Кейсилит использовала магию, чтобы сжечь тело. Без туловища пенанггалан не сможет скрывать свою истинную природу. Если бы на

голову упал солнечный свет, и она не возвратилась бы к своему телу в течении нескольких часов, то сгнила бы, следовательно пенанггалан не смогла бы путешествовать больше при дневном свете. Искатели приключений спрятались и начали ждать возвращения головы пенанггалан.

- И дождались? - спросил Марл. Он сидел на краю своего стула.

Кит покачала головой.

- Что случилось потом? - спросил Джевел.

- Элия, Драконбайт и сельские жители искали повсюду. В течении дней и ночей они искали пенанггалан или ее останки. Они не находили других скрытых логовищ, так же не находили и никаких других жертв пенанггалан. Они надеялись, что существо попало под солнечный свет и сгнило, но Элия не прекращала поиски до тех пор, пока у нее не будет несомненных доказательств смерти пенанггалан.

Даже Кейсилит сдалась. Она должна была вот-вот оставить деревню, когда большая метель пришла с северо-востока. Путешествие в любом направлении за пределы долины было невозможным в течение почти недели, поэтому она осталась. Маг становилась отчужденной и осунувшейся с виду.

Метель прекратилась, но к тому времени Кейсилит была очень больной, она была слишком ослабла даже, чтобы встать с кровати. Ее попутчица, хорошенькая девочка-найденыш звавшаяся Джилли, оставалась возле нее.

Однажды ночью, когда Элия и ее товарищ Драконбайт были готовы оставить постоянный двор для охоты, Драконбайт обернулся и зашипел. Драконбайт происходил от странной расы ящеров называвшихся сауриалы, но на самом деле они – нечто отличное от вас и меня. Драконбайт был паладином, борцом бога правосудия, и подобно человеческому паладину он мог ощущать присутствие зла. Он примчался к комнате Кейсилит с Элией, следующей за ним по пятам. Пара вышибла дверь.

Что-то лежало на груди Кейсилит, прижавшись к ее шее. На миг Элии показалось, что это спящий ребенок. Существо имело шелковистые земляничные белокурые волосы, которые Кейсилит гладила одной рукой. Другая рука волшебницы обнимала то, что казалось, является рукой ребенка. Когда владелец постоянного двора подошел к двери с фонарем, Элия увидела, что существо, лежащее на Кейсилит, было пенанггалан. Она жадно пила кровь, что сочилась из двух ран на горле волшебницы, и блестящий черный хвост касался красивой головы, извиваясь подобно змее в руке мага.

Хозяин уронил фонарь и убежал. Элия застыла, озлобленная на себя, существо подняло голову и зашипело. У него было лицо попутчицы Кейсилит, Джилли. Обезглавленное туловище Джилли лежало на кровати рядом с волшебницей. Чудовище слетело с кровати, ее глаза пылали красным, кровь булькала в ее горле. Скрежещущим голосом она выкрикнула имя своей жертвы и улетела в направлении окна, но ее бегство блокировал сауриал паладин своим волшебным пламенным мечом. Элия заперла дверь на засов, закрывая чудовище в комнате с его жертвой и двумя авантюристами.

Пенанггалан могла летать, но потолок комнаты был низким, а меч Элии - длинным. Она зажала монстра в угол и должна была вот-вот нанести смертельный удар, когда ее спина взорвалась от боли пяти волшебных дротиков, погрузившихся в

ее тело. Элия оглянулась назад от удивления. Ее глаза расширились от потрясения, когда она обнаружила, что это Кейсилит только что напала на нее. Волшебница была не только жертвой пенанггалан; она также защищала немертвую тварь.

Драконбайт набросился на Кейсилит, не дав ей применить любую магию, но пенанггалан, захватив преимущество отвлекшейся Элии, с яростью бросилась в атаку. Она кинулась вниз на мечницу и хлестнула ее хвостом вокруг шеи. Элия неловко взмахнула мечом над головой, затем изо всех сил дёрнула хвост твари, чтобы он не задушил ее. Хвост был слизистым, как разлагающийся кусок мяса, и его зловоние леденило кровь. Понимая, что чудовище скоро раздавит ее горло, Элия решила на отчаянные действия. Она бросила свой меч и выхватила кинжал из ножен на ботинке.

Секундой позже она нанесла удар по хвосту пенанггалан. Горячая кровь хлынула на нее, немедленно залив глаза. Пенанггалан забила зубы в щеку девушки. Уронив кинжал, Элия схватила чудовище за волосы и оторвала от себя, нанося удары о стену снова и снова, пока не раздробила ее череп. Хвост медленно сдвинулся и начал сползать с горла Элии. Она сбросила чудовище на пол, подняла свой меч, и разрубила голову пенанггалан надвое.

Облако чернильного цвета поднялось от головы чудовища, сжалось в темную точку, и затем исчезло. На кровати рыдала Кейсилит: - Стилли! - и Элия поняла, что случилось.

Кит сделала паузу в своей истории и на мгновение опустила голову. Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

- Джилли была Стилли, - выкрикнул Тодд. - Никто не сжег труп Стилли, - размышлял мальчик, - поэтому она стала пенанггалан. Но что случилось с другой пенанггалан? Той, чье тело Кейсилит уничтожила? - спросил мальчик. - Была она той, что убила Стилли?

Кит покачала головой. - Нет, ту одну Сванмейс нашли и уничтожили. Никакой другой пенанггалан не было. Кейсилит создала иллюзию тела и уничтожила ее, чтобы Элия подумала, что чудовище мертво и ушла прочь.

- Но Элия была слишком опытным охотником, и не уходила, - отметил Марл.

- И когда Кейсилит и Стилли из-за снега оказались в Серпентсфорде в западне, Стилли пришлось питаться Кейсилит, так что она не могла быть поймана, - добавил Тодд.

- И Кейсилит помогла Стилли хотя та была пенанггалан, потому что она была ее подругой, - сказала Лисака.

- Пенанггалан - не тот человек, которым она была при жизни. Это только злая жизненная сила, одушевляющая ее тело, которое знает, что знала она, - утверждал Марл. - Правильно?

- Это верно, - сказала Кит мягко.

- Но Кейсилит не знала этого, не так ли? - спросил Джевел.

- Она знала, - ответила Кит.

- Пенанггалан вероятно загипнотизировала ее и сделала своей рабыней, - сказал Марл.

Кит покачала головой. - Вы понимаете, она чувствовала себя виновной в смерти Стилли, потому что не научила ее читать. Поэтому думала, что не заслуживает

ничего лучшего для остатка своей жизни, чем служить рабыней зла, потому что создала злое существо.

Кит вздохнула. - Итак, она визжала и плакала, разглагольствовала и бредила. Она клялась, что никогда не простит Элии и Драконбайту свое освобождение из рабства пенанггалан. Однако же, они посещали ее, пока она оправлялась от ран, нанесенных пенанггалан.

- Больше чем она заслужила, - пробормотал Марл.

- Верно, - согласилась Кит. - Элия заверила волшебницу, что Финдер Драконошпор рассказал ей так много о Кейсилит, что она считает ее своей подругой, и не оставит, пока та не излечится. Кейсилит клялась, что никогда не встречала Финдера Драконошпора, но Элия всё равно оставалась. Наконец, в один прекрасный день, паладин Драконбайт сказал девушке то, что заставило ее изменить мнение о своих чувствах, и о том, что ей делать со своей жизнью.

- Что он сказал? - спросил Джевел.

- Он сказал Кейсилит, что бог правосудия ненавидит наказание ради наказания. Что нам придется найти путь искупления зла, которое мы делаем, и что мы не можем искупить зло злом, а только добром. Он предложил ей пойти обучать других детей, которым нужно было научиться читать и писать. И это как раз то, что она сделала.

- Так она стала учительницей подобно вам? - спросил Джевел.

- Да, она стала учительницей подобно мне, - ответила Кит. - Она преподает общую грамотность.

Марл, сын бондаря, оставался в школе еще два года, прежде чем купил себе собственный меч и присоединился к каравану как начинающий наёмник. К тому времени Кит Лейас обучила его читать и писать названия всяких злых существ, с которыми он, возможно, столкнется в Королевствах, и переехала в другую долину, чтобы обучать детей другого села. В свободное от службы время, Марл учился у прочих охранников каравана играть в анаграммы. Но после этого, сын бондаря проводил намного больше времени, думая о волшебнице Кейсилит и учительнице Кит Лейас.

ПЕРВОЕ ЛУННОЕ ОЗЕРО

Дуглас Найлз

Богиня существовала глубоко в коконе земли, вечное существо, возникшее из камня, ила и огня, чье тело было укрыто глубинами бескрайнего неизведанного моря. Как все бессмертные, она обращала мало внимания на непрерывное течение веков, ритмичный пульс времени. Только постепенно, по прошествии несчетной

вечности, она осознала, что вокруг и над ней в океане изобилует жизнь. Она познала присутствие этой жизни во всех видах, что процветали и росли; с самого начала она поняла, что жизнь, даже в самых простых и самых быстротечных формах, это благо.

Глубокие воды омывали ее тело, а вулканические огни ее крови раздулись, ища освобождения. Она была живым существом, и поэтому она росла. Ее сущность расширялась, медленно поднимаясь из глубин океана, на протяжении тысячелетий разливаясь по впадинам морского дна, осознанно и решительно стремясь вверх. В течении веков ее кожа, дно моря, пробилась сквозь королевство черноты и индиго и синева в направлении мерцающих аквамаринových просторов и тепла, которое разительно отличалось от горячей пульсации лавы - ее собственного сердцебиения.

Жизнь в своем многообразии развивалась вокруг нее, сначала в виде простых существ, затем в более крупных и развитых формах. Живность изобиловала в воде, что покрывала и охлаждала ее тело. Глубокие раны беспрестанно открывались в каменной плоти ее тела, и ее кровь волновала холодную воду пенными взрывами пара.

Между этими шипящими извержениями, она ощущала кружение гигантских форм, плавающих рядом, дышащих холодным, темным морем. Существа с плавниками и щупальцами, чешуей и жабрами собрались к теплу ран матери земли – ран, которые не причинили никакой боли, но давали возможность расширяться, пробиваться выше через проясняющиеся воды моря.

И, наконец, в жизни, собранной в ее груди, она ощутила больших существ с сердцебиением и теплой кровью. Эти мощные животные плавали подобно рыбам, но были покрыты гладкой кожей вместо чешуи и поднимались над поверхностью моря, чтобы глотнуть воздуха, который заполнял пустоту сверху. Матери нянчили свою молодежь, как богиня растила своих детей и наполнившееся жизнью море. Важнее всего, в этом последнем пополнении богиня ощутила пробуждение ума, мысли и рассудка.

Не задумываясь о течении тысячелетий, чувствуя прохладу моря над ее скованным камнем телом, физическая форма богини продолжала расширяться. Наконец, часть ее существа, возвысилась над взбудораженным штормом океаном и почувствовала новый вид тепла, сияния, шедшего из неба. Временами это тепло скрывалось одеялом холодной пыли, но морозный слой регулярно исчезал, уступая теплу, успокаивающей воде, которая омывала плоть богини, и золотым лучам, гладко струившимся с неба.

Под влиянием открытого неба плоть богини охладилась, и новые разнообразные формы жизни укоренились на ней. Существа, обитавшие в море воздуха, обратили лица к облакам. Многие не ходили или плавали, но прикрепили себя к земле, протянули величественные ветви вверх, создавая зеленые жилища на пространстве суши. Рост этих высоких и мощных деревьев, подобно всем формам жизни, доставлял удовольствие богине. Она ощущала пробуждение и ослабевание лесов, покрывавших ее кожу, изучила холод и тепло времен года с большей остротой, чем раньше.

Это было осознание, которое позволило матери земли наконец-то ощутить течение времени. Она знала времена года, и по изменениям погоды она изучила строение года. Она считала время, как человек мог измерить свое дыхание и

сердцебиение, хотя для богини каждый удар сердца был сезоном, каждый вздох - новым годовым циклом. Годы проходили десятками, сотнями и тысячами, и ее осознание становилось ярче, сильнее.

Горячая кровь ранних эпох остудилась, подводные извержения закрыл твердый камень. Выступавшая над волнами твердь покрылась лесами, лугами, прогалинами и болотами. Моря и озера омывали землю, охлаждая богиню и питая пресной и соленой водой множась разнообразие живности.

Богиня продолжала чувствовать единение с теплокровными существами, живущими в глубинах, которые всплывали на поверхность и возвращались, делясь образами бескрайнего небесного свода, сладкого поцелуя морского бриза и великолепия высоких вздымающихся облаков. Ее любимцем среди этих морских существ был один, который питался от ее груди с незапамятных времен, кормясь водорослями и планктоном, что собирались у источников ее тепла. Он десятилетиями дремал в ее объятиях. Она знала его как Левиафана, первого из ее детей.

Он был могучим китом, крупнее, чем любая другая рыба или млекопитающее в этих морях. Его сердце было добрым, а ум - наблюдательным, острым и терпеливым, ведь только тот, кто прожил столетия, мог познать терпение. Большие легкие заполняли его мощную грудь, и он чувствовал жизнь в ритме, который богиня могла понимать. Иногда он вдыхал воздух и опускался в глубины, оставаясь там в течении нескольких сердцебиений богини - годами в пересчете на бурный темп жизни других теплокровных существ.

В долгом, безмолвном общении с матерью-богиней Левиафан лежал в глубокой впадине на дне моря, ощущая струящуюся теплоту ее огненной крови, пульсировавшую под слоем камня. За это время большой кит передавал образы, которые он заметил над волнами, вид растущей зелени на многочисленных островах матери земли, изобилие существ, обитающих не только в море и на земле, но даже сбивающихся в стаи в небесах.

И он поделился своими воспоминаниями облаков. Это больше, чем что-либо другое, разжигало огни воображения матери земли, наполняло удивлением ее сердце и порождало любопытство в ее существе.

Общаясь с Левиафаном, разделяя его воспоминания о том, что он заметил, богиня начала осознавать кое-что: в отличие от многих существ, что обитали на ее плоти, она была абсолютно слепой. У нее не было никакой возможности, ни одного чувства, через которое она могла бы увидеть мир жизни, процветающей на ее физической форме.

Единственные зрительные образы, доступные ей, были из памяти большого кита, и они были бледными и туманными подобиями реальности. Богиня хотела сама увидеть небо с облаками, дождем и солнцем, узнать животных, что изобиловали в ее лесах и полянах, деревья, корни которых тонули глубоко в ее плоти.

От Левиафана богиня узнала о глазах, волшебных шарах, которые позволяли животным наблюдать чудеса вокруг них. Она узнала о них и желала их ... и изобрела план создания глаз для себя.

Левиафан поможет ей. Большой кит отпил из подводного фонтана, впитывая силу и волшебство матери земли. Легкими ударами мощных плавников он двигался в направлении поверхности, плывя через проясняющиеся тени воды до тех пор, пока его широкая спина не поднялась выше волн, ощутив поцелуй солнечного света и ветерка.

Левиафан целеустремленно плыл к глубокой бухте, проскальзывая по узким проливам меж скалистыми полосками суши в направлении западного берега одного из любимых островов матери земли. На севере возвышались горы, до увенчанных снегом вершин которых не добралось весеннее тепло с берега. К югу была полоса зеленого леса, простиравшаяся далеко от скалистого берега, покрывая большую часть острова.

В конце залива, где соединялся ландшафт севера и юга, вода оставалась достаточно глубокой, чтобы Левиафан плыл без труда. Он прибыл в место, выбранное богиней, и в своем теле принес ее тепло и магическую сущность. С мощным пенистым взрывом он выбросил жидкость в воздух, выстрелив струей теплого дождя. Драгоценная вода выплеснулась на камни береговой линии, собралась в многочисленные потоки и стекла вниз, собираясь в скалистой чаше возле покрытого гравием пляжа.

Сущность богини собралась в этом озерце молочными водами могущественного волшебства. Ее лицо сосредоточилось на небе, на куполе, который она так долго воображала. Первая вещь, которая попала в поле зрения, была совершенным белым шаром, восходящим в сумеречных небесах, поднимавшимся выше и выше, излучая отраженный свет на тело и кровь матери земли.

Из вод ее только что созданного озера богиня наблюдала луну. Алебастровый свет отражался от отмелей и волн на побережье и окутывал все вокруг. Богиня увидела этот свет и была довольна.

Все же еще была неясность в ее видении, размытый туман, который мешал целиком наблюдать мир. Левиафан был в открытом море, плескаясь в бурных волнах, но озеро было далеко от него, отделенное сухой землей и скалами. Тогда богиня поняла, что ее детей в одном лишь море недостаточно.

Их присутствие требовалось и на земле.

Отощавший волк с косматой серой шкурой, потрепанной после долгой зимней спячки, мчался за сильным оленем. Тот легко бежал сквозь весенние заросли, не выказывая той безоглядной паники, которая наверняка побудила бы более молодого оленя к неосмотрительному, - и в конечном счете гибельному - бегству. Вместо этого гордое животное ограничивалось грациозными прыжками, оставаясь вне досягаемости голодных челюстей и меняя направление только при виде более прямого пути.

Голубые глаза на острой волчьей морде оставались сосредоточенными на величественных оленьих рогах. Терпение, советовал волчий инстинкт, знавший, что стоя может достичь того, чего не мог бы один сильный охотник. Как будто бы в ответ на мысль их лидера, другие волков вырвались из укрытия сбоку, спеша

присоединиться к охоте. Но олень хорошо выбрал свой путь: длинный поворот увел его от новых охотников, не позволив и вожаку сколько-то сократить дистанцию.

Низкий утес вырисовывался впереди, и хотя в долине не было ни ветерка, олень ощутил новую засаду - псовые формы скрывались в густом папоротнике у кромки тенистых глубин леса. Олень бросился в известняковый обрыв, спрыгнув с кошачьим изяществом, и сумел найти точку опоры для копыт на каменных выступах.

С напряженным фырканьем и раздувающимися ноздрями, первыми внешними знаками отчаяния, олень карабкался вверх по скале в три раза выше его собственного роста. Трое волков сорвались из укрытия в папоротнике внизу, воя от голода и разочарования, когда олень достиг вершины утеса и снова увеличил скорость. Копыта били и стучали по твердой земле, и олень, взмахнув белым хвостом, устремился к открытой местности.

Но лидер маленькой стаи волков не должен был, не мог допустить поражения. Бросившись на каменную стену, он карабкался, цеплялся и тянулся вверх, вкладывая всю силу мощных задних лап, подгоняемый голодным отчаянием. Наконец, широкие передние лапы достигли вершины, и хищник снова помчался за добычей, вторя воем тяжелому дыханию бегущего оленя.

Другие волки пытались следовать за ним, хотя большинство отстало. Еще несколько молодых самцов и гордая, желтоглазая самка одолели подъем. Их охотничья песнь присоединилась к шуму погони и задала направление для более слабых волков, которые бежали по другой стороне известнякового обрыва, ища более удобное место, чтобы пересечь его.

Усталость начала одолевать вожака, в движениях появилась неуверенность, которой раньше не было. И все же запах добычи был силен, и в нем чувствовалось изнеможение самого оленя, его растущее отчаяние. Это придало надежды волку, и он поднял свою голову в призывном, предвкушающем вое остальной стае, прозвучавшем подобно молитве среди безмолвных гигантских деревьев, укрывших зеленью прохладную землю.

Но могучий олень обрел второе дыхание, которое удивляло и пугало гордого охотника. Хищник мчался через лес, припадая к земле, и косматый хвост вытянулся в стрелу. Яркие голубые глаза сосредоточились на образе убегающего оленя, на рогах, задевающих ветки и листья. Больше не воя, чтобы не тратить попусту ни одного отчаянного, задышающегося вдоха, напрягшийся волк гнался в мертвой тишине.

И в этом молчании он начал ощущать свое поражение. Стремительные фигуры его товарищей шелестели словно призраки в покрытой папоротником земле позади его, но и они не были способны преодолеть расстояние, отделяющее от убегающей добычи. Даже желтоглазая самка, длинные челюсти которой раскрылись в клыкастой голодной усмешке, не могла больше выдерживать темп.

Олень резко повернул и бросился влево. Срезая угол, ведущая пара волков сократила расстояние. Скоро самец бежал сразу позади с левого бока добычи, а сильная самка приблизилась с противоположной стороны. Пара охотников обложила оленя с обеих сторон, чтобы пресечь любую попытку изменить направление.

Но олень продолжал свой бег с непреклонной решимостью, словно обнаружил цель. Он бежал вниз по склону широкого хребта, ныряя в заросли, перепрыгивая большие валуны, которые были бы препятствием для более мелких существ. Лес раздался в стороны еще больше, и за просекой показалась полоса голубой воды, бухта, разделившая неровную землю.

Наконец олень вырвался из леса и поскакал через широкую пустошь. Мягкая земля гасила удары широких копыт, и, хотя язык оленя свисал из широкой пасти, а ноздри бешено раздувались с каждым вздохом, животное даже ускорило свой отчаянный бег.

Но то же сделали и волки. Больше и больше их вырывались из леса, прокладывая путь через болотистый луг, мчась в мрачном и целеустремленном молчании. Если бы большой вожак оглянулся назад, он обратил бы внимание на неожиданное количество клыкастых хищников, куда большее, чем было в его стае, когда они собирались в логове для зимнего отдыха. И все еще больше волков следовало вдоль берега, собиралось с севера и юга, плоскогорья и побережья, привлеченные охотой, сотни серых силуэтов, стекающих к одной точке.

Олень наконец пошатнулся, но не из-за усталости. Животное замедлилось до величественной рыси, высоко задрал гордые рога. Море было близко, но самец не стремился к побережью. Вместо этого лесной король свернул вдоль скалистого берега в направлении озерца, лежавшего в совершенном укрытии каменной чаши.

Водоем располагался слишком высоко, чтобы быть результатом прилива, и не был похож на скопление дождевой воды или стоков. Вода в нем была бледной, почти молочно-белой, и кружилась в гипнотическом водовороте. Берег был крут, но в одном месте скалы образовали подобие ступеней, позволяя оленю осторожно спуститься вниз.

Волки собрались на скалах, окружив оленя и озеро, зная, что добыча в ловушке. И все же некоторое безмолвное принуждение держало голодных хищников на расстоянии. Блестящие умные глаза наблюдали, как морда оленя коснулась поверхности воды; свесив длинные языки, хищники ждали, пока их добыча напьется.

Большой олень долго лакал воду Лунного Озера и, наконец напившись, повернулся и пошел прочь в направлении вожака стаи. Олень поднял голову к облакам, обнажая косматое горло, и издал последний, победоносный рев.

Когда волк укусил выставленную шею, он сделал это почти нежно. Убийство было быстрым и чистым, и хищник не обратил внимания на красную кровь, которая согрела его челюсти и должна была разжечь голод и желание своим свежим манящим запахом. Вместо этого волк поднял голову и сосредоточил взгляд ярких глаз на тех же облаках, которые были последним зрелищем в жизни могучего оленя.

Долгий вой разнесся по пустоши, и к вожаку присоединилась остальная часть стаи в песне радости и поклонения, в музыке, которая славилась их мать и создательницу.

Когда стая наконец приступила к пище, кровь оленя бежала алыми ручьями по каменным ступеням. Хотя волков было без счета, сейчас, мяса хватало для всех. С чувством абсолютной сытости каждый хищник, съев свою долю, пил молочную воду озера.

Пир длился больше, чем весь день, и, наконец, яркая полная луна поднялась над мерцающей водой. Щенки родились под этим светом, и детеныши резвились рядом с могучими взрослыми.

Красная кровь смешалась с водой Лунного Озера, и богиня видела и праздновала со своими детьми. Ей виделась прекрасной смелая жертва оленя, а кровь могучего животного освятила воды ее Лунного Озера.

И поддержала равновесие жизни ее детей.

УДАЧА ЛУЭЛЛИНА БОЛТЛИВОГО

Аллен Купфер

– Этот мерзавец соврал нам!

Луэллин Болтливый почувствовал, как холодные воды реки Галагар просачиваются сквозь его одежду, волосы, и узкое, совершенно человеческое тело.

– Утопи его, как крысу!

Пятка хафлинга придавила его шею. В лицо, глаза и рот летели брызги воды.

– Будешь нам врать, да? Подержи его под водой. Пусть рыбы поплавают в его легких!

Он подумал, что это, наверное, конец. Он боялся, что в этот раз ему не видать спасения. Уж точно не с этой бандой хафлингов, готовых на все и жаждущих мести. Только не с ними!

К волосатой ноге на его шее вскоре присоединилась другая нога, взгромоздившаяся на голову. Под тяжестью ноги его голова зарылась в песок дна реки. Еще несколько хафлингов всем своим весом прижимали остальную часть его тела ко дну. Когда вода хлынула в уши, он уже не мог слышать вызывающие голоса. И хотя он боролся, общий вес полуросликов был слишком большим для него.

Он больше не мог задерживать дыхание, и пузырьки, полные жизненным кислородом спасались из его легких, вырывались из его рта и ноздрей, поднимались в воде и лопались на поверхности реки. Он смотрел на их восхождение с широко открытыми от ужаса глазами.

«Возможно, – думал он, – я не должен был посылать эту банду авантюристов искать серебряный ключ. Возможно, я смог бы получить амулет Залаторна и сам, без необходимости отвлекать этих хафлингов. В конце концов, Залаторн, великий и добрый король-колдун, сказал, что я могу хранить амулет у себя, если захочу. Возможно, послать их в болота Ахлаура, чтобы я смог обыскать их лагерь, не было хорошей идеей – нет, это была вовсе не здравая идея – даже если бы я и вправду нашел амулет, который сейчас лежит в кармане моего очень мокрого одеяния...»

Вода наполняла его легкие, казалось, что тяжесть веса на его теле немного уменьшилась. Он подумал, что это должно быть облегчение смерти.

Но сильные пальцы вцепились в его длинные волосы и выдернули из воды. Он выкашлял воду из легких, и холодный вечерний воздух вернул его в полное сознание. Это произошло, когда он заметил, что крики хафлинга прекратились. На самом деле, когда вода капала из его ушей, он мог слышать только один голос – голос лидера шайки, Черного Индио.

– ...слышишь меня, друг мой? – Черный Индио, хоть и был мнимым мерзавцем, наводил ужас не хуже любого хафлинга: волосатые ноги, на которые отбрасывало тень тучное пузо, одетое в зеленую домотканную материю, редкая борода, обрамлявшая его лицо придавала ему скорее чудаковатый, нежели фанатичный вид.

Луэллин выкашлял последние остатки жидкости.

– Я говорю, – повторил Индио, шлепнув Луэллина по макушке, – ты слышишь меня? Или купание оглушило тебя?

Сторонники Индио засмеялись. Луэллин сделал глубокий вдох.

– Нет, я слышу тебя, злодей, неблагодарный трус! – ответил он. У него не было времени, чтобы думать о тактичности – в тот момент повиновение или смелость были бы более уместны – и Луэллин выбрал последнее. Он молился про себя, чтобы не создать еще большие проблемы.

– Ты ранил меня, друг мой! – запротестовал Индио. Его косматые волосы отражались светом от костра хафлингов. – Злодей? Да, нет никого злораднее меня, когда я решаю быть таковым. Так я и заработал прозвище Черного Индио, или, если быть точнее, Индио Черный! Но сейчас я не хочу быть таким. Неблагодарный? Ты задел меня за живое!

– Правда? – спросил Луэллин. – Правда? Задел? Действительно! Ваша шайка пыталась утопить меня! И за что? Я вас спрашиваю, за что? Я вам сказал, где вы можете найти серебряный ключ в этом болоте; только потому что вы не смогли найти его – скорее всего, не смогли следовать указаниям – не моя вина, скажу я вам! Пока ваша шайка...

– Но мы нашли его.

– ...хулиганов бросает меня в реку...

– Я говорю, мы нашли его.

– ... и практически зарывает мою голову... Что? Что ты сказал?

– Мы нашли его. Мы нашли амулет.

– Нашли? – От удивления Луэллин громко закашлялся. – Ну конечно вы нашли. Как я и говорил, я же говорил, что вы найдете. – Он думал: «Неужели удача еще не покинула меня? Возможно ли это?»

– Однако, я не уверен, что знаю как он работает, – воскликнул Индио.

– Могу я увидеть его? – Индио передал ему амулет, когда он наконец поднялся на ноги, вода капала из каждого дюйма его тела.

Это был довольно большой ключ с тремя отверстиями, сделанными в нем, где должны были быть драгоценные камни... но их не было. Луэллин сразу же узнал ключ. Да, колесо фортуны определенно повернуло в его сторону. Настолько, что это его обеспокоило.

– Я еще раньше отослал часть отряда, – пояснил Индио. – Проклятые пираньи попросту сгрызли бы их. Боюсь, что ко времени прихода сюда они бы переусердствовали. Вспомни, мы ведь еще не нашли тогда ключ, и весь мой отряд,

включая меня, хотел затолкать тебе в глотку парочку живых пираний, за то, что ты отправил нас на это богом забытое болото ни за чем.

– Как очаровательно! Как это благородно с твоей стороны!

– Но как только мы его нашли, я поспешил обратно в лагерь, опасаясь, чтобы с тобой ничего не случилось в мое отсутствие.

– Безмерно тебе благодарен, – с сарказмом ответил Луэллин. – Забираю его назад. Это была моя самая большая ошибка. Ты не самый неблагодарный из всех.

– Но я все еще... Черный Индио! – крикнул он, обнажая меч и направляя его в небо. Отряд повторил действие лидера, и в унисон закричал: – Черный Индио!

– Выйди из воды и сядь у огня, мой друг, – сказал Индио. – И расскажи мне снова о ключе.

Луэллин последовал за ним к костру и сел близко к огню. Через несколько мгновений, тепло изгнало холод из его костей.

– Принесите нашему другу выпить, – скомандовал Индио. Обращаясь к Луэллину, он продолжил: – Этот ключ, если верить твоим словам, может открыть сундук с сокровищами где-то в горах, к западу от Зоундара. Я прав?

– Да, то есть, абсолютно прав, я должен сказать, – ответил Луэллин, – и нет, не совсем. Ключ не будет работать без трех камней, вставленных в отверстия, вырезанные для них.

– Драгоценных камней?

– Нет, не драгоценных, что было бы намного проще, наверное, это был бы даже лучший вариант. Это идеально круглые нефритовые камни, каждый из них по периметру окаймлен темной полосой.

Хафлинг, чья нога вдавливала лицо Луэллина в речной ил, шагнул вперед и заговорил. – Индио! У нас есть такой камень!

– Есть? Принеси его сюда. Собственно, принеси мешок со всеми нашими сокровищами.

Полурослик сделал как было приказано и вручил Индио мешок. Главарь высыпал содержимое между собой и Луэллином. Он перебирал различные золотые монеты, безделушки, и маленькие драгоценные камни, пока не нашел то, что искал.

– Это он? – спросил Индио Луэллина, держа зеленый камень между двумя пальцами.

– Он помещается в ключ?

Индио поместил камень в один из кругов на ключе.

– Судя по всему, что свято, он подходит идеально, – воскликнул хафлинг.

– Таким образом, он годится, – добавил Индио, – но не будет работать, как сказал наш друг, без двух других камней. Так к чему он мне?

Луэллин криво ухмыльнулся. – Ты столь пессимистичен, мой добрый друг Черный Индио. – Развязав шнурки поясного кошель и взяв что-то оттуда, он добавил: – Я верю в изречение, как-то произнесенное одним неоспоримо мудрым человеком в далеком прошлом – "Долг платежом красен".

После чего он показал идентичный нефритовый камень.

Глаза Индио загорелись. – Второй камень. Он должен быть моим.

– Я предполагаю, что ты мог бы просто украсть его у меня, Индио. Но даже при том, что ты Индио Черный, я надеюсь ты не сделаешь этого, учитывая

несправедливость, которой подвергли меня твои сторонники. Могу ли я предложить сделку?

– Что ты хочешь за него? – подозрительно спросил Индио.

– Могу я, хоть и должен признаться, что не опытен в подобных бартерных сделках, осмотреть твою богатую добычу?

Индио протянул руку, давая разрешение.

Луэллин склонился над предметами, которые Индио рассыпал перед ним, медленно и осторожно высвобождая из-под одежды уже украденный им амулет. Благодаря ловкости рук, он сделал вид, что только-что выбрал амулет из кучи.

«Лучше получить это... скажем так, на законных основаниях... чем потом его нашли бы у меня», – подумал он

– Должен сказать, этот амулет будет работать безупречно.

Индио рассмеялся. – Ты можешь заполучить его. Он изготовлен из чистого серебра, но, как и этот ключ, был разукрашен, и ценные камни были, без сомнения, вынуты на продажу. Что ты хочешь с ним сделать?

– Возможно, когда-то я украшу его самолично выбранными камушками. Да и амулет сам по себе умелое произведение искусства, не правда ли, он красив?

Индио пожал плечами. – Если ты так говоришь. Тогда это сделка?

– Почти.

– Я знал, что должна быть выгода.

Луэллин покачал головой. – Мой хороший человек, нет никакой выгоды, разве ты не знаешь? Послушай меня. Я знаю, у кого третий камень, и где они находятся. Если я помогу тебе добыть его, ты согласишься дать мне половину сокровища? В конце концов, это было бы только справедливо.

Весь лагерь засмеялся, но только Индио ответил. – Десять процентов. Поскольку именно мой отряд и я должны будем, без сомнения... украсть... этот камень.

– Двадцать пять процентов?

– Пятнадцать.

– Двадцать звучит разумно для меня. После всего плохого обращения со стороны твоей шайки, и доставшегося мне простого амулета...

– Достаточно, Болтливый! – сказал Индио. – Пусть будет двадцать процентов. Но ты должен помочь нам в любом случае, когда мы посчитаем это необходимым.

– Согласен.

– Ты все еще должен сказать мне, кто обладает третьим камнем.

– Я думаю, ты слышал о них. Большинство людей тут и там знает о них, я полагаю.

– О них?

– Они известны как – хотя я считаю это название немного глупым – «Рубаки».

Индио раздраженно хлопнул себя по лбу. – Рубаки? Не те ли это лживые мерзавцы, которые позволяют путешествовать с ними гному? А разве они не с Глубоководья? Это далеко от их лагеря.

Луэллин кивнул в знак согласия. – И в самом деле. Это, безусловно, бесценное сокровище, раз их понесло так далеко от дома.

– Ты уверен, что это именно они?

– Не так давно я имел несчастье столкнуться с ними. Их главарь, Таллтанкард, избивал меня без видимых причин. Вот почему я искал вас. Хотя я и заинтересован получить свою долю сокровища, одновременно я хочу отомстить Таллтанкарду, что в одиночку мне никогда не удастся.

– Идет, друг Луэллин. Я тоже ненавижу Таллтанкарда, он хвастун. Поэтому тоже буду рад встретиться с ним и позорными оправданиями его шайки авантюристов. Расскажи мне, где их найти.

Луэллин вглядывался в пылающий огонь. – Нельзя сказать, что я не доверяю тебе, мой друг, Индио Черный. Но я не могу рассказать тебе об этом, поскольку в интересах торговца держать по крайней мере один пункт сделки в его мешке.

– Значит ты не скажешь мне?

– Лучше: я приведу тебя к ним – и к сокровищу. Действия, говорят они, хотя, опять же, я точно не знаю, кто "они" – громче слов.

– Тем самым обеспечивая твою незаменимость, – сказал Индио со смехом. – Ты действительно умный человек.

Мужчины пожали друг другу руки; затем Индио пригласил разделить с ним трапезу, где вертел ключ над огнем, любясь мерцанием зеленых камней. Луэллин сидел тихо, обдумывая, как он потратит состояние, которое они планируют найти в горах.

Час спустя, Луэллин, завернутый в жесткое и колючее одеяло, полулежал под вязом. Но он не чувствовал дискомфорта. Он знал, что дальше все пойдет так, как планировал он.

В своем полузабытии он опять вернулся к двум самым необычным дням в своей жизни. Во-первых, он имел несчастье столкнуться с непреклонной бандой головорезов-коротышек, известной повсюду на Сияющем Юге как «Рубаки». Они базировались в горах к северу от Западной Стены, разыскивая древнее сокровище. А поскольку он находился по соседству – и поскольку Луэллину Болтливому считали очень знающим человеком – эти ребята схватили его и попытались получить информацию о нахождении утраченных сокровищ.

Но, как обычно, Болтливый узнал больше, чем рассказал сам. Он сказал им, что слышал о сокровище. Он узнал, что ключом с тремя нефритовыми камнями необходимо было отпереть сундук с сокровищами. Он сказал им, что по слухам, сокровище находится в этом районе. Он узнал, что они нашли его, действительно, оно находилось в пещере почти в сотне метров от их нынешнего местонахождения. Он сказал им, что поможет найти сокровища. Он узнал, что у них был один из камней, но не сам ключ, и не два других камня. После многочисленных угроз со стороны Рубак и многих обещаний и клятв с его стороны, они отпустили его с условием, что он вернется через три дня, или они отправятся на его поиски.

Затем его псионически вызвал Залаторн. Не говоря ни слова, тот исследовал мысли Болтливому и узнал все, что ему было нужно. Чародей, обладающий огромным запасом знаний, не интересовался потерянным сокровищем. Он предоставил Луэллину всю информацию о сокровище, ключе и трех нефритовых камнях к нему. Залаторну казалось забавным понаблюдать за поиском сокровища. Поэтому он и отправил Луэллину поближе к искателям сокровищ Индио Черного.

Здесь Луэллин и находился сейчас, будучи довольным (относительно), здоровым (к счастью) и в безопасности (чудесным образом). И почти (нет – полностью) уснувшим.

На следующее утро отряд проснулся на рассвете, и к вечеру, они находились в четверти мили от сокровищ.

Луэллин, который с Индио шел впереди других восьми в отряде, жестом показал отряду остановиться. Индио словесно повторил его приказ, про себя раздраженный самонадеянностью партнера.

– Я считаю, что мы сможем завладеть сокровищем с минимумом суеты и насилия, если ты оставишь сложные интриги мне, я должен сказать, – объявил Луэллин.

Индио посмотрел на него с недоумением. – Что ты подразумеваешь этим?

– Только то, что я рассмотрел все варианты и различные возможности, и у меня есть план.

– Да? Ты, великий полководец? – резко возразил Индио.

Луэллин притворился оскорбленным. – Очень хорошо, я буду вести себя тихо, и позволю тебе управлять всем. В конце концов, ты знаешь, где сокровище!

Индио начал смягчаться. – Отлично. Скажи нам, что...

– Ты знаешь, где Рубаки...

– Я не знаю. Скажи нам...

– Ты знаешь как...

Индио положил руку на меч. – Всеми дьяволами Сияющего Юга, ты не хочешь заткнуться и рассказать нам свой план?

Луэллин нахмурился. – Как может человек заткнуться и говорить в то же время? Это парадокс, я должен сказать.

– Хорошо! Хорошо! – закричал Индио. – Не умолкай. Говори. Говори! Посвяти нас в свой план.

Наконец, Луэллин смягчился. – Это то, что я имею в виду. Я отправлюсь к Рубакам с ключом, содержащим два камня...

– Чёрта с два, – крикнул один из отряда Индио, чье имя было Клиф Ванн. – Ты принимаешь нас за дураков?

Луэллин солгал, когда ответил: – Нет.

– Продолжай, – осторожно сказал Индио. – Но для тебе же лучше, если это будет правдой.

– Я попытаюсь убедить их поделиться со мной сокровищем, как я сделал с вами. Когда мы вставим третий камень в ключ и откроем сокровища, ты и твой очень умелый отряд схватите их и отберете его.

– А почему мы не можем схватить их сейчас? – влез еще один член отряда, известный как Терренс Холма.

Луэллин обернулся к нему. – Потому что они, в лучшем случае, могут спрятать камень, а в худшем – украсть у вас ключ и убить всех. Если вы будете

придерживаться моего плана, а я надеюсь на это, то у вас будет не только элемент неожиданности, но также и то, что в ключе уже будет и третий камень.

Индио согласился с предложенным планом, но все же спросил: – А что если они убьют тебя и отправятся за сокровищами сами?

– Мое присутствие или отсутствие равным счетом ничего не значит для вас, разве не понятно? Вы все еще можете победить их. – И в заключение Луэллин добавил: – Но мое присутствие обойдется вам в двадцать пять процентов.

– Двадцать! – исправил Индио.

– Ах да, я забыл.

Индио немного прошелся в раздумьях, и затем одобрил план. – Это лучший вариант! Я поступаю против здравого смысла. Но ты меня убедил.

Он отдал Луэллину ключ с двумя камнями.

– Удачи, партнер.

Взяв ключ, Луэллин сказал: – И тебе удачи. Следуйте за мной, но сохраняйте дистанцию. Если они засекут кого-то из вас, наши шансы выжить в этой аванюре будут сведены к минимуму – если не упадут до нуля – особенно шансы на выживание вашего покорного слуги.

С этими словами он двинулся прочь. А парни Индио отправились за ним, пытаясь понять, что же только что сказал Болтливый.

– Кто идет? – окликнул недружелюбный голос.

– Как я и обещал, вернувшийся Луэллин, разве не видишь?

– Ах вот оно что! – С высокого дерева свалился хафлинг, Оско. Его шрам на щеке выглядел еще более отвратительно, чем помнил Луэллин. – Иди за мной. Остальные уже заждались.

Через несколько секунд они вышли на поляну, где разбили лагерь Рубаки. Хафлинги сидели вокруг костра, идентичные во всем, что касалось одежды, среды обитания и настроения тем, от которых он только что ушел. Они встали, когда подошли Оско и Луэллин.

– Итак, ты вернулся, – произнес Бунгобар Таллтанкард. – Ты поступил чертовски правильно.

– Подтверждаю, – согласился Димвел Стауткег.

Не вернись ты к нам сюда,

Чучелом тебе гореть дотла.

И бушующим огнем,

Ты б остался погребен.

– Да хватит уже петь! – закричал Картакс Наюсийим, единственный гном в отряде. Ты и твои песни! Они меня с ума сводят!

Униженный Димвел ответил: – А ты и есть безумец! А кроме того, еще и уродливый коротышка-гном!

Картакс потянулся к оружию, но тут вмешался Таллтанкард. – Хватит! Нет времени на препирательства. Мы все здесь на взводе, ведь этот болтливый торговец заставил нас ждать.

– Да, но я вернулся, если ты не заметил, – сказал Луэллин. – И, что самое замечательное, с ключом.

Шесть Рубак приблизились к Луэллину.

– Отдай его нам, – потребовал Картакс.

– Не так быстро, мои чрезмерно рьяные соотечественники, – возразил Луэллин.

– Я хочу повторить договор, заключенный на нашей последней встрече.

Одна из двух женщин Рубак заговорила. – Мы договорились только о том, что оставим тебе жизнь.

– Вы забываете, дорогая леди, что...

Таллтанкард вытащил нож. – Моя жена, Лирэта, ничего не забывает!

– Но когда я был здесь в последний раз...

Другая женщина добавила свои слова: – Расслабься, Нервный! Мы дадим тебе несколько безделушек и отправим твоим путем.

Луэллин передумал продвигать вопрос слишком далеко. – Это будет прекрасно. Это все, что я прошу. За исключением еще одной вещи, я должен сказать.

– И что это? – спросил Оско.

– Могу я получить камни с ключа после того, как вы заберете сокровище из сундука?

– Нефритовые камни? – спросил гном, смеясь. – Они являются фактически ничего не стоящими на целом Сияющем Юге. Ты – идиот, если хочешь их.

– Да, я полагаю, – сказал Луэллин. – Но женщина, которую я люблю – самая красивая женщина, которую я видел в одном королевстве – очень любит нефрит. Несомненно, я не прошу много.

– Согласен, – сказал Таллтанкард. – Я считаю, ты должен что-то получить. Теперь дай мне ключ.

Луэллин робко протянул его ему. Но его беспокойство немного ослабло, когда нефритовый камень был помещен в ключ. Он идеально подходил, и вся компания Рубак усмехнулась.

Оско и Таллтанкард оттащили от входа в пещеру, поближе к уходящему дневному свету, сундук два на два фута. Остальные наблюдали, как и Луэллин, но каждые несколько секунд он осматривал окружающую местность. Он молился, чтобы парни Индио были готовы.

Таллтанкард повернул ключ, и дым просочился изнутри сундука. Оско откинул крышку и обнаружил, что тот забит доверху драгоценными камнями и золотом.

Хотя и все ошеломленно таращились на содержимое сундука, Луэллин спросил: – Не хотел бы отрывать вас от вашего занятия, но могу я получить свои камни, как было обещано?

Таллтанкард вытащил ключ и бросил поймавшему его Луэллину.

– Но больше ты не получишь ничего, бродяга!

Гном Картакс кисло добавил: – Убирайся!

Стауткег опять выдал песенку:

Мы богаче, чем мечтали,

Это приз за битвы стали.

Но вдруг Индио Черный допел куплет за него:

Не мечтай о злате пришло,

Ваше время уже вышло.

Отряд Индио, который численностью немного превосходил своих оппонентов, бросился в атаку на Рубак. Буквально за минуту все оказались вовлечены в драку. Скоро Индио освободился, и Луэллин подошел к нему.

– Не забудь. Мои двадцать процентов.

Индио холодно уставился на него. – Ты свое дело сделал, мусорщик. Пошел вон отсюда, пока я не отрезал двадцать процентов от твоей головы!

Луэллин вернулся к кустам, подальше от Индио и остальных. Он осторожно вынул три нефритовых камня из ключа и положил их в кожаный мешочек.

– Залаторн поведал мне несколько вещей, которые посоветовал держать при себе. Бродяга, да? Мусорщик? Нет – победитель!

Парами и тройками дерущихся хафлингов (и одного гнома) разбросало по лесу, горам и глубоко в пещеру. Тут и там лежали бессознательные и ошеломленные тела, если не сказать хуже. Но, главное для Луэллина, сокровище осталось без присмотра.

Луэллин подбежал к сундуку, пересыпал его содержимое в свой импровизированный мешок, и, видя, что путь на восток к Халарским холмам безопасен и более-менее свободен от хафлингов (и гнома), он побежал так быстро, как только могли его ноги.

Но внезапно он услышал крик Таллтанкарда: – Этот бродяга! Он надул всех нас!

Сердце Луэллина забилося чаще, потому что он знал что хафлинги (и гном) скоро догонят его. Мешок становился все тяжелее, и это замедляло его.

Он взял нефритовые камни и вставил их в пустые лунки серебряного амулета, полученного от Индио. Одновременно с тем, как третий камень встал на свое место, он почувствовал, что отрывается от земли, поднимается все выше и летит. Летит!

«Нет, – понял Луэллин, – не летит, а двигается, а еще точнее – перемещается по воздуху».

А затем все закончилось так же внезапно, как и началось.

Амулет Залаторна оказался столь бесценен, как и ожидал Луэллин. Как рассказал ему чародей, когда они оба, ключ и амулет, находились во владении одного человека, то если вынуть камни из одного и вставить их во второй, они возвращали владельца к месту его рождения.

А Болтливый действительно обладал домом в городе Клинт, безопасном от обеих банд искателей приключений, и, к тому же, стал намного богаче, чем когда-либо. Он осмотрелся вокруг и вздохнул, наслаждаясь чувством безопасности и комфорта.

Луэллин чувствовал, что колдун тоже доволен. Как бы там не было, именно Залаторн помог ему. Это Залаторн "дал знать" ему об амулете, который изначально был частью сокровищ. И именно он рассказал Луэллину, что один из камней и сам амулет находятся у предводителя шайки хафлингов, высокомерие и наглость которого позволили называть себя Индио Черным.

Он сомневался, что Индио Черный или Рубаки остались довольны, но поклялся себе всю жизнь держаться подальше от них.

«Действительно, – подумал он, – это самая превосходная клятва».

ОСОБЕННЫЙ ФАМИЛЬЯР

Дэвид Кук

- Тут всё крайне запутанно, знаете ли...

Бокалы звякнули, когда зачарователь с жиденькой бородёнкой переставил напитки на загромождённом столе, не переставая тянуть «знаете ли» с сильным анкапурским акцентом. Собравшиеся алхимики, фокусники, призыватели, кудесники и чудотворцы, точно рой мошки, окружили его и слушали, стараясь уловить своим профессиональным чутьём, словно насекомые усиками, малейшие признаки необоснованных утверждений.

Прекрасно зная это, седобородый – именно такой была его борода – продолжал с непоколебимой уверенностью учителя, наставляющего своих неразумных учеников. Трясущимися пальцами он выдавил пять капель карминово-красного вина в бокал янтарно-жёлтой медовухи, стоявший перед ним.

- Капля воды жизни - не более того! – дистиллированной на пламени серебряной горелки и добавленной в раствор. После того, как он слегка остыл, я посыпал, - с этими словами он добавил три щепотки из солонки, - определенное количество измельчённых чешуек драгонеллы, и благодаря этому микстура дала осадок...

- Абсурд! – квакнул калимшит с жабьим лицом, служивший алхимиком у недавно прибывшего консула Калимпорта. – Чешуя выпала в осадок? Это же смехотворно! Да чешуя выпадает в осадок так же часто, как песок растворяется! Вся твоя теория ошибочна!

Столь прямая атака вызвала среди наблюдающих шум и шевеление; некоторые самые благопристойные из стоявших поближе волшебников отпрянули, будто учуяв под носом что-то неприятное – только для того, чтобы столкнуться с напившимися сзади, теми, кто подался вперёд при первом же намёке на слабость рассуждений.

Только низкий бас бросившего вызов возносился над вежливой какофонией, наполнившей королевскую приёмную. Он продолжил свой натиск, очевидно, невосприимчивый к окружавшему его гулу.

- Несомненно, это была какая-то другая реакция – может быть, порошок был чем-то загрязнён...

Выпад калимшита не прошёл мимо анхапурца, но тот скрылся от жалящего укола за щитом своего достоинства.

- Все мои порошки чистые. С радостью поделюсь с тобой частью, коль скоро привезённые из Калимшана не реагируют, как нужно.

Вытерев мокрые пальцы об одежду, он холодно уставился на назойливую мошку. Возгласы «Хорошо сказано» и «Тонко подмечено» раздались среди его сторонников в толпе.

- Чешуя никогда не выпадает в осадок! Это даже ученики знают, - сердито пробурчал жаболицый своим булькающим глубоким голосом. Он ткнул толстым, бледным пальцем в сторону своего соперника. Уязвлённая гордость, к тому же подпитываемая выпивкой, сделала его недипломатично напористым. Он давился словами, но наконец выплюнул:

- Спроси своего королевского магистра, если не веришь мне!

Холодок прокатился по всем членам собравшейся коллегии, заставляя их замолчать. Тишину прерывало только хихиканье беззастенчивых подмастерьев, собравшихся на скамьях, стоявших у задней стены помещения. Остальные сжали в руках кубки и стали проявлять повышенное внимание к вину (в пылу спора позабытому до этого самого момента), в то же время отчаянно пытаясь придать своим лицам равнодушное выражение. Большинство из них из-за этого приобрело ещё более подозрительный вид, словно свора голодных обезьян, оставленных с едой.

Только седобородый выглядел безмятежным, самонадеянно уверенный в своём превосходстве. С ухмылкой всеведущего, он кивнул - заставив озадаченного калимшита перевести взгляд - в сторону стоящего отдельно от их компании стола. За ним одиноко сидела женщина, вся обвешанная украшениями, плохо подходящими её возрасту и друг другу. Её оцепенелый взгляд был направлен в точку перед собой - или на полупустую бутылку.

- Наш королевский магистр, - начал глумиться зачарователь намеренно громким шёпотом. - Авантюристка, не более чем колдунья-самоучка - её никто толком не обучал, - а затем добавил с ещё большим нажимом: - И любительница выпить.

За своим столом Смуглая Мэйв - магистр при дворе Его Высочества Короля Джанола Первого (также известного как Пинч), Убийцы Личей, Благословенного Владыкой Утра - ожидала этих слов ещё до того, как они были произнесены... даже сейчас, в подпитии. Презрение коллегии к ней ни для кого не было секретом. Со всем этим - и словами, и усмешками - она уже сталкивалась: самоучка, выскочка, авантюристка, шельма! Но никак не настоящий маг - ни способностей к обучению, ни качественной подготовки, даже не отличит перегонный куб от тигеля. Хуже того, она ничего из этого не отрицала. Что поделать - изворотливостью она не отличалась.

Впрочем, от этого их слова не становились правдой. Они были всего лишь выводком никудышных шарлатанов, но смели обсуждать её. Да она совершила намного больше, чем каждый из них - включая помощь Пинчу при низвержении лица Манферики - и уж точно не им смотреть на неё свысока.

Самодовольство этой толпы отравило ей трапезу (которая состояла только из вина), потому женщина решила, что они заслужили подарочек - сделанный её руками. Она тоже умела проводить исследования, и скоро насмешники об этом вспомнят. Это было простенькое заклятыице, ничуть не похожее на все их заумные изыскания на тему философского камня или чего другого в том же духе. Мэйв

приберегала его как раз на такой случай – когда нужно осадить парочку заносчивых задниц.

Решительно крикнув, королевский магистр отодвинула стакан, величественно поднялась и, переваливаясь и качаясь, точно старая повозка, двинулась к дверям гостиной. Когда она доковыляла до стола, за которым расположились другие волшебников, вся ханжеская братия была окутана звуками приглушенного говора, словно они вполголоса обсуждали погоду. Мэйв кивала, улыбалась, преувеличенно вежливо приветствовала каждого по имени и безмятежно протягивала руку самым злостным обидчикам её чести. С каждым рукопожатием едва ощутимое тепло ускользало с пальцев, а её улыбка становилась всё шире и шире, пока наконец не залучилась неподдельным удовлетворением.

- Доброго вам утра, и пусть рассвет принесёт вам много новых открытий, - напоследок произнесла женщина, уже отдаляясь от группы. О да, кое-что они точно откроют, это точно. Она с трудом удерживалась, чтобы не прокричать это вслух. Такое не забудешь – когда прямо перед сном всё тело покрывают язвы, большие и отвратительные, которые наверняка отпугнут жён и любовников. «Старая пьянчужка, говорите?» Покинув их, она рассмеялась, и эхо ликующего хохота вторило ей, когда она пересекала зал, направляясь к своим апартаментам.

Сидя в тени большого папоротника, разросшегося позади зернохранилища йомена Уэсто, Весельнос зевнул. Учитывая его размеры, такой зевок грозил заменить всё его лицо провалом глотки, окаймлённой белыми крепкими зубами. Он бы запросто мог проглотить половину другого брауни – конечно, если бы эти существа были склонны бродить туда-сюда, пожирая своих сородичей. Ему было скучно, и хороший зевок был лишь одним из способов показать это окружающему миру. Затем, словно смытый волной, он был заменён на кислую мину утомлённого раздражения.

Где эта злобная кошатина?

Весельнос уже устал ждать всё утро, точно неудачливый охотник в укрытии. Предполагалось, что будет весело – подшутить и одновременно отомстить этой драной четвероногой шкуре старого Уэсто. Дважды-, нет, трижды-проклятая кошка была источником ночных кошмаров, адское исчадие среди всех кошек фермы – и всегда рушила уютный мирок честного брауни. Каждую ночь зверюга выла, шипела, ворчала и рыскала, и не было от неё покоя несчастному домовому. Слишком много раз она вынюхивала его в тот момент, когда он крался в надежде добраться до грога или варенья; слишком много раз она выгоняла его из комфорта норы, свитой в стоге сена, когда охотилась за амбарными крысами. Бедный Весельнос больше не мог выносить эти страдания. Руководствуясь разумной логикой – разумной с точки зрения рассерженного брауни – он разработал план мести, соответствующей совершённым злодеяниям.

Вот только проклятое животное ему не следовало. Он прождал всё утро со сплетёнными из лозы верёвками и стручком травы-вонючки наготове – а этот

монстр в теле кота так и не появился. Под папоротником было темно и затхло, и веки брауни медленно, но верно смыкались.

А где-то в другом месте – в грязноватой таверне в самом захудалом районе Анкапура – сердился Шэнк Коневолы, тоже брауни по видовой принадлежности, но оппортунист по призванию.

- Судьба против меня, - ворчал он про себя, чтобы никто не мог его услышать. Двумя ночами ранее он был уверен, что сегодня утром он будет носить шёлковые брюки и пить огненное вино. Он был уверен, что, волею Маска, у него всё получится.

Но утро, однако, застало его взгрозившимся на шаткую скамейку в винном магазинчике Корлиса и всё ещё в тех же потрёпанных штанах, что он стащил из кучи грязного детского белья. Он крепко держал оловянную кружку, выглядевшую в его маленьких ручках словно один из тех огромных рогов, из которых пьют чужеземцы. Ёмкость была наполовину наполнена самой дешёвой жидкостью из всех, что разливал старик Корлис – тем ещё пойлом. Но в кошельке оставалось не больше половины медяка, и даже это питьё было больше, чем домовый мог себе позволить. Он был чуть тяжелее, чем упитанная судовая крыса, и ростом едва доходил до голени не очень высокого человека, а потому в столь ранний час выпивка уже хорошенько затуманила его крошечные мозги.

Уже где-то в двадцатый раз – по количеству глотков, нужных, чтобы одолеть полкружки – Шэнк скорбел о том, как жестоки повороты колеса Тиморы, и что один из них привёл его к такому плачевному состоянию. Целую неделю он кормил одного иноземного торговца байками о нечистых на руку капитанах, мародёрах, контрабанде и о галере «Плавновёслый», чтобы заставить глупца отдать Шэнку роль посредника при покупке воображаемого товара. Ещё бы всего лишь один день – и простофиля доверил бы все денежки ручонкам брауни и – хей-хо! – только его и видели!

Выгорело ли дельце? Увы – жадный дурак трепался на каждом углу о своём будущем богатстве, и правда открылась. Не было ни капитана, ни «Плавновёслового», ни груза – и, что важнее, ни звонкой монетки для Шэнка, с которой можно было бы скрыться. Вместо этого домовый получил порцию ругани и тумачков, когда явился завершить свою игру – несправедливо, конечно. Если бы хитрец успел отчалить с деньгами доверчивого покупателя, это преподало бы тому отличный урок.

Шэнк застонал, вновь прокручивая события в голове, хотя толку в этом уже не было, и сделал очередной глоток кислого варева. Его вкус напомнил брауни о пустоте кошелька. Корлис конечно же захочет оплаты за напиток, но у Шэнка ничего не осталось. Что ему нужно было больше всего, так это чтобы прямо сейчас в дверь вошёл кто-нибудь посостоятельней – но такое развитие событий было весьма маловероятно в столь убогом заведении.

- Слишком много веселья или слишком много выпивки? Или, может, и того и другого понемногу? – поинтересовался бодрый, высокий голосок с едва заметными нотками досады по поводу возможной пропущенной забавы.

Мэйв остановилась посреди мраморного зала, пойманная врасплох незримым собеседником. Впрочем, оставаться таковым было не так уж и сложно, учитывая глубокую тень между колоннами, а также тот факт, что голос доносился откуда-то с высоты её талии.

Внезапно за её спиной словно из ниоткуда материализовался полурослик, одетый хорошо, но настолько безвкусно, насколько придворный портной мог стерпеть. Его наряд был ярким примером вопиющего несоответствия – пёстрые рейтузы с красной шёлковой подвязкой и розово-бирюзовый узорчатый дублет из бархата, отделанный таким количеством кружев, которым не могла похвастаться даже скатерть банкетного стола. Всё это буквально кричало о том, что обладателю сего великолепия чуждо чувства стиля... пока наблюдатель не замечал, что это чувство было не единственным отсутствующим. Глаза маленького человечка закрывала широкая чёрная повязка, а в руках он держал короткую трость.

Мэйв готова была подпрыгнуть от неожиданности, когда осознала, что это всего-навсего Фейкаблук – а точнее, Почётный Лорд Дозора Сэр Фейкаблук Сметливый. (Король Пинч наградил своего приятеля-следопыта за преданную дружбу, поставив во главе городской стражи). Этот плут снова подкрался к ней незамеченным. За все те годы, что она знала его, волшебница так и не привыкла к его неслышной кошачьей поступи. Лишённый зрения всего-то двенадцать месяцев назад, полурослик всё также перемещался невероятно тихо и невесомо.

- Я бы предположил, - протянул Фей, слегка склонив голову и ориентируясь на звук шагов женщины, - что, когда ты закончила обмен любезностями с кучкой щёголей, начался твой «оспенный смех». Ты же не принялась опять за старое, а, Мэйв? Что по-твоему скажет король Пинч, если до него дойдут слухи о том, что его старая соратница накладывает проклятия на его же подопечных?

- Вероятно, он скажет, что у меня имелись на то причины – как и ты, - огрызнулась волшебница. – Они получили, на что напрашивались.

- Ну не все же! – стук трости участился, когда полурослик ускорился, стараясь держаться рядом. – Опять маги?

- Да, опять маги. – лицо Мэйв, покрытое лёгким пьяным румянцем, покраснело ещё больше. Она помчалась по залу – смерч из возмущения во плоти. – У них нет никакого права говорить все эти вещи обо мне – только не после всего, что я сделала для Анкапура. Ни один из них не был готов сражаться с Манфериком, или совершать другие подвиги. А я была – и ни единая душа не потешалась тогда надо мной. Проклятье оспы – меньшее из того, что они заслуживают.

- Конечно, Мэйв, ты права, - ответил Фейкаблук с циничностью, скрывающей под собой неподдельное сочувствие. – Всё же, если ты будешь проклинать людей направо и налево, начнутся вопросы. Может статься, они поверят, что началось поветрие.

Клацанье металлического наконечника об гладкий пол придавало словам Фей бодрый оттенок.

- Я пошлю чуму на каждого сукиного сына.

- Может быть, нам с королем придётся заняться одним из тех «вылечи-их-всех» дел. – Мэйв нечасто настолько заикливалась на какой-либо идее, но когда такое

случалось, Фей знал – будет много огня и дыма, прежде чем её отпустит. – Что скажет Пинч?

- И на него чума!

- Может быть забавненько, - хмыкнул полурослик.

Они шли бок о бок ещё какое-то время. Их беседа угасла, под конец увенчавшись образом их повелителя – настолько повелителя, насколько они готовы были это признать – покрытого гнойными нарывами. Изображение было болезненно притягательным, но оба собеседника знали, что никто из них не допустит такого.

- Выпьем? – повинувшись сверхъестественному чутью, Фейкаблук направился в одно из боковых ответвлений, ведущее к его покоям.

- ... Почему бы и нет? – согласилась Мэйв, решительно послав всё подальше, несмотря на рассвет. Всегда есть время для выпивки.

Почти не ощупывая дверь, полурослик отомкнул замок и увлёк свою спутницу внутрь.

Спустя бутылку (а может и две – никто не считал), маг и следопыт вернулись к вопросу уважения.

- У них нет права, - пожаловалось Мэйв в пятисотый раз, а ушам Фей казалось, что может и в тысячный. Она размахивала кубком, забрызгивая поверхность старинного стола – который, между прочим, был вырезан из первосортного бронзового дерева в одной из далёких деревенок Чульты и преодолел весь долгий путь до теперешнего расположения на спине какого-нибудь несомненно экзотического животного. Утреннее солнце – а день уже вовсю разгорался – сверкало отражением в золотых капельках.

- Дорогая, вот что тебе нужно, так это один из этих...как их... крысёнышей... зверёнышей... – вяло предложил полурослик. Он оторвал свою болтающуюся голову от стола, на котором «просто отдыхал», пока колдунья поглощала всё больше порций вина. Хотя он не мог этого видеть, звучный «гулк» от очередной проглоченной кружки заставил его побледнеть как полотно.

- Крысёныши?

Фейкаблук попытался кивнуть, но это только сделало его зеленее.

- Ну, знаешь, крысы, совы, лягушки – все эти маленькие зверушки волшебников.

- Фамиларргх... - невнятно промямлила женщина, сделав ещё глоток.

- Точно. Они есть у всех тех выскочек. Мэйв, тебе тоже стоит заполнить кого-нибудь.

- Фамильяра? – чародейка покатила слово на языке, словно доброе вино, обдумывая идею. – Это должен быть кто-то хорошенький. Никаких жаб.

- Никаких жаб, - сдавленно повторил её собеседник.

- Где-то тут у меня был свиток... - Мэйв размышляла, прорабатывая в голове детали плана, словно готовясь к преступлению. Смутно удовлетворённый, Фей откинулся на стуле – и продолжил движение, сверзившись на пол.

Находясь без сознания, полурослик никак не мог слышать (и уж конечно видеть), как женщина выкатилась из дворца навстречу утреннему свету. Она заморгала, как осоловевшая глубоководная рыба, заплывшая на ярко освещённое мелководье. Уже очень давно она не вставала по утрам; то, что она вышла на улицу в столь ранний час – до полудня – свидетельствовало об исключительности момента.

Всё же она была полна решимости преодолеть любые, даже столь абсурдные трудности, только бы достичь цели.

Уверенной походкой колдунья отправилась в сторону чумазого уюта берегового района Анкапура. Это был самый нижний из районов, презираемый добропорядочными людьми – что, впрочем, не мешало им каждую ночь болтаться там, наслаждаясь тавернами, ночлежками и публичными домами. Прибрежные бордели представляли собой серые маленькие здания и как будто не существовали, давая посетителям ложное чувство уединения и свободы, хотя на самом деле немного из того, что в них происходило, не доходило потом до чьих-либо ушей. Те, кто подоверчивее, обнаруживали себя после этого скомпрометированными жертвами шантажа. Нужно быть коренным жителем – нет, не Анкапура, но самого квартала – чтобы надеяться уберечь свои дела здесь от чужого внимания. Царившая здесь атмосфера была как раз тем, что хотела сейчас Мэйв – её настоящим домом.

Пусть она и прибыла в этот город издалека, большую часть своей жизни она провела как раз в таком окружении. Каждый город, претендовавший на какое-то величие, имел свою версию анкапурских доков. Более того, он не мог даже называться городом, его образ был бы неполным без такого вот гноящегося рубца на его уличном теле. Подобные районы – больше чем монументы, памятники и дворцы – раскрывали души отцов-основателей, являли тёмные, тайные стороны достопочтенных предков.

Ей гораздо лучше работалось в этой обстановке. Дворцовые лаборатории, принадлежавшие ей по праву титула, были слишком открытыми для её плана. Ничего из того, что она могла попытаться там проверить, не осталось бы незамеченным – а учитывая, что у неё были все шансы потерпеть неудачу, женщина не хотела рисковать, опасаясь публичного унижения. Нет, поставленную задачу нужно решать в тишине маленькой затерянной комнатки, среди ей подобных. Конечно, среди борделей она может привлечь парочку любопытных взглядов, но здешние обитатели предпочитали избегать волшебников – из страха окончить свои дни лягушкой или чем похуже.

Что же до вонь, грабителей, вымогателей и падших женщин – Мэйв не возражала. Она была уверена – и уверенность её подкреплялась алкоголем – что она сможет вновь влиться в эту среду, несмотря на то, что её чувство улицы притупилось после года жизни во дворце. Ни тени сомнения по поводу знания ею тайных путей и уловок Анкапура не посещало её разум.

Неловко вцепившись в сумку с порошками, бутылочками и инструментами, она не обращала внимания на взгляды жриц любви, возвращающихся домой; на голодные глаза похмельных пьяниц, пытающихся выбраться из грязи, в которую упали; на толпящихся любопытных уличных сирот, с виду невинных, но не являющихся таковыми. Алхимик прокладывала путь через аллеи и переулки, ведущие к давно известному ей винному магазину – тамошний владелец, Корлис, весьма осмотрителен, а посетители немногочисленны. Хозяин также сдавал комнаты, и, если из них не доносилось шума, а сверкающие монеты из задатка лежали на выщербленном прилавке, его совершенно не волновало, что происходит внутри.

Шэнк сидел на краю остывшего очага, болтая маленькими ножками, свисавшими с каменного выступа. Когда входная дверь скрипнула, он как раз держал огромную кружку у лица. Покупатели в такой час были необычным явлением, а потому сразу вызывали интерес. Поверх кромки были видны только его глаза, наблюдавшие за тем, как какая-то женщина, старая и неряшливая, ковыляла через помещение. При ходьбе она размахивала раздутой сумой, с каждым движением тучного тела грозя рассыпать её содержимое. Старуха не выглядела перспективной, поэтому Шэнк поглядывал скорее с любопытством, нежели с ожиданием выгоды.

Но кое-что в итоге завладело всем его вниманием – звон считаемых монет за стойкой владельца. Его миниатюрные ушки дёргались каждый раз, когда раздавался глухой стук откладываемого посетительницей золота. Одна, две, три – ничего в этой забегаловке не стоило таких денег. Сейчас покупали что-то ещё, что-то большее, чем просто кров и стол, и Шэнк хотел знать, что же. Сделав последний глоток, он осторожно, бочком соскользнул в тень от камина.

Вздвогнув, Весельнос проснулся из-за жуткого кошачьего воя. Он вскочил, зашуршав листьями папоротника – где-то рядом бродил зверь, а он умудрился заснуть, сморённый утренней жарой! Ругая себя последними словами из своего обширного запаса цветастых выражений, брауни быстро наклонился, надеясь поймать быстро разматывающуюся спираль верёвки, свёрнутой у его ног. Ловушка захлопнулась, и, судя по воплям, адская кошка попала в неё!

Он схватил лозу и попытался упереться пятками в землю, в то время как сильное животное вырывалось из петли на противоположном конце. Шатаясь, домовой с трудом удерживал равновесие, теряя опору при каждом новом рывке. Его ступни скользили к краю укрытия, ещё чуть-чуть, и он окажется вытянут на открытое место, и тогда фермер Уэсто обнаружит его – всё из-за этой проклятой шкуры!

Весельнос развернулся, пустив верёвку через плечо, и изо всех сил подался вперёд, затягивая – шажок за маленьким шажком – пойманную добычу к деревцу на границе зарослей. Обливаясь потом и шипя от напряжения, он всё же смог подобрался достаточно близко, чтобы обвить конец верёвки вокруг гибкого ствола. Как можно быстрее завязать узлы – и дело сделано. Это был полный триумф – злобная тварь теперь в его власти!

Вымотанный, но довольный, брауни привалился к саженцу и стал ждать, когда кошка выдохнется – чтобы приступить к следующей части его ох-какого-хитроумного плана.

«Три нобеля», - мысленно отметила Мэйв. Это было слишком много, но сегодня она чувствовала себя щедрой. Почему бы и нет? Это не её деньги. Спасибо Пинчу – все её нужды обеспечивались из казны, а туда поступали от народа. Ей не очень

хотелось торговаться с Корлисом, к тому же он всё равно выбьет для себя наилучшую цену. Поэтому, три золотых монеты, обещание ещё двух – и она может быть уверена, что никто не потревожит её желанный покой. Самоуверенно выбросив из головы тот эффект, который произвело её появление, Мэйв промаршировала по хлипкой лестнице в только что снятую комнату.

Когда она достигла верха, небольшая тень отделилась от густой тьмы камина и прокралась вдоль стены залы. Быстро и беззвучно Шэнк проскользнул под прилавком, прямо под носом бдительного хозяина. За такую цену старый Корлис следил за покоем щедрой благодетельницы настолько тщательно, насколько умел, но глаза старика были не чета проворству и скрытности брауни. Словно дротик, он нырнул в черноту лестничного проёма, ловко перепрыгивая через скрипучие ступеньки. Наверху ему не составило большого труда предположить, за какой дверью скрылась его цель – брауни просто выбрал самую просторную из комнат.

Итак, он нашёл дверь, ведущую к Мэйв (по крайней мере, звон стекла и возня с противоположной стороны позволяли это предположить). Фрамуга над ней была приоткрыта – видимо в жалкой попытке впустить немного свежего воздуха. Проворный брауни даже несмотря на выпитое количество вина легко взобрался по шаткому косяку. Его крошечные ручки и ножки находили такие опоры, которые ни один человек не смог бы использовать, и уже через долю секунды он утвердился в зазоре между полотном двери и грубо обработанными балками потолка.

Не подозревая, что за ней наблюдает пара тёмных блестящих глаз, колдунья уже начала приготовления. Она взяла в руки старый свиток, истрёпанный и весь в потёках – смутно припоминая, что в один из вечеров заворачивала в него жареную курицу. Ей оставалось только надеяться, что начертанные слова и инструкции всё ещё можно разобрать. Этот кусок пергамента отличался от тех, которые она привыкла использовать – обычно нужно было только озвучить записанные загогулины. Здесь же чтобы достичь желаемого результата, нужно было совершить определённые действия и процедуры. Старательно вчитываясь в свиток, волшебница разложила порошки, свечи и прочие принадлежности, необходимые для призыва.

Вдобавок, Мэйв установила бутылку вина на видном месте, прямо посередине между атрибутами заклинания. Ей нужен был особенный фамильяр, не какая-то там мыша или лягуха! Так что она решила, что немного пикантной самодеятельности не помешает. Затем пожилая дама добавила ещё одну бутылку, чисто для себя – в качестве укрепляющего средства, чтобы поддерживать силы на протяжении непростого процесса. Пробки уже не было; продолжая работу, она как следует отхлебнула и забурчала под нос очередную тираду про обиды и месть.

На своем потайном месте Шэнк быстро пришёл в изумление. Карабкаясь по косяку, он уже представлял, что может увидеть по ту сторону двери. Но такого не ожидал. Старуха пришла сюда явно не ради свидания или любой другой активности, подходящей для шантажа. Он-то считал, то раскусил её – обеспеченная старая карга явилась на встречу со своим почитателем. (Она должна была быть обеспеченной, по логике брауни – в противном случае с её-то внешностью каковы шансы на появление ухажёров). Он рассчитывал последить, узнать несколько имён и обратить весь сегодняшний день себе на пользу.

К несчастью, старуха уж точно не готовилась к randevу. Скорее, к колдовству. Хотя и разочарованный тем, что его намерениям опять не суждено было сбыться, брауни тем не менее продолжал восхищённо пялиться. Что бы эта женщина тут ни делала, она не хотела, чтобы люди об этом узнали, и это всё ещё оставляло возможность для маленького Шэнк Коневолы извлечь какую-никакую выгоду. Если она собирается кого-то проклясть – это может принести ему денег. Если это какая-то жрица зла, замышляющая недоброе, предательское дело – он может получить награду, если сдаст её кому надо. Ходили слухи, что король Пинч мог быть весьма щедрым, когда хотел. Конечно, она могла быть просто одной из тех диких магов, пробующих рискованные вещи – при мысли об этом Шэнку стало неуютно. Но, будучи брауни, Шэнк обладал врожденной способностью понимать природу заклинаний. Постепенно он получил достаточно подсказок, чтобы понять суть действия – призыв фамильяра.

Ха, понятно. В маленьком хитром мозгу существа родилась подходящая идея. Внезапно он увидел возможность заполучить жизнь, полную праздности и обожаемых им наслаждений – вина, выпечки, новой одежды и сыра. Он наблюдал за тем, как она совершает пассы, зажигает свечи и читает слова, выжидая подходящий момент. Если она так хочет фамильяра – видят боги, она его получит.

Мэйв проглотила очередную порцию вина и продолжила чтение свитка. Дурацкое заклинание оказалось мучительно сложным, гораздо запутаннее и изощрённее, чем это казалось в начале. Она с усилием продралась через несколько звучных слогов и тайных жестов, а затем вновь потянулась за поддерживающим её напитком. Она почти закончила и была весьма уверена, что сделала всё правильно. Хотя с этими штуками трудно быть уверенным до конца, особенно учитывая столь раннее время, да и всё остальное...

Наконец, она протянула последние гласные – и вовремя, потому что свечи почти догорели, а вино плескалось на донышке. Она взмокла от усилий, несмотря на то, что в комнате было не очень-то и жарко. Волшебница выпрямилась и ждала, слушая, как утихают последние отголоски заклинания.

Ничего не происходило.

Ни клубов дыма, ни появляющихся из ниоткуда существ. Она стояла в одиночестве посреди грязной комнаты, в самом центре неровно очерченной мелом окружности – рисование никогда не было её сильной стороной – слушая доносящееся снизу душевное пение и ожидая... хотя бы чего-нибудь.

Вдруг прямо позади неё раздался громкий шлепок и топот. Мэйв резко крутанулась. На границе круга стоял маленький человечек с острыми ушами и тонким подбородком, одетый в поношенное детское бельё. Отвесив глубокий реверанс, брауни – а это был именно брауни, к огромной радости женщины – торжественно продекламировал:

- Могучий Шэнк Коневолы, фамильяр Вашего Чародейного Величества, к вашим услугам!

Мэйв буквально засветилась от счастья – заклинание сработало!

Старая кошка затихла, смирившись с судьбой. Весельнос понял, что пришло время для следующего шага. Поднявшись с места, он сдвинул в сторону листья, под которыми он прятал бережно сорванный плод травы-вонючки. Сейчас зверюга поймёт, что значит мешать ему по ночам.

Как только он поднял студенистый стручок, воздух вокруг начал мягко и тихо гудеть. Животное тоже слышало этот звук, и снова начало выть, только в этот раз в её голосе присутствовал страх. Что-то происходило, что-то, от чего по спине брауни побежали мурашки. Что ещё хуже – он неожиданно почувствовал странное желание – желание быть с кем-то, кто сейчас далеко отсюда, но зовёт его.

Горячий воздух сомкнулся вокруг него, сгущаясь, словно слишком долго варившаяся каша. Гул становился всё громче, заглушая даже панические вопли кошки. Миг вокруг начал бледнеть, и Весельнос, рассерженный и сбитый с толку, мог только беспомощно задаваться вопросом – с чего это ему захотелось служить кому-то, кого он не знает.

Затем мир исчез.

- Сыр. Очень хочу сыра, - развалившись на стуле, громко потребовал её новый фамильяр. Его ножки болтались высоко над полом, и он едва мог дотянуться до стола, но это не мешало ему вновь пополнить стакан вином из королевских погребов. – И хорошего, а не эту гниль, которую старый Кар... то есть, не этого вашего обычного человеческого. У нас, фамильяров, очень необычные предпочтения. Ты ведь не хочешь расстроить своего фамильяра, да, дорогая? Я верю, что кусок сыра поможет мне восстановить силы и подготовиться к исполнению твоей воли.

Мэйв вздохнула. Почему-то задуманное сработало не так, как полагалось. Фамильяр вроде как должен «слушаться и повиноваться», но, с момента появления Шэнка, тот только и делал что требовал вина, жареного мяса, обещаний предоставить новую одежду, и даже подношений владельцу таверны от его имени – и всё это для того, чтобы (Мэйв могла процитировать) «восстановить силы и приступить к выполнению обязанностей».

- Я думаю, ты уже достаточно отдохнул, - раздражённо запротестовала она. – Ты – мой фамильяр. Я хочу, чтобы ты показал, на что способен.

По её тону брауни понял, что больше не сможет тянуть время. Оставалась только одна проблема – он понятия не имел, о каких способностях она говорит, даже если бы и обладал ими.

- На что способен? Например? – задал он встречный вопрос.

Волшебница скривилась, не ожидав такого поворота. Она и сама не знала – это ведь был её первый фамильяр. Она покопалась в изрядно залитой алкоголем памяти, выискивая те крохи, что были известны ей по этому предмету.

- Ты должен уметь слышать мои мысли и подчиняться безмолвным командам. Это раз.

- Ах, это, - протянул Шэнк, пытаясь придумать отговорку. – Ну, для этого нужно время. Ага, точно-точно. Мы едва познакомились, я очень, очень нервничаю, поэтому

моя голова сопротивляется твоим мыслям. Уверен, скоро всё наладится, особенно если ты раздобудешь ещё винишка. – Он ткнул в приконченную бутылку и многозначительно обвёл взглядом комнату. – Более того, я уверен, что это окажет неоценимую помощь!

Женщина испустила тяжелый вздох, но спорить было бесполезно, а потому она высунулась за дверь и крикнула Корлису, заказывая ещё выпивки. Никто не предупредил её, что фамильяры такие требовательные.

- Ещё чувства, - продолжила она, повернувшись. – Мои чувства – слух и прочие - должны были стать острее.

Шэнк затих, уставившись в потолок. Эта проделка становилась всё запутанней – пора было выбирать.

- Разве ты не чувствуешь улучшений? – наконец поинтересовался он, пытаясь сыграть на её тщеславии. – Ты выглядишь внушительней и подвижней. Очень впечатляюще. Не думаю, что кто-нибудь сможет с тобой...

Прежде чем он смог закончить, в комнате вдруг стало невыносимо жарко. Воздух наполнился колким ароматом волшебства. Раздался громкий хлопок, и Мэйв отшатнулась, раскрыв от удивления рот, а маленький пройдоха выронил бокал, расплескав отменнейшее анкапурское красное по полу.

В центре комнаты появился ещё один брауни, выглядевший потрясённым и недовольным. Из одежды на нём была только туника из листьев и травы, а в копне волос застряли палочки и обрывки листьев папоротника. В руках он вертел зелёный, помятый стручок, который в один момент едва не выронил. Перехватив его, человечек засунул свою ношу под мышку, повернулся к Мэйв и, скорчив гримасу, через силу выгнулся в неловком поклоне.

- Весельнос к вашим услугам, о могучий маг.

Фраза была процежена через крепко стиснутые зубы, слова неохотно выползали, словно выдраны клещами из его горла.

Женщина захлопала глазами. Два брауни! О боги, она призвала сразу двух брауни!

Шэнк быстро оценил расстояние до двери и до окна, раздумывая, куда он успеет раньше. Настало время сматывать удочки.

Что-то заставляло Весельноса повиноваться, а в его ум набились странные мысли, противоречащие его природе. Что он здесь делает и зачем только что это сказал?

Пока Мэйв переводила взгляд с одного брауни на другого и обратно, сквозь пелену опьянения до неё доходила простая истина. Она не вызывала обоих фамильяров себе на услужение. Только один из них был настоящим.

Колдунья ткнула в новоприбывшего.

- Ты, Весельнос. Говоришь, ты здесь чтобы служить мне?

- Да госпожа, - прорычал он.

Шэнк стёк со стула.

- Никакого сыра, вина и хорошей одежды?

Шэнк на цыпочках крался по свободному от ковров полу, надеясь добраться до открытого окна.

- Только если вам будет угодно, госпожа, - последовал покорный и жалкий ответ.

- А ты... - Мэйв повернулась к стулу другого брауни, теперь пустому.

Это послужило сигналом для самозванца. Он бросился бежать, рассчитывая преодолеть возвышающийся подоконник до того, как окажется пойман. Было, конечно, весело, но пора и честь знать.

Прогромыхали слова силы, и яркий луч, сыпля искрами, сорвался с кончиков пальцев мага – Шэнк не успел сделать и двух шагов.

Магическая вспышка настигла его со спины, распространившись затем щекочущим теплом в каждый нерв его конечностей. Он накренился вперёд, его тело билось в конвульсиях, словно обезглавленная курица, затем он кулем свалился на пол – как мертвец, мышцы которого утратили напряжение и жизнь.

Ну, жизнь в нём ещё оставалась, но вот контроль над телом?.. Он оказался парализован. Боковым зрением он ухватил вид кровожадно ухмылявшейся Мэйв. Может статься, что жизненная сила в итоге зря не покинула его. Если бы он мог закрыть глаза, то с радостью сделал бы это, вознося молитвы о пощаде каждому известному ему божеству.

Убедившись, что беглец не притворяется, Мэйв развернулась к её настоящему фамильяру. Не было никаких сомнений – чувства стали теперь острее и ярче. Туман в голове полностью рассеялся; это было приятно и понравилось ей. Кто ещё из магов Анкапура может похвастаться фамильяром-брауни?

Жалобное «Госпожа?» вернуло поток её мыслей к лесному существу, стоявшему перед ней. Она посмотрела на брауни – её брауни – и поняла, насколько он несчастен и зол.

- Госпожа, что вы хотите от меня?

- Ты мой фамильяр?

- Да... госпожа, - слова давались ему с трудом.

- Откуда ты родом?

- С фермы йомена Уэсто, что близ Камнелесья, - его миниатюрное личико просветлело при этих воспоминаниях, но радость быстро увяла, когда он понял, что никогда больше не увидит родные пейзажи. – Теперь вы отпустите меня?

Мэйв не находила слов.

- А ты... хотел быть фамильяром? Ну то есть, как я тебя заполучила?

Весельно чувствовал себя неуютно в этом странном помещении. Он никогда прежде не бывал в такой обители человека. Ферма старого Уэсто была всего лишь маленькой хижинкой на опушке леса, только и всего.

- Меня никто не спрашивал. Громкое жужжание, хлопок – и я тут.

Смысл сказанного вызвал слабость у колдуньи, и ей пришлось опуститься на стул. Глянув на опустошённую бутылку от вина, она пожалела, что рядом нет ещё одной, только полной. Она так хотела фамильяра, особенного, чудесного фамильяра – но это больше было похоже на похищение, даже хуже. Она выкрала бедолагу из дома, от друзей и заставила прислуживать против воли. Это совсем не то же самое, что заиметь крысу или лягушку.

Она так хотела фамильяра, и вот что получилось. Что же ей теперь делать?

На полу неподалёку Шэнк издавал булькающие звуки, слегка трепыхаясь, точно рыба, выброшенная на берег. Обездвиженный, всё что он мог делать для спасения, это пускать слюни. Шум напомнил пожилой женщине о её жертве, и злобная

усмешка расплылась по лицу мага. В ту же секунду Шэнк пожалел, что не остался лежать очень, очень неподвижно.

Преисполнившись решимости, Мэйв поднялась с места.

- Весельнос, - с искренним воодушевлением провозгласила она, - я отпускаю тебя. Возвращайся домой. Я не могу вернуть тебя тем же способом, что и забрала, так что дорога до фермы станет для тебя небольшим приключением. Камнелесье в недели пути к западу отсюда, но если ты двинешься вдоль берега, то будешь в порядке. Это лучшее из того, что я могу сделать.

Лесной дух изумлённо уставился на колдунью.

- Но что насчёт вас? Я же теперь фамильяр, разве вы не хотели этого?

Мэйв покачала головой, её каштановые с проседью волосы заколыхались.

- Иди. Я найду другой способ. Уходи, пока я не передумала.

Брауни уже двигался к выходу.

- Спасибо, госпожа, - ликующе поблагодарило маленькое существо, прежде чем скрыться за дверью.

Мэйв повернулась к следующему кандидату.

- Итак, что же делать с тобой? – вопрос был риторическим, и не только потому, что Шэнк не мог ответить. Маг уже знала ответ.

- Возможно, ты не в курсе, что перед тобой придворный волшебник, – продолжала она, наслаждаясь паникой в глазах Шэнка. – А это значит, что мой король, Пинч, может упрятать тебя очень надолго. Или может, казнить тебя в назидание другим, дорогуша? Звучит справедливо.

Зрачки бедолаги ещё больше расширились от ужаса.

- Или... - женщина встала на колени, нависнув над его спиной, - ты можешь и вправду быть моим фамильяром. Служи мне, играй свою роль – и у тебя будет столько вина, сыра и одежды, сколько пожелаешь. Высунь язык, если такая перспектива нравится больше.

Пот капал со спутанных волос брауни, но всё же он смог показать кончик языка, протолкнув его через приоткрытые губы.

- Хорошо, - Мэйв улыбнулась, а затем её лицо окаменело. Все жеманные манеры, привитые ей за год жизни при дворце, были позабыты здесь, в её родной стихии. – Запомни ещё кое-что, Шэнк Коневолы. Если захочешь передумать, или начнёшь шпионить, или попытаешься вновь дурачить меня – и Король Пинч сломает твою тощую шею как сухую ветку, а кости бросит собакам. Скройся – и все колдуны королевства кинутся на поиски, каждый распоследний охотник за головами будет стараться получить награду за твою шкуру. Ты знаешь, что я могу это сделать и сделаю, если придётся. Ты меня понял?

Язык выглянул вновь.

Женщина усмехнулась и повела рукой над неподвижным беглецом. Его руки и ноги вновь обрели подвижность.

- Что ж, значит, договорились.

Она подобрала пустой бокал и подняла его в насмешливом тосте в честь брауни, пока тот поднимался с пола.

- За моего особенного фамильяра!

КРАСНЫЕ АМБИЦИИ

Джейн Рейб

Сзасс Тэм опустился в массивное кресло за богато украшенным столом, на котором лежали скрученные листы пергамента и стояли стеклянные флаконы, наполненные темной жидкостью. Толстая свеча стояла посередине стола, ее пламя танцевало в затхлом воздухе и мягким светом освещало мрачные черты лица Сзасса.

Его бледная, тонкая как пергамент кожа была натянута на высокие скулы, а тонкие волосы цвета паутины, пучками свисали с покрытой от старости пигментными пятнами кожи головы. Нижняя челюсть - болталась, мышцы уже не держали ее. Хрящ носа разложился, и на его месте зияли две дыры. Алая мантия, в которую он был одет, свисала складками с его похожего на скелет тела и ниспадала у кресла на пол, словно лужа разлившейся крови.

Маг рассеяно окунул указательный палец в лужу воска натекшего на стол, позволяя теплой, маслянистой жидкости налипнуть на кожу. Большим и средним пальцем он скатал охлаждающую массу в шарик. Затем маг уронил шарик на отделанный палисандром стол и стал наблюдать, как он катится и, замедляясь, останавливается возле старого свитка. Яркие точки белого света, служащие Сзассу Тэму глазами, посмотрели на пергамент. В нем содержались последние чары необходимые для превращения его дорогой ученицы в существо, коим он был сам - в немертвого мага... в лича. Конечно, его ученица должна была умереть перед прочтением заклинания. Убить ее не составит труда, решил маг. Костяными пальцами он взял пергамент и прижал его своему давно остановившемуся сердцу.

Смертная жизнь Сзасса Тэма закончилась сотни лет назад на поле битвы в Тэе, в сотне миль к северу от его уютного жилища. Но текущая в волшебнике магия не дала уйти ему из мира живых. Магия оставила его жить в гниющем теле, наполненном тайной силой, которой мало кто осмеливался кинуть вызов. Лич считал себя самым могущественным Красным Волшебником в Тэе. Он стал зулкиром - тем, кто контролировал все школы некромантии в стране. Его ученица, Фродин, тоже была красным волшебником, одной из могущественного совета магов, правивших Тэем с помощью заговоров, угроз и тонких интриг. Сзасс Тэм слегка улыбнулся. Не было мага коварнее его.

Сзасс внимательно слушал. Тихий звук шагов, раздающийся в коридоре, принадлежал Фродин. Он положил свиток в глубокий карман и стал ждать. Однажды он одарит ее бессмертием.

- Учитель? - Фродин, осторожно отрыв дверь, вошла в комнату. Она прошла вперед, и блестящая ткань ее темно-красной мантии потянулась за ней по полированному мраморному полу, - Я не помешаю?

Сзасс Тэм указал ей на кресло напротив него. Но молодая женщина остановилась рядом с магом. Быстро опустившись на колени, она положила свои нежные руки на ногу лича, и заглянула ему в светящиеся «глаза». Ее обритая голова

была украшена красными и синими татуировками, обычными для Тэя, а ее большие черные, словно полночь, глаза шаловливо сверкали. Ее тонкие губы изогнулись в хитрой улыбке.

Тэм взял ее в ученицы несколько лет назад. Обучалась она необычайно быстро. Фродин никогда не скрывала своей жажды знаний и заклинаний, и ловила каждое слово мага. Лич считал ее верной ему, ну или верной насколько, насколько это возможно в Тэе. И пока на протяжении многих лет ее сила росла, он делился с ней секретами - как можно давить слабых магов армиями скелетов, как поднимать людей из могилы, как украсть души живых. Недавно маг признался ей, что он - нежить, и показал свой истинный, гниющий лик. Она не испугалась его, и тогда он поделился с ней планами господства в Тэе. И Фродин ясно дала понять, что будет на его стороне. Навеки.

Лич смотрел на ее безупречное, румяное лицо. «Действительно, - подумал он, - она достойна провести столетия вместе со мной.» Он протянул костлявую руку к ее лицу и нежно погладил гладкую щеку девушки.

- Что привело тебя сюда так поздно? - глубокий голос мага эхом отдавался в комнате.

- Я была на рынке сегодня, смотрела рабов, - начала она, - искала материал, и заметила человека, который расспрашивал о Вас и Вашей башне.

Лич кивнул, позволяя ей продолжить.

- Это был необычный человек небольшого роста, у которого была только одна татуировка. Странный треугольник, заполненный серыми узорами.

- Служитель Лейры, - отметил лич.

- Да, он действительно оказался жрецом богини обмана и иллюзий, - добавила Фродин, - В любом случае, я пошла за ним. И когда он остался один, я создала простое заклинание, взявшее его под мой контроль. Я должна была знать, зачем он задает так много вопросов.

Пристальный взгляд лица стал мягче, и он провел своим костяным пальцем по одной из татуировок на голове Фродин.

- И что ты узнала?

- Достаточно, учитель. В конце концов, жрец обладал сильной волей. Но перед смертью признался, что он беспокоился по поводу одной из ваших армий, которая патрулирует Делхамид. В этом мертвом городе есть руины, которыми сильно заинтересовались несколько верующих Лейры. Жрец считает, что где-то внутри разрушенного храма лежит мощная реликвия. Когда ваша армия прошла поблизости, он испугался, подумав, что вы узнали о вещи и послали армию для того, чтобы получить ее. Но когда скелеты прошли мимо храма, он засомневался в том, что вы знаете о реликвии.. Поэтому он приехал в город расспросить о ваших планах и войске.

Лич посмотрел женщине в глаза:

- Мои скелеты просто патрулировали местность. И ничего больше. Но, скажи мне, Фродин... почему жрец просто не вошел в храм и не забрал реликвию себе?

- Я задавалась тем же вопросом, мастер, - улыбнулась молодая ученица, - и я спросила об этом. Он признался, что жизнь ему дороже, чем реликвия. Кажется, богиня держит там стражей, и ее вещь защищает мощная магия.

Лич поднялся и заставил встать Фродин :

- И что это за реликвия Лейры?

- Корона. Жрец сказал, что в драгоценных камнях короны скрыта великая сила, - Фродин слегка улыбнулась и погладила разлагающийся подбородок Сзасса Тэма, - И мы разделим силу и корону, так же, как и я поделилась рассказом с Вами.

Лич сделал шаг назад и медленно покачал головой:

- Я пошлю в сердце храма свою армию скелетов, и объявлю корону своей собственностью.

- Вашей, учитель?

- Да, Фродин.

- Но Вы бы не узнали о существовании реликвии без меня, - девушка уперла руки в бедра и посмотрела на него, - Это - предательство, Сзасс Тэм. Я могла забрать эту безделушку себе, и Вы ничего не узнали бы. Но я решила поделиться новостью с Вами.

- Итак, ты отказываешься от притязаний на корону, - ответил лич ледяным тоном, - Реликвия будет принадлежать только мне. Ты все правильно сделала, моя ученица. Я добавлю к своим сокровищам еще одну безделушку.

Симпатичная девушка с негодованием развернулась к двери, но потом посмотрела через плечо на лича.

- А как насчет Лейры? Что будете делать, если вы разгневаете покровительницу иллюзионистов и лжецов, вломившись в ее храм и украв то, что принадлежит ей?

Сзасс Тэм рассмеялся:

- Меня не заботит богиня предательства, дорогая Фродин. Отдохни. Утром я скажу тебе, что мои скелеты нашли в Делхамиде.

Лич слышал ее удаляющиеся по коридору шаги. Вскоре ей будет не нужно спать. Или есть. Вскоре ей не потребуются все те вещи, которые делают человека слабым, что позволит ей в один прекрасный день сесть рядом с ним на трон, и править всем Тэем.

Маг уселся в свое кресло и выкинул Фродин из головы. Он сосредоточился на своей армии скелетов в Делхамиде, и потянулся разумом за многие мили отсюда, вступая в контакт с генералом армии, и направляя его в храм Лейры. Мили пути исчезали под ногами костяных воинов, и вскоре они пришли к разрушенному храму. Не сбрасывая темпа, скелеты подошли к ступенькам храма. И в этот момент Сзасс Тэм потерял с ними контакт.

Лич выругался и произнес заклинание с тэйским ветром полетел в Делхамид. Когда маг поднялся в воздух, его форма изменилась. Кожа стала румяной. Щеки надулись, тело стало толще, заполняя красную шелковую мантию, которая несколько мгновений назад висела на нем складками. Его глаза стали черными, почти человеческими, а седые волосы став густыми и длинными, почернели и приобрели оттенок ночного неба. Для пущей эффектности, лич добавил тонкие усы. Мало кто в Тэе знал, что Сзасс Тэм был уже мертв. Ведь за пределами его башни он принимал образ живого человека.

Земля проносилась под ним пятнами теней, которые заполнили большую часть пейзажа. Но лич не сбился с курса. Он знал путь в мертвый город. Он родился там.

Когда он добрался до разрушенного храма, уже светало. Маг спустился на грубый фундамент и посмотрел на разрушенную каменную кладку. Его глаза тускло светились во мраке, исследуя место побоища. Теперь он понимал, почему потерял контакт со своей армией. Среди разрушенных колонн было разбросанно более сотни воинов-скелетов. Их переломанные кости и раздавленные черепа слабо светились. Недалеко он увидел еще мертвецов - тела с разорванной серой плотью и гниющей одеждой. Вокруг воняло как в могильнике. Лич опустил на колени возле однорукого зомби и аккуратно повернул тело. Слева на костях осталось еще немного плоти, все остальное было сожжено огнем. Сзасс Тэм провел рукой по траве рядом с трупом - ни одной травинки не сгорело. Нигде не было и следа от клинков. Магический огонь убил армию, понял лич. Огонь - сжигающий нежить.

Охота за реликвией Лейры обошлась слишком дорого. Чтобы собрать мертвых, для замены павших солдат потребуется много месяцев и огромные усилия. Сзасс Тэм встал, и беззвучно поклявшись отомстить за убийство своих приспешников, осторожно пошел к лестнице разрушившегося храма. На первых ступенях лич увидел дергающееся тело - нежить с рыхлой белой плотью, пустыми глазницами и прорвавшимися через кожу сломанными ребрами. Упырь - единственный выживший из войска лича, безуспешно пытался подняться перед своим хозяином.

- Скажи мне, - громким голосом приказал лич, - Скажи мне, что здесь произошло.

- Мы следовали Вашим приказам, - прохрипел упырь, - Пытались пробраться в храм. Пыталась получить то, что Вы хотели. Но они остановили нас.

- Сколько?

- Трое, - ответил упырь, - На них были мантии Красных Волшебников.

Сзасс Тэм гортанно зарычал и посмотрел вверх по лестнице. Если всего трое победили эту армию, то они должны быть мощными магами. Маг в последний раз взглянул на разбитую армию и прошел мимо дергающегося упыря, тщательно выбирая, куда ступить на разрушенные ступени. Храм Лейры лежал в руинах, как и весь остальной Делхамид. Когда-то величественный город, теперь он был наводнен монстрами и утыкан невероятными ловушками, оставшимися в районах проживания знати и магов. Монстры свободно бродили по округе - гоблины, темновари, тролли и драконы представляли угрозу достаточную, чтобы живые обходили это место стороной.

Волшебник поискал магическую энергию, которая защищала павший храм, затем обошел вокруг руин, чтобы войти в прохладную тень. Влажная прохлада руин напомнила личу гробницы. Это была его стихия. Присмотревшись, он отделил каменную кладку от темноты. Он увидел перед собою разрушенный старый коридор уходящий глубоко в храм, там чувствовалось чье-то присутствие. Маг скользнул в коридор.

В конце концов, коридор закончился, и лич начал изучать стены, ища хоть что-нибудь. Ничего. Камней, которые можно было сдвинуть - не было. Он тщательно изучил кладку, проведя своими пальцами по холодной поверхности влево и право, но не ощутил никакого сопротивления. Кирпич перед ним был не настоящим. Он

услышал шаги, тихие и далекие. Звук повторялся, словно кого-то ходил глубоко под ним. Сзасс сделал шаг вперед и прошел сквозь иллюзорную стену.

Прямо перед ним вниз в темноту вела влажная лестница. Лич сложил руки и сказал простое слово. Сфера света появилась на ладони, освещая лестницу. На стенах и везде вокруг были видны старые сгилы - различных размеров треугольники с закрученными серыми узорами внутри - символы Лейры. Лич остановился, чтобы осмотреть их. Он мало знал о богине, но заметил, что сгилы были вырезаны с выдающимся мастерством.

Большинство Красных Волшебников Тэя поклонялись одному или нескольким злым божествам. В свое время Сзасс Тэм тоже поклонялся богам, но необходимость в некоей силе предоставляющей вечную жизнь отпала со временем и с обретением формы лича. Он все еще считал себя почитающим некоторые силы, например Цирика. Но не Лейру.

Сзасс Тэм уже спустился по лестнице до половины, когда почувствовал присутствие - кто-то приближался. Время шло, и терпение немертвого зулкира было вознаграждено, когда наконец, жемчужно-белый призрак с лицом красивой женщины сформировался перед ним. Лич посмотрел на нее, и решил что это не более чем несчастный дух, связанный с храмом.

- Нарушитель, - прошептала призрак мягким, женственным голосом, - Прочь из священного места Лейры, могущественнейшей из богинь. Прочь из храма Леди Тумана, места, которое мы поклялись защищать.

Лич стоял на месте глядя на призрака, и на миг ему показалось, что дух удивился, почему гость не убежал.

- Я уйду, когда закончу,- отрезал Лич. Он говорил тихо, чтобы в храме его не услышали.

- Ты должен уйти,- повторил дух, ее голос изменился, став более глубоким и гортанным. Лик поменялся на лицо другой женщины, -Это не место для тех, кто не верует. Ты не носишь ее символ.

- Я верую в себя, - спокойно ответил лич, - Я верю в силу.

- Но не в Лейру.

- Нет, я не почитаю леди Тумана,- тихо прорычал лич.

- Тогда твои кости сгниют здесь,- сказала призрак новым голосом.

Лич посмотрел на существо. Нежить теперь была в образе молодого человека с длинным носом, и голос был сильным и мужественным. Большие призрачные руки потянулись и ударили в грудь Сзасса. Лич стоял неподвижно, не обращая внимания на атаку духа.

- Этого не может быть! Вы должны были умереть!- дух закричал голосом старухи. Действительно, жемчужно-белое лицо теперь покрывали морщины, и прозрачная плоть просела на щеках и челюстях.

- Я уже мертв,- прошептал в ответ лич, - И ты будешь подчиняться моей воле, - какой бы нежитью ты не была.

Глаза Тэма снова засверкали ярким белым светом. Маг посмотрел в глаза старой женщине и его взор застыл.

- Кто вы? - потребовал Сзасс, - Что вы?

- Мы принадлежим Лейре, - ответила старуха, - Мы последние жрецы, которые жили в этом храме. Когда город пал пред армией Малхоранда, мы умерли. Но так сильна была наша вера в Леди Тумана, что наша воля объединилась в одну форму, чтобы мы могли вечно служить Лейре.

Губы лича медленно поползли вверх.

- Ваша беда в том, что вы остались.

Его глаза загорелись ярче, и он сосредоточился на призрачной форме перед ним. Дух застонал от боли, и голос молодого человека присоединился к старой женщине.

- Нет!- вскрикнул хор голосов, - Не убивай нас! Не высылай нас из храма!

- Я пошлю вас в Девять Кругов Ада, где вы присоединитесь к другим жрецам Покровительницы Лжецов,- пригрозил Сзасс Тэм, - если только вы не послужите мне и не прекратите свой какофонический вой.

- Мы служим только Лейре, - взвыл еще громче дух.

- Теперь у вас хозяин получше.

Лич поднял палец и направил его в лицо призрака. Облик молодого человека возвратился. Серебряный луч выстрелил из кончика пальца Тэма и ударил в голову духа, заставив привидение отлететь назад на несколько футов. Луч дико пульсировал, а дух в это время дрожал в агонии.

- Кому вы служите? - упорно спросил лич.

- Лейре,- хором простонало существо.

И снова лич ударил существо серебряным лучом. Призрачный образ дрогнул и начал растягиваться, как если бы его растягивали на стойке для пыток. Руки и ноги духа потянулись к углам лестничной площадки, и он стал будто прозрачным, как туман.

- Кому вы служите?

- Мы служим тебе, - наконец выдохнул дух бесчисленными голосами.

Глаза Сзасса смягчились в бледном свете. Он рассматривал дух, чтобы убедиться, действительно ли он был под его контролем. Многие умы, которых он касался, проклинали его, но они же и клялись ему в верности. Удовлетворившись, волшебник вернул назад человеческие глаза.

- Скажите мне, жрецы, - начал лич, - Вы так же безуспешно останавливали Красных Волшебников, которые пришли до меня?

- Тех, что внизу? - засмеялся дух. Лицо существа стало теперь лицом красивой женщины, той, которую Сзасс Тэм увидел первой.

- Да. Тех, что внизу.

- Они верят, - заявил призрачный образ, - Они носят святой символ Лейры на своих блестящих головах. Все верующие приветствуются в этом храме. Все верующие и вы.

- Вы позволили им пройти свободно, потому что у них татуированные символы Лейры на голове?- спросил лич, - И вы подумали, что если они раскрасили свои головы, то поклоняются вашей богине?

- Да,- ответил призрачный образ, - Храм Лейры создан для последователей Лейры.

Лич посмотрел сквозь призрака и глянул вниз по лестнице.

- Вы пойдете со мной. Покажете ловушки, которые будут лежать перед нами. И вы покажете мне реликвию, которую я ищу.

Зулкир продолжил свой путь вниз по лестнице. Призрак возле него показывал выцветшие фрески с изображением богини, рассказывал о величии Лейры, и показывал магические ловушки. Когда лич переходил из комнаты в следующую, то прошел мимо переломанных тел давно умерших нарушителей. Он был так охвачен желанием найти реликвию, что чуть не прошел мимо недавно убитого тела. Призрак указал ему на него. Тело человека в красной мантии, не старше двадцати лет, лежало переломанное среди камней. Человек носил татуировку в виде символа Лейры на голове, а его конечности растянулись под странными углами. Глаза были широко открыты, в них отпечатался ужас, а изо рта все еще текла тонкая струйка крови.

- Он был с другими магами,- сказал призрак голосом старухи, - Жаль, что он умер таким молодым. Хотя он носил символ Леди тумана, и я пропустил его, страж посмотрел ему в сердце. Сердце выдало его, неверующего. Страж сразил его.

- Страж?

- Вечный слуга Леди Тумана, - ответил призрак, - Страж ждет в комнате впереди.

Лич глянул в темноту и двинулся вперед. Дух жрецов послушно последовал за ним по пятам.

- Убей его! - услышал Сзасс Тэм глубокий мужской плачущий голос.

Лич ускорил шаг и вошел в огромную пещеру, освещенную мхом испускающим сияние. Он остановился и посмотрел на трех обитателей пещеры - Фродин, Красного Волшебника, которого он не узнал, и чудовищную конструкцию.

- Это - предательство? - прогремел голос лича.

- Учитель! - взвизгнула Фродин. Она была одета в грязную рваную красную мантию, и треугольник, нарисованный на голове, размылся от пота. Ее обычно мягкие черты были изменены мрачной решимостью, когда она звала своего спутника присоединиться к борьбе. Человек остался позади нее, игнорируя ее грубый призыв, и уставился на большое существо перед собой. Фродин широко взмахнула руками и пустила столп огня в чудовище.

Враг Фродин был, по крайней мере, тридцать футов высотой, голова его почти достигала потолка. Страж не был нежитью, но не был и живым. Лич осмотрел его сверху вниз. У твари было туловище человека и козлиная голова. На груди висел символ - треугольник заполненный спиралями тумана. Монстр имел четыре глаза, которые располагались на одном расстоянии от другого чуть выше толстой металлической переносицы, пасть была открыта, обнажая зубы отлитые из стали. Четыре руки, толстые как стволы деревьев грозно металась перед чудовищем и заканчивались шестью когтистыми железными пальцами. Существо было полностью серым. Массивные ноги оканчивались раздвоенными копытами, высекавшими искры, когда тварь шла по полу. Пол дрожал так, что Фродин и ее спутникам приходилось удерживать равновесие, чтобы остаться стоять на ногах.

- Кажется, ты разозлила его, дорогая Фродин, - сказал Сзасс Тэм, - И меня ты тоже разозлила. Вы уничтожили мою армию.

- Я хотела корону! - сказала она, бросая вторую молнию, - Я узнала об этом храме и реликвии, но вы сказали, что безделушка достанется вам. Она должна была стать моей!

Лич смотрел, как она проворно отскочила от удара кулака врезавшегося в пол пещеры, там, где только что стояла она.

- Мне жаль! - закричала она, - Помогите нам, пожалуйста. Корона будет ваша. Клянусь!

Лич скрестил руки на груди и продолжил следить за боем, не утруждая себя ответом на ее просьбу.

Она нахмурилась, и соединив вместе большие пальцы, а ладони оставив открытыми, направила руки в сторону стража. Пробормотав слова, в которых Сзасс узнал одно из первых заученных ею заклинаний, и ледяные осколки вырвались из ее рук. Осколки вошли глубоко в грудь противника. Но страж не обратил на атаку никакого внимания. Он отвел руку назад, чтобы ударить ее. Фродин прыгнула в сторону, и рука стража ударила ее спутника. Острые металлические когти разорвали грудь человека. Волшебник умер еще не коснувшись земли.

- Пожалуйста, учитель, - молила Фродин, - Помогите мне. Я сделаю все, что вы скажете.

- Ты уничтожила мою армию, - выплюнул Сзасс Тэм, - Даже если твоя душа сгниет здесь, мне все равно.

Фродин снова подняла руки и пробормотала заклинание. Сверкающий голубой шар появился перед ней. Она пустила его, направляя во врага. Шар ударил чуть выше талии существа, и лопнув, брызнул кислотой на черный металл. Треск и шипение заполнили помещение, и страж опустил голову, чтобы посмотреть на свой плавающий желудок.

- Моя дорогая, ты хорошо владеешь магией, - ответил лич ледяным тоном.

- Но чтобы убить это существо мне потребуется ваша помощь! - закричала она, шаря в складках одежды, и доставая горстку зеленого порошка.

Волшебник медленно покачал головой.

- Ты в одиночку остановила моих скелетов. Помешала моим планам, в которых ты бы правила Тэем вместе со мной. Конечно, ты сможешь остановить это существо.

В его хриплом голосе не было и намек на эмоции.

Фродин начала чертить символ в порошке, рассыпанном в ладони. Лич повернулся посмотреть на конструкта, который как-то чинил свой живот. Перед глазами Сзасса, металл потек как вода, покрывая расплавленный участок. В момент, пропали все доказательства его повреждения. Страж сделал шаг к волшебнице, комнату качнуло и весь порошок из рук Фродин высыпался, и девушке пришлось использовать другое заклинание.

- Он может убить ее, - безразлично сказал призрак Сзассу. На этот раз он носил лицо молодого человека, - Но она не сможет убить его. Вы не можете убить его. Это страж Лейры, и он будет продолжать восстанавливать себя до конца времен. Он посмотрел ей в сердце и обнаружил, что она не чтит темной богини. Страж не успокоится, пока она не умрет.

- А он может заглянуть в мое сердце? - спросил лич, - Или, возможно, он не может увидеть меня, потому что ссохшееся сердце в моей груди даже не бьется.

Крик Фродин заглушил ответ духа. Страж откинул ее как насекомое, и она пролетела через пещеру, упав на спину. Мантия порвалась, кровь лилась из ран на теле. На лице застыла маска ужаса, но все же она не сдалась. Лич хорошо ее обучил.

Фродин достала из кармана немного смолы. Положила ее на окровавленную ладонь и подняла на уровень четырех глаз стража. Черная молния вырвалась из ее руки и ударила существу в перемычку носа. Удар отбросил стража назад, но не навредил ему.

Сзасс Тэм промолвил ей, - Думай, моя любимая ученица. Сотвори заклинание, которое удержит его вдалеке от тебя. Выиграй себе время.

Она оторвала оставшиеся клочья мантии и с силой бросила к ногам. Слова быстро вылетели из ее рта, она направила указательный палец в пол пещеры. Под раздвоенными копытами стража камень на миг дрогнул, замерцал в скудном свете пещеры, а потом превратился в грязь. Но монстр не попал в грязь. Напротив, контракт завис над большой кучей грязи, его копыта висели в затхлом воздухе в нескольких футах от пола. Грязь под стражем затвердела и как засохшее русло реки покрылась трещинами.

- Этого не может быть! - закричала Фродин. Затем она повернулась, чтобы взглянуть на своего наставника.

Руки Сзасса слабо светились синим, длинные пальцы простерлись в направлении эбенового стража. Злая усмешка заиграла на лице, когда он встретил недоумевающий взгляд Фродин. Лич щелкнул пальцами и страж поплыл вперед остановившись на скале рядом с женщиной.

- Вы! Вы не дали ему угодить в ловушку! - воскликнула волшебница, уходя в сторону, от еще одного удара.

Лич кивнул и поднял руку в воздух, мысленно призывая древний пергамент из своей башни. Когда страж достиг Фродин, пальцы Тэма сомкнулись на свитке. Глядя на свою испуганную ученицу, волшебник осторожно развернул пергамент.

- Моя дорогая, я обещал тебе бессмертие наградой за твою верность. Ты получишь его.

Тэм начал читать магические слова, и контракт схватил Фродин за талию. Сзасс начал читать быстрее, в то время как монстр поднял ее на уровень своих четырех глаз. Лич закончил чары, когда страж выжал дыхание из легких Фродин, и выбросил ее безжизненное тело, как будто ребенок бросил сломанную куклу.

Пергамент рассыпался в пальцах Тэма, и мертвое тело его ученицы засветилось бледным белым сиянием. Прошло мгновение, грудь Фродин поднялась и упала. Она сделала несколько больших глотков воздуха и быстро поднялась на ноги. Она взглянула на своего наставника, затем на контракта, который опять потянулся за ней. Пальцы создания сомкнулись на ней еще раз и сжали сильнее. Тут Фродин поняла, что с ней сделал Сзасс Тэм. Он дал ей вечную жизнь.

- Нет! - закричала она, когда ее ребра треснули, и она безжизненно упала второй раз.

Конструкт отступил назад и стал ждать. И опять, молодая Красная Волшебница восстала из мертвых. Она снова поднялась на ноги.

- Наслаждайся бессмертием, - зашипел лич, смотря как страж нанес еще один смертельный удар, а девушка вновь воскресла. Он радовался, что контракт Лейры был занят только Фродин, оставив его в покое.

- Реликвия, - приказал призраку лич, - Покажи мне, где корона.

Призрак указал на каменное углубление. Сзасс Тэм шагнул к нему и увидел насыпи монет и драгоценных камней. Идеально граненые изумруды, сапфиры, бриллианты сверкали в каждой щели. Корона усеянная рубинами лежала сверху груди. Лич быстро схватил ее и почувствовал энергию пульсирующею в металле.

- Подарок Лейры, - объявил дух, - трофеем нашего храма.

Выйдя из ниши, Сзасс надел корону на голову, боль пронзила его грудь и он согнулся. Лича застали врасплох жгуче холодные ощущения. Он упал и корчился на каменном полу, пока неистовые движения не сбросили корону.

Болезненные спазмы закончились, и лич медленно встал.

- Что это за сила, жрец? - выдохнул лич.

Дух был с лицом старухи:

- Сила вечной жизни. Сердце того, кто носит корону, будет биться вечно.

Человеческая форма Тэма растаяла, открыв его костяное тело и глаза точки.

- Мое сердце не бьется, - категорично сказал он.

- Вместо этого, ты почувствовал боль, - ответила женщина, - Леди Туманов действительно коварнее вас. Лейра заманила тебя сюда. Священник, который искусил вашу ученицу реликвией, был просто пешкой.

Лич пнул ногой корону и посмотрел на призрака.

- Вновь Королева иллюзионистов и лжецов ударила, когда твоя ученица предала тебя и захотела себе корону. Потом моя богиня победила еще раз, когда ты потерял то, чем так дорожил - красивую волшебницу, которая провела бы вечность вместе с тобой, - призрачный образ указал на сражающуюся Фродин, - Ты потерял свою армию, свою женщину, свою способность доверять другим. И, в конце концов, трофеем, который ты так искал, оказался тем, чем ты никогда не сможешь обладать. И кто коварнее, Сзасс Тэм?

Лич запрокинул голову и рассмеялся, глубоким, гортанным смехом, который отражался от стен пещеры. Маг громко, не останавливаясь, хохотал, поднимаясь по лестнице и выходя из храма.

ВОРОВСКАЯ НАГРАДА

Мари Герберт

Где-то далеко внизу под ногами Тезы раскинулись воды озера Эшен, тёмные и недвижные, точно чёрное стекло. Ни единой волны не нарушало покоя водоёма; под поверхностью не было видно ничего, что могло бы дать представление о глубине. Не то чтобы это волновало девушку – плавать она всё равно не умела. Да и никто никогда не замерял, насколько бездонно Озеро Слёз.

Девушка заставила страх отступить и подняла взгляд на свои вытянутые руки – а точнее на измочаленный конец верёвки, который удерживал её от падения в далёкую воду.

- Пожалуйста, - из последних сил прошептала она. Ей казалось, что по рукам струится расплавленный свинец, а тело становится тяжелее с каждой секундой. Под ногами не было ничего, что могло остановить её полёт - один лишь воздух. Теза всхлипнула – она ненавидела воду.

Девушка перевела взгляд ещё выше, уставившись в глаза создания, так бесцеремонно сбросившего её с утёса. Оно было чернее самой ночи, кровожаднее акулы и прекраснее любой самой изящной лошади, какую только видела Теза. Некоторые утверждали, что редкие хищные водные лошади – агишки – не существуют; и девушка с радостью поменялась бы сейчас местами с таким неверующим, просто чтобы показать, как он ошибается.

Мир вокруг напряжённо застыл. Тишину нарушало лишь её хриплое дыхание, сливаясь со стуком перепуганного сердца в жалобную поминальную песнь. В глубине разума жертвы родился крик и наполнил собой нутро, лёгкие, горло и рот, пытаясь прорваться наружу воплем первобытного ужаса.

Глаза четвероногого существа зажглись зелёным жестоким огнём. Вполне осознанно оно тряхнуло прикреплённую к уздечке верёвку. Теза соскользнула ещё ниже; её лицо побледнело, искажённое маской паники.

Неожиданно конь выдернул последнюю соломинку из рук – и падение началось.

Крик, столь тщательно сдерживаемый, наконец вырвался душераздирающим и протестующим «НЕТ!»

Теза вынырнула из сна, вырванная звуком собственного голоса. Тьма сковала её, и она отчаянно терзала одеяло, обмотавшееся вокруг головы. Задышающаяся, мокрая, она выбралась из неудобной кровати и скрючилась у остатков костра, словно загнанный зверь.

Позади, склонив голову, чтобы видеть её, стоял агишки – чёрное пятно даже на фоне окружающей ночи. Большие глаза, наблюдавшие за девушкой, сияли призрачным светом; в них читался почти сверхъестественный ум, вселявший беспокойство во владелицу животного. В тишине раздалось фыркание, подозрительно похожее на издевательский смех.

- О, боги сущего! – усевшись, вздохнула девушка. Она подкладывала дрова на тлеющие угли, пока пламя наконец не занялось, но даже жар и свет мало чем могли помочь в борьбе с липким холодным ужасом, вгрызшимся в кости после ночного кошмара. Всё казалось совсем взаправду!

«Что же мне делать?» – обдумывала она. Прошло больше года с тех пор, как она сбежала из Иммильмара – с ценой за голову и краденой агишки на поводу. Всё это время беглянка скрывалась в диких землях – далеко от любимого города и породившего скакуна озера. Скитальцы довольствовались скудным пропитанием, но Теза уже была сыта по горло всеми лишениями, да и четвероногому спутнику приходилось нелегко.

Девушка не знала, как он ощущал своё текущее положение – его мысли были ей неведомы. Обычно она быстро находила с лошадьми общий язык, а этот вороной жеребец вызывал у неё такое невероятное восхищение, которого она не испытывала

ни к одному другому животному. Он же оставался равнодушен, даже временами недружелюбен, насторожен и недоверчив. Теза знала, что конь не сможет добровольно уйти, так же, как и действительно попробовать утопить и сожрать её – благодаря гиппоману, наросту со лба новорождённого жеребёнка, зачарованному связывающим заклятьем. Но он всегда казался безучастным и отстранённым.

Что-то холодное коснулось щеки. Теза взглянула вверх, встревоженно наблюдая за танцем снежинок, опускающихся на лагерь. Месяц Уктар ещё только начался, но дыхание зимы уже чувствовалось. В прошлом году это время превратилось в унылую череду ледяных голодных ночей и не менее голодных пустых дней.

Она оглянулась, изучая агишки. Возвращаться с плотоядным животным обратно в Иммильмар были опасно. С другой стороны, что страшнее - угроза разоблачения и заточения или гораздо более реальная опасность замёрзнуть до смерти в пустошах этой зимой? Этот город, с его задворками, загруженными доками и рынками, и людьми, всегда готовыми составить компанию, был её миром. Наверняка её мелкие прегрешения сейчас уже оказались позабыты.

Порыв ветра пронёсся через стоянку, подгоняя снег своими ледово-острыми зубами. Теза вздрогнула.

- А, катись оно всё в Тэй, я возвращаюсь!

- Теза! Ах ты черноволосая плутовка, где ты пропадала? – захохотал давно знакомый голос, перекрывая глухой полуденный гул переполненной таверны.

Девушка посмотрела поверх фляги с джуйлдом, и широкая улыбка расплылась по её вытянутому смуглому лицу.

- Рафбит! – воскликнула она, приветствуя друга, которого не видела уже больше года.

Она радостно следила за тем, как неопрятный, слегка растрёпанный полуэльф прокладывает путь сквозь толпу. Такой же тощий, как ивовый прутик, и подвижный, словно ласка, он всегда напоминал Тезе кота – он двигался через комнату точно так же, легковесно, неслышно и едва ли задевая кого-то. Эта его способность – равно как изящные черты лица и иссиня-чёрные волосы – была унаследована от его матери, лунной эльфийки. А вот его голос, не сомневалась девушка, был явно унаследован от отца, неистового и умелого берсерка-рашеми.

Она чуть-чуть подвинулась, освобождая место на скамье перед реющим пламенем камина.

- Последний раз я застал тебя, - начал он воодушевлённо, хлопнувшись рядом, - собирающей свои вещички и старающейся успеть до того, как нагрянет Клык. Кажется, это было связано с тем статным жеребцом Аронга, каким-то образом очутившимся на Уличной Ярмарке Лошадей?

Теза поморщилась. Громоподобный голос её друга заглушил все разговоры поблизости, и парочка голов повернулась в их сторону.

- Шёпотом, Рафбит! – напомнила она.

Полуэльф добродушно ухмыльнулся. Этот совет был так привычен.

- Ну, так где ты была?

- Жила с диким зверьём, - отозвалась девушка, знатно отхлебнув из своего сосуда и наслаждаясь забористым джуйлдом. – Во имя плаща, как же я скучала по этому!

- А когда ты успела вернуться?

Воровка ни на секунду не прервала поглощение огненного вина, но внутренне насторожилась. Она достаточно хорошо знала Рафбита, а потому уловила лёгкую напряженность в его словах. Невинный вопрос скрывал что-то ещё, кроме простого любопытства.

- Около двух дней назад, - непринужденно ответила она, размышляя, в чём же дело.

Рафбит заговорил ещё тише, на грани слышимости:

- Теза, да тебя послал сам Маск! Твоё возвращение как нельзя кстати! Как насчёт дельца?

Девушка потянулась к столу, неторопливо пододвинула поближе блюдо с хлебом и сыровым сыром и отломала несколько кусков. Приступив к трапезе, Теза продолжала изучать сидевшего рядом мужчину.

Рафбит был давним другом – не близким, конечно, и не из тех, кому она доверила бы свою жизнь, но всё же другом. Кое-что тем не менее оставалось проблемой – молодая женщина никогда не могла полностью доверять его мотивам. Нить беспощадного своекорыстия пронизывала полотно его характера и иногда приводила других людей к серьёзным проблемам.

Она испытующе уставилась на полуэльфа, но всё, что она могла увидеть на лице – предвкушение с ожиданием.

- Дельца какого рода? – мягко поинтересовалась воровка.

- Пойдём, поговорим у меня? – он буквально вытолкнул Тезу через заднюю дверь, навстречу неприятным синим сумеркам.

Со времени возвращения Тезы в Иммильмар зима уверенно вступила в свои права, принеся с собой одеяло снежного покрова и ледяные ветра. Прохожие были одеты в несколько слоёв шерсти, кожи и мехов и быстрее, чем обычно, двигались по запружённому улочкам столицы Железного Лорда.

Таверна, которую парочка только что покинула, пряталась в одном из переулков беднейшего и грязнейшего района города. Местечко было востребовано в основном у постояльцев, имевших проблемы с законом и не желавшим в связи с этим быть потревоженными стражей Аронга. Поэтому особенно необычно было увидеть на привязи около заведения лошадь – тем более такого великолепного сложения и масти.

Увидев зверя, Рафбит выпучил глаза и испустил смешок.

- Теряешь хватку, Теза. Расслабляешься внутри, в то время как гордое животное стоит тут и ищет нового хозяина.

- Оно ищет не хозяина, - сухо ответила девушка — Оно ищет еду.

- Еду? Этот скакун не выглядит голодным. Честно говоря, ни разу не видел животного, выглядевшего бы здоровее, - он медленным, уверенным шагом направился к объекту обсуждения.

Теза про себя согласилась с утверждением. К её облегчению, агишки буквально расцвёл, когда они вернулись в окрестности озера Эшен, и теперь его лоснящиеся смоляные бока и безупречная стать притягивали взгляды зевак - в городе, где большую часть ездовых животных составляли приземистые, неказистые рабочие лошадки. К этому моменту несколько её соперников куда-то делись.

- Осторожнее, - предупредила юная женщина, обращаясь и к полуэльфу, и к коню.

Рафбит потянулся к уздечке - единственной части упряжи, имевшейся на скакуне - но агишки отдёргнул голову, блеснув белыми зубами. Его глаза сверкнули странным зеленоватым огнём.

- Боги, этой зверюге нужно провести десяток дней с объездчиком, - выругавшись, отшатнулся Рафбит.

- Нет, - вздохнула Теза, - всё, что ему нужно, это понимание.

Она тихо свистнула. Вскрапывая и переступая с ноги на ногу, водяной конь тут же подошёл к ней.

- Что? Это твой? В какой части Торила ты его откопала? - спросил поражённый мужчина.

- Я его... заслужила, - улыбнулась Теза, вспоминая о Ведьме Рашемена и о том, как они обманули друг друга.

- Я никогда не видел ничего подобного! - восхитился полуэльф. - Продашь?

Юная женщина обхватила коня за шею - проявление заботы, которое он редко терпел - и коротко отрезала: - Нет.

Рафбит кивнул, но его взор раз за разом возвращался к великолепному животному, пока он вёл агишки и хозяйку через оживлённые верфи к ветхому домишке неподалёку от складского района. Он пригласил её войти внутрь, разжёл пламя в жаровне и без промедлений приступил к делу.

- Я собираю Гильдию воров в Иммильмаре. Мне нужен заместитель, которому можно доверять.

Даже если бы он предложил ей выйти за него замуж, Теза была бы удивлена гораздо меньше.

- Гильдия? - фыркнула она, - В Иммильмаре? Да Аронг перевешает вас всех в считанные дни!

Сапфирово-синие глаза полуэльфа возбуждённо сверкнули.

- Не обязательно. Чтобы гильдия выжила в таком городе, ей нужны хитрость, терпение и чуткое руководство над ворами и их деятельностью.

Рафбит был взломщиком - и хорошим, поскольку его успешные кражи никогда не связывали с ним. Но брать роль лидера организованной шайки воров? Эта мысль веселила Тезу.

- Хитрость? Терпение? - насмехалась она. - Твои-то?

Её друг ухмыльнулся, совсем не задетый нападками, и склонился поближе.

- Вот поэтому мне нужна ты. Я уже переговорил с большинством представителей нашего ремесла в Иммильмаре и заинтересовал их, но мне нужен кто-то, кто помог бы сформировать гильдию и определить её функции. Ввести систему поощрений, продвижения и наказаний, подыскать надёжные укрытия, установить слежку за стражниками, определить подходящие цели...

- А что собираешься делать ты? - саркастично поинтересовалась Теза. - Подсчитывать свою долю?

- Разумеется, каждый член должен будет платить взносы, чтобы пользоваться услугами гильдии. Но кроме этого хватит работы для двоих.

Девушка признала, что заинтригована. Такая организация предоставляла бы определённые преимущества для не самой добропорядочной части населения города... вот только...

- Но как же Железный Лорд? Он не потерпит в Рашемене организованной преступности.

- Потерпит, если эта организованность не будет бросаться в глаза. Гильдия будет маленькой, допускаться в неё будут только те, кто докажет, что достойны пополнить её ряды.

- И как ты собираешься это проверять? - потребовала объясниться женщина.

- Испытание навыков. Любой вор - независимо от его возраста, пола или происхождения - может присоединиться к нам, если справится с заданием.

- Ко мне это тоже относится? - прищурилась Теза.

- Эээ... ну да, - заколебался Рафбит. - Так справедливее.

Теза аж подскочила от возмущения.

- Ты просишь меня вступить в твой отрядик воришек и ждёшь, что я буду что-то там доказывать? - бушевала она, и с каждым словом голос её становился всё громче.

- Просто формальность! - поспешил успокоить её приятель. - Только чтобы убедить нашего покровителя. Он должен быть в курсе, насколько ты полезна. Так же, как и я.

- Покровитель? - прорычала девушка-конокрад, скрестив руки на груди.

- Именно! Наш ключ к успеху. Кое-кто из облечённых властью судей, со склонностью к коллекционированию драгоценных камней. В обмен на любые "коллекционные предметы", что мы раздобудем, он станет нашими глазами и ушами при дворе Железного Лорда.

- Я хочу сначала встретиться с ним, - глаза Тезы подозрительно сузились.

- Считай, сделано, - и они пожали руки.

Встреча прошла лучше, чем того ожидала Теза. Сначала она вообще не думала увидеть никакого покровителя. Но спустя два дня после приглашения Рафбита, они встретились с крепко скроенным человеком, небольшого роста, но облачённым в меха снежного барса и спокойную самодостаточность.

Представитель власти поприветствовал воровку, приподняв густую бровь. Изучив друг друга с головы до пят, переговорщики перекинулись парой предложений, и каждый остался доволен своим собеседником.

Когда аудиенция закончилась, Теза повернулась к Рафбиту. Она все ещё гадала, какие же мотивы преследует полуэльф в этой аванюре, однако присутствие покровителя из двора Аронга придавало делу иной оборот. Она горела желанием сделать следующий шаг и посмотреть, что случится.

- Так что там за испытание ты выдумал для меня?

Если бы девушка не следила за тем, куда ступает в грязном снегу, то заметила бы, как лицо приятеля на секунду приобрело такое же голодное выражение, что и у охотящегося горноста.

- Всё очень просто. Есть покупатель, утративший определённую вещь и желающий её вернуть - за хорошее вознаграждение.

Теза не выносила, когда кто-то использовал слово "просто" без дополнительных объяснений.

- Какую именно вещь, и где она сейчас?

- Книгу. В библиотеке Лорда Дуронна.

Девушка остановилась на полном ходу: - Книгу? Серьёзно? Что за ерунда, я конокрад! Взломщик здесь ты.

- Если ты хочешь быть моим заместителем, - начал терпеливо объяснять Рафбит, - то должна расширять ассортимент навыков. Твоя способность украсть любое четвероногое существо поистине легендарна, как и умение маскироваться. Мне также известно, что ты умеешь обчищать карманы, сумки и кошельки. Но что насчёт проникновения в чужое жилище? Вот так тебя и испытаем.

Не обратив внимания на лесть, Теза решила, что в его словах есть смысл. Не удержавшись, она уточнила:

- А кто будет испытывать тебя?

К её удивлению, бледный полуэльф побелел ещё больше, его глаза гневно замерцали.

- Меня уже проверили, - пророкотал он и больше не сказал ни слова.

В результате этой беседы, тремя днями позже юная воровка мчалась на своём агишки по тихим улочкам города сквозь холодную ночную тьму. Она выдохнула безмолвную молитву Маску, богу воров и плутов. Сегодняшнее мероприятие принесёт ему выгоду, потому она надеялась, что он прислушается.

К счастью, одну услугу он уже оказал. Посланный водами Эшен промозглый плотный туман навалился на город, превращая тьму в почти непроницаемую завесу. Только агишки, вскормленный озером, чувствовал себя как дома в этой мокрой пелене. Среди переплетения улиц он безошибочно отыскивал путь, ведущий в заданном Тезой направлении - мимо громады дворца, к холмам, на которых раскинулись обеспеченные районы с большими домами, прятавшимися за резными оградами.

Водяной конь, повинаясь движениям рук девушки, свернул на дорогу, пролежавшую между двумя высокими стенами и спускавшуюся по крутому берегу к реке. Это была небольшая речушка, бравшая начало в озере Эшен дальше к востоку - достаточно неторопливая и глубокая для прогулочных судёнышек. У многих домов, лепившихся вдоль берегов, имелись свои причалы и лодочные сараи.

Особняк лорда Дуронна тоже имел такую верфь, только знатный господин пошёл ещё дальше. В овраге под домом была выкопана целая пещера, в которой хранились его суда, что позволяло им пережить любую непогоду, кроме разве что самой жестокой.

Теза решила, что подземное помещение послужит самой лучшей точкой проникновения в дом. Стражник, поставленный охранять задний вход, вряд ли будет ожидать неприятностей в такую ночь.

Неслышно, словно чёрная тень, водяная лошадь несла её сквозь мглу вниз по течению, к раззявленной пасти входа в укрытие. Теза содрогнулась от вида тёмной воды, обволакивающей колени, но агишки не предпринимал попыток сбросить её или затащить на глубокое место. Конь пробрался через ряды маленьких лодочек и доставил всадницу к деревянному настилу. Со вздохом искреннего облегчения девушка погладила зверя и покралась по неосвещённой пристани к лестнице - по крайней мере ей хотелось верить, что это действительно лестница.

Грот окутывала непроглядная тьма, поэтому взломщица аккуратно раскрыла мешочек, притороченный к поясу, и вытащила один из самых полезных воровских инструментов - "ночные очки". Она когда-то приобрела их у странствующего мага за умопомрачительную сумму, но полезные стекляшки стократно возместили затраченные средства. После того, как она поместила их на нос, ночь прояснилась. И хотя очки придавали окружающим вещам красноватый оттенок, видимость они обеспечивали потрясающую.

Быстро обнаружив ведущие в заднюю часть дома ступени, она вскарабкалась по ним ко входу. Дверь являла собой весьма массивное препятствие из дуба и железа, но замок оказалось легко взломать позаимствованной у Рафбита отмычкой. Войдя, она сразу увидела первого охранника, притулившегося к стене. Её надежды оправдались - воин мирно дремал, склонив голову на грудь.

Теза достала ещё одно приобретение - кусочек ткани, пропитанной быстродействующим снотворным. Она смочила отрывок слюной, чтобы активировать вещество, и, прежде чем оно подействовало на владелицу, прижала к коже посапывающего стражника. Через пару секунд он провалился в гораздо более глубокий сон.

Теперь выполнить остаток работы было намного проще. Знакомый Рафбита передал девушке описание помещений здания, позволяя ей прошмыгнуть через залитые ночной тьмой залы, минуя ещё двоих дозорных, и подняться на второй этаж, где в конце длинного коридора располагалось книгохранилище. Осмотрев подступы сквозь очки, Теза не заметила ничего подозрительного. Ни сторожевых собак, ни зачарованных статуй, готовых издать сигнал тревоги, ни ловушек - ничего. Юная воровка убедила себя, что, должно быть, лорд Дуронн не считает свои книги такими уж ценными.

Её подозрения подтвердились, когда она вошла в библиотеку - маленькую комнатуху, всю пронизанную холодом, сыростью и затхлостью. Страницы валялись на столах и шкафах, а на самих книгах лежал слой пыли.

Теза не теряла времени - ей нужна была светло-жёлтая книга, довольно большая и с изображением колдовской руны на корешке. Она пробежала глазами по стоявшим вдоль стен полкам, рассматривая ряды манускриптов, свитков и книжных стопок. Полчаса спустя она нашла желаемое - стоявшее на нижней полке и заваленное заплесневелыми листьями пергамента.

Девушка потянула талмуд и едва не выронила его. Он оказался тяжелее, чем она предполагала, и был обит чем-то более мягким, чем кожа. Она перехватила его поудобнее. Похоже, это была нужная книга - символ на торце и песочного цвета обложка свидетельствовали в пользу этого. Скорее всего она когда-то принадлежала

волшебнику, но вот почему оказалась здесь и что же в ней такого ценного, раз кто-то готов оплатить её кражу?

Теза попробовала приоткрыть добычу, но обнаружила кое-какую странность. Оба края обложки были окаймлены пряжами, тянувшимися от верха до низа. Пряди были переплетены и не давали непосвященному раскрыть страницы. Пальцы Тезы изучили помеху - на ощупь она была такая же мягкая, как и человеческие волосы.

Ещё не осознавая почему, девушка рассердилась. Она начала подозревать, что её друг полуэльф сообщил не всё, что ей следовало знать об объекте похищения. Засунув том под мышку, она бесшумно устремила обратно тем же путём, которым пришла - в пещеру, где агишки дожидался её возвращения.

Теза рассчитывала встретиться с Рафбитом и заказчиком до рассвета, но сперва приказала своему скакуну отвезти их в убежище. Не более, чем заброшенная халупа на окраине города, оно было местом, где девушка могла затаиться, если возникнет необходимость. Агишки послушно доставил их в эту хижину. Дождавшись, когда наездница спешится, он издал нетерпеливое ржание и забил по промёрзшей земле копытом. То были знакомые знаки - зверь проголодался.

- Жди, - попросила она, - я быстро. Потом можешь идти.

Воровка скользнула за дверь, прихватив книгу. Её замёрзшие пальцы боролись с огнём и лампой, оставленной здесь в прошлый раз. Когда пламя занялось, девушка расположила добычу на коленях и начала осторожно расплетать замок-косичку. Сейчас, на свету, она видела, как мерцает тёмная медь переплетённых рыжих волос. Они струились меж пальцами, словно вода, пока, наконец, книга не распахнулась.

Теза восторженно разглядывала страницы - каждая из них содержала большую, насыщенную цветом картинку, украшенную изящным орнаментом и яркими золотыми листьями. Не было ни слов, ни букв, ни даже рун - только невероятно детализированные рисунки.

Юная воровка перелистнула на начало. Она не умела читать, но, чтобы понять историю, этого и не требовалось. Изображение показывало роман между прелестной рыжеволосой девушкой и юношей с чёрной шевелюрой и серьёзным лицом; их встреча происходила в саду с пионами и розами. Дальнейшую их судьбу и развитие чувств рассказывала следующая серия картинок - вот они танцуют, теперь вместе на охоте, а сейчас на пикнике.

Но потом тональность изображений изменилась: линии стали грубее, возобладали красные и тёмные оттенки, а выражения лиц героев сменились гримасами гнева и печали.

Теза сидела, захваченная разворачивающейся на коленях драмой. Она была так увлечена, что не сразу заметила, как что-то начало происходить. Пока она рассматривала одну из картинок, на которой неизвестный автор запечатлел мрачную комнату с парой, фигурки слегка изменили положение - мужчина хмуро опустил голову, а женщина отступила на шаг.

Теза ошеломлённо смотрела, как прямо перед её глазами нарисованный человечек подался вперёд и вlepил избраннице жестокую пощёчину - и та упала, ударившись об стену.

Пальцы наблюдательницы стиснули обложку: "Ах ты маленький, мерзкий..." - начала она, забыв, к кому обращается. Затем миниатюрная женщина поднялась с пола, и, вытерев кровь с губ, сорвала кольцо и бросила его в обидчика. Ни один из них не проронил ни слова, но Теза отчётливо видела ярость на лице женщины и опустошённость её бывшего жениха. Нарисованная леди развернулась, чтобы уйти, как вдруг одним быстрым движением он подскочил и схватил девушку за длинную косу. Руки поднялись в странном движении, с губ безмолвно сорвались слова - и жертва растворилась в ослепительной серебряной вспышке, заставившей Тезу зажмуриться. Когда она вновь открыла глаза, молодой человек остался один, такой же неподвижный, как и раньше; в его руках покоился светло-жёлтый том.

- Что это было? - раздражённо пробормотала воровка. Она пролистала предыдущие страницы, но все рисунки оставались неподвижны. В конце концов, она стала смотреть дальше, перейдя от человека с книгой к последнему листу. Иллюстрация в конце книги была самой странной из всех. В левом верхнем углу - маленький портрет женщины с умоляющим лицом и полными слёз зелёными очами. В середине - изображение раскрытой книги; замок-косичка расплетён, а сердцевина пронзена кинжалом и с обложки срываються капли крови. Внизу справа - ещё один портрет той же девушки, но на этот раз она жизнерадостна и счастлива.

Хоть Теза и была похитительницей лошадей, соображать она умела. Она пришла к очевидному заключению, что даму с картинок превратили в книгу - ту самую, которую она сейчас и держала. Это объясняло рыжие волосы и необычную обложку, так похожую на человеческую кожу. Впрочем, этот факт никак не помог девушке понять, что ей теперь с этим делать.

Если она поняла последнюю инструкцию правильно, чтобы освободить пленницу, нужно открыть книгу и всадить в её середину нож. Звучит просто. Но что произойдёт на самом деле? Убьёт ли её это действие, или вернёт истинный облик? Да и кто эта незнакомка? Почему её возлюбленный так разозлился? Может быть, она заслужила такое наказание, но, может, превращение полностью несправедливо?

Всего этого Теза не знала, а книга ответов не предоставляла. Довериться инстинктам и разрушить заклятье или отнести украденное Рафбиту и покупателю? Да и, раз уж на то пошло, думала Теза, снова закипая, что это вообще за человек и что он хочет делать с книгой?

Девушку охватило ощущение, что её не испытывают, а используют, и это её бесило. Задание было слишком простым даже для неё, но рисковала здесь только она, а Рафбит скорее всего решил, что его подруга слишком безграмотна, чтобы заинтересоваться добычей. Может, он и сам не знал, что в ней.

Теза утвердилась во мнении, что нужно показать книгу Рафбиту.

- Но лучше бы этому крикливому полукровке дать мне парочку ответов, - пробормотала недовольная женщина, погасив светильник.

Теза осторожно закрыла книгу, оставив замок расплетённым, взгромодилась на агишки и помчалась на встречу со своим другом, к заранее оговорённому закутку около доков. Водяной конь, которому не терпелось тронуться с места, стремглав понёсся по туманным улицам, и его зелёные глаза засветились в темноте, точно фонари.

Приблизившись к портовым постройкам – лабиринту хранилищ, таверн, торговых представительств и верфей – наездница сбавила ход. Они медленно продвигались по пустынным дорогам к последнему причалу бухты. Воздух висел плотной завесой и наполнился ароматами влажного дерева, гниющего мусора и свежести Эшенских вод.

Книга была надёжно упрятана под рукой девушки и закрыта плащом. В ней не ощущалось ни искры магии, ни тени присутствия человеческой сущности под обложкой из кожи и волос, однако Теза неведомым образом знала, что заточённая там леди ещё жива и может проявить себя через красивые иллюстрации. Быть может, узница даже знала, что сейчас происходит. Теза всегда трепетно относилась к свободе – особенно своей собственной – и столь плачевное положение заставляло её сердце сжиматься.

- Ещё несколько минут, красавец, - прошептала девушка, погладив своего скакуна по шелковистой гриве.

- Теза! – донеслось из темноты.

Юная воровка поморщилась от громкого голоса Рафбита.

- Я здесь, - осторожно отозвалась она.

Стройный силуэт полуэльфа и ещё одна высокая фигура выступили из черноты улицы.

- Товар у тебя? – спросил Рафбит звенящим от напряжения голосом.

Теза медлила с ответом до тех пор, пока до парочки не осталось около пяти шагов. Агишки остановился. Плотная тьма окутывала залив и пирс, и девушка с трудом различила лицо Рафбита. Но его попутчик оставался неузнанным.

- Кто твой спутник? – спросила она, выгадывая немного времени.

- Покупатель, - отрезал полукровка. – Где книга?

Женщина уставилась на своего друга. Его белая кожа светилась в темноте, такая же бледная, как луна, а рука, державшая маленький фонарь, заметно тряслась. Его взор блуждал где угодно, но не смел останавливаться на Тезе. Она заподозрила неладное.

- У меня, - настороженно ответила воровка. – А покупатель может описать её, чтобы мы все убедились, что это та самая книга?

- Она большая, увесистая, с каймой из рыжих волос и с печатью мага Ашрота, - заговорил незнакомец. Его тон был холоднее льда и таил угрозу. – Спустишь и отдашь её.

Словно против собственной воли, Теза прыгнула с агишки, подчиняясь властному голосу.

- А зачем тебе этот фолиант? – прошипела она

Лампа Рафбита ослепительно сверкнула, накинув на троицу покрывало яркого света. Внезапная вспышка дала возможность рассмотреть одежды незнакомца – кроваво-красного цвета.

Ужаснувшись, Теза отскочила под защиту коня. Красный волшебник Тэя, злейший враг Рашемена – вот кто сейчас нагло и безмятежно стоял на досках причала в родном городе Аронга.

- Книга принадлежит мне! – яростно зарычал маг. – Украдена около тридцати лет назад. Я смог отследить её до библиотеки лорда Дуронна. Если она у тебя, лучше тебе отдать её прежде, чем я освежую тебя заживо!

Глаза воровки сузились. Теперь она могла рассмотреть черты его лица – серого, жестокого и по-волчьи вытянутого, но носящего печать мрачной решимости, совсем как у юноши со страниц. Она сразу узнала человека, что в ярости ударил свою возлюбленную и заточил в форме книги.

Кровь юной воровки вскипела – и не только из-за опасности, которую представлял красный волшебник, и излучаемого им ожесточённого желания обладать всем и вся. Рафбит также был виновен. Её друг предал оказался предателем и, судя по бегающим глазёнкам, пошёл на это намеренно.

Теза больше не колебалась. С быстротой, характерной для опытного карманника, она вытащила узкий стилет из ботинка, выудила книгу из складок одежды и всадила клинок глубоко меж распахнутых страниц.

Маг зарычал, точно разъярённый зверь.

Вокруг раны уже собралась кровь. Почти тут же из книги взметнулся яркий луч серебристого света, затем ещё и ещё, пока том не начал напоминать сияющую звезду. Слеплённая, Теза уронила свою ношу на пол и отступила.

- Нет! - вскричал волшебник.

Он воздел руки в попытке применить контрзаклинание, но опоздал. Обложка начала раздуваться; пульсируя серебром, она вытягивалась всё выше и выше, пока не стала размером со взрослую женщину. Рыжие локоны рассыпались по плечам, и тонкие черты проступили на привлекательном и юном лице женщины, чей портрет хранила книга.

С озера пришёл холодный порыв ветра и облетел доки, закручивая туман причудливыми узлами. Серебряное сияние рассеялось. Перед тремя присутствующими теперь гордо стояла полная негодования леди из книги. Едва заметная струйка крови змеилась по её плечу. Бывшая пленница бросила кинжал к ногам мага.

- Как смел, - голосом, полным презрения, произнесла она, - как ты посмел думать о том, чтобы владеть мной!

Теза молча и изумлённо переводила взгляд с неё на колдуна и обратно. Они испепеляли друг друга взглядами, настолько поглощённые противостоянием, что позабыли об остальных участниках.

- Канлара! - скорее простонал, нежели позвал волшебник. – Ты – моя. Я любил тебя!

- Любил! - горько усмехнулась та. - Нет, неправда. Ты хотел, что я принадлежала тебе - очередной экспонат в коллекции.

Она шагнула назад. Её светлая мантия тускло поблескивала в свете лампы.

- Один раз ты застал меня врасплох, но больше такого никогда не повторится. У меня было тридцать лет, чтобы всё обдумать, но теперь я свободна и отомщу по полной. У меня не хватит сил, чтобы победить и убить тебя, но я могу просто уйти - радостно и безвозвратно. А ты будешь думать обо мне частенько, Ашрот - как я люблю других мужчин, посвящая себя им, а не тебе. Жалкий глупец, ты думал, что

сможешь удержать такую женщину, как я? - бросив последнее обвинение, она проворно сплела заклятье и исчезла.

- НЕТ! - взвизгнул тэец. - Канлара, не покидай меня теперь, когда ты нашлась!

Лишь эхо да холодная пустота были ответом на его отчаянную мольбу.

Прежде, чем Теза смогла пошевелиться, колдун повернулся к ней.

- Ах ты мелкая отвратительная тварь! - с этими словами он протянул руку в её сторону.

Девушка увидела горящий магический шар, летящий - нет, не к ней, но к её прекрасному агишки. Она прыгнула, принимая удар на себя. Магический снаряд врезался в живот, словно ядро, опрокинув её наземь. Его колдовская мощь просочилась через кожу, впитываясь в мускулы и высасывая силы своей жертвы и её способность двигаться. Оглушённая, она корчилась в ледяной грязи.

Теза успела заметить, что колдун снова поднял руку, но был перехвачен Рафбитом. Какую-то долю мгновения она надеялась, что её друг пришёл на помощь. А потом он выдал:

- Не здесь. Стража уже в пути.

Красный Волшебник прислушался. Он тоже услышал сигналы горна, доносившиеся со стороны ближайшего поста.

- Закинь её в лодку, избавлюсь позже.

Полуэльф не шелохнулся.

- Как насчёт оплаты? - поинтересовался он нервно.

- Оплаты? Оплаты?? - взвился Ашрот, кипя злобой и презрением. - Ты подвёл меня! Скажи спасибо, что не получишь того же, что твоя девка.

Синие глаза Рафбита потемнели от гнева, но он был слишком напуган, чтобы спорить.

- Тогда я заберу её лошадь, в качестве компенсации.

Лицо мага на секунду озарила знающая усмешка и тут же пропала.

- Забирай и вали. Это всё, что ты заслужил.

Полуэльф отрывисто кивнул. Поколебавшись, он потянулся к уздечке, и в этот раз конь не пошевелился, а пламя не зажглось в его изумрудных глазах. Рафбит довольно оскалился. Он склонился над поверженной подругой и уставился в её полное боли лицо.

- Прости, подруга. Ты бы пригодилась гильдии, - промямлил он. - К сожалению, деньги мне нужны больше.

Он плавно взобрался в седло и тронулся прочь. Теза смотрела им вслед глазами, полными слёз. Она почувствовала, как её схватили за одежду и оторвали от земли. Магический заряд парализовал всё тело, и она не могла ничего поделать, пока враг тащил её к лодке, а затем бесцеремонно швырнул внутрь. Судёнышко было небольшим, но длинным и узким, с парусами, вёслами и ещё одним носом вместо кормы - для увеличения манёвренности.

Со своего места Теза слышала команду, отданную колдуном. Безмолвные гребцы подчинились, направив судно от причала вглубь озера Эшен.

Девушка лежала недвижно, её мутило. Желудок крутило не только из-за хода лодки, но и от необъяснимого ужаса, превосходившего страх перед красным волшебником. Жалкие доски отделяли её от воды, от чёрных глубин беспощадного

водоёма. Во рту пересохло, неконтролируемая дрожь охватила всё тело. Она могла пошевелить пальцами - возможный признак ослабившейся хватки проклятья. Но оно рассеивалось не так быстро, как ей хотелось.

Маг с искажённым от ярости лицом навис над обездвиженной жертвой:

- Я бы отвёз тебя в Тэй и заставил умереть сотней смертей за то, что ты натворила, но увы, я должен сперва найти и вернуть мою Канлару.

- Почему? - смогла выдавить Теза. - Она тебя не любит. Дай ей уйти.

Чтобы говорить, ей пришлось прикладывать невероятные усилия, но всё же это было лучше, чем лежать и думать о воде.

Волшебник притянул её к себе, железной хваткой вцепившись в плечи.

- Уж ты-то точно могла бы понять - хозяйка агишки, существа, неспособного любить. Но что же ты сама испытываешь к нему? Почему встала на пути заклинания, чтобы уберечь его?

- Плохое решение, - признала юная воровка.

- Ненамного хуже освобождения моей суженой.

Он рывком поставил Тезу на ноги, и она осталась стоять так, с закрытыми глазами, ослабленная и больная.

- Господин, - донёсся встревоженный голос с носа судна.

Маг не обратил на возглас внимания, продолжая напряжённо вглядываться в лицо своей пленницы.

- Господин! Смотрите! - повторился зов. - Нас преследует ведьмин корабль!

В глазах девушки промелькнула надежда. Ведьмины корабли, без экипажа бороздившие водные просторы Озера Слёз, были сотворены могущественным советом ведьм для защиты Рашемана от угрозы Тэя. Они могли наслать полчища монстров, напустить ядовитого тумана или поднять множество защитных заклинаний. Оторваться от такого преследователя было крайне непростой задачей. Красный Волшебник заметно побледнел, услышав предупреждение.

На какой-то миг Тезе показалось, что он забыл про свою добычу, и теперь она сможет уползти подальше от его глаз, пока он разбирается с угрозой. Затем надежда сменилась паникой: лицо волшебника превратилось в злобную маску, когда он схватил воровку и вышвырнул за борт.

Девушка успела издать лишь один яростный вскрик, прежде чем окунулась в тёмные воды озера. Ледяная тьма сомкнулась вокруг неё. Она отчаянно забарахталась, пытаясь высунуть голову над водой, но тело всё ещё было частично парализовано. Тяжёлые пропитавшиеся водой одежды тянули всё глубже, и она могла лишь вяло трепыхаться.

Тонущая воровка раскрыла глаза. Наверху она едва могла различить светлую поверхность - воздух и жизнь лежали в нескольких хороших гребках от неё. Внизу ждали смерть и вечная тьма бездонных глубин. Теза вновь попыталась всплыть, но лишь почувствовала как погружается в терпеливо ждущую бездну.

Лёгкие уже жгло - воздух почти весь вышел. Вода давила на неё, как будто выискивая способ пробраться в нос, рот, а затем и в лёгкие, надеясь утащить её вниз побыстрее. В голове шумела кровь. Несчастная жертва слабела.

- Нет! - сопротивляясь из последних сил, безмолвно закричала она. - Помогите!

И вдруг что-то бросилось к ней из беспросветных пучин. Она ощутила, как большой силуэт проплыл рядом. Не успев даже понять, что это, девушка почувствовала, как правое плечо мощно и цепко схватили.

Теза была слишком сильно измотана, чтобы оказать сопротивление новому ужасу. Если какой-то обитатель Эшена решил сожрать её, пусть он это сделает быстро, прекратив её страдания и страхи. Но это нечто не стало её есть. Оно потянуло безвольное тело наверх, и, прежде чем Теза потеряла сознание, её голова очутилась на поверхности. Задыхаясь, она судорожно глотала воздух, барахтаясь и дёргаясь, пытаясь освободиться от болезненных тисков.

Создание отпустило – и воровка вновь начала тонуть. В панике она схватилась за большое тёмное существо позади неё. Пальцы нащупали мокрую шерсть – длинные пряди лошадиной гривы – и вцепились изо всех сил.

Голова существа повернулась к ней. Зелёный огонь блеснул в глубине уставившегося на неё глаза.

- О, моё благородное создание! – всхлипывала девушка, уткнувшись в шею.

Агишки терпеливо дожидался, пока хозяйка взберётся на спину. Затем он медленно поплыл к далёкому берегу, повернув уши и слушая рыдания.

Наконец, он выбрался на травяной клочок посреди каменистой отмели. Теза выпустила гриву и свалилась на благословенную сушу. Какое-то время она просто лежала на спине и смотрела на водяного коня. Он тоже следил в ответ, но враждебности больше не было. "Возможно", – задумалась девушка, – "существо, не умеющее любить, научилось хотя бы не ненавидеть."

В конце концов она села, а затем медленно поднялась на ноги, держась за ногу скакуна. Хотя ударившее её заклинание уже развеялось, такой смертельно уставшей и замёрзшей она никогда раньше себя не чувствовала.

- Вот ты где! – внезапно раздался женский голос.

Теза оглянулась. К её удивлению, ночь уже уступала место блёклому рассвету, и из светлеющей мглы возникла высокая красивая рыжеволосая женщина.

- Зная Ашрота, я предположила, что он вытолкнет тебя, когда обнаружит ведьмин корабль.

- Ты знала про него? – девушка изумлённо уставилась на прибывшую.

- Разумеется, – улыбнулась Канлара, довольная, словно кошка. – Я, конечно, недостаточно сильна, чтобы справиться с красным волшебником, но ведьмам Рашемена это под силу. Одну из них, мою давнюю знакомую, я предупредила.

Она поднесла сухую накидку, сорвала с плеч Тезы промокший плащ и укутала её в плотную тёплую ткань.

- Прости меня, – произнесла женщина наконец. – У меня не было возможности поблагодарить тебя за моё спасение. Ты поступила очень храбро.

Юная воровка прислонилась к своему коню, слишком обессиленная, чтобы отвечать. Волшебница скрестила руки и задумчиво окинула ту взглядом.

- Я надеялась добраться до тебя раньше, чем Ашрот сделает что-то непоправимое, но, хвала богам, агишки оказался быстрее.

Теза заботливо погладила изящную шею животного.

- Он спас мне жизнь, – прошептала она. – Но мог этого не делать. С моей смертью связывавший нас заговор распался бы.

Она внезапно улыбнулась и обратилась к лошади:

- Интересно, а где Рафбит? Небось запасливо упрятан под какой-нибудь подводный камень? Ты примчался на помощь так быстро, вряд ли у тебя нашлось время перекусить, правда?

Зверь тряхнул гривой и заржал в ответ.

Решившись, Теза потянулась к шее коня и расстегнула защёлку уздечки. Агишки застыл, вперив свой дикий взгляд во владелицу. Она осторожно ослабила ремни и сняла упряжь через голову, вытащив удила из его рта.

- Я отпускаю тебя, - провозгласила похитительница лошадей, - заклятие снято.

Водяной конь устоял на ней. Затем он взвился на дыбы, размахивая копытами прямо над головой девушки. Быстро, как угорь, он развернулся и погрузился в воды озера Эшен. Издав прощальное ржание – прежде чем волны сомкнулись над гривой – благородный скакун скрылся из виду.

Теза проводила его взглядом. Со вздохом опустившись на траву, она плотнее закуталась в плащ. Её трясло.

- Что же дальше? - пробормотала она.

Канлара улыбнулась и присела рядом:

- Ну, мне нужно где-то остановиться.

Теза посмотрела на колдунью. Даже после тридцати лет, проведённых в качестве книги, она выглядела как девушка примерно её возраста. Всё же, бывшая узница была обучена магическому искусству и, судя по её речи и облику, происходила из благородной семьи.

- Я краду лошадей, - ответила Теза.

- Знаю, - легкомысленно отмахнулась Канлара, - а ещё ты спасла мне жизнь. Подруга бы мне сейчас не помешала.

Взгляд воровки скользил над серой гладью, отливавшей жемчугом в лучах восходящего солнца. Она вспоминала предательство Рафбита и последнее выражение преданности от агишки. Уголки её губ поднялись в улыбке.

- Мне тоже, - она неуверенно встала. – Я так понимаю, вряд ли ты заинтересуешься предложением помочь мне основать воровскую гильдию?

Её товарка тоже поднялась, тряхнув рыжими волосами, почти такими же длинными и густыми, как чёрная грива юной воровки. Они стояли и смотрели друг другу в глаза так долго, что Теза перестала сомневаться в грядущем отказе.

А потом волшебница нарушила молчание:

- Я столь долгое время провела в затхлой старой библиотеке, что, по-моему, весь мой мозг пропитался пылью. Я хочу развлекаться, путешествовать, вновь почувствовать себя живой! Полагаю, Иммильмар не самое худшее место, чтобы начать. А потом, кто знает, может ты отправишься в даджемму со мной?

Теза восторженно уставилась на подругу. Даджеммой называли путешествие молодых рашеми, после которого они считались взрослыми. Девушки обычно в этом не участвовали – во всяком случае не те из них, кому было за двадцать. Но почему бы и нет? Даджемма, путешествие, приключение. Как ни назови, подумала Теза, мне это подойдёт. Воровка ухмыльнулась.

- Что ж, я знаю, где раздобыть отличных лошадей!

ШЕСТЁРКА МЕЧЕЙ

Уилльям Коннорс

I

Лунный свет на серебряном лезвии был последним, что увидел Джейбел.

Пятнадцать лет назад, когда он и его ближайшие друзья путешествовали по Западному Сердцеземью, он мог предположить подобную кончину. В те дни он был экспертом по взлому замков, обезвреживанию ловушек и незаметному устранению врагов – профессии, славной краткостью жизни. Действительно, не раз только таинственная исцеляющая сила послушницы Гвинн вырывала его из темной бездны смерти.

Однако после нескольких лет Джейбел оставил воровскую жизнь. Следом за произошедшей в их последнем походе трагедией, когда им пришлось бросить дварфа Шандта на так называемую милость племени хобгоблинов, из такой жизни ушла и привлекательность. Это испытание и в самом деле оказалось настолько тяжелым, что все члены Шестёрки Мечей пересмотрели свое мнение об их профессии.

– Я сколотил состояние, – сказал Джейбел товарищам. – Теперь я собираюсь расслабиться и наслаждаться жизнью. – Вздохнув, он попросил Гвинн выйти за него замуж, и она не промедлила с согласием. Компания разделилась, а Джейбел и Гвинн поселились в большом городе Глубоководье.

Благодаря сокровищам, собранным в бесчисленных заброшенных шахтах и героических походах, Джейбел и Гвинн выстроили себе скромный, но изящный дом. В здании была часовня, где она могла учить своей вере, и слесарная лавка, где он мог поддерживать ловкость рук и остроту зрения.

Почти полтора десятка лет он и Гвинн были счастливы. Они оставили трагедию позади и вместе начали новую жизнь. Когда Джейбел оглядывался на эти бурные дни, он всегда говорил:

– Я только чудом уцелел.

Теперь чудеса кончились.

II

Звон стали о сталь раздавался уже так долго, что упорно игнорировавшие его уши вполне могли перестать работать. С каждым ударом ночной воздух наполнялся искрами. Они прочерчивали вертикальные полосы как испуганные светляки, на

короткое время становились красными звездами и затем заканчивали свою бысролетную жизнь метеоритным дождем, пролившимся на каменный пол. Это происходило на закате, и город Воронов Утес покрывала ночь. Снова и снова Орlando повторял ритуал своего ремесла. Молот падал, искры летели, и клин плуга постепенно принимал нужную форму. Когда орудие фермера было полностью готово, шум прекратился, и тлеющим углям кузнечного горна позволили остывать, темнокожий и мускулистый Орlando занялся возвращением инструментов на места, не заметив, как в дверях его мастерской появилась эбеновая фигура.

За долю секунды дверной проем заполнила тень, загородив висевшие за ним полумесяц и звезды. С изяществом охотящейся кошки она скользнула через проем в жар и духоту кузницы. Молот больше не звенел, и тень двигалась в сверхъестественной тишине.

Без всяких предисловий из тьмы раздался загробный голос. Хотя слова были произнесены шепотом, интонация и чистота голоса делали их такими же слышными, как речи глашатая.

Джейбел и Гвинн мертвы.

Орlando застыл; огромный молот в его руке прекратил стучать по наполовину готовому железному серпу. От этого голоса по его спине пробежал холодок, так же, как когда он слышал его в последний раз, несколько лет назад. Орlando медленно повернулся, не выпуская молот и пытаясь определить источник голоса. Как и всегда, когда она хотела этого, Леланда была едина с тьмой.

Расслабься, Орlando, – сказала ночь. Это сделала не я.

– Тогда покажись, – ответил кузнец, зная, что она этого не сделает.

Прошли годы с тех пор, как Орlando отложил меч ради пивной кружки. Но годы не помешали ему сохранить отточенные рефлексy, позволившие уцелеть в полной приключений прошлой жизни. Если ведьма что-нибудь предпримет, его смерть обойдется ей дорого. Тем не менее, он понимал, кто выйдет из битвы победителем. Он-то подозревал, что Леланда оставила магию... но сейчас она, вероятно, еще более могущественна. Так что рефлексy Орlando лишь ненадолго развлекут ее.

К удивлению Орlando, тьма перед ним рассеялась. Лицо Леланды, увенчанное волосами цвета тлеющих углей и украшенное изумрудными глазами, сильно напоминающими ему кошачьи, проявилось в ярде от его собственного. Как всегда, он был поражен ошеломляющим контрастом ее внешней красоты и злобной души.

Если он ударит сейчас, ведьма не сможет спастись. Мышцы на его руке напряглись, но он не смог заставить себя нанести первый удар. Он должен был выслушать ее.

– Доволен? – спросила она. Ее голос, больше не искажаемый магическим покровом теней, казался приятным и соблазнительным. Орlando знал, что ее голос, как и ее красота, был смертельно опасной иллюзией. Черные вдовы также прекрасны. Хотя, он знал правду, его пульс участился.

Бывший воин отбросил посторонние мысли и задал единственный волновавший его вопрос:

– Что с ними случилось?

– Это не был несчастный случай, – ответила она. Её глаза опустились на молот, который Орландо все еще сжимал в руке. Он нерешительно ухмыльнулся и отбросил его под ближайшую скамью. Она улыбнулась в ответ и продолжила: – Кто-то убил их.

– Уверена, что это была не ты? – спросил он.

– Вполне, – ответила она. – Я собираюсь в Глубоководье, чтобы найти того, кто сделал это. В былые дни мы нажили много врагов.

– Мы завели и немало друзей, – сказал кузнец.

– Но и потеряли немало, – произнесла ведьма.

В памяти Орландо всплыла картина: разъяренный Шандт своим зачарованным боевым топором пытается расчистить дорогу через напирющие ряды хобгоблинов... Он не хотел помнить улыбчивого дварфа таким.

– Если мы отправимся утром, то можем быть на месте через несколько дней, – сказала Леланда. – Я знаю, как... сократить путь.

– Если мы отправимся сейчас, будем раньше, – ответил Орландо. – Дай мне час на сборы.

III

Орландо шел по своему темному дому. Его путь не освещала даже трепещущая свеча. Снаружи Леланда сидела на вороной лошади, темней, чем ночное небо. Орландо знал, что ей не терпится отправиться в путь, поэтому шел так быстро, как только мог. Стены его дома украшали мечи, щиты и другие напоминаниями о жизни искателя приключений. Сейчас, как вор в собственном доме, он взял три фамильные ценности.

Первой был Коготь – кривой меч, найденный им в темном лабиринте под песками, которые люди называют Битва Костей. Этот загадочный клинок был почти абсолютным оружием против живых мертвецов. Снятый со своего обычного места над камином, зачарованный клинок лег в ножны, висящие на черном кожаном поясе Орландо.

Вторым предметом, изъятым из коллекции, стал бронзовый нагрудник. Бесчисленные враги, пытавшиеся пробить его, знали, что броня имеет сверхъестественную способность отклонять даже самые смертоносные снаряды. Стрелы и даже пули оказывались бессильными перед чарами этого бронзового доспеха. Орландо снял его с деревянного манекена, охранявшего пустой коридор на первом этаже. Когда желто-оранжевая броня снова закрыла мускулистую грудь Орландо, он отметил, что сейчас она стала удобнее, чем в его прошедшей юности.

Благополучно забрав меч и броню, Орландо направился к последнему предмету, который он собирался взять: счастливому талисману. Остановившись рядом с часовней, примыкающей к его спальне, Орландо снял с крюка маленький серебряный амулет и надел его на шею. Его пальцы самопроизвольно пробежали по поверхности, отслеживая контуры скрещенных боевых топоров – символа дварфского бога Кланггедина Сребробородого. В этом простом кулоне не было магии, но это был подарок Шандта. С тех пор как Орландо получил эту вещь, меньше

чем за пять часов до того, как благородный дварф встретил свою судьбу где-то в Подземье, он не мог смотреть на него, не вспоминая широкую кривую улыбку и сверкающие глаза, делавшие лицо его лучшего друга таким незабываемым... Воспоминания заставили Орландо улыбнуться и прослезиться.

Закрыв за собой дверь, Орландо покинул дом и отправился в конюшню, к Леланде. Ведьма уже оседлала Зефира – его серого пятнистого коня.

Воин молча вставил ногу в стремя, запрыгнул на лошадь и двинулся рысью. Бывалые путешественники проскакали много миль, прежде чем было произнесено хоть одно слово.

IV

Орландо натянул поводья Зефира. Хорошо выученное и полное желания угодить хозяину животное немедленно остановилось. Загадочный черный скакун, на котором ехала Леланда, сделал то же самое, хотя Орландо не заметил никаких признаков команды от наездницы. Казалось, лошадь всегда знала, чего хотела от нее волшебница.

– Мы собираемся свернуть с пути?

– Только слегка, – ответила ведьма. – Думаю, нам стоит завернуть в замок Джолинд и рассказать ей о случившемся. Разумеется, вряд ли она присоединится к нам, но она была одной из Шести. Она имеет право знать.

Орландо удивился, услышав такое от Леланды. Во время их путешествий она мало интересовалась другими членами Шестёрки Мечей. Для нее они были телохранителями, разведчиками и лекарями, позволявшими ей постигать тайны магии, находить редкие компоненты заклинаний и попутно тренироваться в своем загадочном искусстве. Возможно, время смягчило ее сердце, или она что-то недоговаривала об этом походе.

Благодаря магии Леланды дорога казалась мимолетной тенью, пролетающей мимо глаз. Но даже на такой скорости прошло несколько часов, прежде чем перед ними показались огни замка Джолинд. Достигнув окраины поляны, на которой он был построен, оба всадника остановили коней.

– Она хорошо поработала, – сказал Орландо; он вертел головой из стороны в сторону, осматривая раскинувшийся вокруг них густой лес. – Я помню, какой мы впервые нашли эту поляну. Почва была настолько отравлена, что здесь могли расти только сорняки.

– Я пойду первой, – сказала Леланда, проигнорировав попытку возразить. – Джолинд всегда ценила свое уединение, а мне не хочется сердить друида в сердце ее собственного леса.

Она накинула капюшон плаща, скрыв свои волосы цвета заката в плотной тьме. Взглянув на нее, Орландо понял, что больше не может сфокусировать на ней взгляд. Он мог только краем глаза увидеть ее мимолетный образ, хотя точно знал, где она стояла.

Я вернусь быстро, как только смогу, заверила тьма.

Прежде чем Орlando успел ответить, он осознал, что остался на обочине один, не считая лошадей. Он хотел усмехнуться, но холодок, пробежавший по спине из-за мрачного голоса, не позволил ему сделать этого.

В ожидании возвращения своей спутницы Орlando открыл седельный вьюк, одетый на Зефира, вынул яблоко, порылся там еще пяток секунд и достал ножик. Ловким движением он разрезал фрукт на две равные половины. Вытерев лезвие и положив его обратно в кожаную сумку, он предложил одну из половин своей лошади и мгновение раздумывал, что сделать со второй. Бессознательным движением он протянул руку к лошади Леланды. Эбеновое животное взглянуло на предложенную вкуснятину, фыркнуло и отвернулось. Так же, автоматически Орlando съел вторую половину сам. На горизонте сверкнули первые лучи рассвета, и у него появилось невеселое ощущение того, что снобизм животного был направлен на поддержание тонуса на грядущий день. Он был прав.

Джолинд мертва, – донесся хорошо знакомый голос тьмы. Тело еще не остыло. Убийца должен быть где-то поблизости.

V

Интерьер замка пробудил в памяти Орlando воспоминания о времени, когда Шесть Мечей впервые обнаружили его.

В те дни это место было осквернено черным драконом, устроившим здесь свое логово. Вся окрестность была отравлена этим существом – лужами кислоты, роями жалящих насекомых и сплетенными сорняками, господствовавшими над измученными остатками леса. С того момента, как они вступили на эту гибнущую землю, друид Джолинд стала мрачной и угрюмой. Она поклялась, что такое разрушение не останется безнаказанным.

Когда они достигли замка – разрушенного здания, построенного неведомой рукой за столетия до появления на свет кого-либо из Шестёрки – Джолинд повела их в атаку на дракона. Обернув каждый элемент природы против существа, она стала орудием его уничтожения.

Восемнадцать месяцев спустя, когда компания разошлась, она объявила о своем желании вернуться сюда и вернуть лесу его былую красоту. Она проделала прекрасную работу.

Однако Джолинд не восстановила замок. Вернее, она сделала это не так, как сделал бы Орlando. Внутренние полы и стены остались голыми, над башней был воздвигнут огромный стеклянный купол, а в его центре на земле журчал фонтан. Сочетание пузыря застекленной крыши и танцующей воды фонтана делала климат внутри замка жарким и влажным.

При обычных обстоятельствах это сделало бы место невыносимым. Однако обустроившие его заботливые руки Джолинд создали здесь тропический рай. Огромные завитки лиан, усеянные сверкающими цветами, изящно взбирались вверх по стенам. Лучи утреннего света, преломленные гранями стеклянного купола, освещали дюжины деревьев и порхавших между ними ярких бабочек.

Ужасы прошлого были полностью изгнаны чуткими руками друида. К несчастью, их сменили ужасы настоящего – в сердце этого великолепия разлилась красная лужа, а в центре этого алого пятна лежало тело друида Джолинд. Ее голова была отсечена.

Орландо понадобилось собрать все свое мужество, чтобы осмелиться подойти к телу. Джолинд была большим, чем другом и компаньоном. Какое-то время воин и друид были любовниками, пытаясь скрыться от реальности в объятьях друг друга. Их связь продлилась меньше года, но за это время каждый из них узнал многое о философии и профессии другого. Для Орландо это означало тонкое понимание природы, связей в окружающем мире и осознание своего места в нем. Джолинд не боялась смерти. По ее мнению, смерть была всего лишь концом жизни. Для Орландо смерть была врагом, держащим его в страхе. Он знал, что в конце концов смерть восторжествует, но хотел, чтобы этот последний враг держался подальше.

– Ужасная смерть, – тихо произнес он.

Джейбел и Гвинн убиты так же, отозвался голос из ниоткуда. Хотя этот звук все еще раздражал его, Орландо уже привык к мрачным обертонам, раздававшимся из пустого воздуха. Он был поражен тем, как быстро к нему вернулся былой образ мышления – как только эта мысль пронеслась в его мозгу, он обнаружил, что инстинктивно вынул Коготь из ножен. Без малейших раздумий он приготовился защищаться от напавшего на Джолинд.

– Здесь была ожесточенная схватка, – сказал Орландо, изучив землю вокруг лужи крови и под обезглавленным телом. – Но здесь что-то не так – все эти следы оставлены сандалиями Джолинд. Тот, с кем она сражалась, не оставляет при движении даже малейших следов.

Возможно, мы имеем дело с допдельгангером или другим существом, способным изменять свою форму. Если убийца принял обличие Джолинд, ты не сможешь различить их следы.

– Я не уверен в этом, – ответил воин. Он наклонил голову в одну сторону, затем в другую: – Нет, их расположение вполне четкое. Их оставило одно существо. А как насчет нежити? Помнишь вампира, которого мы поймали у Драконьего Копья? Он не отбрасывал тени, не оставлял следов и не производил звуков при движении.

Упомянув об этом путешествии, он пожалел, что сделал это. В древнем склепе, где был спрятан гроб вампира, Леланда нашла таинственный плащ теней.

Может быть, ответила загадочная тень из сада. Но непохоже. Это место хорошо защищено от вторжения нежити и других неестественных существ. Если убийца – один из них, он должен быть чрезвычайно могущественным, чтобы войти в башню. Для нас лучше, чтобы это был не он.

Орландо несколько минут помолчал. Не позволив темным мыслям захватить сознание, он вернул себе контроль над вниманием. Размеренным шагом он назад и вперед бродил по окрестностям, используя свой боевой опыт, чтобы собрать воедино осколки, разбросанные тьмой предыдущей ночи.

Вскоре что-то заметив, он сунул руку в кустарник – красивый, но колючий – и, с руганью продравшись через ветви, выдернул из шипастых зарослей тонкий деревянный стержень длиной около трех футов. Покрытый светящимся белым

лаком, он был неприятно холодным на ощупь. Однако воин знал по опыту, что эта вещь теплее, чем кажется.

Что ты нашел? спросила неподвижная часть сада.

На каком-то уровне Орландо понял, что больше всего его раздражало не то, что он не мог видеть Леланду, а призрачная природа ее голоса, становившаяся таковой, когда она надевала плащ. В этом месте и так уже было слишком много смерти и тьмы.

Орландо больше не мог терпеть эту одностороннюю беседу.

– Сними этот проклятый плащ и я покажу тебе, – прошипел он.

Почти сразу же тень грушевого дерева посветлела, и за спиной человека появилась изящная волшебница. Она немедленно выполнила его требование, сделав ненужной враждебность его голоса.

– Прости, – тихо сказал Орландо. – но ты не знаешь, как быстро это надоедает.

Он ожидал, что ведьма заспорит с ним, как сделала бы это в прошлом. К его удивлению, последовал достаточно вежливый ответ.

– Нет, – ответила она. – Наверное, не знаю. Уже очень долгое время я путешествую одна. Думаю, что я уже привыкла носить его постоянно. Я постараюсь больше не использовать его без необходимости.

Возникла пауза – момент, полностью противоположный развернувшейся вокруг них жестокости. Орландо пытался подобрать нужные слова, но не смог.

Леланде, казалось, было ненамного легче найти потерянную нить разговора.

– Я спрашивала, что ты нашел, – напомнила она ему.

– На вид это часть посоха, который всегда носила Джолинд, и на ощупь: почти такое же холодное, как снежные бури, которые он может вызывать.

Леланда наклонила голову и посмотрела на сломанный посох. Она скривила губы, рассматривая сломанный конец и несколько мест, в которых что-то глубоко врезалось в него.

– В эту вещь вложена могущественная магия. Ее нелегко сломать. Оружие, сделавшее эти зарубки и сломавшее ее, должно быть столь же мощным. Это не сулит нам счастливого будущего.

В саду снова воцарилась тишина. Орландо вернулся к поискам в кустах и в конце концов нашел еще одну часть посоха Джолинд.

Леланда изучала голову, смотря в глаза так, как будто могла прочесть предсмертные мысли женщины. Затем она направилась к Орландо и позвала его. Он встретил колдунью между кустарниками и телом.

– Из изучения окрестности и тела мы узнали немного, но Джолинд может рассказать нам больше.

– Некромантия? – спросил Орландо; это слово прозвучало так же горько, как было у него во рту. Она кивнула. Он проворчал:

– Думаю, у нас нет выбора. Как-нибудь справлюсь.

– Я должна...

– Я знаю, – ответил он.

Два шага привели ведьму к краю кровавой лужи, третий – к месту, где лежала отрубленная голова Джолинд. Она оглянулась на Орландо, неловко улыбнулась ему и надела капюшон плаща. Воину тут же стало трудно фокусировать на ней свой

взгляд. Даже зная, где она стояла всего несколько секунд назад, он мог разглядеть только смутные очертания закутанной в плащ фигуры.

Магическая энергия смерти и тьмы ответила на зов Леланды. Она произносила слова силы, звуки которых для нетренированных ушей Орландо были лишены смысла. Он ощущал странный рывок смерти к его душе и знал, что нечто стояло рядом, жаждая отведать его душу, сдерживаемое только силой воли Леланды. Если она потеряет контроль, последствия будут ужасными. Затем, с криком агонии невидимой волшебницы, заклинание было сотворено.

Нервы Орландо напряглись, когда отрубленная голова Джолинд открыла глаза. Открылся и ее тонкогубый рот, и свистящий, глухой вопль наполнил сад. Орландо, не в силах выдержать это зрелище, отвернулся. Он почувствовал тошноту, но вспомнив, что смертельно опасный враг может скрываться поблизости, удержал контроль над своим измученным телом.

Джолинд, сказал призрачный некромант. Ты слышишь меня?

– Дааа, – отозвался пустой, безжизненный голос. – Кто ты? Твой голос знаком..., но далек.

Джолинд, это Леланда. Я здесь вместе с Орландо. Мы пришли помочь тебе.

Лишенная тела голова издала мрачный дребезжащий смех.

– Ты немного опоздала с этим, старый друг.

Нервы Орландо напряглись, но не подвели его.

Я знаю. Мы сожалеем. Но мы хотим найти того, кто сделал это. Джейбел и Гвинн тоже убиты им. Ты можешь помочь нам? Ты знаешь, кто убил тебя?

– Да, я знаю, кто убил меня, – прошептала Джолинд.

Тогда скажи мне, Джолинд. Поспеши: заклинание быстро слабеет, поторопила Леланда.

Орландо не мог решить, что было ужаснее: живой, но невидимый дух волшебницы или мертвая, но телесная голова друида.

– Кесмарекс, – прошипела голова; ее глаза медленно закрылись, челюсть отвисла. Заклинание иссякло, и душа друида упокоилась вместе с душами предков.

Орландо надеялся, что здесь она обретет мир. В душе он сказал последнее “прощай” женщине, так много значившей для него давным-давно. Уйти от нее казалось преступлением. Он хотел бы узнать, какие тайны умерли с ней. Одинокая слеза скатилась по его бронзовой щеке.

– Кесмарекс, – произнесла ведьма, снимая капюшон плаща со своих волос и появляясь позади павшего друида. – Кто это?

– Это – не кто, – ответил Орландо. – Это – что. Так дварфы-кузнецы называли выкованный ими боевой топор Шандта. Оно означает что-то вроде «Месть Короля», но точно сказать это на нашем языке сложно.

– Но Шандт мертв, – сказала ведьма; и ее голос погрузился в надвигающуюся тишину.

– Я знаю, – выдохнул Орландо. – Он не мог выжить. – После секундного раздумья он продолжил: – Расскажи мне больше об охране этого места. Насколько ты уверена в том, что сюда не может пробраться нежить?..

Через час или около того Орландо так и не сделал выводов из предостережения Джолинд.

– Если это был Шандт, он вернется за нами, – сказал Орландо. – Он не тот, кто бросит работу недоделанной.

Прежде чем ответить, Леланда развела в сердце башни Джолинд костер.

В последние несколько часов ее красота потускнела и стерлась. Орландо изучал ее лицо, все еще утонченное и приятное, с простыми чертами, маскировавшими скрытое за ними коварное чудовище. Но через ее внешность все же проглядывало что-то человеческое.

– Как ты стала искателем приключений?

-- Я точно не знаю, – ответила ведьма. – Наверное, это просто случилось. Я училась в Глубоководье – обычное дело для ребенка богатого торговца, но оно не смогло удержать мое внимание. Один из учеников сказал, что обучается магии у старой женщины с окраины города. Однажды я проследила за ним и узнала, где живет его учительница. Когда он ушел, я вошла к ней и попросила обучить меня магии. Она внимательно посмотрела на меня и отказала.

Я была в ярости. Думаю, в те времена я была больше, чем немного избалована. Когда я попыталась купить ее науку, она не взяла мои деньги. До этого я не встречала никого, похожего на нее – того, кого нельзя купить за золото. Я надоедала ей несколько недель, прежде чем она все-таки согласилась. Мне кажется, она хотела испытать мое упорство.

Примерно через год, придя на урок, я нашла ее мертвой. Она была убита бандой воров – на самом деле наемников, служащих темному жрецу. Я поклялась отомстить за ее смерть. Это заняло у меня еще один год. После этого я уже привыкла к жизни в пути, и возвращение в Глубоководье казалось мне не слишком приятным. Я больше никогда не возвращалась в школу или повидать свою семью. Думаю, они решили, что я погибла во время попытки отомстить за свою наставницу. Почему-то это меня не волновало.

Порыв ветра, пронесшийся через башню, закрутил танцующее пламя костра и поднял в воздух облако горячей золы. Леланда пристально вглядывалась в него, как будто в полете был какой-то скрытый смысл.

– А как насчет тебя? – спросила она.

– Ты когда-нибудь была фермером? – ответил он вопросом на вопрос.

– Нет.

– Что ж, если бы была, ты бы отлично поняла.

Леланда рассмеялась; такого чистого и приятного звука Орландо никогда не ожидал услышать от нее. Там, в саду, где они когда-то убили черного дракона и недавно похоронили старого друга, он увидел ее новую сторону, о существовании которой никогда не догадывался. Его рука сама собой вытянулась и взяла ее ладонь. Ее смех угас, а зеленые глаза встретились с его взглядом.

– Орландо, – сказала она, и волна шока пронеслась по ее телу. Все ее мышцы на секунду напряглись, а глаза почти вылезли из орбит. Спазм прошел так же внезапно, как и начался. Ее тело обмякло и упало вперед; из ее спины торчало лезвие огромного топора Кесмарекса.

Воин рефлексивно отскочил назад и вырвал из ножен зачарованный меч Коготь, выставив его между собой и хозяином древнего топора.

– Шандт, – воскликнул он. – это ты?

Ответа не последовало, и через секунду Орландо понял, что и не будет. Быстрым и резким движением Кесмарекс взмыл в воздух. С лезвия стекала кровь Леланды, но никакая живая рука не держала топориче.

Наконец Орландо понял. Он всегда знал, что оружие Шандта было зачаровано, но никогда не осознавал всей полноты его мощи. Сейчас, годы спустя после смерти своего владельца, оружие выследило людей, которых винило в этом.

Описав в воздухе огромную дугу, Кесмарекс устремился к воину. Орландо отступал, не зная, как атаковать оружие без владельца. Он наносил слабые удары Когтем, но обнаружил, что топор был так же быстр, каким он был в руках Шандта.

– Ты не понимаешь, – прокричал Орландо. – У нас не было выбора!

Топор рубанул по его ногам, вынудив воина отскочить назад. Когда его ноги коснулись земли, он почувствовал, как мягкая земля подалась и припустилась – он угодил прямо на могилу Джолинд. Не в силах удержать равновесие, Орландо упал и сильно ударился спиной. Лезвие топора рассекло воздух в нескольких дюймах над его носом. Если бы он стоял, оружие наверняка перерубило бы ему ноги ниже колен.

– Шандт выигрывал для нас время, – закричал он. Топор, не обращая внимания, поднялся вверх, как будто его держал погибший владелец. На секунду он завис там, затем, как оружие палача, Кесмарекс ринулся вниз. Орландо попытался откатиться, но зачарованный топор почувствовал его намерение и повернулся, чтобы последовать за ним. С металлическим лязгом он столкнулся с бронзовым нагрудником воина, проломив янтарный металл и вонзившись в мягкую плоть под ним.

Боль обожгла тело Орландо, в его глазах закружились красные облака. Коготь выпал из его обессиленной руки, бесшумно приземлившись на недавно выкопанную могилу Джолинд. Мстящее оружие отступило для последнего удара, а руки Орландо сжимали жгучую рану. Его пальцы ощупывали искромсанный металл, развороченную плоть и теплую струящуюся кровь.

И что-то еще. Что-то гладкое, теплое и ободряющее: амулет Клангеддина Серебробородого. Пальцы соприкоснулись с медальоном и сорвали его с шеи. Серебряная цепь, на которой он висел, напряглась и треснула. Когда великое оружие начало опускаться, Орландо высоко поднял священный символ.

– Шандт был моим другом, – выкрикнул он. – Я умер бы, чтобы спасти его.

Лунный свет, просеявшийся через безоблачное небо, пронзил стеклянный купол и пролился в сад. Он упал на лежащее тело Леланды, свежую могилу друида и серебряный топор, пытавшийся отомстить за смерть своего владельца. В лучах лунного света ярко вспыхнули две точки: одна – на краю лезвия, другая – на амулете.

VI

Орландо отошел от стены. Он вернул Коготь на место, покрутил головой, оценивая правильность подвеса, потом вытянул руку и поднял рукоять на сотую часть дюйма.

– Не беспокойся, – сказала Леланда с кушетки, на которой лежала. – Ты установил его правильно.

Орландо кивнул головой и повернулся к столу, стоявшему позади него. Его правая рука осторожно потянулась к великому боевому топору Кесмарексу, но что-то остановило пальцы рядом с топорищем. Другая рука скользнула к шее и прикоснулась к серебряному кулону, висевшему на недавно починенной цепи.

Его мысли медленно вернулись к бою в саду Джолинд. Он вспомнил огромное лезвие, падавшее ему на голову, глухой звук своего голоса, заполнивший безмолвный сад, и вспышку света, произошедшую при появлении священного амулета. Боевой топор как-то узнал талисман и вспомнил, что серебряный символ принадлежал воину, в чьих руках когда-то был и он сам. Поняв, что обладатель этого особого медальона со скрещенными боевыми топорами должен быть другом его владельца, он упал и замер. Миссия Кесмарекса была завершена...

Прикосновение нежной руки к плечу вернуло его к реальности. Он обернулся и обнаружил изумрудные глаза Леланды в нескольких дюймах от своих. В золотом кольце на ее пальце отражалось его сильно искаженное лицо.

– Тебе не следует вставать, – сказал он, мягко подталкивая ее к кушетке.

– Я поправлюсь, – произнесла она. – Рана почти зажила. Вешай топор и иди в постель.

Орландо кивнул, поднял магическое оружие, повернулся и поместил его на почетное место над камином. Рядом с ним он повесил амулет, спасший его жизнь.

– Покойся с миром, старый друг, – сказала красноволосая ведьма.

Орландо промолчал, но в глубине души он знал, что желание Леланды исполнилось.

ДИКАЯ МАГИЯ

Том Дюпри

Мантия в руках юного ученика притягательно переливалась в пламени свечи. Предмет одежды был скроен из ярко-синей материи, блестящей, шелковистой и богатой - юноша никогда ранее не видел подобного. На ощупь она была прохладной и мягкой, но говорила о большой утонченности и силе.

Одеяние было невероятно красивым, но главная его прелесть заключалась не в цвете или структуре ткани. Ученик не мог оторвать глаз от символов, нанесённых на одежду - не понятно только, вышитых или нарисованных. Знаки и символы красовались повсюду - сотни, тысячи! Изысканная вязь покрывала каждый свободный кусочек одежды: каллиграфические письма, руны, рисунки, буквы, геометрические фигуры и прочие формы, назначение которых было далеко за пределами понимания молодого человека.

Он был зачарован.

Подняв мантию поближе, юноша всмотрелся получше.

- Положи на место, мальчик. И сам присаживайся, - раздавшийся прямо над ухом – почти внутри головы – голос наполнен спокойствием и силой. Парень чуть не вздрогнул от неожиданности. «Да как он это делает? Как он может так бесшумно двигаться?» Юноша повернулся к своему мудрому наставнику – человеку, чьи тайные знания привлекли его сюда. С неохотой, удивившей даже его самого, он протянул мантию старшему магу и сел.

- Самую важную вещь, которую я собираюсь тебе преподать, ты узнаешь здесь и сейчас, в первый же день. Она очень простая: тебе предстоит многому научиться. Непосвящённому может показаться, что для освоения магических искусств не требуется никаких усилий; немножко помахать, чуть-чуть полопотать и ПЫЩ! – получишь всё, что душе угодно. Но на самом деле каждое заклинание, каждое зрелищное волшебство требует томительных часов, проведённых в изучении и концентрации. Нет такой волшебной палочки, такого лёгкого пути, что миг сделает тебя магом. Искусство требует жертв, мой мальчик. Если ты не готов к ним, то уходи прямо сейчас. Звание мага должно внушать трепет, а не вызывать насмешки.

Сделав паузу, учитель продолжил:

- Эта мантия весьма примечательна, не так ли? Давно её не надевали; в последний раз это было, когда в нашу деревню прибыл другой юный искатель тайных знаний. Одним дождливым вечером он появился в дверях таверны «Эль и Крепыш», весь насквозь промокший. Подойдя к барной стойке, он оповестил присутствующих – я, дескать, маг, странствующий в поисках славы и богатства...

Новые маги были редким зрелищем в Чамедаре, и потому прибывший не остался незамеченным, даже укрывшись в заурядной таверне. Это был довольно рослый человек, казавшийся из-за этого худым; он держался очень прямо – чересчур прямо для этого места и окружения. Его одежда была более чем скромной, и уж точно очень мокрой. В руках молодой мужчина держал только маленький свёрток да дорожный посох, на который он опирался. Неизвестно, что насчёт славы, но вот богатство ему точно требовалось отчаянно.

- Ого, будь благословенна Мистра! – рявкнул невысокий смуглый карманник, нацепив широкую улыбку, в которой не хватало зубов; он сидел за столиком вместе с ещё двумя не обременёнными совестью личностями. – Маг! Уж не посланы ли вы в ответ на наши молитвы? Присоединяйтесь к нам, промочите горло.

Странник неторопливо приблизился.

- Садитесь, садитесь, - настаивал вор, угодливо указывая на пустой стул рядом. – Я Тука Фардин, большой поклонник уважаемого братства волшебников. Имею высшую честь обращаться к господину...?

- Вечноязыкому, друг Фардин. Виглаф Вечноязыкий, - последнее он произнёс так, будто представлял саму Мистру.

- Хммм... - вмешался один из компаньонов Туки – мускулистая, загорелая красotka, чьи белокурые волосы водопадом спускались с плеч, прикрывая ожерелье

из звериных клыков и ниспадая до рукояти усыпанного зарубками палаша. – Вечноязыкий... Припоминаю семейство из Калимпорта с такой же фамилией. Но те были пекари.

- Саша! – одёрнул Тука.

Виглаф уселся и встретил взгляд доблестной воительницы:

- Быть может, я первый из семьи, кто оторвал руки от теста, - произнёс он. – Но прошлому лучше оставаться в прошлом – моё осталось в той духовке. Меня утомили все эти книги заклинаний, наставники и обучение. Не хочу испортить зрение. Такими темпами, я буду уже старый и седой, но так и не достигну пика своих возможностей. Должен быть другой способ. Быстрый. Меня тянет использовать магию по-настоящему, меня тянет жить! Меня тянет изучать новое...

- Меня тянет блевать, - прервала Саша. – Вечноязыкие заслуживают свою фамилию. Это что у тебя на пальцах – мука?

Виглаф вздёрнул руки, чтобы проверить. Тука зыркнул на свою спутницу, и сказал:

- Господин Вечноязыкий, сама судьба свела нас сегодня вместе. Вы хотите взойти к вершине могущества, как... ммм... пышное дрожжевое тесто; мы добиваемся своего другими способами. Мы – скромные торговцы, деловые люди. Купи-продай, так сказать. Работаем вместе, чтобы подарить лучшую жизнь своим родным, оставленным позади.

Его неопрятный спутник, сидевший слева, смачно рыгнул.

- Наше сообщество приветствует представителей любых профессий, включая магов. Честно говоря, мы потеряли нашего коллегу – очень смышлёного волшебника. Глупейший несчастный случай. Сегодня ночью мы собирались оплакать нашу потерю.

Рыгнувший оборванец снял головной убор и склонил голову. Облако нечёсанных волос полностью соответствовало его внешнему виду.

- Несчастный случай?

- Он встал стеной между нами и ужасным монстром, которого я лучше не буду описывать. Самоотверженно бросился навстречу опасности! Смело выступил вперёд, прямо перед нами.

- Или это мы отштупили нажад? – прошепелявил третий, получив от Саши испепеляющий взгляд.

- Бог ты мой, ну я даже не знаю, смогу я ли вам помочь в такой ситуации. Понимаете ли, я только начал этим заниматься.

Тука ткнул локтем своего приятеля:

- Что я говорил, Фензиг? Ха! Мой господин, как только вы появились в дверях, я сразу сказал - вот человек, который не откажется от таких друзей, как мы! Человек, который хочет быть кем-то, добраться до своего места в жизни, но не может долго ждать свой экипаж, а?

- Верно! - просветлел Виглаф; хоть кто-то его понимал.

- Что ж, удача улыбнулась вам сегодня! Один наш друг и помощник - очень опытный колдун. Сейчас он ненадолго уехал - какое-то учебное поручение - но оставил кучу отменных вещичек. Я уверен, что он позволит вам позаимствовать парочку.

- Ну, я даже не знаю...

- Как волшебник волшебнику! Он всегда рад помочь начинающим свой профессиональный путь, даже просить не надо. Пойдём, отведу к нему. Ночью.

- Нууу...

- Ооо, большой злой маг! - поддразнила красотка. - И что же нас останавливает? Неужели с утра ещё нужно успеть напечь булочек?

- Ничего не останавливает. Совсем ничего. Выдвигаемся.

В эту ночь луна светила очень ярко. Четверо новоявленных товарищей прибыли к скромному жилищу - единственному зданию на опушке, окружённой тёмным лесом. Тука громко забарабанил дверным молотком, но не получил никакого ответа.

- Как это на него похоже! Даже ключа не оставил. Он такой занятой, всё, о чём думает - его заклинания. Фензиг, почему бы тебе не подсобить?

Обрыган приблизился, наклонился к замку, мастерски что-то покрутил - и пружина щёлкнула.

- Видишь? Всё в порядке, - Тука вытянул руку в приглашающем жесте: - Ты первый, господин Вечнаязыкий, на случай если там какие-нибудь магические лову... штуковины, о которых нам нужно знать.

Виглаф громко сглотнул и вошёл в проём. Какое-то время он двигался в темноте, но затем различил приглушённое тёплое сияние где-то впереди. Стук сердца эхом отдавался в ушах; молодой маг осторожно следовал по коридору, идя на свет - как ему показалось, несколько долгих минут. Наконец свечение усилилось, и он вошёл в просторную свободную комнату. И остановился, поражённый видом.

Стены зажглись тёплым, тёмно-оранжевым, приглашающим светом, залившим помещение. Совершенно невероятно - оно оказалось гораздо больше, чем можно было предположить. Потолок огромной студии возносился минимум на девять метров вверх - в несколько раз выше самого дома. Юноша обернулся и обомлел - распахнутая дверь была всего в нескольких шагах позади; в неё уже заглядывал Тука. Резко развернувшись вновь, он тряхнул головой, прогоняя смущение. Не имело значения, что там позади. Впереди ждало безграничное богатство.

Ведь комната была забита магией.

Челюсть Виглафа отвисала всё ниже, пока он медленно крутился на месте, оглядывая владения мага. Его доставили в нужное место. Взгляд просто не мог оторваться от бесподобных магических артефактов. Вот на исполинских металлических подставках висят ряды посохов и оружия - и некоторые предметы слабо мерцают. А здесь, на великолепной каминной доске из тёмного дерева, стоят дюжины фиалов; их содержимое - умопомрачительное разнообразие зелий и ядов - переливается и курится. Выше - опоясывающие комнату полки, забитые магическими книгами всех форм и размеров. Любопытнее всего то, что здесь имелаась самая полная коллекция разных материалов, которую юноша когда-либо видел - своеобразная барахолка, в которой как будто не было порядка, а обыденное соседствовало с захватывающим. Аккуратные пучки волос лежали рядом с коробочкой, набитой драгоценными камнями; куски угля - неподалёку от резных восковых статуэток; чаши ярко раскрашенного песка - вперемешку с сосудами, наполненными пеплом.

Также стену украшала необычная картина. Пока Виглаф остолбенело смотрел на изображённую лесную просеку, времена года одно за другим сменяли друг друга на полотне. Он подобрал ручное зеркальце и был поражён, увидев морщинистое лицо - постаревшее, но тем не менее его собственное. По всей длине ручки бурлил и кружился радужный туман, пока юноша крутил предмет в руках. Везде, куда он ни поворачивался, его ожидало всё больше и больше чудес. Здесь оказались собраны труды чьей-то жизни – и необъятные возможности Виглафа для начала обучения по ускоренной программе. Осознание этого факта захлестнуло его с головой. Как же всё-таки щедро магическое сообщество: так любезно со стороны старого мага протянуть настолько сильную руку помощи молодому ученику.

А потом он увидел её. На одной из вешалок висела самая чудесная мантия из всех существующих. Виглаф махнул остальным, приглашая внутрь, но без особого энтузиазма - взгляд по-прежнему был прикован к одеянию. Не было сомнений, что, как и все остальные вещи, эта принадлежала самому хозяину. Мантия взывала к Виглафу, и он не удержался и снял её. Ткань струилась между пальцами, словно мелкий песок – безмерно приятное ощущение. Она была удивительно мягкой и лёгкой, несмотря на то, что была гораздо большего размера, чем подошёл бы молодому колдуну. Он поднёс её к лицу, разглядывая нанесённые знаки и символы. Тут были и совсем простые письмена, похожие на детские каракули, и намного более сложные фигуры, которые на каком-нибудь экзотическом языке, возможно, что-то и значили. Одну из них он даже узнал: семь звёзд в контуре полумесяца, обнимающего облачко тумана. Эта эмблема была знакома даже новичку - символ самой Мистры. Воистину мощная магия!

Виглаф заметил зеркало в полный рост, и своё отражение с добычей в руках. Больше противиться он не мог - они так подходили друг другу! Он сглотнул и завернулся в одеяние.

Сразу же он почувствовал покалывание - нельзя сказать, что неприятное, но определённо необычное. Мантия, казавшаяся ранее слишком длинной для юноши, сейчас как будто утягивалась вокруг него, повторяя контуры тела. Он бросил взгляд в зеркало, и его догадки подтвердились - одежда словно ожила и обволокла его, устраиваясь поудобнее, точно уснувшая на коленях кошка. Пока он наблюдал, подол медленно оторвался от земли. Двигались даже символы - переползая с места на место и испуская тепло, проникающее сквозь кожу Виглафа, согревая и успокаивая его. Это было бесподобно. Все чувства обострились: глаза стали зорче, а слух острее. И только сейчас он уловил, как Тука и Саша обсуждают собрание ценностей.

- Восхитительно, - отметил Тука. - Это ж каким эгоистом надо быть, чтобы оставить все эти замечательные приспособления только себе?

- Ты ведь не предлагаешь их забрать? - уточнил молодой маг.

- Украсть? У друга? Обижаешь. Но почему бы тебе самому не позаимствовать парочку - исключительно для приобретения практического опыта. Вернёшь обратно, когда закончишь – может быть, добавив что-нибудь сверх того.

- Думаешь, он не будет возражать?

- Мой друг, разве я не сказал, что он – учитель? Цель всей его жизни – обучать юные дарования наподобие тебя. Он будет только счастлив; а доставить ему такую

радость – это самое меньшее, что ты можешь сделать, чтобы отплатить ему за великодушие.

- В твоих словах как будто есть смысл...

- А то, - вставила Саша.

- Ладно, бери, что тебе нужно, и убираемся отсюда, - оповестил главарь шайки.

Виглаф на минуту задумался. Несколько книг, кое-какие компоненты – что плохого может случиться? Все равно их, похоже, никто не использует. Самые необычные экспонаты он трогать не будет. Юноша сгрёб все выбранные предметы, затолкав в свою котомку, и отправился во тьму улицы. Мантия сидела на нём как влитая, поэтому он даже не осознавал, что она всё ещё надета.

Едва все участники покинули жилище волшебника, раздавшийся низкий рык заставил волосы на затылке Виглафа приподняться.

- Чт.. Что это? – пискнул он.

- Дикая собака, - отозвалась Саша. – Ночью они повсюду. Тварюга узнает вкус стали, если попробует подобраться поближе.

- Если, конечно, сперва нас не распробует, - пробормотал Тука.

Вой перемежался пронзительным хриплым лаем, и внезапно одинокая рулада превратилась в многоголосый шум. Две, три, целая стая диких гончих возникла на опушке и окружила авантюристов, скаля зубы и брызжа слюной в предвкушении обеда. Здоровых, злобных зверей было больше десятка, и хотя Саша и остальные уже взяли оружие на изготовку, силы были неравны. Самая большая тварь, лидер своры, не спеша подбиралась к Виглафу, рыча всё громче и не сводя с него голодных глаз, пока, наконец, не оказалась на расстоянии вытянутой руки.

В такую переделку юноша ещё ни разу не попадал. Он застыл на месте. Рано или поздно их сметут – всего лишь вопрос времени. И тогда несчастный маг станет первой жертвой.

- Эй, Господин Магия, – крикнула воительница, - это твой шанс! Сделай что-нибудь!

Остальные мрачно рассмеялись и приготовились к мясорубке.

Остолбеневший от ужаса Виглаф всё же заставил себя двигаться. Он потянулся к своему потёртому дорожному мешку и нащупал зачитанную до дыр тетрадь заклинаний. Конечно, ничего особо ценного внутри записано не было, поскольку обучение всегда давалось ему с трудом. В основном, страницы были усыпаны бессмысленными рисунками и узорами. Юноша «изучал» магию изменений – всегда казавшейся ему самой впечатляющей областью – и даже имел под рукой все необходимые компоненты... вот только единственным заклятьем, которое он удосужился выучить и хоть как-то использовать, было «огненные руки». Да и то не получалось, как следует – результатом самой успешной попытки были всего лишь опалённые пальцы. Но времени на раздумья не оставалось, это действительно был его шанс. Единственный. Если не выйдет, он станет не главным магом, а главным блюдом.

Виглаф закатал рукава и вытянул руки вперёд, ладонями вниз. Соединив большие пальцы и растопырив остальные, он пробормотал магическую формулу – а заодно и быструю молитву, на всякий случай – как раз когда истекающее слюной животное напряглось и присело, изготавившись к прыжку.

ФШУХ! Струя раскалённого пламени выстрелила из рук и с рёвом помчалась к собаке. Опешившее животное отпрыгнуло прочь от магического огня, скуля и твякая; в некоторых местах его шерсть дымилась. Остальные, сбитые с толку и обезумевшие от ужаса, вторили вожаку. Маг повернулся на вопли, всё ещё держа руки перед собой; пламя, образовав дугу, выгнулось по направлению к другим псам. На прогалине стало так светло, что казалось, будто наступил полдень. Лидер стаи бросился прочь, поджав хвост, а оставшиеся последовали за ним без колебаний. Пару мгновений спустя свора скрылась из виду.

Виглаф сжал кулаки, и в ту же секунду поток огня иссяк. Царила мертвенная тишина, если не принимать во внимание быстро удаляющийся скулёж. Он тупо уставился на руки – жар от них доходил до щёк.

Поражённая воительница уронила меч и выдавила:

- Тысяча гоблинов! Вы это видели? Он-таки смог!

- Господин! Я понятия не имел... - повернулся к парню Тука.

Но Виглаф уже не слышал. Маг плюхнулся на землю, словно пустой мешок.

Хоть руки его ещё пылали, сознание, увы, погасло.

Некоторое время спустя, большая часть посетителей «Эля и Крепыша» сидела, выпучив глаза и внимая рассказу Виглафа – с каждой кружкой, подносимой восхищёнными слушателями, становившемуся всё красочнее.

- У парнишки талант, - хвастался Тука.

- Псины! Рычащие... РрррГАВ ГАВ ГАВ! – лаял юноша, а затем делал очередной глоток.

Сейчас юный маг был звездой, но находились и недоверчивые личности.

- Не знаю, как насчёт магии, - гремел один из посетителей, - но в чём я точно уверен, так это в том, что ни один молодой щенок не может явиться из ниоткуда и начать абра-кадабрить как заправский колдун. Не бывает такого!

Некоторые из ободрённых высказыванием слушателей выразили своё одобрение, застучав кружками по столешнице.

- Это от природы, - отмахнулся Тука. – Врождённая способность.

- Так пусть покажет.

- Сейчас всё будет, - вмешался Виглаф. – Посторонись.

Он попытался подняться, но не смог и тяжело хлопнулся на стул.

- Господин сейчас не совсем в форме и не может колдовать, милостивые граждане, - объяснил Тука. – Ему только что пришлось пройти изнурительное испытание, причём обычный человек такого не выдержал бы; он заслужил отдых. Однако выслушайте – доказательства будут. Завтра вам представится возможность самим судить об удивительных способностях парня. Могучий Виглаф снизойдёт до нас и продемонстрирует свою силу, прямо перед вашими глазами – на восходе солнца. Верно, Виглаф?

- Кнешна! – хихикнул центр всеобщего внимания.

- И ещё кое-что, - продолжил хитрец. – Хотите представления – тащите сбережения!

- Но ведь магия – это серьёзно! Волшебники – не скоморохи! – донеслось со стороны какого-то посетителя.

- Этот особенный, - отрезал Тука. – Плата – один золотой с человека. Билеты поступят в продажу, когда мы их подготовим.

Рассвет принёс туман и серость, но предприимчивому вору удалось привлечь на поляну рядом с городом больше ста поселенцев. Саша же добросовестно собирала дань с каждого приходившего – ей даже ни разу не пришлось применять оружие. Дело шло отлично в основном потому, что, даже несмотря на наличие скептиков, никому не хотелось быть «тем, кто пропустил такое зрелище» и узнавать потом подробности от третьих лиц. Это было самое невероятное событие, когда-либо происходившее в деревеньке.

- Дамы и господа! – возвестил Тука, хлопками призывая народ к тишине. – Вы уже слышали о его деяниях, а теперь готовьтесь лицезреть собственной персоной! Поприветствуйте! Мастер магических махинаций... повелитель превращений... всесильный волшебник... Виглаф... ВЕЧНОЯЗЫКИЙ!

Аплодисменты слегка задержались до момента появления свежее испечённого артиста, всё ещё носившего позаимствованную мантию. На этот раз его не шатало, но двигался он, тщательно выверяя каждый шаг. Толпа окружила его.

Виглаф всё ещё не был до конца уверен в том, что же случилось прошлой ночью. Одно он знал наверняка – мантия помогла ему. Он чувствовал связь с того самого мгновения, когда впервые надел магическую накидку. Непостижимым образом, она пробудила его внутренние способности, тысячекратно усилив при этом. Молодой маг никогда прежде не слышал о столь впечатляющем эффекте от «огненных рук»... а ведь было много и других заклинаний! Даже его память улучшилась, как показало сегодняшнее утро – когда он мельком заглянул в личный архив заклятий старого колдуна. Что важнее – Виглаф впервые за время своей магической деятельности чувствовал уверенность. Наконец-то он что-то доказал. И это было просто. А теперь только дурак будет тратить время на бесконечные фокусы, когда можно толкнуть речь. И Виглаф как раз собирался поболтать.

- Спасибо, уважаемые слушатели. Я бы хотел начать представление, показав вам один из красивейших магических видов, - начал он. – Если вы посмотрите на небо...

Он выудил из кармана кусочек фосфора и совершил несколько пассивных пассов, что вызвать безобидные пляшущие огоньки.

Позднее, многие клялись, что видели, как всякие загогулины на одежде волшебника начали кружиться и смещаться. Они божились, что один особенно крупный символ, расположенный над сердцем Виглафа, запульсировал слабым красным светом. На самом деле почти все последовали предложению мага и взглянули вверх, готовые ахать и охать, и с нетерпением ожидали, когда же магия начнёт работать. То, что они увидели, многие годы потом служило искрой для горячих обсуждений за кружечкой эля.

Последовала серия глухих хлопков, похожих на далёкие звуки салюта. А потом в небо хлынула овощная река.

Головки лука, кукурузные початки, стебли сельдерея, сотни других овощей и кучи зелени – обычная капуста, кумкват, свекла, бамия, баклажаны, редис, цветная капуста, помидоры, артишоки, морковь, петрушка, шпинат, кудрявая капуста, горох, базилик, огурцы, репа, брюква, кабачки, капуста брокколи, перец, бобы, спаржа, зелёный лук, белый лук, красный лук, жёлтый лук! – всевозможные культуры

стремительно взмывали ввысь. Причём некоторые из них для этой местности были в диковинку. Полезные продукты сыпались как из рога изобилия, мощным потоком уносились подальше от земли и со звуком «КОПЧ!» скрывались из виду где-то намного выше уровня деревьев.

Недоумённый вскрик заставил зрителей оторваться от нелепого зрелища и посмотреть на Виглафа. Чародей был поражён не меньше них и всё ещё простирал длани в героической позе – впрочем, уже разрушив эффект своим озадаченным видом и отвисшей челюстью. Он зачарованно наблюдал за тем, как продовольствие исчезает в небесах.

- Быстрее, несите корзины... и лестницу, - издевательски закричал кто-то из толпы, и собрание взорвалось хохотом. Юноша смущённо уронил руки, и поток припасов иссяк так же быстро, как и появился. На его лбу заблестел пот.

- Это была небольшая шутка для затравки! – громко возвестил Тука. Несколько человек вяло похлопали. Затем конференсье театрально прошептал: – Продолжай!

- Ммм... А, да, да... - пробормотал сбитый с толку волшебник. – Кхм, так вот. Магия – это не просто ослепительной красоты фейерверки, - на этих словах раздался сдавленный смех, перешедший во всхрип, а затем и вовсе в сухой кашель. – Она жизненно необходима в опасных ситуациях. Знающий своё дело маг вполне способен подпрыгнуть выше сильнеешего бойца.

От этого намёка Саша побледнела.

- Отступите немного и я докажу.

Мысленно Виглаф уже читал заклинание, которое позволило бы ему скакнуть аж на девять метров. А затем он перышком опустил бы вниз, заставляя всех недоброжелателей замолкнуть. Юноша согнул колени и приготовился к прыжку.

- Смотрите внимательно. Раз... два... три! – проямлил он, сразу же прыгнув.

Полутораметровая яма разверзлась у него под ногами.

На секунду он повис в воздухе – и, взвизгнув, исчез в провале.

Зрители наблюдали, как на краю дыры показались руки, а затем и сам «фокусник» выкарабкался из ловушки.

- Попробуем ещё кое-что, - прохрипел он.

Люди хлопали друг друга по спинам, складываясь пополам от смеха; другие же потеряли интерес и начали мешать выступлению.

Виглаф попытался вызвать магический светоч – и обнаружил себя, неспособного ни видеть, ни слышать, в центре конуса тьмы. Он попробовал наколдовать безобидные разноцветные вспышки – и поднял одну из зрительниц в воздух; от падения несчастную женщину уберёг лишь муж, схвативший парящую жену за ноги, как утопающий хватается за соломинку. Попытка в десять раз увеличить жёлудь также провалилась; хотя позже днём владелец одной из окрестных ферм с удивлением обнаружил, что одна из лучших несучек высиживает полуметровое яйцо. Начав стирать письма с какого-то свитка, он случайно вставил себе между подошвой и ногой горящие спички; магическое усиление пламени факела вылилось в телепортацию коровы на дерево.

С каждой крупной неудачей и хохот, и ропот среди присутствующих становились всё громче. Но только когда он попытался силой воли заштопать прореху на брюках одного из добровольцев, а вместо этого у тридцати человек

слетели штаны – только тогда Представление Потрясающего Виглафа было окончательно сорвано.

Юноша был раздавлен. Настолько жалким он ещё никогда не представал. А ведь прошлой ночью он был самой важной персоной в городке.

Но сегодня люди лишь тыкали пальцем и смеялись – или ругались, в зависимости от степени их участия в последнем, сокрушающем акте. Он чувствовал себя никем. Вид его компаньонов, возвращающих деньги, сам по себе был невесёлым, но хуже всего то, что многие в этой длинной очереди пожимали им руки и благодарили за прекрасное проведённое время. Виглаф стал деревенским посмешищем; сидя в одиночестве в «Эле и Крепыше», он долго размышлял на эту тему – ведь времени теперь было в избытке.

Да, возможно, мантия и помогла направить его силу в нужное русло. Но что с того? Что хорошего могло случиться, если в первую очередь ему не хватало знаний о том, как вообще владеть магией. Надо было оставаться в Калимпорте пекарем; хотя нет, лучше бы в утробе матери, там уютно и безопасно.

- Угостишь девушку выпивкой, кудесник? – подошла Саша.

- Я же на мели, забыла? К тому же даже трактирщик не хочет быть замеченным в компании со мной.

- Тяжёлый денёк? А, ладно, я все равно не из тех дам, кто угощается спиртным за чужой счёт, – она мрачно улыбнулась и села. – Слушай, Виглаф, мне жаль, что я была с тобой сурова, я просто не верила, что ты настоящий маг.

- Так и есть. Всего лишь ученик, который даже не может толком учиться.

- Может, ты наконец начал своё обучение...

- Эта накидка. Она... изменила меня. Но это превращение оказалось иллюзией. Фальшивкой. Словно... я взял что-то, что мне не принадлежит – репутацию, которая на самом деле не моя; или умение, которое не оттачивал. Я величал себя волшебником и оскорблял тех, кто на самом деле ими являются.

Глаза юноши снова ожили, а голос окреп:

- Я знаю, что я прямо сейчас сделаю. Отнесу мантию обратно, даже если придётся сразиться с десятью собачьими стаями.

Воительница улыбнулась, обнажив ряд ровных зубов:

- Я рада услышать от тебя такое, Вигла...

- ВИГЛАФ!!

Издав пронзительный животный рёв, в помещение с улицы ворвался Тука. В комнате словно наступил жаркий летний день; сквозь открытую дверь виднелось небо, где утренняя хмарь уже приобрела ярко-жёлтый оттенок.

Небо... стоп, жёлтый?!

- Виглаф! Саша! Если оружие под рукой – хватайте и бегом сюда!

Они вывалились из таверны, и недоумение юноши рассеялось в тот же миг. За сегодняшний день, полный не самых приятных зрелищ, открывшееся перед ними было самым худшим. Здоровенный красный дракон как раз завершал воздушную атаку, продолжая исторгать оранжевое пламя из чудовищной пасти. Двадцать или тридцать жителей размахивали оружием, некоторые метали копья и выпускали стрелы; но лишь немногие умели сражаться, тем более с таким громадным монстром. Одно из зданий уже занялось. Волна подогретого воздуха, поднятая

пролетевшим драконом, едва не сбита Виглафа с ног. Зверь коротко выдохнул, заходя на очередной круг – и небольшое деревце вспыхнуло, как спичка. Тёмный силуэт на фоне серого неба описал широкую дугу и приготовился напасть вновь.

- Найдите укрытие! Прячьтесь! Спасайтесь! – верещал Тука.

Какая-то женщина подбежала к молодому магу и вцепилась в мантию, визжа от ужаса.

- Колдун! Сделай что-нибудь! Помоги нам! У меня дети! ЧТО-НИБУДЬ!

Может быть, она не присутствовала на представлении этим утром; может, она была настолько напугана, что готова была поверить во что угодно – в любом случае она цеплялась за то единственное, что, как считала, могло их спасти – магию Виглафа. Она и вправду думала, что он может помочь.

- Виглаф, бежим! – крикнула Саша, оттаскивая женщину. – Сейчас же!

Она тянула его за одежду. Дракон уже завершил маневр, вышел на линию огня и приближался.

- Нет! – юноша высвободился из её хватки. - Отойди, Саша. Я должен попытаться что-то сделать.

- Что? Это не собака, он убьёт тебя!

- Я должен!

- Ты идиот! – Саша уволокла не перестававшую вопить селянку прочь с площади, оставляя Виглафа наедине с монстром, который всё набирал скорость и снижался, подыскивая подходящий угол атаки.

Молодой волшебник мог рассчитывать только на одно заклинание – «огненные руки» - которое он уже использовал против шайки собак. Сила, с которой пламя выбивалось из ладоней той ночью, вполне могла потягаться с яростью драконьего огня. Подобное лечится подобным – быть может, крылатая ящерица поведёт себя, как и обычные животные, столкнувшись со стихией, и уберётся восвояси.

Он сделал глубокий вдох, принял стойку, и соединил большие пальцы, растопырив другие. Дракон заметил одинокую неподвижную фигуру и слегка изменил траекторию полёта. Теперь он нацелился прямо на Виглафа – и выдохнул.

Колени словно превратились в желе, а голос дрожал, пока юноша читал заклинание, не двигаясь и не отрывая взгляд от парящего животного. Он стоял на месте, дожидаясь приближения рычащего зверя. Маг смог вытолкнуть последние слова из горла – и издал вздох облегчения, почувствовав, что волшебная мощь наполнила кончики его пальцев. Дрожа от возбуждения, он стоял – стиснув зубы и грозно сверкая очами.

Виглаф навёл переполненные магией руки на дракона – и из них исторгся поток овощей.

Первые питательные заряды, ударившие по морде, действительно смогли вызвать кое-какой вред – настолько высока была скорость монстра. Они впечатывались в его чешуйчатую кожу, причиняя боль. Юноша подкорректировал прицел, ещё даже не осознав природу результата чар – и съедобные снаряды засыпали глаза и нос. Самую важную роль сыграло смущение. Дракон отплёвывался и моргал, снова и снова. Но овощи всё не кончались, замедляя ход до такой степени, что он практически завис на месте.

Виглаф, наконец, пришёл в себя настолько, чтобы оценить ситуацию, и осознал, что только это отчаянное колдовство сдерживает дикое животное.

И он не опускал рук.

Раз за разом отдельные элементы провизии обстреливали дракона, пока он наконец не помотал головой и вдохнул, намереваясь раз и навсегда избавиться от этой проблемы.

Виглаф знал, что не продержится долго – теперь, когда полностью овладел вниманием величественного создания. Да, для него всё было кончено. Но если он прервёт заклинание сейчас, то больше никто не будет стоять на пути дракона. Нет, он не побежит. По крайней мере, он даст жителям шанс укрыться, спастись; по крайней мере, отдаст жизнь гордо и ради благого дела. Гордый маг решительно выдохнул, закрыл глаза и стал ждать конца.

А потом услышал позади какое-то бормотание. Мгновение спустя, с рекой овоей слился поток пламени.

Теперь бедное животное было вынуждено иметь дело с мощной струёй огня, нацеленной ему в голову, не говоря уже о продолжающемся натиске витаминов, засыпающих его органы зрения и обоняния – только теперь горячих и хорошо прожаренных. Виглаф не мог не заметить божественный аромат, наполнивший округу. Для любого создания – неважно, насколько большого или маленького, кроткого или свирепого, осмотрительного или опрометчивого – наступает момент, когда запас ярости исчерпан, а болевой порог превышен. Дымящие и жалящие продукты – это было слишком для несчастного дракона, поэтому он, наконец, сдался и поспешно убрался с глаз.

Потрясённый Виглаф опустил руки и обернулся к неожиданному заступнику.

Перед ним стоял знакомый взломщик и любитель порыгать.

Фензиг. Фензиг владел магией.

Он сжал пальцы и пламя исчезло в тот же миг; затем распростёр вновь, подул, словно для того, чтобы охладить, и подмигнул. После того он с размаху соединил ладони. И ещё раз. И ещё.

Тука и Саша уже бежали к ним, повторяя его движения, и спустя некоторое время все зрители на площади громко хлопали.

- Вы! – Виглаф наконец оправился от шока. – Это ваша мантия! Вы позволили её забрать.

- Мы ожидали тебя, - ответил тот, кого остальные звали Фензигом, склоняясь к юноше. – С тех самых пор, как твой учитель сказал мне, что ты прервал обучение.

- М-мой учите...?

- Маги, знакомые друг с другом, весьма тесно сотрудничают, мальчик. Твой бывший наставник считал, что ты способен многого достичь, даже несмотря на лень. Может, однажды, ты сможешь и меня в этом убедить. Он решил, что тебе нужен более суровый учитель – но сначала мне предстояло как-то заинтересовать тебя. Думаю, получилось.

- Это было восхитительно, кудесник! – воскликнула Саша, добравшись до них.

- Так это всё было подстроено? Вы трое сговорились?

- Только дракона никто не предупреждал, - проворчал Тука. – Я думал, нам конец. Правда.

- Ты остановил его, Виглаф, - добавила Саша. – Твоя магия. Твоя отвага.

- Я бы не смог этого сделать без... - он взглянул в лицо, теперь казавшееся бесконечно мудрым; лицо человека, собирающего делиться с ним почти безграничными знаниями ближайшие несколько лет, - ...моего учителя?

- А мантию я заберу, - сообщил маг. – В обмен, я покажу тебе, как повернуть кое-какой трюк, когда захочешь. Ты сам его изобрёл. Назовём его... «призыв овощей».

Новая жизнь Виглафа началась, когда с его плеч соскользнула... вот это самая мантия.

- Эта самая? – переспросил молодой ученик. – Вы говорите, Виглаф сбросил именно это одеяние?

- Это мантия необузданного волшебства, - ответил старый маг. – Если бы ты узнал этот символ, то и сам легко догадался. Видишь? Это предупреждение. Любому, кто сможет прочесть, оно сообщает: «Дикая магия, бла-бла-бла». Плетение чар становится абсолютно непредсказуемым. Существует в единственном экземпляре. Она склонна помогать волшебнику, если он и в самом деле попал в беду, но в остальном всё зависит от щедрости Мистры, по крайней мере, так оно задумано. Понятия не имею, кто её изготовил, а сам я никогда не попытался бы повторить. Мантия абсолютно бесполезна, за одним исключением: напоминать молодёжи типа тебя, что не существует быстрого пути, замены выслушиванию стариков типа меня и перениманию знаний от них.

- Ужасная история, - выдал паренёк.

- Будь благодарен, что усвоил этот урок, просто послушав рассказ, а не так, как пришлось Виглафу. В любом случае, не забывай его. А теперь давай приступим к работе с компонентами. Простое заклятие изменения. Раздобудь немножко овощей и нарежь их, мальчик.

Юный ученик удивлённо посмотрел на наставника, а потом до него дошло:

- Для «призыва овощей»?

Лицо учителя всё ещё хранило суровое выражение, но в глазах зажглись искорки.

Ну конечно – как иначе старик мог знать, о чём тогда думал Виглаф?

- Позже, приятель, позже. Это для похлёбки. Вдобавок к тому, что Саша добыла на обед сегодня...

ВСЕХ ЖИВЕЙ ТОТ ЧЕРВЯЧОК

Дж. Роберт Кинг

Драгоценный камень размером с голову огра был таким же зелёным, как драконья желчь, и прозрачным, словно эвермитский эль. Хотя, в отличие от

большинства изумрудов – обычно огранённых вдоль линий разлома – этот был идеально круглым и гладким. В его глянцевой поверхности я увидел своё отражение – все девятнадцать десятков сантиметров роста сжались в девятнадцатисантиметрового карлика, а мой ястребиный нос увеличился до размеров моей крепкой груди. А ещё за спиной гнома я разглядел изогнутую фигурку вызвавшей меня изящно сложенной серьёзной госпожи, наблюдающей за тем, как я рассматриваю камень.

Теперь, когда Оливия Вердлар, владелица «Приземлившейся Крачки» и хозяйка этого бесподобного камня, получила меня в своё полное распоряжение, я надеялся вдобавок узнать, ради чего я с такой поспешностью добирался из Глубоководья – аж на спине пегаса.

- Впечатляюще, - промолвил я, и отстранился от громадной драгоценности.

Женщина скользнула в поле моего зрения. Она была не менее впечатляющей, это уж точно. Зелень её ярких и блестящих глаз не уступала самому изумруду, а тёмные волосы и стройная фигура послужили бы совершенной оправой такому камню. Она и сама осознавала чарующую силу своего взгляда, а потому даже не удосужилась ответить.

Бывало, я мог игнорировать красоток и пороскошнее, поэтому я ужалил:

- Говоришь, его добыли из живота великого зелёного...?

Слово «дракона» осталось невысказанным, но заканчивать вопрос и не требовалось. В конце концов, не зря это сокровище окрестили «Драконья Жемчужина».

Женщина кивнула. Это едва заметное движение послало волну дрожи к её бёдрам.

- Это один из сотни камней, полировавшихся в драконьем нутре. Похоже, Ксантритукус Жадный больше доверял желудку, нежели пещере, в вопросе хранения его богатств, - она обвела рукой свою тонкую талию, зная, что я посмотрю туда – что я и сделал. – Впрочем, благодаря этому его расточительная подруга, Тарита Зелёная, не смогла занять даже двух захудалых медяков.

- Один из сотни, - протянул я; настало время отыграть немного самоуважения. – В таком случае, стоимость камня уменьшится.

Мне показалось, или её высокие скулы слегка покраснели?

- Самый большой из сотни, - поправила она. – Остальные либо размером с кулак, либо похожи на гальку. Если геммологи не ошибаются, то он ещё и самый древний, пролежал в пузе около двух тысяч лет. С трудом представляю, какого он был размера, когда только был проглочен.

Я кивнул, задумавшись, и позволил её словам повиснуть в воздухе – так же, как сделала она ранее – надеясь, что мои тёмно-коричневые глаза смогут выдержать ошеломляющий взгляд её зелёных озёр. Я подумал об окружавшем нас строении – грубо обработанных каменных стенах внутреннего хранилища, гарантированная чарами неприступность внешнего; над всем этим высится крепость с башнями слоновой кости и прочные льды окружающих горных вершин. Всё в «Приземлившейся Крачке» было буквально пропитано магией – кроме меня. Поэтому я вновь задался вопросом – зачем же меня вызвали.

- Твоей колдовской защиты как будто бы должно хватить, чтобы сохранить это сокровище в неприкосновенности, - констатировал я. – Так зачем тащить через полмира, в этот ледяной дворец, простого проходимца из Глубоководья?

Вновь маленькая, пышущая жаром ручка Оливии коснулась меня, моего бицепса – совсем как тогда, когда крылатый конь коснулся копытами покрытого льдом выступа, служившего посадочной площадкой. «Должно быть, она постоянно хранит руки в тепле», - подумал я.

- Сила и скрытность имеют некоторые... преимущества, которые магия предоставить не в состоянии.

Боги, хотел бы я, чтобы её касание не настолько возбуждало меня. «Держи себя в руках, Болтон. Это твой новый патрон». Её горячие пальцы упорхнули прочь, и она продолжала:

- Кроме того, Жемчужина развеивает магическую защиту. Маг, одолевший старого Ксантритикуса, вскоре обнаружил это неприятное свойство, когда несколько простых разбойников одолело уже его. Они, в свою очередь, тоже пали от чьих-то рук, и так далее по цепочке, пока, наконец, мои агенты не обнаружили камешек.

- То есть ты позвала меня для того, чтобы я защищал незащищаемое?

- Я подумала, что с Куэйдом всё возможно...

Я шагнул прямо в ловушку. Хм.

- Ну, в моём рукаве припрятана парочка тузов...

Не совсем рукаве, конечно. В маленькой чёрной коробочке на плече. Странно, что висящий сзади внушительный запас ядов, игл, мотков проволоки и резины давал мне ощущение безопасности.

- Твоя каменюка будет под надёжной защитой. Конечно, у меня свои расценки, а ещё нужны комната и еда...

- Не беспокойся, господин Куэйд, - вкрадчиво прошептала она, - вскоре ты поймёшь, что эта работа имеет достаточно... сопутствующих бонусов. Но даже не думай слинять с моим изумрудом. Если тебя не прикончит холод, это сделают мои крылатые волки. А теперь пойдём.

И я последовал за ней. Это было вовсе не трудно – я просто шёл, куда глаза глядят. Да-да, с того самого момента, как я соскочил с крылатого жеребца, отряхивая с плеч изморозь, образовавшуюся после полёта сквозь бурю, я не мог оторвать взгляд от этой Оливии. Она была самой грацией во плоти: молодая, гибкая, похожа на отточенное лезвие смертоносного стилета. Строго говоря, она была слишком молода и красива для этого борделя, этого дома наслаждений, возведённого здесь, на Грозных Вершинах, под вечной слякотью горного неба. Где же могла такая крошка – с такими-то ногами способная получить всё, что ей захочется, и даже больше, лишь слегка надув губки – приобрести выдержку, упорство и силу, чтобы построить это место?

Её точёные руки ловко орудовали с кодовым замком на железной двери внутреннего хранилища, и я силился распознать и запомнить комбинацию; в голову упорно лез детский стишок, которым часто поучал меня отец:

*«Всех жирней тот червячок,
Что насажен на крючок.»*

«Не стоит так думать, Болти. Она твой новый босс; а это её владение и твой новый дом – за тридевять земель от улочек, негодяев и бродяг Портового района Глубоководья».

Тем не менее, она приобрела её – «Приземлившаяся Крачка» принадлежала ей. Больше и не могла никому. Это место познало её руку.

Лестница привела нас наверх и вывела во внушительных размеров комнату. Белые стены сияли, словно были сделаны из перламутра, и уносились высоко вверх гладкими изгибами – так напоминавшими бёдра Оливии. Белоснежное великолепие могло бы ослепить меня, если бы не висящие красные пледы и толстый палас на полу – в одном этом помещении ковров было больше, чем во всех лачугах Портового района, вместе взятых.

Строго в центре высилась винтовая лестница со стеклянными ступенями. Она вилась вверх, опираясь прямо на воздух – ничем, кроме магии, не поддерживаемая. На втором этаже подъём завершался широкой, филигранной работы аркой из красного железа, которая открывала проход к четырём этажам гостевых комнат. Под лестничной спиралью прятались длинный стол и маленький человек в облегающем одеянии из чёрного атласа.

Он не был единственным лакеем в ливрее. По всему помещению сновали туда-сюда горничные и слуги в схожих нарядах, а также многочисленные посетители.

Здесь были лысые женщины в мехах из редких животных; мужчины, носившие строгие шёлковые костюмы с настолько острыми краями, что они напоминали расставленные палатки; и дети – юркие и дерзкие, в рубашечках с выглаженными воротничками.

Мы продвигались сквозь людскую массу; в своей домотканой, пропитанной растаявшим снегом грубой рубаше я чувствовал себя мохнатым медведем.

Болтон Куэйд, во что ты ввязался?

- Сюда, - поманила леди.

Идеальные бёдра – вот одно из преимуществ, позволяющих не потеряться в толпе. Это место носило следы её прикосновений, но ему не хватало теплоты её танцующих движений.

И вправду – во что?

Когда мы приблизились к ступеням, я увидел женщину, такую же роскошную, как и моя начальница, только облачённую не в скромные шелка, а в едва прикрывавшие её меха, обвивавшие её точно лестница, по которой мы должны были подниматься.

- Не отводи от меня взгляд, Куэйд, и сможешь рассчитывать на большее, – произнесла Оливия не оборачиваясь.

- Да, мэм, - отозвался я, опешив, и оттого закашлявшись.

Мы начали подъём. Холод, проникавший сквозь кожу моей обуви дал мне понять, что ступеньки сделаны не из стекла, но из чистого и прозрачного льда. Я чуть не вскрикнул от удивления, но сдержался – я и так уже выставил себя в не самом выгодном свете.

Она провела меня через арку, затем, тремя этажами выше, мы свернули в прихожую с газовым освещением, ведущую к гостевым покоям. Как и весь дворец, этот проход был оформлен элегантными закруглёнными линиями, и больше

походил на трахею, нежели на испещрённый дверьми коридор. Я знал, что и сами комнаты окажутся такими же – внутренними органами, населёнными обитателями Фаэруна, красивыми, успешными и могущественными; а ещё спящими, кормящимися и испражняющимися, точно мухи внутри трупa.

Красивыми, успешными и могущественными... Тогда, пролетая через сердце бури над семнадцатью луковицами-куполами дворца, я осознал, насколько далеко я буду вне своей стихии. Впрочем, мухи обычно не возражают, когда муравей отгрызает для себя кусочек плоти.

- *Вуаля!* – воскликнула хозяйка, резко остановившись. Судя по всему, этот возглас заставил окаймлённую серебром дверь приглашающе распахнуться. Открывшая взору комната оказалась просто немыслимой.

В отличие от холодного и застывшего холла, это место было таким же тёплым, мягким и красным, как драконье сердце. Прямо за дверью начинался обнесённый перилами спуск к утопленной в пол гостиной, ограниченной задрапированными бархатом стенами. В одной стене располагался ярко полыхавший камин, а напротив – пузырящаяся ванна, такая большая, что в ней можно было бы выкупать сразу двух боевых лошадей. Через открытую дверь в дальней стене я смог разглядеть кровать с вельветовым покрывалом – эти же два скакуна могли запросто на ней уместиться; а в ещё одной комнате стоял стол, за которым – пока животные спят – смогли бы играть в покер их рыцари, с вассалами, оруженосцами и парочкой менестрелей в придачу. Просторное окно со свинцовыми ставнями открывало вид на щёлкающие зубы снежной непогоды.

- Это для меня? – невинно поинтересовался я, хотя, по правде говоря, мне не пришлось так уж притворяться по поводу своего восторга.

- Для тебя, Болтон Куэйд, - она начала спускаться, а я не знал, куда пристроить взгляд – на парчовые кресла, на яркий канделябр, на бахромую портьер или всё-таки на эти виляющие бёдра.

Запинаясь, я двинулся следом.

- Я привык к Портовому району, и такой уличный пройдоха, как я...

Красотка развернулась и приложила палец к моим губам, прервав на полуслове:

- Если ты хотя бы наполовину такой пройдоха, как я думаю, то ты достоин и этой комнаты, и много большего.

Слова, глаза и касание – и вот уже магия этого места не кажется такой удивительной; всего лишь продолжение этой женщины, лучащейся силой.

- Ты должен оценить этот вид, - она оторвала перст от моих губ и, точно школьница, схватила и потащила меня за собой.

Я кивнул и, после нескольких спотыкающихся шагов – оценил. В окне я увидел её дворец, запорошённый снегом, и, словно заточённая в камень луна, испускающий холодное голубое сияние. Башни, окутанные непогодой, стояли истуканами, бесстрашными и чуждыми этому месту, а внешняя стена вся обросла сосульками; однако во внутреннем дворе было тепло, светло и... песочно?

В этот раз я не смог сдержать изумлённый возглас. Посреди камней и снега леди разбила сад. С такой высоты пальмы казались папоротниками, а зеленеющие охапки чультских цветов – полем клевера. А в середине сада извивалась лагуна, окружённая песчаными пляжами; тут и там над ней раскинулись пешеходные мостики,

множество тропинок и скамеек были рассыпаны по берегам и наводнены людьми – столь красивыми, могущественными и богатыми, что они казались волшебными созданиями, скользящими над песком, не оставляя следов.

Я хотел было что-нибудь сказать – даже не зная пока, что именно – и понял, что не могу, потому что не дышал последние несколько мгновений, а может, и минут. Но слова мне были и не нужны – Оливия говорила за нас обоих.

- Ты ещё даже не выбил холод из своих костей. Смотри, как дрожишь, – она обращалась ко мне, словно не в меру заботливая мать – к ребёнку. Какая-то часть моего сознания отметила, что женщина начала стягивать грубую накидку с моих плеч, проводя своей жаркой ручкой по моему обнажённому торсу. – У Болтона Куэйда ещё будет уйма времени, чтобы расставить свои ловушки и обманки. Но сперва – восстанавливающая силы ванна.

- Я...я...я... - всё, что я смог выдать, пока она вела меня к громадной купели, из которой поднимался пар. Я задрожал – от страха ли, от холода или от удовольствия – обнаружив, что полностью раздет. Я погрузился в пенистую, горячую, пузырящуюся воду. Хм. Роль совращённой невинности была нова для меня.

Она придвинулась вплотную, и вот уже моих губ касается не рука, но её собственные уста. Они казались обожжёнными; её свежее и тёплое дыхание мягко толкнулось мне в лицо, когда она отстранилась.

- По-моему, мы немного торопим события, - пробормотал я, наконец, обретя способность говорить; я заглянул в её – о да, такие зелёные – глаза. – Если одеть уличную крысу в костюм, всё что ты получишь – крысу в костюме.

- Нет, если костюм – зачарованный.

Той ночью мне приснился занятный сон. Я перевернулся на кровати, обхватив Оливию своими мускулистыми руками, в надежде почувствовать голой грудью тепло её тела – и вместо этого ощутил шероховатость чешуи самого Ксантритикуса Жадного. Закричав, я проснулся.

Когда я встал утром, она уже ушла. Я быстро оделся, натянув белую рубашку с кружевами, красный парчовый камзол, белые носки и угольно-чёрные шерстяные штаны, оставленные здесь же. Подошло идеально. Я криво ухмыльнулся – у женщины было достаточно времени, чтобы точно определить мои мерки.

Спустившись к завтраку, я увидел Оливию, окружённую гостями, восседавшую во главе стола в обеденном зале с балками под потолком. Она поприветствовала меня тем же вежливым кивком, которым приветствовала остальных опоздавших – либо она умела оставаться невозмутимой лучше, чем я, либо она близко знакомилась не только со мной, но и с остальными – как мужчинами, так и женщинами.

Завтрак был горячим и сытным – яйца и жареные грибы, торты и желе, сосиски и соусы, печенье и пироги. Всё же, даже это разнообразие меркло в сравнении с

вечерним пиршеством. А, неважно. Всё лучше месива, подаваемого в Портовом районе.

Я съел слишком много – и задержался слишком надолго, всё глядя в эти зелёные глаза – учитывая, что я отвечал теперь за охрану камня. Пора было направиться в хранилище.

По пути я встретил своего помощника – до того момента зная не зная о его наличии.

- Стой, мужик. Куда это ты так спешишь? – спросил сорванец – иначе его и назвать нельзя, ведь я повидал его племени достаточно, чтобы узнать одного из них. Дьявол, да я и сам таким недавно был. У этого к тому же были сальные чёрные волосы, которые он постоянно зачёсывал пятернёй назад, убирая с карих глаз. Он сидел на высоком табурете, развязно прислонившись к стене; румяное и веснушчатое лицо расплылось в ухмылке, открывшей не самого здорового вида зубы – кое-где между двумя целыми торчали обломки. А если Оливия и пыталась переодеть его в шелка взамен грубой парусиновой одежды – по колено и до локтей, соответственно – она не преуспела.

- Я – Болтон Куэйд, новый глава безопасности «Крачки».

- Чушь! – сразу же возразил парень. – Куэйд не щёголь. Леди говорит, он мошенник – такой же как я, и знает, как пробиваться наверх.

Я выбил из-под него стул, схватил за шкурку и оторвал от земли – стандартное обращение, которое я использовал, имея дело с буянящими оборванцами.

- Как думаешь, а ты сейчас выбился наверх?

Паренёк висел, впуская молотя кулаками и пыхтя:

- Ты не пройдёшь мимо... гrrrrx... мимо Филсона Крайбота... Господин Стиляга-Вор. Хочешь хапнуть... заточки?

- Ты про это? – поинтересовался я, протянув другую руку и показывая грубое маленькое лезвие, казавшееся игрушкой в моей мясистой ладони.

- Или это? – перебрав пальцами, я явил ему белую кроличью лапку.

- Может это? – рогатка.

- Или вот ещё, - пара кусков мрамора, и далее в том же духе.

Малец уже готов был разрыдаться, и даже я не стал бы доводить гордого уличного забияку до слёз.

- Отдай! Отдай!

- Ну ладно, - я осторожно опустил его на пол и протянул вещички.

Едва ли не быстрее, чем его ступни коснулись земли, его каблук впечатался в мою ногу. Аааа! Стены вокруг поплыли и потускнели, на мгновение превратившись из жемчужно-гладких в грязно-каменные, как в какой-нибудь пещере. Выдохнув и отступив на шаг, я ударился головой обо что-то жёсткое. Очень жёсткое. Парнишка уже сгрёб всё своё имущество и отпрыгнул к железной двери склада, размахивая перед собой ножичком. Меня покачивало, я чуть не плюхнулся на задницу, а в ушах стоял пронзительный свист. Потребуется время, чтобы оправиться от этого удара.

Особенно в свете новых обстоятельств – здесь была Оливия. Она возникла из ниоткуда, будто призванная магическим заклятьем. Я только сейчас заметил, как изо рта Филсона выпал свисток, затрепыхавшись на цепочке, болтавшейся на тощей

шее. Он уже что-то торопливо рассказывал своей леди про нарушителя (меня), пытавшегося задушить доблестного стража.

Оливия рассмеялась, с присущим ей апломбом:

- Филсон, познакомься со своим новым начальством. Это Болтон Куэйд, - представляя меня, она вытянула руку в мою сторону. Я бы ответил поклоном, если бы не был так сильно занят потиранием головы и поисками ударившего меня предмета, хотя вокруг был только пустой воздух.

Красное лицо парня стало таким же белым, как и окружающие стены, хотя его белизна была гораздо менее чарующей.

- Эээ... прости, босс.

Я отмахнулся от извинения, страстно желая в этот момент найти на стене шишку не меньшую, чем у меня на голове:

- Это моя работа. Рад узнать, что ты умеешь драться.

Благодаря этой фразе часть цвета вернулась на лицо мальчугана:

- Я просто пытался выполнять свою задачу.

- Кстати говоря, - вмешалась Оливия, её тон посуровел, когда она обратилась ко мне. – Лучше бы тебе выставить хотя бы предварительную защиту на Драконью Жемчужину – этим утром в магической появилось несколько пробоин.

- Пробоин? – нахмурил я брови.

- Бури мешают магии, – поспешил на помощь Филсон, желая искупить своё недавнее поведение. – Иногда заклинания не срабатывают.

- Эти дыры не из-за шторма, - ответила леди, ни на миг не отвернувшись от меня; она позволила осложнениям, вызванным этой фразой, повисеть в воздухе, прежде, чем озвучить: - Кто-то из гостей пытается разрушить магическую броню камня.

Теперь настала моя очередь побледнеть.

- Я займусь этим немедленно.

- Как только ты обезопасишь изумруд своими способами, выследи источник этих... проблем.

- Что я должен сделать с негодяем, после того, как найду?

- Убить.

Через несколько часов камень был защищён всеми возможными способами. Я запер его в три ящичка, вложенных один в другой; приковал внешний цепями к стене, к пяти разным точкам; установил вокруг семьдесят три пускателя отравленных дротиков; покрыл пол и потолок паутиной драйдера; поставил три растяжки на подходе к камере; и, наконец, заминировал входную дверь – малейшая неосторожность приведёт к срабатыванию западни с падающим сверху каменным шаром. Драгоценность была огорожена настолько хорошо, насколько я вообще умел это делать, безопаснее было только на собственную шею повесить.

Пока я работал, Филсон крутился рядом и болтал. Он рассказал многое из того, что я уже знал о хозяйке – что она могущественный тиран, знающий обо всём, что творится в пределах «Крачки». Также он шёпотом поведал, что она, вероятно,

использует магию, чтобы выглядеть моложе. Я не удивился, хотя и задумался, нервно гадая, насколько же.

Но самыми интригующими были его спекуляции на тему того, почему же леди хранит у себя Жемчужину, которую боится выпустить за пределы хранилища-в-хранилище. Он предположил, что драконий изумруд питает магией всё это место, и что он вобрал в себя силу Ксантритукуса, которую Оливия теперь выкачивает; а ещё что камень не может быть убережён магически, потому что любые заклинания, отпугивающие нарушителей, также замыкают собственную магию изумруда внутри.

Устами младенца глаголет истина. Портовый район научил меня прислушиваться к лепету детей и бормотанию дураков. *«Всех жирней тот червячок, что насажен на крючок»*. Хмм. Так куда же закинула свой крючок Оливия, и какую рыбу она надеется поймать? И почему? Деньги, наверняка, но их у женщины и так хватает. Ещё больше денег? Несомненно, но было что-то ещё... Но что – власть, положение, связи?

Впрочем, сейчас не время для таких раздумий. Мне предстояло отловить предполагаемого воришку.

Но это будет не просто. Сомневаюсь, что Оливия одобрит, если я буду трясти посетителей одного за другим, как я это обычно проделывал с барыгами и чёрными дельцами в доках. Нет, на этот раз нужны осторожность и скрытность.

Филсон будет проблемой.

- Разведчик? Что значит «разведчик»? – подозрительно переспросил он. – Ты что, пытаешься избавиться от меня?

- Ни в коем случае, - убеждал я, подталкивая мальчугана в сторону людного обеденного зала. – Ты знаешь гостей. Наблюдай за ними – может, кто-то ведёт себя подозрительно.

- А что собираешься делать ты? – защищаясь, допрашивал парень.

- Свою работу, - ответил я. Ещё один толчок – и парнишка затерялся в шёлково-норковой, по-снобски хихикающей толпе.

Моя работа в данном случае заключалась в настойчивом допрашивании слуг. Нужно слушать детей, старых дураков – и слуг. Они залезают в каждую щель и трещинку, видят всё, что творится, и всех, кто что-то творит, и, благодаря особому положению, их никто не замечает. Так что пока Филсон не сводит глаз с гостей, я не открываю ушей от поваров.

Я понаблюдав за двойными дверьми, запоминая, какая створка в какую сторону открывается, а затем проник на кухню. Длинная галерея с низким потолком была украшена не хуже других комнат. Простые и разделочные столы рядами выстроились на мраморном полу, до блеска начищенные горшки и сковородки свисали с украшенного лепниной потолка, дым столбом стоял над котелками, в которых что-то кипело – и среди всего этого носились кухонных дел мастера, их белые фартуки и грибовидные колпаки мельтешили и развевались, точно обрывки бумаги на ветру.

- Прошу прощения, - я подошёл к одному работнику, орудовавшему окровавленными ножами над пятью крупными кусками вырезки.

- Ты прощён, - произнёс он, не поднимая головы и мастерски разделявая очередной кусок острым инструментом.

Судя по его едва заметному сембийскому акценту, передо мной – зазнавшийся эксперт. Ну ладно, для меня повар всего лишь повар.

- Я хотел поинтересоваться, не замечал ли ты каких-нибудь... магических возмущений?

Вновь ноль внимания. Он был поглощён нарезанием куска филе на стейки и раскладыванием их на блюде, которое затем уносилось в неизвестном направлении другим участником кухонного таинства. Пока мы беседовали, он потянулся за вторым отрезом:

- У меня не было времени что-либо заметить...

Он резко замолчал на полуслове. Произошедшее не могло не остаться незамеченным, уж я-то точно не мог бы такое пропустить. Длинный, сочно-красный мясной отруб превратился в здоровую жирную коровью лепёху, а выщербленная мясницкая колода – в необработанный валун. Хуже того, остро заточенный нож тоже исчез, заменённый ослиной челюстью, а ловкая, опытная рука повара стала когтистой трёхпалой лапой, покрытой бородавками. Не было больше белого фартука и шляпы-гриба – на их месте теперь красовался ком спутанных волос на голой, зеленоватой, чешуйчатой груди... и жидкая прядь жирных волос на макушке головы гоблина.

Гоблина!

В этот ошеломительный момент создание подняло свои чёрные, жалобные глаза, встретившись со мной взглядом, и угрожающе оскалило пасть, обнажив и выпятив два нижних клыка; его серо-зелёные ноздри затрепетали. Спустя мгновение наваждение исчезло, и теперь прямо на меня нетерпеливо уставился сембийский кулинар.

- Ты это видел? - потрясённо выпалил я.

- Что?

Прежде чем наша содержательная беседа смогла продолжиться, нас прервал иступлённый крик. Я обернулся к дверям, как раз вовремя, чтобы увидеть разносчика еды, а точнее последние секунды его падения на отполированный мрамор пола. Блюдо с дымящейся индейкой и гарниром, которое он до этого нёс, летело впереди него. Тарелка и человек шлёпнулись на землю, и ощипанная птица, смешно взмахнув своими лысыми крылышками, описала дугу над бедным прислужником, вывалив на него всю начинку и хлопнувшись в итоге на холодный мрамор.

Причина этого маленького бедствия не замедлила явить себя - мой сомнительный пособник Филсон. Он вломился в распахнутые двери, перепрыгнул через поверженного слугу и устремился ко мне, лучась гордостью.

- Смотри, Куэйд! Смотри, что я нашёл в карманах господина Стэвела!

Слишком ошарашенный, чтобы предпринять другие действия, я взглянул на россыпь богатых золотых украшений в грязных руках беспризорника - заводные часы, пригоршня монет вперемешку с записками на кормирском, парочка колец с рубинами размером с кошачий глаз, и некоторое количество больших жемчужин, стоимость каждой из которых равнялась моему заработку за этот год.

- Ты... ты... - пышные булки "помощника" - не только обшарившего карманы от моего имени, сбившего с ног кухонного мальчика и испортившего индейку, но ещё и

похваляющегося этим передо мной и персоналом помещения - умоляли меня о ремне. - Ты ограбил гостя!

- Но смотри же! Это... - теперь пришла его очередь изумлённо уставиться на клад, пребывающий в ладонях. Хотя в отличие от меня, от нашёл множество слов, чтобы выразить свой испуг. - Погоди-ка. Я собирался вернуть их, после того как осмотрю на наличие подсказок или свидетельства того, что они связаны с попытками выключить магию хозяйки. Только когда я заполучил их, они пробыли в моих руках всего пару мгновений, прежде чем превратиться в...

Ему не пришлось заканчивать рассказ - я увидел всё собственными глазами. Часы превратились в гладкий речной булыжник, монеты и бумажки - в охапку листьев, вперемешку с кусками коры; кольца стали панцирями больших божьих коровок, а жемчуг - высушенными виноградинами.

Весь этот мусор вернулся в первоначальное состояние так быстро, что я даже не успел удивиться этому внезапному превращению - только повторному появлению золота и драгоценностей.

... червячок таит крючок.

В каждом расследовании, приобретшем неприятный поворот, наступает момент, когда детектив понимает, что его использовали. Такой момент только что наступил. Жемчужина с заключённой внутри магической мощью древнего дракона... женщина, использующая чары, чтобы выглядеть моложе... чтобы соорудить невозможную лагуну в самом сердце бури... коровьи лепёшки, выдаваемые за стейки, и гоблины в роли поваров... О да, теперь всё стало кристально ясно. Озарённый, я разглядел правду во всей этой головоломке, понял, зачем эта леди использовала заточённую в изумруде силу дракона, чтобы возвести дом наслаждений на одной из вершин самых беспощадных гор.

- Пойдём, Филсон, - промолвил я, поманив его за собой. - Настало время поговорить с хозяйкой этого места.

Пальцы сироты сомкнулись над драгоценностями и скрылись в кармане. Мне не было дела ни до этого мелкого воровства, ни до нашего триумфального появления в дверях, распугавшего прислугу, прибежавшую на звуки суматохи. Я и мой юный напарник нагло и самоуверенно распахали их и прошествовали в просторный обеденный холл. Всюду вокруг нас, посетители нервно переговаривались, пытаясь скрыть своё замешательство от многочисленных помутнений, вызванных сбоем в магической паутине. Впрочем, это было бесполезно – совсем скоро им предстоит вновь испытать смущение.

Ещё одна волна. В один момент огромная, украшенная комната исчезла, теперь это был холодный, продуваемый сарай, расположенный напротив развернутого входа в пещеру. Столы превратились в длинные корыта, всевозможные деликатесы – в солому, навоз и комья грязи; на месте гостей теперь толпились шелудивые старые ведьмы, жирдяи с сыпью вокруг рта, рябые подлецы, страхолюдины с сальными волосами, люди-жабы, покрытые водянистыми бородавками, измождённые, заросшие и голые троглодиты и тому подобные грязные свиньи... Весь этот зверинец – самые достойные представители которого подходили этому сараю, а самых худших надлежало бы схоронить в запечатанной священником могиле – продолжал бессмысленную болтовню и обсуждение слухов. Только теперь

вместо вульгарных фразочек, смешков и подмигиваний, они использовали звериные крики, рык и хрюканье.

А потом наваждение кончилось. Я отшатнулся, вновь ощущая себя словно в бреду, но я знал, что на этот раз обманываюсь не я – обманывает «Приземлившаяся Крачка». Мне оставалось только надеяться, что навеянное ей приятное окружение будет держаться до тех пор, пока я не отыщу Оливию. Не было ни малейшего желания тыкаться и мыкаться по замороженным свинарникам, тёмным пещерам, холодному снегу и обветшалым лачугам. Да, лачугам – теперь я понимал, с чём имею дело.

Мне не пришлось долго искать; я наткнулся на неё – буквально – в дальнем углу высокого необъятного зала. По всей видимости, она разыскивала меня. Её милое личико покраснело – то ли от гнева, то ли от напряжения.

- Вот ты где! – вскричала она. – За что я тебе плачу! Найди злоумышленника!

Я и сам уже достиг точки кипения, и потому было очень приятно дать, наконец, волю злости.

- Я нашёл. Ты здесь самый главный злоумышленник.

- Что? – рявкнула она, ещё больше распаляясь.

- Да, дамочка. Ты обслуживаешь гостей коровьим дерьмом, выдавая его за мясные стейки, водоросли – за икру, а червей – за лапшу. Твой величественный обеденный зал на самом деле продуваемая насквозь вонючая халупа, а перламутровая гостиная – грязная, отвратительная каверна.

- А кто в этом виноват?! – взвизгнула Оливия. Я не ожидал такой реакции, поэтому она застала меня врасплох, заставив умолкнуть. – Я пообещала им лучшее прибежище, и предоставила, пусть и при помощи магии. Да, магии, колдовства! И коровьи лепёшки, преобразованные жемчужиной – самое настоящее мясо. Все эти временные проблемы – твоя задача. Фекалии на тарелках гостей – твоя вина.

Я был удивлён, да, но виноват? Точно нет.

- Значит ты думала, что один волшебный камешек сможет превратить уединённую горную деревушку, полную гоблинов, в шикарный курорт для самых могущественных и состоятельных...?

- До сегодняшнего утра так и было.

- Думала, что изумруд – это настолько сильный артефакт, что он способен выдать гоблинов и пещерную шваль за миловидных человеческих слуг, поваров и распорядителей?

- Ты был вполне убеждён в том, что перед тобой горячая ванна и шёлковое бельё, а не закуток с гноем и гнилое мясо.

- И всё это, чтобы завлечь самых влиятельных существ на всём Фаэруне. Но для чего? Вот ведь в чём вопрос. Что это за крючок, на который ты насадила такого жирного червяка? Конечно же золото! Ты собрала их здесь, чтобы заграбастать настоящую оплату за мнимую роскошь. А может, даже совершаешь покушения, выполняя волю тех, с кем состоишь в сговоре!

- Ты обвиняешь меня в уби?...

- Но посмотри, кто в итоге смеётся последним! – закричал я, схватив её горячую маленькую ручку и бесцеремонно потащив за собой в шумную столовую. – Ты

приманила не могущественных богачей мира, а лишь больше шарлатанов от магии, наподобие тебя. Ты продала опарышей и мусор за тухлую плоть и фекалии!

Я не мог подгадать более точного момента. Словно по команде, чары вновь дали осечку, и перед моей распростёртой рукой предстало зрелище, которое видели мы оба – грязные, жалкие, грубые и страшные существа сидели вокруг корыт и кормушек. Бесчестные твари, умеющие пользоваться магией, чьи золотые монеты были всего лишь преобразованной галькой, документы – заплесневелыми листьями; чьё величавое благородство оказалось всего лишь искусной маской, надетой на настоящие измождённые, прыщавые, неприятные лица. Их способности на время сделали иллюзию реальностью, и ложь их жизней иссушила их истинные сущности подобно тому, как полный доспех сжимает тело внутри в белое, сморщенное ничто.

- И как смеешь ты вести себя так, будто великий исследователь Болтон Куэйд не раскрыл твою тайну? Твоя магия для отвода глаз не работает потому, что она окружена ещё большим числом маскирующих чар. Обман поверх обмана и ещё раз поверх обмана – это шатающаяся стопка пустоты, которая неминуемо обрушится. Это твои никчёмные клиенты с их ничего не стоящими палками и ошмётками, напялившие костюмы из чар, стараясь выглядеть представительными персонами – это они возвращают твоим бесполезным хлевам, шалашам и пещерам истинный вид – и это не великолепный дом наслаждений Грозовых Вершин!

- Как ты посмела нанять меня – *меня!* – думая, что простой портовый дурень окажется слишком глуп, чтобы распознать все твои задумки?

Я был так доволен собой и раскрытым делом, что не заметил самый большой мираж из всех. Буквально, самый большой.

Она, не двигаясь, стояла за моей спиной. По зелёным клубам ядовитого дыхания я, даже ещё не повернувшись, догадался, что именно увижу перед собой. Всё же открывшаяся сцена шокировала меня до такой степени, что я оцепенел.

Огромный зелёный дракон. Это было её логово, оскалившаяся сталактитами пещера – и хозяйка теперь возвышалась надо мной. Не Ксантритукус, ибо передо мной предстала самка – но, возможно, его подруга, Тарита Зелёная. На напрягшихся задних лапах, заканчивающихся где-то на уровне моей головы, сверкали, точно керамическая плитка, алые чешуйки. А ещё выше – могучая грудная клетка, раздавшаяся вширь и набравшая воздух, готовая отравить меня и перепуганных нахлебников, сбившихся в кучку за моей спиной. Ещё выше этого набора выпирающих рёбер две длинные и опасные лапы яростно царапали воздух; затем шла шероховатая шея, увенчанная здоровенными челюстями. А буркала зверя, расположенные чуть выше этой выпускающей дым морды, были теми же самыми зелёными глазами, которыми Оливия завлекла меня по приезду – за исключением размера. В новой форме они не уступали тарелке из-под злополучной индейки.

На этот раз за крючком притаился дракон.

Я знал, что мне конец. Мои ноги словно вросли в ровный, холодный пол каверны, и мой совсем-недавно-такой-бойкий язык теперь недвижно валялся за клацающими зубами. Я не выберусь. Я не могу выбраться. О, если бы я был удачливым, магия внезапно бы вновь заработала, вернув ей человеческий облик... но сейчас надежды на удачу было слишком мало.

Она отклонилась назад – её легкие были полны воздуха. И вот мышцы рептилии отвратительно зашевелились вдоль рёбер под кожей. Я ощутил тошнотворный вал зелёного тумана, резко накатившийся на меня – обжигая инстинктивно закрытые глаза, забиваясь в нос и рот, несмотря на задержанное дыхание.

Увы, выходец из Портового района Глубоководья не может рассчитывать на благоволение судьбы. К счастью, он может рассчитывать на хитрого парнишку-напарника.

Зловонный поток неожиданно прекратился, несколько тонких струек потянулось обратно к разъявленной пасти судорожно вздохнувшего дракона. Я приоткрыл веки ровно настолько, чтобы рассмотреть, что Филсон оседлал хвост зверя и пытается отодрать одну из чешуек. Монстр, вздохнул, скорее, от неожиданности, нежели от боли, но то мне было без разницы – в любом случае представилась отличная возможность.

Выломав из прогнившей стены амбара расшатанную доску, я запустил импровизированный дротик прямо в распахнутую, втягивающую воздух пасть. Прицел оказался верен, и гниющее дерево застряло поперёк горла твари. Будь за моей спиной нормальные люди – а не это грязное, заколдованное отребье – я бы даже улучил момент, чтобы крикнуть им «Бегите!». Но, похоже, этого и не требовалось – они уже драпали со всех ног.

Вместо этого, я вернул Филсону должок, оббежав дёргающуюся тушу и сорвав паренька с хвоста. Только мои ноги коснулись земли с той стороны гигантского отростка, как пасть с застрявшей балкой врезалась в то место, где мы только что стояли. Напарник что-то верещал, но у меня не было времени ни вслушиваться, ни обдумывать. У него были свои собственные ноги, и я показал ему, как ими пользоваться, вместе с ним метнувшись к дальнему концу пещеры.

Мы услышали позади сильный кашель и хрип, а затем гнилая деревяшка пролетела над нашими головами, словно выпущенная баллистой, врезавшись в каменную стену и разлетевшись в щепки.

- Назад, в комнаты! – крикнул я Филсону, рассудив, что пещеры для гостей будут слишком узкими для дракона.

Пострел одобительно кивнул, и мы понеслись туда, где должна была располагаться лестница. Но ступеней там больше не было – вместо них красовались оголённые кости изогнутой драконьей шеи. На месте стола теперь лежал вверх ногами череп, и желтоватый позвоночник тянулся от него к каменному уступу, на котором валялся полуразложившийся труп огромного существа. Брюхо было вспорото по всей длине, а зелёные чешуйки торчали в стороны, обнажая гниющие драконьи внутренности.

Ксантритикус. Она выпотрошила собственного мужа, чтобы добраться до изумруда, а потом превратила его бездыханное тело в гостиницу для богачей. С того места, на котором я стоял, толком не было видно, но что-то подсказывало мне, что я ночевал в драконьем сердце.

И всё это ради Драконьей Жемчужины... Жемчужина!

- За мной! – позвал я Филсона, махнув рукой.

И вовремя. Всепоглощающий скрежет от столкновения когтистых лап дракона с полом пещеры был подобен грохоту от влетевшего в стену снаряда. Парнишка и я

бросились к спуску, уходящему вглубь, к хранилищу и жемчужине, хотя, со всем этим гроыханием и дребезжанием, на каждый шаг вперёд приходилось полшага назад.

- Ты не сможешь сбежать от меня, Болтон Куэйд! – бушевала драконица. Надтреснутое звучание её голоса принесло мне некоторое удовлетворение – деревянная балка более, чем хорошо послужила делу. – Ты не сможешь сбежать отсюда без помощи магии!

Я как раз планировал раздобыть немножечко упомянутой ею субстанции – желательно раньше, чем позже. Добравшись до удивившего вниз коридора, мы только-только двинулись по нему, как вослед нам устремилась могучая шея, заканчивающаяся зубастой пастью, зияющей, точно вход в сталактитовую пещеру. Морда зверя врезалась в твёрдый камень стены.

Я бросился вниз по крутому склону, но Филсона со мной не было. Краем глаза я заметил, что у моего решительного партнёра на уме была доблесть, а отнюдь не выживание. Он прыгнул в противоположную сторону, приземлившись прямо в пасть. Ухватив раздвоенный язык создания, он размахнулся своим перочинным ножичком, словно это был большой меч. Эта шпилька вонзилась в красное небо драконьего рта, но, хотя она утонула по самую рукоять, тварюга наверняка ощутила лишь лёгкий укол.

Несомненно, Филсон поплатится за свою храбрость жизнью.

Так и вышло бы, сомкни дракон челюсти вместо того, чтобы выдохнуть объёмный сгусток ядовитого тумана. Эта волна смела моего напарника, обезоружив и выкинув его прочь с языка и из зёва, швырнув на меня – уже присевшего, готового рвануть к двери хранилища. Прибитые порывом друг к другу, мы покатались вниз, ударившись в итоге об нашу желанную цель.

Перед лицом такого напора нащупать замок было непросто. Дело осложнялось ещё и тем, что дышать было нельзя – иначе вдох окажется последним. Но я справился, перевернул преграждавшую путь штуковину и начал набирать комбинацию, подсмотренную мной, когда Оливия открывала дверь.

Ядовитая осада продолжалась, но я, наконец, набрал код. Всё ещё не дыша, я проскочил через проём и сразу же скользнул в сторону.

В коридоре раздался драконий рёв и почти тут же, как я и рассчитывал, огромная лапа просунулась в дверь, прокладывая путь к жемчужине. Все мои ловушки сработали безупречно, зажужжав, словно взлетающий рой комаров. Даже каменный шар-ловушка сработал, упав на драконью лапу, раздавив её и попутно разметаив, точно кожуру с лука, три железных коробочки, в которые я упаковал изумруд.

Но чтобы остановить зверя, нужно было что-то большее. Я вскарабкался на подёргивающуюся конечность, затем на ядро, получил, наконец, долгожданный глоток чистого воздуха и схватил волшебный камень.

Одного касания оказалось достаточно. Человеческая плоть пробудила магию. Массивная туша зелёного дракона вновь обрела форму зеленоглазой женщины. Маленькая ручка, пришипленная камнем, оказалась причиной тому, что её менявшееся тело, уменьшаясь, втягивалось в помещение. Её протащило по ступенькам и по полу, а затем движение остановилось – точно посреди дверного

проёма. Я кинулся к ней, намереваясь прикончить, пока человеческий облик - весьма привлекательный и очаровательный - вновь не уступил место гигантской рептилии.

Вот только я забыл про заточку.

Оливия не шевелилась. Маленький кинжал оказался достаточно большим, чтобы убить её - под действием магического изменения проникнув в мозг. Когда я оттянул её голову за волосы вверх, кровь, хлынувшая из рта, рассказала мне всё. Кровь - и безжизненные зелёные глаза.

Общество. Теперь я это понял. Вот ещё один крючок, который приготовила драконица. Она убила супруга за Жемчужину, а потом использовала её, чтобы вернуть всё утраченное - богатство, власть, статус и компанию. Возможно, вот зачем понадобился двухметровый уличный мошенник из Глубоководья.

Отрава в воздухе уже рассеялась, и я сделал судорожный вздох, когда увидел изумрудные глаза.

Как и мой новый партнёр.

Секунду спустя чары вновь спали - со взрывными результатами. Труп Тариты был слишком большим для этой комнатухи. К счастью, мы с Филсоном предвидели это и, к тому времени, как ошмётки дракона начали разлетаться повсюду, мы уже стремглав неслись по наружной пещере.

Мы даже и не стали пытаться забрать Жемчужину с собой - как и старый Ксантритукус, мы насытились проблемами от неё по самое горло. К тому же, в Портовом районе Глубоководья итак хватало ложного богатства и обманчивой красоты.

Однако мы не посчитали ниже нашего достоинства пробежаться по остаткам этого места, в надежде наскрести достаточно годной добычи среди блёсток и шелухи - в качестве компенсации. Но ничего не нашли. Драконьи сокровища на самом деле оказались лишь фантазией, построенной поверх иллюзий, опирающихся на пустой воздух.

Исчезли и богатства, и жалкие гости - наверняка разбежались по каким-нибудь заледеневшим убежищам при первом же появлении дракона. Большинство из них там же и скончаются. Я боялся, что и мы тоже.

В тот же момент я услышал самый сладостный звук на свете - нетерпеливое фырканье и ржание самой настоящей крылатой лошади. Точно - одурманивающая магия даже такого сильного артефакта не могла достичь моего города, поэтому леди-хозяйке пришлось послать за мной подлинный транспорт. Я отсалютовал тому, что осталось от её трупа, в знак признательности за непреднамеренное подтверждение фразы - за что оплачено, то и получено.

Мы - я и мой новый партнёр, взгромоздившийся на жеребца позади меня - направились прямо навстречу зимнему заснеженному свету, вверх, в объёты облаков.

- В Глубоководье, - сказал я крылатому созданию, мягко похлопав его по плечу. - В Портовый Район. Хочется для разнообразия увидеть настоящие отбросы общества.

ТОРГОВЕЦ ОРУЖИЕМ

Роджер Мур

Это будет замечательная ночь, здесь, в Глубоководье. Давний приятель – Жёлтый Маг – пригласил меня на ужин в честь Первой Декады; готовить будет сам, а он в этом мастер. По своему опыту я также знал, что он не упустит возможности похвастаться своей последней игрушкой, если таковая найдётся, а потому я намеревался надеть что-нибудь пуленепробиваемое, но удобное. Не хотелось испортить вечеринку своей преждевременной, и очень неожиданной, кончиной.

Мне требовалась надёжная защита для всего тела, а не металлический нагрудник или смещающая накидка, поэтому я покопался в коробке с кольцами и выудил одно – Безотказный Стрелоотражатель Тёрмиша. Оно было предметом моей гордости – маленькое золотое колечко, способное отразить любой летящий предмет, по размерам меньший древесного ствола. Более того, перстень был достаточно незаметен, чтобы не оскорбить Жёлтого Мага. Мне не хотелось, чтобы он заподозрил меня в отсутствии полного доверия касательно уровня его владения дымнопороховым оружием, игнорируя недавний инцидент. Тогда он расколошматил своей пушкой Гонда бесценные часы из Шу Лунга на тысячу мелких синих осколков – пуля просвистела едва ли в метре от меня. Что ж, мы все делаем ошибки.

Жёлтый Маг с рождения носил имя Крупносвин Храпотун, и я с пониманием относился к тому, что он не разглашает его никому в городе. Он начал изучать магические искусства на позднем отрезке своего жизненного пути – когда миновал врата Глубоководья – и сейчас мог прочесть только пару заклинаний в день. Несмотря на это, он оставался магом – именно это играло определяющую роль в его случае.

Но если не обращать внимания на мелкие недостатки, Храппи в душе был всего лишь ребёнком – собственно, поэтому все те жители Северного Района, кто его знал, любили его. Он был просто большим щенком, всегда готовым сунуть нос повсюду и обрадоваться всему, что он в том месте найдёт. Да, он был неопрятно одет и не очень-то успешен, как маг, но зато умел готовить и рассказывать истории, а ещё заразительно смеяться. Думаю, вы поймёте, почему я так рвался попасть на вечер вовремя – так же, как и то, почему мир перестал быть прежним, когда я узнал, что его убили.

Когда я прибыл на нужную улицу, до сумерек оставался час, хотя я мог отлично видеть – в глаза были вставлены осветляющие линзы. Я свернул на мощёную камнем Улицу Сэрдуна, сжимая в руках бутылку «Обещания Дриады», когда увидел столпотворение у дверей дома Храппи. Люди заглядывали внутрь через щели в ставнях – в те моменты, когда не были заняты приглушёнными разговорами промеж собой. Некоторые зеваки бросали взгляды на меня, затем быстро отворачивались не

интересуясь незнакомцем. Впрочем, двое из глазевших, похоже, узнали меня – из-за прошлых визитов. Когда я подошёл, они нервно отступили и замолкли.

Что-то плохое случилось. Я уже понял это и вцепился в коричневую бутылку вина, словно в оберег. «Может быть, пронесёт», - подумал я. Мы с Храппи отужинаем, поделимся друг с другом баснями, осушим пару кубков, обменяемся заклинаниями... Дверь отворилась, и маленькая толпа отхлынула от дома Жёлтого Мага. Изнутри на улицу вышел человек. Какая-то старушка охнула и схватилась за сердце.

Представитель стражи Глубоководья осторожно перешагнул порог; его зелёный плащ приглушал бряцание золочённых доспехов. Он держал ручки носилок, на которых лежало тело. Поверх него кто-то накинул ковёр из гостиной Храппи, но правая рука трупа выпала из-под покрыва – и на среднем пальце виднелось принадлежавшее Жёлтому Магу кольцо с ярким топазом, как раз там, где носил его Храппи.

«Кто-то другой надел его кольцо», - тупо подумал я, остановившись. Может быть, Храппи пьян. Или это его близнец – если таковой имелся. Ну а если это действительно он? Я подошёл:

- Прощу прощения, - промычал я, обращаясь к стражнику.

Грудь стянуло, и мне с трудом удавалось говорить. Констебли заметили меня и заколебались, изучающе рассматривая и ожидая проблем. Я ткнул в накрытую паласом фигуру и попытался сформулировать просьбу.

Стражник, стоявший у ног, понял и пожал плечами.

- Загляните, - разрешил он устало.

Я потянулся свободной рукой и стянул край ковра с лица жертвы. В голове промелькнула мысль, что ничего из этого не происходит, и я смогу уйти, не испытав потрясений.

Опознание Жёлтого Мага заняло у меня какое-то время, частично из-за его застывшего и безучастного лица, а частично из-за большого количества запёкшейся крови на нижней его половине. Большая часть красной жидкости вытекла изо рта и носа. Широко раскрытые голубые глаза невидяще уставились в никуда, как и у всех мертвецов.

Я отвернул покрывало ещё дальше. Кровавые потёки ветвились по шее и груди несчастного Храппи. Его жёлтая рубашка пропиталась красным. Посреди груди зияла дыра размером с ноготь моего большого пальца, развороченная и похожая на красно-коричневый кратер вулкана. Рана прогрызла грудную клетку – и, возможно, весь путь насквозь до спины – и через неё проглядывали кусочки белой кости.

Я провёл может минуту, а может, и пять, уставившись на моего мёртвого друга; мою голову атаковали безумные планы по возвращению его к жизни.

Нужно будет заплатить, обдумывал я; да, я мог достать деньги, много денег, затем отыскать священника и всё стало бы хорошо. Полдюжины местных храмов будут рады воскресить мёртвого за плату.

Констебли очень терпеливо дожидались меня. Возможно, они поняли, что я волшебник, и не горели желанием насмехаться надо мной.

- Простите, - донеслось со стороны левого локтя. Я вздрогнул; эту стражницу я раньше не заметил. Сероглазая эльфийка скорчила гримаску, смахнула локон рыжих волос со лба и продолжила:

- Нам удалось вызвать Жреца Латандера, оказавшегося поблизости, но когда служитель попытался вернуть усопшего к жизни, заклинание не сработало. Искренне соболезную.

Я глупо заморгал, глянул вниз, на неподвижного Храппи, и тут до меня дошёл смысл сказанных ею слов. Заклинание не сработало. Храппи останется таким - его больше нет.

Внезапно, дальше смотреть на него было больше не нужно. Я осторожно подтянул ковёр-саван на неподвижное лицо моего друга, подоткнул и тихо прошептал прощание. Эльфийка кивнула остальным, и все трое двинулись к сторожевому посту на пересечении улиц Сэрдуна и Вэлгонда, всего в дюжине домов отсюда.

Я стоял, словно окаменев, не зная, что делать дальше. Я уже видел несколько трупов раньше, когда сам служил в городской страже, лет десять назад. Мне было понятно, что Храппи умер всего несколько часов назад, максимум шесть. Я потратил большую часть дня на подготовку отчёта о безопасности для клиента из Дворцового района - постоянно обеспокоенного возможными проникновениями в его уродливый особнячок. Храппи погиб - пока я дописывал которую часть? Как это произошло? Ещё я не мог понять происхождение ужасного вида дыры в груди Жёлтого Мага - это был не нож и... А, ну конечно. Одна из последних его игрушек, а может, что-то из старой коллекции. Он что-то напутал и подстрелил сам себя. «О, Храппи, - подумал я, - глупый дурачок, со своими проклятыми дымнопороховыми игрушками»!

Представители стражи притворили за собой входную дверь, но щель осталась. Я заглянул через тёмный проём внутрь помещения, украшенного в старом стиле - штукатуркой и деревом. Даже не успев ни о чём подумать, я приблизился ко входу и проник в дом. Дверь за собой я просто прикрыл, не став запирать - не видел смысла.

Вот и дом Храппи - милое, но не вызывающее восхищения, одноэтажное здание; среднему обывателю оно показалось бы захламлённым и стеснённым, но не лишённым приятности. Здесь имелись маленькая кухня, уборная, крошечная спальня с циновкой и стёганным одеялом, забитая барахлом кладовка и гостиная, занимавшая всё оставшееся пространство. Обставлять жилища Храппи тоже не умел: по стенам были развешаны штук шесть грубых рыбьих чучел, шаткие стулья обмотаны кожаными полосками, не дающими им развалиться; тут же стояли три столика с треснувшими ножками, лежали грязные ковры и около десятка шкафов и полок, хранивших весь собранный им хлам. Типичная среда обитания убеждённого, даже фанатичного холостяка.

В доме плохо пахло. С кухни тянуло жареным мясом кабана, но к аромату примешивался запах застоявшейся крови мертвеца. Я помнил этот смрад по былым временам. Воздух даже на вкус был отвратителен - мне пришлось сглотнуть, сдерживая позывы желудка.

Я отвернулся от шеренги рыб и заметил трещину на стене, между двумя шкафами. Я подошёл поближе, чтобы рассмотреть её, но вовремя опустил взгляд вниз, едва не вступив в большую тёмную лужу, в середине которой лежала пушка Гонда. Не было сомнений - это то оружие, которым он так неосторожно себя подстрелил.

- Прокляни тебя Мистра, Храппи, - пробормотал я, удивлённый нахлынувшими чувствами. - Прокляни тебя Мистра. Нужно было поберечься.

- Знаете, никто ничего не слышал, - внезапно раздалось за моей спиной. Я с трудом удержался от того, чтобы резко развернуться на месте, вместо этого наострив чувства и стараясь понять, грозят ли мне проблемы. Голос звучал молодо, но содержал нотку профессионализма. Офицер стражи, скорее всего.

- Вообще ничего? - уточнил я, не оглядываясь, словно мы разговаривали о погоде.

- Ни звука. Даже мы, хотя до нашего поста выше по улице можно камень добросить. Любопытно это, как мне кажется, - говорящий замолк, возможно, оценивая меня. - Если вы были другом покойного, я вам соболезную. Тем не менее, попрошу вас ничего не трогать до тех пор, пока расследование не завершится.

Его соболезнованиям чего-то не хватало - искренности, пожалуй. Он не шевелился и не проявлял никакого интереса. Я медленно повернулся. Низкая, изящная фигурка в золочёной кольчуге и зелёной одежде неподвижно стояла около распахнутой двери. Метровый жезл свободно болтался в укрытых перчаткой пальцах его правой руки. Кудрявые чёрные волосы были того же цвета, что и высокие сапоги.

Полурослик, капитан стражи. Хотя и высокий - мне по грудь.

- Дом моего приятеля, - промолвил я. - Мы собирались поужинать.

- А зовут тебя... - протянул хафлинг.

- Форматио, - отозвался я. - Форматио с улицы Ривонн.

- Ага, то-то ты показался мне знакомым, - подтвердил капитан, едва заметно кивнув. - Ты консультировал представителей стражи в прошлом году, ну, по поводу этих фокусов и контрабанды. Твоя помощь весьма пригодилась. - Он скользнул взглядом по валявшемуся смертельному приспособлению - Могу ли я вновь рассчитывать на твою поддержку в этом печальном деле?

До меня дошло, что я до сих пор тискаю в руках бутылку "Обещания Дриады". Я поставил её у стены, позади себя.

- Конечно, - ответил я затем, - конечно же я помогу.

- Прежде чем мы продолжим, прошу простить мой подход, - продолжал полурослик, резво подойдя, а затем и миновав меня с рулеткой в руках. Его глаза прощупывали тёмную комнату - я понял, что для него, так же, как и для меня, не составляет проблем видеть при недостаточной освещённости.

- Я не хочу показаться грубым, я просто пытаюсь докопаться до причины событий настолько быстро, насколько возможно, - внезапно он посмотрел на меня, задрав подбородок. - Кстати, я цивилар Ардрум.

Он вновь отвернулся, не дожидаясь ответа.

- Расскажи про своего друга, Жёлтого Мага, - попросил капитан, рассматривая залитый кровью пол и пушку Гонда.

- Я встретил его пять лет назад, - собрал я разбегавшиеся мысли, - когда он добрался сюда, в Глубоководье, с юга, из Лантана. Я проверил на безопасность его и его дом, и мы как-то подружились. Потом мы частенько собирались посидеть, пообсуждать разные события, поделиться слухами об ордене, пообмениваться заклинаниями и...

- Ордене Магов?

- Да, Магов и Защитников. Он был... Храппи был...

Мысли зашли в тупик. Реальность навалилась на меня. Я только что сказал «был». Храппи на самом деле умер. Совсем. Навсегда.

Странно, обдумывал я сквозь замешательство, что мне не хочется заплакать. Так странно и грустно - мой лучший друг погиб, и никто не оплакивает его. Я прокручивал страшную правду в голове, снова и снова.

Не знаю, как долго я стоял, обескураженный и потерянный. Когда я оторвал взгляд от пола, оказалось, что цивилар Ардрум с любопытством наблюдает за мной. В комнате было почти совершенно темно.

- Нужно бы свет зажечь, если ты не против, - предложил он. Последний раз взглянув в мою сторону, он потянулся к поясу и раскрыл висящий там мешок. Мгновением позже яркий свет вырвался из поясной сумки и залил комнату. Капитан стражи поднял предмет, держа его, словно свечу на подставке, и поместил на близлежащую полку, позади латунного пресс-папье. Это оказалась короткая палочка, испускавшая из верхнего конца чистый белый свет.

- Так лучше, - отметил цивилар. Он стянул перчатки, заткнув их затем за пояс. - Нужно многое сделать, а времени мало. Подозреваю, убийца Жёлтого Мага готовится покинуть город, если ещё не сделал этого. Если у тебя есть какие-нибудь способности, которые могут помочь делу, дай мне знать - и мы приступим к работе.

- Убийца? - перепросил я, ещё больше сбитый с толку. - Его *убийца*?

- Разве я не сказал, что никто не слышал ни звука? - полурослик явно был раздражён моей бестолковостью. - Тем не менее вот тут он лежал, совершенно определённо застреленный из порохового оружия. Девчушка, продающая ароматические смеси, обнаружила незапертую дверь и, заглянув, позвала на помощь. Пять прачек, полдня трепавшихся друг с другом не более чем в двух домах отсюда, не слышали никаких звуков борьбы, взрывов, ничего. Как это говорят - тут было тихо как в могиле? И всё же Жёлтый Маг скончался, не ранее полудня. Никакой волшебник не оставляет двери в свой дом открытыми, даже в самый жаркий день, на самой безопасной улице - ты ведь тоже?

Я раскрыл было рот - но тут же закрыл.

- Нет, никогда, - согласился я в итоге. В голове всё ещё крутилось слово «убийца».

Офицер-хафлинг кивнул, слегка удовлетворённый. Его поведение странным образом успокаивало, хотя он и оставался безучастным, словно камень. Я пробежал глазами по шкафам, мебели и полкам. Здесь побывал убийца.

- Я обучался школе иллюзий, - механическим голосом начал я. - Работал стражником десять лет назад, затем прошёл посвящение в волшебники и занялся собственным делом по магической проверке безопасности, - я ещё подумал, и добавил, - отвечая на ранее заданный вопрос - думаю, мне есть, что тебе предложить.

- Хорошо, - цивилар Ардрум встал на колени, чтобы рассмотреть пушку Гонда. Свой жезл он положил на пол рядом, а затем вытащил ещё один свёрток из торбы, развернул ещё одну магическую световую палочку и поместил её на поверхность стола справа. Белый свет и двойные тени заполнили всю комнату.

- Ты однажды обмолвился, что был и вором, Форматио? В прошлом году, на одной из своих лекций.

- Да, - больше я ничего не добавил, продолжая изучать разбросанные повсюду вещи Храппи, выглядывая среди них пропавшие или, наоборот, лишние. Я очень не любил обсуждать ошибки моей молодости и то, как мне пришлось за них расплачиваться. – Этот опыт в дальнейшем мне очень пригодился – в моём деле.

- Могу себе представить. Так что ты тут прятал по просьбе своего друга?

Я прервался и повернулся к полурослику. Тот всё ещё разглядывал оружие, хотя пока даже не прикоснулся к нему.

- Что? – выпалил я.

Капитан стражи нетерпеливо фыркнул, закатив глаза.

- Любой твой секрет отдаляет нас от поимки преступника. Я-то думал ты жаждешь, чтобы правосудие и отмщение восторжествовали как можно быстрее, дабы твой друг Крупносвин Храпотун упокоился с миром.

Едкие замечания Ардрума пробудили во мне гнев. Да кто он такой, этот мелкий сопляк, чтобы говорить мне, что я... Стоп, что?

- Он сказал тебе своё имя? – моя ярость потухла в одно мгновение, сдутая порывом шокирующего откровения. – Он никогда никому не говорил...

Затем ещё одна правда явила мне себя, точно солнце при восходе.

- Он работал на тебя! – выдохнул я. – Маг-наблюдатель! Тайный маг-наблюдатель.

Теперь я понял, почему у Храппи всегда хватало денег на лучшие вина и еду, хотя он владел слишком малым количеством заклинаний и получал слишком мало заказов от ордена, чтобы добывать пропитание торговлей чарами. Но почему же он никогда не рассказывал мне о том, чем занимается?

Ардрум ещё раз посмотрел на пушку Гонда и на некоторое время притих.

- Он был весьма ценен для нас, - наконец, промолвил он, не меняя интонации. – Он присматривал за разными личностями и обществами, держал ухо востро и доносил страже всё, что увидел или услышал. Абсолютно надёжен, всегда готов служить, а уж какая превосходная память! Докладывался лично мне.

Мне показалось, что я начал терять связь с реальностью, а моя голова едва не закружилась.

- Храппи был информатором? Но за кем он шпионил? И что?..

- Форматио, по-моему, я задал вопрос, - прервал Ардрум. – Ты что-то помог ему спрятать. Я должен знать, что это, и где оно сейчас. Ответь, пожалуйста, – слово «пожалуйста» звенело сталью.

Я уставился на предводителя стражи, затем развернулся лицом к рыбьим чучелам на стене. Без предупреждения вытянув в этом направлении руку, я быстро и нараспев произнёс несколько слов, потом сделал движение, будто бы отмахиваясь от мухи.

Образы рыб рассеялись, словно разметанный ветром туман. На месте каждой фигуры теперь было изделие из дерева и металла; большая часть из них была чуть короче расстояния от моего локтя до кончиков пальцев. Они покоились на крюках и распорках – на деревянных дощечках, на которых пару минут назад болтались мёртвые карп, окуни и рыба-клоун.

Это была коллекция игрушек Храппи.

Я слышал, что эти предметы называются аркебузами, кавилерами и ещё как-то, но Храппи называл их просто пушками или пушками Гонда. Он приобрёл их у нескольких специализирующихся на этом торговцев, в своей прежней стране, Лантане. Он верил, что слово «пушка» произошло от имени Гонда, лантанского божества, прозванного верующими Чудотворцем или Дарующим Чудо. Гонд покровительствовал изобретателям, мастерам и новаторам, а сообразительные лантанцы совсем недавно обнаружили отличный способ зачаровывать дымный порох и изготавливать «огненное оружие», плюющееся маленькими свинцовыми или железными пулями и издающее при этом невероятный грохот. Такая магия заставляла мои внутренности съёживаться – но эти странные и немного пугающие штуки вызывали восхищение у Храппи.

В Лантане изготовление оружия боготворили, как-то рассказывал мне мой покойный друг. Благодаря распространителям новинок и проповедникам Служителей Гонда, выступавшим в роли торговцев религиозными принадлежностями, эти пушки теперь появлялись во всех уголках цивилизованного Фаэруна. Ну, по крайней мере так утверждали другие мои знакомые волшебники, чётко выражавшие своё мнение при упоминании этой темы гримасами отвращения и плевыми на пол.

- А, - хмыкнул цивилар, приподнявшись на цыпочки, чтобы рассмотреть собрание оружия. – Превосходно. Весьма умно с твоей стороны. Три, четыре, пять, шесть, семь – все старые на месте.

Он развернулся, заметил рабочий стол Храппи в дальнем углу комнаты, и сразу же направился к нему. Неожиданно полурослик потянулся к поясу, вытащил из ножен кинжал и приподнял остриём ворох бумаг и свитков, сваленных на поверхности. Он отодвинул одну из стопок в сторону – под ней оказалась ещё одна деревянная доска с крючками-подставками для пистолета, но без самого предмета коллекции.

Через всё помещение я услышал выдох цивилара. Тень злости промелькнула на его лице. Затем он, всё так же кончиком клинка, осторожно поднял и перевернул дощечку.

На обороте что-то было написано. Я мог видеть в свете магического жезла буквы – колеблющиеся, переползающие с места на место, но почти различимые.

- Позволь, - попросил я, подходя ближе. Почти машинально, я вытащил из нагрудного кармана маленькую призму и начал читать заклинание, которое каждый волшебник выучивает самым первым. Когда я закончил, буквы перестали колыхаться и заняли свои места.

- *«Приобретено на рынке у Гулнера», - прочёл я. – «Вторая дверь к западу от таверны Поющий Клинок, девятый день Киторна, Год...»*

- Значит, оно было у него, - прервал Ардрум. – Жёлтый Маг этим утром послал сообщение, гласившее, что он совершил очередную покупку, но забрал не тот свёрток. Он хотел обследовать его и посоветоваться с другом, - полурослик выразительно посмотрел на меня, - прежде чем доставить на пост охраны, завтрашним утром. Он сообщил, что это оружие какого-то нового типа и был очень этим фактом воодушевлен.

Затем ему в голову пришла ещё одна мысль, и он обернулся вновь посмотреть на пушку - восьмую по счёту – лежавшую в кровавом озерце.

- Он шпионил за торговцами оружием? Хочешь сказать, его убили из-за того, что он выбрал в лавке не ту безделушку?

Высокий полурослик удержался от того, чтобы через всю комнату ринуться к пистолету. Вместо этого он где-то минуту молчал, уставившись в противоположный конец гостиной, словно задетый моими словами. Когда он заговорил, тон его голоса изменился:

- Это не безделушки. И не игрушки. Это оружие, Форматио, хитроумное и переворачивающее привычный уклад с ног на голову. Оно предназначено, чтобы убивать всё живое – зверей, монстров, людей. Любой сможет им воспользоваться. Оно пробивает броню, как арбалетный болт – ветхую одежду. Ты можешь подготовиться, прицелиться и выстрелить быстрее, чем за одно биение сердца. Маленький шарик, выплунутый дулом ружья может сразить даже огра, если попадёт в нужное место. Любой тупица, имея на руках пистолет, пакетик с рыболовными грузилами и кисет с дымным порохом, сможет устранить парочку рыцарей, или короля, или архимага.

Цивилар Ардрум загнал свой нож обратно в висящие на поясе ножны.

- Эти пушки – что-то новое и странное, и нам, городской страже, они непонятны, да и не нравятся. Твой друг и понимал, и любил их. Он стоил количества золота, равного по весу божеству. Он знал, с кем связаться, чтобы получить образчики, кто их изготавливает, кто покупает и на что они способны. Ты знал, что существует целый чёрный рынок дымного пороха, в страннейших местах города? Твой друг слышал рассказы о других устройствах, работающих по тому же принципу, что и пушки из Лантана, но более мощных или вызывающих более печальные последствия. Кто-то улучшает эти ружья, кто-то смыслённый и умеющий работать быстро – возможно, при поддержке тайного магазина или гильдии. И этот человек поставляет множество этих штук в Глубоководье. Жёлтый Маг отслеживал одну из них – и мы были готовы заплатить любую цену.

Он протянул руку вниз и, колебавшись, подобрал перевёрнутую дощечку.

- Он мог вернуть или убрать изображение рыб каким-то словом, правильно? После того, как оружие помещалось на эти крюки?

Я кивнул:

- Я зачаровал эти восемь досок для него – заплачено было заранее, два года назад. Это последняя.

- Он собирался купить у тебя ещё, - прокомментировал Ардрум, глядя на подставку. – Твоя работа ему нравилась, он всё время болтал о ней.

Я отвернулся и вновь ощутил запах жареной свинины – и пустое место внутри меня. Оставив цивилара на некоторое время одного, я вышел на крохотную кухню, нашёл его небольшую, размером с ящик, магическую плиту и повёл рукой над янтарным светом, исходящим от верха. Сияние погасло – дальше устройство остынет само.

Я осмотрел помещения для приготовления пищи и другие комнаты – не заметил ничего примечательного; тихо пробормотал заклинания по обнаружению чего угодно: укрывшихся врагов или магические ауры – тот же исход. В гостиной также

никаких улик. Ардрум теперь стоял на коленях перед тёмной жидкостью, держа залитый кровью пистолет пальцами левой руки. Глаза закрыты. Я заметил магические эманации, испускаемые кольцом на его другой руке. Я не сомневался, что перстень имеет практическое применение – сам цивилар выглядел как практичный человек. Впрочем, до моего Безотказного Стрелоотражателя ему далеко.

Пока я за ним наблюдал, Ардрум внезапно распахнул веки. Он вернул пушку на место – с видом вора, застуканного за вытаскиванием монет из чашки слепого.

- Что ты нашёл? – вопрос основывался на догадке – о том, что цивилар только что совершил какой-то сверхъестественный акт – молитву или ворожбу.

Полурослик вздохнул:

- Умно. Очень умно с твоей стороны, конечно, но я про убийцу. Из этого ружья никогда не стреляли. Оно изготовлено гномом в Лантане – преданным делу маленьким гномом, вечно заботящимся о своей матери. С этим оружием никогда не случалось ничего интересного, и никто примечательный им не владел. И оно не использовалось для устранения твоего друга. Это обман, ложный след. Предположу, что преступник снял его и оставил как есть уже после убийства. – Ардрум посмотрел на меня; в первый раз после нашей встречи он улыбался – не широко, но всё же это была улыбка. – Неплохо для грубого предположения?

- Псионик, - догадался я. – Ты меня удивляешь.

По правде говоря, после смерти Храппи мало что могло удивить меня, даже стражник с псионическими силами. Лорды Глубоководья, несомненно, нанимали надёжных псиоников при первой возможности, хотя таковые наверняка попадались так же часто, как кокатрикссы с зубами.

- Дар от рождения, но ограниченный, - отмахнулся Ардрум; улыбка сошла с его лица. – Я могу считывать проявления эмоций, остающиеся после того, как кто-нибудь прикоснулся к какой-либо вещи. Чувствовать то, что чувствовали они, видеть то же, за чем наблюдали их глаза. В моей работе эта способность отлично мне служит – как и навыки взлома в твоей. И, как и ты, я не люблю обсуждать эту особенность. Люди бы встревожились, если бы узнали, что я могу прочесть их жизнь одним лишь касанием. Я доверил тебе свой секрет; я бы не стал о нём распространяться, если бы не недостаток времени и твоя проницательность.

Цивилар достал перчатки из-за пояса и аккуратно натянул. Я вспомнил, что он не пожал мне руку и использовал лезвие кинжала при осмотре содержимого стола. Стало быть, он плохо контролировал свою способность – а ещё, скорее всего, не получал восторга от вторжения в чужую жизнь, особенно если это прерванная жизнь совсем недавно жестоко убиенного.

Я задумался о том, что же Ардрум видит в своём разуме, когда в поисках улики подбирает окровавленный нож или удавку, но тут же погнал эти мысли прочь.

- Уже поздно, но всё же мы должны отправиться на рынок, - сообщил Ардрум, забирая жезл и световые палочки, заворачивая последние в тряпки. Комната постепенно погрузилась в почти непроницаемый мрак. – Нужно подобрать там посылку и поговорить с этим Гулмером, упомянутым в надписи. Жёлтый Маг утверждал, что получил не тот пакет - учитывая это, думаю, торговец возвратился за своим товаром и оставил замену. Ты готов, уважаемый Форматио?

Тонкий лучик света, пробивавшийся через щель между ставнями, нашёл пристанище на затылке цивилара Ардрума, подсвечивая каждый из топорщащихся волосков – казалось, будто над его скрытым в тени лицом возник нимб. Мне в голову пришла очевидная идея, кое-что из того, что я ещё мог сделать.

- Почти, - отозвался я. – Я собираюсь прочитать заклинание. Отойди немного и не пугайся ничего из того, что скоро увидишь или услышишь.

Я припомнил правильную последовательность действий и протянул руки в темноту ладонями вверх. Прошептав формулу, я потянулся к одному из многочисленных карманов. Зацепив щепотку пыли, я высыпал её перед собой и произнёс последнее из магических слов.

В комнате мгновенно похолодало. Ботинки капитана стражи зашуршали по деревянному полу, когда тот быстро отступил на несколько шагов. Как я и предполагал, он обладал инфразрением – способностью видеть тепло, как и большинство хафлингов. И теперь он должен видеть появившуюся между нами чёрную колонну размером с человека моего сложения.

- Тень, - обратился я к тёмной пустоте. – Ты можешь видеть всё, что само отбрасывает тени. Я требую от тебя ответа на один вопрос, а затем отпущу тебя в твою беспросветную страну.

Моих ушей коснулся шёпот, еле уловимый, будто бы донёсшийся издалека вздох ребёнка:

- *Слушаю.*

- Днём здесь был убит человек, - голос едва не подвёл меня; я отбросил воспоминания об окровавленном и мёртвом теле Храппи на носилках. – Повелеваю, тень – открой мне, кто совершил злодеяние.

Это было моё личное, особое заклинание – никто другой никогда не видел меня использующим его. Контроль над тенью был полным, поэтому она не представляла опасности ни для меня, ни для цивилара. В противном случае, однако, эфемерное существо могло бы оставить от нас лишь замёрзшие, окоченевшие трупы, а наши духи присоединились бы к вечным его блужданиям в царстве тьмы и ночи.

Тем не менее, когда я почувствовал, как тёмный посланник подобрался ко мне столь близко, что кожу моего лица обожгло и остудило горьким холодом его существования, и когда я содрогнулся от осознания всепоглощающей пустоты, я ужаснулся, подумав, что он мне больше неподвластен.

Тень вновь вздохнула. Мне показалось, что в её слова закралась нотка ликования:

- *Я не видел никого, кто бы его убил, -* прошептал призрак и тут же исчез.

Воздух наконец потеплел, и я опустил руки. Никого? Никто не убивал моего друга? Тени играли со словами, они любили коверкать правду. Я отчаянно боролся с фразой, но признал поражение – временно.

- Можно идти, - позвал я цивилара.

Снаружи уже сгустились поздние сумерки. Трое стражников, вернувшиеся к дому, чтобы дожидаться капитана, охраняли вход и отгоняли незваных гостей. Получив их разрешение, я поместил на дверь и окна запирающие чары, чтобы оградить жилище от любопытствующих; только стража или старший волшебник смогут их снять.

Цивилар Ардрум и я прибыли на базар после непродолжительной и торопливой прогулки. Остальные стражники призвали ещё больше своих коллег к месту нашего назначения. В пути мы оба не проронили ни слова, даже когда перед нашим глазами предстал ярко освещённый факелами, огромный рынок Глубоководья.

Мы пересекли Торговый Проспект и вошли на овальное пространство, заставленное палатками – это и представлял из себя рынок. Даже сейчас, после захода солнца, продавцы всё ещё рекламировали проходим свои товары. Но этим вечером посетителей было немного. Я заметил слабый свет свечи, лившийся из окон верхнего этажа таверны «Поющий Клинок» - слева от нас, с дальней стороны базара – и уверенной поступью направился туда.

- Я ведь слышал, как тёмная сущность, которую ты призвал, сказала, что никто не убивал Жёлтого Мага? – пока мы шли, уточнил Ардрум приглушённым, заговорщицким голосом.

Я оглянулся и, убедившись, что в радиусе нескольких метров нас никто не подслушивает, сделал глубокий вдох:

- Посланник ответил, что не видел никого, кто бы убил Храппи. Это значит, что он не видел тени убийцы, поэтому, возможно, он её и не отбрасывал.

На пару мгновений воцарилась тишина.

- Невидимка, - затем одновременно произнесли мы.

- Но негодяй должен был стать видимым в тот момент, когда атаковал Жёлтого Мага, - быстро добавил хафлинг. – Заклинание невидимости прерывается именно тогда...

- Существуют более могущественные чары, которые не разрушаются из-за физического контакта, - прервал я. – Некоторые устройства тоже так могут. Он мог подкрасться к Храппи и... застрелить. Не становясь при этом видимым.

Полурослик замедлил шаг, почти остановившись:

- Значит, убийца всё ещё может быть в доме.

- Нет, - возразил я. – Проверил, используя кое-что из своего арсенала – ничего не увидел.

Цивилар Ардрум нахмурился и вновь прибавил ходу. Я уже мог различить впереди строения по обеим сторонам от «Поющего Клинка». Две двери к западу это... старые «Полные Паруса». В темноте я с трудом мог различить голую мачту баркаса на крыше двухэтажного здания. Здесь раньше продавалось отличное спиртное, которым снабжали караваны, экипажи кораблей и просто путешественников, желавших чего-нибудь – да побольше – что будет согревать их в дороге. Но какие-то из напитков испортились и лишили выпивох зрения, поэтому владелец сбежал из Глубоководья. Я не имел ни малейшего понятия о том, чем старая лавка являлась теперь.

Мы остановились перед дверью. Там был обычный замок, весьма расшатанный. Местечко выглядело неухоженным и неиспользуемым. Цивилар непринуждённо прошёлся вперёд-назад перед фасадом здания, осматривая плотно захлопнутые ставни, затем вернулся ко мне и пожал плечами.

Внутри здания скрипнула доска – звук донёсся со второго этажа. Мы оба услышали его и застыли, встретившись взглядами.

Звук раздался вновь. Шаги, несомненно. Ардрум сделал мне знак отойти на пару шагов, сунул свой скипетр под мышку, затем достал из кармана кусок проволоки и вскрыл замок с удивительной проворностью. Я даже задался вопросом – не были ли его юношеские интересы схожи с моими.

Капитан стражи бросил на меня быстрый взгляд и как будто улыбнулся, а после использовал свой короткий меч, чтобы плавно толкнуть дверь.

В этот момент мы разглядели доселе невидимую тонкую струну, прикреплённую к задней стороне двери. Туго натянутая нить вела к трубе с широкой горловиной, возвышавшейся на коротком шесте прямо напротив входа. Этот кусок металла шевельнулся и оказался нацеленным прямо на нас. И щёлкнул.

Пушка... Белая вспышка взрыва отпечаталась на сетчатке глаз, и я смог ухватить лишь силуэт отброшенного мимо меня маленького капитана стражи. Одна рука его свободно болталась. Я прижал ладони к ноющим ушам, не слыша ничего, кроме звона – столь громкого, что он словно сверлил мой мозг. Мелкие осколки проносились мимо, врезаясь и откалывая кусочки металла, дерева, камней и земли. Верхняя половина двери, вся искорёженная, валялась посреди проёма. В ночном воздухе столбом стояла пыль.

Я был оглушён, но невредим – Безотказный Стрелоотражатель Тёрмиша исправно работал.

Вывалившись на улицу, я застал Цивилара Ардрума в дымящейся одежде и корчащимся на земле. Он попытался коснуться лица искромсанными руками и издал короткий стон боли. Я отпустил уши и подбежал к нему, опустившись рядом с ним на колено.

Осветляющие линзы в моих глазах давали мне разглядеть малейшие детали состояния полурослика. Меня едва не стошнило; капитан будет мёртв меньше, чем через минуту.

Он повернул подергивающееся лицо ко мне. Один глаз всё ещё был на месте.

Очень осторожно, он поднял руку и ткнул мимо меня – указывая на «Полные Паруса».

«Иди», - одними губами показал он. Затем откинулся, и глаза его сомкнулись.

Вокруг уже собралась толпа, ещё больше людей спешили к месту происшествия. Больше я ничего здесь поделать не мог, а потому поднялся и повернулся, взглянув на верхнюю часть «Полных Парусов». Кто-то следил за мной с крыши, а затем стремительно скрылся из виду.

- Не уйдёшь, - пригрозил я ему вслед. Правая рука нырнула в карман и выудила оттуда полоску кожи со сшитыми концами. Нужная фраза сама пришла на ум. Я приблизился к основанию дома и озвучил её, затем подбросил кожаную петельку. Она растаяла в воздухе.

Мои ноги оторвались от земли. Я поплыл к крыше, проговаривая слова уже другого заклинания. В голову пришла мысль – о чём сейчас думают все те кричащие люди внизу. Если они умеют соображать, то должны бы уже начать отходить на безопасное расстояние.

В тот момент, когда мои глаза поравнялись с уровнем крыши, прямо передо мной предстал нос маленькой лодки, точнее, то, что от него осталось за все годы борьбы со стихиями и молодыми хулиганами. Ещё, менее чем в пяти метрах от себя,

я разглядел крепко сбитую фигуру, сжимавшую предмет, напоминавший укороченную пушку Гонда. Беглец краем глаза заметил меня, развернулся, поднял оружие и выстрелил. Из дула исторгся белый сполох, и мои уши вновь заложило из-за раздавшегося отрывистого раската.

Разумеется, пуля пролетела мимо. Я вытянул в его сторону указательный палец правой руки и закончил читать заклинание.

Промелькнув, длинный узкий снаряд врезался нападавшему в грудь, рассыпавшись брызгами при ударе и сбив стрелка с ног. Упав, тот начал дымиться, словно мокрая тряпка на раскалённой плите.

Хотя я и был оглушён, его крик был слышен даже мне. Кислотная стрела – та ещё штучка.

Я уже преодолел парапет и начал произносить ещё одно заклинание, когда заметил, что баркас шевельнулся – содрогнулся, будто что-то приземлилось внутрь. Я отскочил подальше и увидел ещё одну фигуру, вырисовывающуюся на фоне звёздного неба идвигающуюся от кормы вперёд, ко мне. Этот человек тоже нёс – двумя руками – пушку со здоровенным стволом. Я почти дочитал заклинание, когда он выстрелил. «Странно, - я успел подумать, - почему он целится мне под ноги?»

Я почувствовал толчок, когда снаряд ударился о крышу передо мной. Ослепительная смесь света, огня и тряски – и крыша, лодка, небо и город под ним завихрились перед моим взором, словно меня затянуло в водоворот. Я вытянул руки, стараясь выровняться, и усилием воли остановил своё движение. Теперь я завис в воздухе – вверх тормашками и в шести метрах над пылающим совсем недалеко от баркаса кратером на крыше. Безотказный Стрелоотражатель, конечно, просто чудо, но я не рассчитывал оказаться вознесённым в небеса.

Новый вид пушек. Пушка, стреляющая бомбами или ракетами. Я угодил прямо в гнездо шершней.

Я медленно принял нормальное положение и стал спускаться, прекратив действие обездвиживающего заклинания. Они меня разозлили.

К моему полнейшему удивлению, лодка поднялась над крышей и помчалась мне навстречу.

К счастью, мне хватило присутствия духа, чтобы ухватиться за ветхий бушприт проносящегося мимо судна. Перевалившись через борт на палубу, я обнаружил, что обладатель широкой бомбометательной пушки идёт меня встречать. Вот только он отбросил разряженное оружие и теперь держал внушительный топор дровосека.

Я поднял руки, соединил кончики больших пальцев и вытянул остальные в его сторону. Это заклинание я обожал. Требовалось только одно слово, чтобы активировать волшебство. И я его произнёс.

Языки ревающего пламени вырвались из моих пальцев и с ног до головы охватили вооружённого топором недруга, превращая того в человеческих размеров факел. Он выронил оружие и захлопал по одежде, лицу и волосам, пытаясь сбить пламя. По его душераздирающим воплям я понял, что слух потихоньку возвращался ко мне.

Улучив момент, я метнулся к нему, поймав скользкую обнажённую руку. Он едва мог сопротивляться – мне же лучше, я никогда не делал успехов в физической борьбе. С усилием заломив его конечность за спину, я оттолкнул его к низкому

ограждению. Он ударился о перила, перегнулся и скрылся за бортом. Я даже не удосужился посмотреть, куда он упал.

В воздухе отвратительно воняло горелым мясом. Я осмотрел руки, поморщился и вытер их о мантию – кусочки жареной кожи отошли, когда я схватил нападавшего. Вышвырнуть его за борт – значило проявить милосердие.

Больше вокруг никого не было. Но корабль всё ещё поднимался в ночное небо со всё увеличивающейся скоростью. Я даже представить себе не мог таких чар. Пригнувшись, чтобы уберечься от дикого ветра, я двигался к корме, пока не наткнулся на дверь, ведущую в маленькую кабину. Я подумал о тех многочисленных заклинаниях, что у меня с собой имелись; я никогда не путешествовал налегке. Хм, лучше подготовиться, чем быть застигнутым врасплох. Я выбрал два-три заклинания, с которыми мне особенно хотелось ознакомить главаря. После этого, бросив заклятье света внутрь помещения, я и сам вошёл следом.

Я посмотрел влево, вправо, вниз, вверх, всюду, куда падал свет от заклинания. Ничего. Ветер ворвался в комнату, сдувая ту немногую пыль, что здесь ещё оставалась. Доски скрипели – баркас продолжал взлетать к небесам.

- Разрази меня Мистра, - пробормотал я.

- Давая лучше я, - раздался со стороны кресла грубый мужской голос.

До меня только сейчас дошло, что заклинание обнаружения скрытого прекратило свое действие какое-то время назад.

Всепоглощающая вспышка белого огня и света набросилась на меня со стула. Но она была абсолютно беззвучной. Почти тут же за ней последовала вторая, третья, наконец, четвёртая – безумный поток бесшумных выстрелов. В какой-то момент я даже подумал, что вместе со мной в этом закутке целая армия стрелков.

Когда стрельба стихла, я заморгал и осмотрелся. Стена позади меня вся была испещрена дырками от выстрелов. Я предположил, что мне только что продемонстрировали новую игрушку, которую Храппи заимел случайно – пушку, которая выстреливает несколько раз подряд. При этом не издавая ни звука.

Появившись из ниоткуда, ружьё, крутясь, вылетело из резного кресла, отклонившись от курса, прежде, чем ударило меня и отскочило от стены, упав на пол передо мной. Выглядело оно достаточно странно. Хотя прямо сейчас это меньше всего волновало меня.

Густые клубы дыма, образовавшиеся из-за многочисленных выстрелов, заволокли всё помещение. Воздух сильно пах горькой гарью. Я смог разглядеть через эту завесу движущийся силуэт одинокого человекоподобного существа, сидевшего в кресле. Он от души осыпал меня проклятиями – на чистейшем эльфийском.

Эльфийском? Какие ещё сюрпризы готовил для меня сегодняшний вечер? Впрочем, я уже до смерти устал от них.

- Моя очередь, Гулнер, - бросил я.

Я совершил пару движений руками, выкрикнул несколько слов, вытянул палец и сам даровал стрелку-сквернослову свой лучший выстрел.

У обычной версии этого заклинания, называемого «призрачный убийца», есть свои достоинства. Оно достаёт самые глубоко захороненные страхи жертвы и формирует из них воображаемую сущность, монстра, существующего только в её

сознании. Однако жертва думает, что это создание реально, неуязвимо и неостановимо. А ещё она видит, что тварь идёт за ней. И если несчастный поверит, что сущность вот-вот нанесёт удар, то умрёт. От ужаса.

Я годами имел дело с грязью и отбросами того вида, который стража Глубоководья знает слишком хорошо, а потому разработал улучшенную версию заклятия. Я страстно мечтал отплатить некоторым криминальным элементам за все те страдания, что они принесли людям, моим друзьям и лично мне.

Я создал это заклинание в прошлом году. Но ещё ни разу его не использовал. До этого момента.

А потом очень быстро произошли две вещи. Первая – человекоподобная форма на стуле резко вздохнула, когда заклинание возымело эффект. У него почти не было шансов сбросить его или сопротивляться – слишком могущественное. И длится целый час.

И вторая – всё вокруг внезапно потеряло вес, включая меня.

Я врезался головой в потолок, и тысячи звёздочек замелькали у меня перед глазами. Я ощущал себя так, словно был подброшен в воздух великаном. Вся комната накренилась, и рёв ветра затих снаружи.

Хрипло оравшая фигура на кресле внезапно закричала, будто перед смертью – и так оно и было. Пытаясь предотвратить ещё непонятно что, я мельком глянул в ту сторону через дым. Больше я этого эльфа не видел.

Я почувствовал, что падаю. Ветер снова начал завывать, постепенно усиливая свой рокот до оглушающего, сотрясающего до костей грохота.

Я совершил ошибку. Здоровяк на стуле должно быть управлял полётом этой штуковины. Убив его, моё ручное заклинание заодно прикончит и меня.

В падении лодку трясло и болтало. Стены бросались на меня, в то время как я отчаянно пытался выбраться из помещения на палубу. Заклинание левитации всё ещё действовало, и я мог бы, движимый ветром, плавно опуститься на землю, если бы только выбрался отсюда.

Не могу ясно припомнить, каким образом я выкарабкался и выпрыгнул подальше от падающего судна. Всё же я смог почти сразу же замедлиться и зависнуть в воздухе.

Свет большой серебряной сферы Селуны падал на верхушки облаков – подомной. Я осознал, что нахожусь во многих милях над землёй. Последний брошенный взгляд на крошечный, тёмный кораблик, стремительно уменьшающийся вдаль, на слабое свечение из-за двери каюты – и вот он растворился в облаках и исчез.

Однако время заклинания истекало. Я мог мысленно прервать его, но тогда бы камнем полетел вниз. Так высоко я ещё никогда не был, и не слышал, чтобы вообще кто-нибудь взлетал на такую же высоту.

«Так, - успокаивал я себя. – У меня осталось ещё одно заклинание левитации, так что если я развею текущее, то смогу прочитать следующее до того, как ударюсь об землю, и всё будет в порядке. Только и нужно, что сохранять спокойствие да крепче держать кожаную петельку, а уж слова забыть, или с движениями напутать, или слишком медленно всё делать я точно не смогу. Замечательная ночь сегодня в Глубоководье, но уже домой хочется».

Я продолжал разговаривать сам с собой в том же духе, потянувшись к карману и нащупывая нужный компонент. Оставалась всего одна петелька. Я вытащил её.

И уронил.

Я попытался поймать её, но промахнулся. Извернувшись и прочесав взглядом освещённые лунным сиянием верхушки облаков, я конечно же не смог найти и следа кусочка кожи.

После того, как я вернул контроль над своим дыханием, я осторожно размотал кожаную завязку с левого рукава. Соединив концы вместе, я катал их в пальцах так долго, что даже бык не смог бы расцепить их. Мне оставалось только надеяться, что эта импровизация не повредит заклинанию. Закрыв глаза, я остановил действие заклятья левитации.

И вновь началось свободное падение; ветер стегал моё тело через одежду. Мне удалось повернуться лицом вниз, навстречу несущимся ко мне облакам. Слезаящими от ветра глазами я наблюдал, как они неотвратно растут. Запаниковав, я постарался начать заклинание. Из-за воздушного напора произносить слова оказалось невозможно.

Я попытался развернуться, чтобы, если что, упасть на спину, но не смог и закувыркался в воздухе. Едва не обезумев от ужаса, я закрыл глаза и вновь начал читать заклятье. «Я должен его завершить!» – думал я; мне уже становилось плохо от постоянного вращения. Я совершил пассы, прокричал формулы и подбросил кожаную капельку. В тот же момент я поднял веки.

Я увидел облака надо мной – с луной, проглядывающей через них. Сразу же моё падение стало замедляться. Получилось!

А потом я перевернулся и увидел лес, ловящий меня в свои жёсткие объятья. Я опоздал всего на несколько секунд.

Позже мне рассказали, что я выжил благодаря невесте, сбежавшей со свадебной ночной гулянки. Жених, его семья и семья невесты прочёсывали лес в поисках беглянки (которая пряталась на сеновале со своим прежним дружком), когда я упал прямо к их ногам, обломав ветки большой сосны. Половина из поисковиков тут же сбежала, посчитав меня чудовищем, остальные по той же причине едва не убили меня. Старое доброе «бей или беги».

Один из них, подбиравшийся ко мне с ножом, понял, что я очень похож на человека, которому изрядно досталось, потому они смиростивились и просто связали меня, доставив затем в город, страже – на случай предусмотренной за мою голову награды.

Я очнулся в собственном доме, двумя днями позже. Каждая частичка моего тела сильно болела. Лицо кто-то протирал влажной тканью.

- Превосходно, - услышал я знакомый голос. – Оклемаюсь, как и положено профессионалу. Однажды стражник – всегда стражник. Уважаемая, не могли бы вы подождать снаружи?

- Ты, - выдавил я через избитые губы; было больно не то что говорить, а даже помышлять о разговорах.

Успокаивающая влажная тряпочка куда-то делась. Каблуки застучали по деревянному полу – кто-то покинул комнату – и в поле моего зрения возник цивилар

Ардрум. Всё его лицо пересекали бледные шрамы, один из них – поперёк правого глаза.

- Ты придёшь в норму через несколько дней. Заклинания исцеления оплачены стражей. А тот кораблик мы нашли в двух милях к востоку от города. Точнее, обломки. Ты бы даже не узнал его. Мне не удалось опознать ошметки находившегося в нём парня, но у него с собой оказались прелюбопытнейшие закодированные записи, которые твои коллеги из ордена любезно для нас расшифровали.

- Почему, - осилил я наконец, - почему ты здесь? Живой!

Ардрум протянул правую руку и стянул с неё перчатку. На среднем пальце поблёскивало отполированное серебряное кольцо. Вся кисть и незакрытую одеждой часть руки покрывали затянувшиеся шрамы – совсем как на лице.

- Бесценный Перстень Быстрой Регенерации, - ответил полурослик. – Нашёл его в Тёрмише по молодости. А твоё кольцо?..

Я облизнул губы:

- Безотказный Стрелоотражатель.

- А, вот почему пушка-ловушка тебя даже не задела. Повезло, что мы с тобой такие предусмотрительные покупатели.

- А что насчёт бумаг? Тех, с летающей лодки?

- Ты имеешь в виду со спеллджаммера? Ты что-нибудь о них знаешь? Нет? Когда-нибудь, когда тебе полегчает, мы поговорим об этом. Тот священник-полуорк с корабля – да-да, полуорк в нескольких слоях маскировки, чтобы выглядеть максимально похожим на человека – был главарём банды контрабандистов. Они поставляли оружие и порох в Глубоководье, толкая их затем сборищам различных сомнительных личностей. А ещё они тайно переправляли пушки из Лантана на Дикий Север, вероятнее всего тамошним армиям гуманоидов. Жёлтый Маг едва не напоролся на всю их операцию. А потом он получил не ту посылку – как раз одну из специальных пушек, доставленных из пустошей. Они стреляют несколько раз подряд, благодаря хитроумным механизмам и пружинам. Думаю, название «автопушки» им подойдёт. Полуорк находился под действием заклинания абсолютной тишины, он и был убийцей Храппи. Мы сожгли его останки, чтобы никто не мог вернуть его к жизни.

Я просто лежал и смотрел на хафлинга.

- Ты ведь сейчас не серьёзно?

- Отнюдь, - отозвался тот. – Мы с тобой перебили хребет всей этой афере и едва не погибли в процессе, – он нахмурился. – Конечно, мы не нашли источник поставок из пустошей, но мы связались с Лордами Глубоководья, и один из них предположил, что остатки флота скро – со времён Второй Нечеловеческой Войны – могут болтаться на орбите Торила. Всё это звучит как миссия для кого-то другого, для какого-нибудь мускулистого героя, не для нас, простых борцов с преступностью.

Скро, не-люди, пустоши – я понятия не имел, о чём говорит цивилар.

- Мне нужен отдых, - наконец обронил я.

- Разумеется, и ты получишь его, дорогой Форматио. Получишь. Но долго не расслабляйся. Страже понадобится твоя помощь с определением чар, которыми подлецы скрывали свои делишки – а никто не сможет с этим справиться лучше тебя, мастера иллюзий. Я вернусь завтра к полудню. Увидимся.

Он собрался уходить.

- О! – вернувшись, маленький капитан аккуратно поставил на маленький прикроватный столик бутылку, подарив ей напоследок прощальный взгляд. – Когда я приду, мы прикончим эту твою бутылочку «Обещания Дриады», позабытую тобой кое-где – и вознесём молчаливый тост в честь наших павших товарищей и деяний давно минувших лет.

Цивилар Ардрум посмотрел на меня и улыбнулся по-настоящему:

- И тост в честь тех, кто пал – но выжил.

Он хлопнул по спинке кровати, развернулся и быстро покинул меня, оставив на попечение целительницы и её помощниц.

В голове вертелись миллионы вопросов, но я ощущал себя очень усталым. Эта ночь в Глубоководье была какой угодно, но только не замечательной. Я закрыл глаза и больше ни о чём не думал.

ПРЯМОЙ ПРОХОД Элейн Каннингем

Скуллпорт, подземный город скрытый намного ниже улиц и доков более уважаемого Глубоководья, был одним из немногих мест Побережья Меча, где хоть и с опаской, но вели дела с дроу. В другом месте, грозная репутация тёмных эльфов обеспечивала им приём, характерный для орды хищных орков; в Скуллпорте, чёрная как ночь кожа дроу лишь гарантировала, что её обладатель мог зайти в любую таверну и не ждать столика.

Не смотря на опасность и грязь, Скуллпорт влёк Лириэль Бэнре. Всего несколько месяцев назад она была вынуждена покинуть свой дом в Мензоберранзане, легендарном городе дроу. Юная эльфийка только что завершила опасное путешествие по северным землям и провела успешное нападение на крепость торгового клана дроу. Новый этап путешествия должен был вот-вот начаться, но у Лириэль было несколько дней, чтобы расслабиться и насладиться жизнью. По её мнению, Скуллпорт был прекрасным местом для этого. Здесь царил хаос, свойственный её родине, но не было жриц, пристально наблюдающих за каждым шагом горожан. Пребывание Лириэль в подземном порту было недолгим, но достаточным для того, чтобы понять, что в Скуллпорте может произойти всё что угодно.

Тем не менее, дроу не была готова к полуночной гостье и странному способу, которым та прибыла.

Ранее этим вечером Лириэль удалилась в удобную комнату над “Кишками и Повязками”, шумной таверной, знаменитой дварфийским элем и непристойной публикой. Это был первый тихий вечер с момента прибытия в Скуллпорт, и первая возможность учиться почти забытым рунам древней варварской расы, известной как

Русы. Интерес Лириэль к этой магии был страстным и неудержимым, поэтому через два дня она собиралась отплыть на далёкий Руатим, где жили потомки Руссов. Там юная эльфийка наконец-то узнает, сможет ли рунная магия изменить судьбу дроу. От успеха этого предприятия зависело очень многое, и дабы повысить свои шансы Лириэль стремилась получить все возможные знания о людях и их магии.

После нескольких часов изучения, эльфийка прервалась и по-кошачьи потянулась. До её слуха доносились звуки таверны: бойкая танцевальная музыка, смесь ругательств и возгласов ликования, звон кубков, случайные драки. Приглушённая толстым камнем вся эта какофония становилась приятным ропотом. Лириэль не желала участвовать в торжествах, но она получала удовольствие от знания, что такая возможность легко доступна. Кроме того, шум был приятным фоном для чтения. С довольным вздохом молодая дроу зажгла новую свечу и вернулась к книге. Рассеяно откинув непослушную прядь длинных белых волос, она склонилась над странными рунами.

Тёмные эльфы выживали в любых условиях только благодаря постоянной настороженности. Лириэль, несмотря на сосредоточенность на исследовании, оставалась бдительной к возможным опасностям. Так что, когда яркий гобелен, украшавший дальнюю стену, вздрогнул и стал исчезать, она среагировала с быстротой, свойственной всем дроу. За один удар сердца эльфийка вскочила на ноги, сжимая в одной руке кинжал, а в другой небольшую, но от того не менее опасную пылающую сферу.

Прежде чем она успела сделать вдох, стена растворилась в вихре мерцающего света – магический портал в некое удалённое место. Первой мыслью Лириэль было, что враги нашли её. Второй – в этот раз они подготовились лучше.

Дроу прекрасно разбиралась в колдовстве своей расы и не была новичком в магических телепортациях, но она никогда не видела ничего подобного бушевавшему перед ней беззвучному шторму. Цвета тысяч закатов мерцали в вихрящемся тумане, и точки света кружились в нём словно звёзды. Ясно было одно: кто бы ни пришёл через этот портал, он будет силён. Улыбка предвкушения зажгла огонь в золотых глазах дроу, и каждый мускул маленького тела напрягся в ожидании битвы.

Портал взорвался в навевающей ужас тишине, разметав разноцветный дым по углам комнаты. Магические ворота исчезли, а вместо них остался ничем не примечательный гобелен, перед которым стоял самый необычный воин.

Лириэль моргнула, на миг у неё возникла мысль, что мародёр-варвар сошёл с батальной сцены, изображённой на гобелене. Фигура перед дроу была больше похожая на древние иллюстрации воплощённые в жизнь, чем на существо из плоти и костей. Сталкиваться с подобным Лириэль ещё не приходилось.

Перед дроу стояла человеческая воительница. Женщина была выше, чем эльфийские девушки более чем на фут и, по крайней мере, в два раза шире. Толстые косы огненно-рыжих волос выглядывали из-под украшенного рогом бронзового шлема и терялись где-то в густой красноватой медвежьей шкуре, накинутой на плечи. Не считая плаща и меховых сапог до колена, воительница была практически голой. Оружие было привязано к её телу кожаными ремнями. Несколько обрывков оббитой железом кожи, защищали наиболее уязвимые участки тела. Кожа женщины

была бледна, мышцы подтянуты, а такие формы как у неё встречались разве что в фантазиях подростков и художников. Из-за фигуры женщины, её костюма и театрально мрачного выражения лица, Лириэль склонялась к мысли, что неожиданная посетительница часть чьего-то вечернего развлечения. Очевидно, воительница слегка заплутала на серебристых магических тропах.

– Эффектный выход, – сухо заметила Лириэль, – но представление проходят в главном зале таверны.

Небесного цвета глаза варварки вспыхнули голубым жаром.

– Ты приняла меня за кабацкую девку? – взревела она, потянувшись к эфесу своего меча. Откинув шлем, женщина глубоко вздохнула – что едва не стоило ей последней одежды – и подняла меч в вызове. Остатки светящегося дыма извивались вокруг неё, добавляя эффектности происходящему.

– Узри Вашу Красную, дочь Ханигарда, королеву рейдеров ледяной воды, капитана Хротгарской стражи и наёмный меч клана Красных Медведей, – объявила воительница голосом, от которого задрожали стёкла.

У Лириэль возникло ощущение, что после этих слов противник должен моментально сдаться и пасть ниц, но дроу не впечатлили титулы посетительницы. В отличие от меча.

Свет свечи переливался на рунах, выгравированных на клинке, и отбрасывал зловещие золотистые отблески вдоль двойного лезвия. Длинный кинжал Лириэль, обработанный сонным зельем, казался крайне жалким на фоне оружия варварки. Дроу украдкой наблюдала за тем, как суматошно мечется взгляд женщины по комнате. Эльфийка предположила, что женщина была временно ослеплена ярким светом магического портала. Однако с мечом такого размера точность была не так уж и важна. Мудрым поступком со стороны дроу было бы бросить шаровую молнию и позже заплатить за убытки хозяину таверны. Это было грязным, но верным решением таких вопросов. Лириэль отвела руку назад и пустила шар в полёт.

– Заклинатель рун! – презрительно сплюнула варварка. Её меч мелькнул в воздухе и отбил светящуюся сферу назад к тёмной эльфийке. К удивлению и бесконечному облегчению дроу, огненный шар зашипел, но рассеялся, так и не взорвавшись.

Уголки губ воительница приподнялись в самодовольной усмешке.

– Грязное волшебство тебе не поможет, – ликующе сказала она. – Знай и трепещи: ты не можешь избежать правосудия Русов, даже если ты сбежишь сквозь само время! Возвращайся на суд, заклинатель рун, или умрёшь сейчас от моей руки.

Мы на держащей меч руке варварки подрагивали от нетерпения, не было сомнений в том, какой вариант она предпочитает.

Но Лириэль ни на минуту не задумалась о сдаче и не испытала страха перед смертью. Варварка может быть даже крупнее огра, но у любого волшебника-дроу, достойного этого звания, найдётся множество способов, избавится от нежеланных посетителей. Однако Лириэль не атаковала, поскольку нечто в речи женщины вызвало у неё интерес.

– Русы? Бегство сквозь время? – повторила дроу взволнованно, догадки теснились в её уме. Волшебные порталы могли вести в отдалённые места, сквозь преграды, даже на другие уровни. Но возможно ли, что они могут соединять века?

Действительно ли эта женщина – древняя воительница, а не дешёвая куртизанка с плохим чувством моды?

– Кто же ты, во имя Девяти Кругов Ада?

Женщина-воин нахмурила светлые брови. В льдисто-голубых глазах появилась тень неуверенности, она прищурилась, вглядываясь в урывающие врага тени.

– Разве я не сказала? Ты не расслышала? Я Ваша Красная, дочь...

– Прекрати, – отрезала Лириэль, у которой не было никакого желания слушать родословную гостыи. – Я поняла, что ты сказала. Но откуда ты пришла? И, что более важно, из какого времени?

– Двенадцатый год правления короля Хротгара. Последнего года его правления, и ты это знаешь! В тёмную луну, Хротгар был убит твоей мерзкой магией!

Дроу задумалась над данным заявлением. Она была чрезвычайно занята в последнее время, но при этом эльфийка могла поклясться, что не убивала никого с таким именем. После длительных размышлений, она вспомнила, что приключения короля Хротгара были описаны в книге рунных знаний. Его перехитрил изменник, заклинатель рун с тёмной и необычной силой. Но даже по приблизительным расчётам, это произошло почти...

– Две тысячи лет назад! – сказала Лириэль, рассматривая мечницу с внезапно возникшим уважением. – Ну, скажу, умеешь же ты хранить обиду!

Ваше это не ни польщённой, ни удивлённой. Яростно зарывав, она подняла меч над головой, целясь между глаз нечёткой фигуры, и резко опустила клинок. Мощный удар рассёк бы Лириэль аккурат пополам, если б достиг цели. Но проворная эльфийка нырнула в одну сторону, дважды кувыркнулась и встала на ноги столь быстро, что успела заметить, как опускается меч. Оружие врезалось в арендованную кровать и начисто её разрубило. Одежда, матрацы, даже тросы и рамка из деревянных балок были сокрушены гневом Ваши. Кровать рухнула, как спелый гриб дождевик, облако перьев взлетело из разорванных подушек прямо в лицо мечнице.

Варварка отскочила, заходясь кашлем и непрерывно чихая. Лириэль воспользовалась этим моментом, используя заклинание удержание, заморозившее Вашу в середине чиха. Сделав это, дроу шагнула к разрушенной кровати, забрала свою книгу рунных знаний из кучи перья и потрясла ею перед искажённым лицом неподвижной мечницы.

– Из-за этого ты попала сюда, идиотка! Эта книга описывает рунную магию, которую никто не использовал в течение сотен лет. Ты сбилась с пути, разыскивая проклятого волшебника!

Лириэль сделала глубокий вдох, чтобы привести в порядок мысли и успокоиться. Затем она щёлкнула пальцами, и тотчас же тусклый свет свечей в комнате затмило сияние парящих шаров белого магического огня. Во внезапном ярком свете её нежное эльфийское лицо сияло как полированное чёрное дерево. Дроу заправила роскошные белые волосы за заострённые уши, которые свидетельствовали о её расе, и упёрла кулаки в бёдра.

– Скажи мне, – в мурлыканье Лириэль сквозил сарказм, – я действительно похожа на заклинателя рун из клана Красного Медведя?

Ваша не ответила, но жажда крови в её застывших глазах явно поубавилось. Дроу решила, что это хороший знак. Тем не менее, она вырвала меч из рук варварки

и швырнула его в дальний угол, прежде чем развеять заклинание удержания. У Лириэль было к Вам предложение, а, судя по опыту, люди торгуются куда более разумно, если они не вооружены.

– Говорю тебе, Лириэль, дочь Сосдриэль, дочери Мелефисент, заклинатель рун находится рядом, – настаивала Ваша. – Подлый Тос, сын Алфгара, рождённый вне брака Хелдой, богиней кабанов, в то время как она была в человеческой форме – или так утверждает Алфгар – находится в этом городе, – произношение варварки был уже не столь чётким, а румяное лицо сияло, разгорячённое теплом каминов и слишком большим количеством варева dwarфов. Однако она говорила с уверенностью, которая загасила огонь масляной лампы на их столе.

Дроу откинулась на спинку стула и махнула рукой, снова подзывая разносчика напитков. Слуга полуорк поспешил к ним с двумя пенными кружками. Ваша откинула голову и одним махом осушила поданный напиток. Она стукнула пустой кружкой по столу и громко рыгнула.

Лириэль вздохнула. Мечницы, очевидно, страдала от невыносимой жажды, да и dwarфийский эль была готова пить не переставая. Хотя язык Ваши всё больше заплетался с каждой кружкой, дроу опасалась, что варварка истощит подвалы таверны, прежде чем скажет что-то полезное.

– Поверь мне, магическое путешествие – дело сложное, и в твоём случае что-то пошло не так, – объясняла Лириэль уже в одиннадцатый раз. После двух часов подобных объяснения, Лириэль из последних сил цеплялась за своё терпение. Судьба подарила ей бесценную возможность узнать о Русах из первых уст, но дроу чувствовала себя куда менее благодарной, чем, вероятно, должна была быть. – Слушай, Ваша, я постараюсь помочь тебе вернуться домой, но сначала ты должна рассказать мне больше о магии вашего народа.

Мечница нахмурилась и потянулась за нетронутой кружкой собеседницы.

– Я Ваша, дочь Ханигарда...

Лириэль стукнула кулаками по столу.

– Я знаю, кто ты, ради любви Лолс! Просто перейди к сути!

– Некоторые воины Русов знают рунную магию. Моя семья не из них, – сказала мечница прямо. – Мы презираем магию и тех, кто предпочитает её, а нечестное оружие. Даже меч, который я ношу, передали мне после славной смерти Ханигарда, королеве рейдеров ледяной воды...

– Что. О. Мече? – процедила Лириэль сквозь сжатые зубы.

– Он уничтожает магию, как ты видела. Это все руны, которые я знаю, или хочу знать.

Дроу тяжело опустилась на стул. Всё получилось не вполне так, как она ожидала. В обмен на знания о рунной магии, она предложила Вашу прогулку по Скуллпорту. Варварка признала, что гид может оказаться полезным, но она была непреклонна в отношении очередности дел: сначала поиски этого Тоса, а потом уж магические секреты.

– Давай обсудим это ещё раз, – устало сказала Лириэль. – Почему ты уверена, что твой заклинатель рун в Скуллпорте? И почему ты обещаешь мне рунные знания, если тебе нечего предложить?

Ваша полезла в сапог – единственная одежда, достаточно большая для хранения чего бы то ни было – и вытащила два предмета. Один был небольшой книгой в кожаном переплёте, другой осколком плоского камня со сложной резной разметкой. Лириэль схватила книгу и посмотрела на её сливочный пергамент с чувством близким к почтению. Это была древняя книга заклинаний, но страницы были такими белыми, а руны столь чёткими и ясными, как если бы они были вписаны вчера.

– Это написано Тосом, – сказала Ваша, – и книга станет твоей, слово Ваши, дочери Ханигарда и так далее. По словам заклинателя рун, который послал меня сюда, Тос бежал в далёкое место, кишачье злобными разбойниками и жестокой магией, где ему подобные могут ходить открыто и привлекать не более внимания, чем помёт медведя в лесу.

– Действительно, это точное описание Скуллпорта, – согласилась Лириэль, пряча драгоценную книгу в сумку. – Но из этого не следует, что Тос именно здесь.

Варварка подняла кусок камня и передала его Лириэль. Осколок был горяч, как тлеющий уголь; дроу выругалась и бросила его на стол. Она посмотрела на Вашу и подула на пульсирующие болью пальцы.

– Чем ближе заклинатель рун, тем теплее камень, – объяснила мечница. – Это фрагмент монеты времени, один из излишков, что побудили короля Хротгара осудить Тоса, к бесконечному сожалению. С этим камнем гнусный заклинатель рун может путешествовать во времени.

– Но как? – требовательно спросила Лириэль, и в её глазах загорелись жадные огоньки. Дроу всегда стремилась узнать о волшебстве что-то новое, а эта монета времени была во сто крат лучше любого заклинания путешествия, которые она знала.

Ваша пожала плечами.

– Секрет в каменной монете и её рунах. Как это делается, я не знаю, и знать не хочу. Зато точно могу сказать: левая половина монеты хранится у Тоса, чтобы он смог возвратиться. Половина второго фрагмента остаётся в зале суда клана Красного Медведя. Последнюю часть ты видишь перед собой. Как только я поймаю Тоса и верну его половину монеты, я смогу вернуться в своё время. Когда монета времени вновь станет целой, порядочные заклинатели рун проследят, чтоб её уничтожили раз и навсегда.

Дроу проглотила это молча. Её пугала мысль, что такое чудесное волшебство может быть потеряно, но Лириэль отложила свою тревогу, сосредоточившись на более актуальных проблемах.

– Тогда что мешает Тосу уйти из Скуллпорта в другое место и время, оставляя после себя осколки монеты?

Челюсть варварки отвисла, когда она подумала о такой возможности.

– Это возможно, – выдавила она, задумчиво глядя на Лириэль. – Может быть, боги не ошиблись, отправив меня к тебе. В конце концов, ни один честный воин не

сможет понять изворотливый ум тёмного эльфа. Ты сможешь привести меня к негодяю Тосу.

– Не думай, что я не наслаждаюсь этой лестью, – сказала Лириэль сухо, – но если мы собираемся найти беглого заклинателя рун прежде, чем он уйдёт куда-то или в «когда-то», лучше приступить к работе.

Варварка кивнула, выпила остаток напитка и поднялась на ноги. Её стул опрокинулся и с шумом покатился по полу. Клиент, только что вошедший в таверну, оказался на его пути.

Лириэль видела приближающееся столкновения, но ничего не могла сделать, чтобы его предотвратить. Времени, прежде чем кресло врезалось в облачённого в фиолетовую мантию иллитида, хватило только чтобы съёжиться. Существо суматошно замахало руками, пытаясь сохранить равновесие, а четыре щупальца, свисавшие с нижней части его лица, заметались в воздухе, словно ища за что ухватиться. Но ничего подходящего поблизости не оказалось, и иллитид позорно плюхнулся на пол.

Таверну накрыла тишина и отступила, поскольку все поспешно вернулись к своим делам. Иллитида, также известного как пожиратель разума, уважали (и вообще старались избегать) за его странные псионические способности и пристрастие к поеданию человеческих и эльфийских мозгов. Иллитид неловко поднялся на ноги и скользнул к варварской женщине, которая, не обращая внимания на опасность, шагала к дверям из таверны.

К Ваше подтянулось существо чуть меньше взрослого человека. Взгляд её льдистых глаза остановился на иллитиде, рассматривая сутулое, деформированное тело, лысую голову лавандового оттенка, белые глаза без зрачков и извивающиеся щупальца, которые росли из уродливого лица. Всё это женщина оглядела с лёгким любопытством. Но когда взгляд упал на магические знаки, вышитые на робе существа, её губы скривились от презрения.

– С дороги, презренный заклинатель рун, если ценишь свою жизнь, – повелела Ваша, кладя руку на эфес меча.

Дроу знала иллитидов, как сыр знает крыс, поэтому Лириэль, понимая что должно случиться, с предостерегающим криком вскочила из-за стола. Слишком поздно: пожиратель разума выпустил волну силы, которая отбросила каштановые косы Ваши ей за спину. Мечница стояла беспомощная – её глаза расширились от удивления, а мощные мышцы не подчинялись приказам, – иллитид приблизился, собираясь перекусить. Одно фиолетовое щупальце взвилось вверх и смахнуло в сторону рогатый шлем женщины. В тишине таверны стук удара бронзы о каменный пол показался ударом грома.

Но боевой клич Ваши заглушил этот шум. Силой воли воительница поборола псионические тиски пожирателя разума. Её меч скользнул из ножен, разбивая ментальное нападение, и отсек щупальце. Фиолетовый отросток отлетел, разбрызгивая иxor, и иллитид попятился назад. Его белёсые глаза странно выпучились.

Не удовлетворившись, Ваша набросилась на существо повалила на пол. Она быстро придавила корчившегося пожирателя разума и, сидя верхом на его груди, аккуратно заплела три оставшихся щупальца в косу.

Вся нелепость этого действия заставила остолбеневшую дроу действовать. Лириэль бросилась к варварке и потащила от упавшего иллитида, пока тот не пришёл в себя. Она толкнула большую женщину к выходу, желая уйти до того, как ошеломлённый пожиратель мыслей пожалуется тем, кто следит за законом в Скуллпорте.

В дверях Лириэль остановилась и оглянулась на всё ещё молчавшую таверну.

– Она новенькая в городе, – объявила дроу, словно извиняясь, а затем скользнула в темноту.

Покрытая ихором, но торжественно улыбающаяся Ваша последовала за тёмной эльфийкой на улицы Скуллпорта.

Подземный порт располагался пещере имеющей Г-образной формы, которая лежала многими футами ниже уровня моря. Как и следовало ожидать, место было сырым, тёмным и чрезвычайно туманным. Большую часть света обеспечивали фосфоресцирующие грибы и лишайники, росшие на влажных каменных и деревянных стенах зданий, располагавшихся хаотично и в страшной тесноте. Некоторые из этих светящихся грибов могли двигаться, вязкие шарики медленно двигались вдоль проходов, пока их не раздавливали в святающиеся зелёные лужи прохожие. Туман клубился возле фонарей, которые слабо освещали извилистые узкие улочки. В воздухе висел тяжёлый запах морской соли и смрад города. Путешественники и купцы трёх дюжин рас, большинство из которых не приветствовалось на улицах других городов, шлёпали через лужи и ручьи, о содержимом которых лучше было не задумываться.

С каждым шагом меховые ботинки Ваши становились всё грязней, лицо всё мрачней и суровей. Но она уверено шла вперёд, сжимая в руке каменную монету и ориентируясь благодаря испускаемому ею теплу.

Возможно, Лириэль восхитилась бы целеустремлённым рвением женщины, если б не тот факт, что их обеих скорее всего убьют. Дроу медленно шла вслед за Вашей, внимательно осматривая многолюдные улицы и тёмные закоулки, выискивая опасности, которые словно не замечала. Вообще если б у Лириэль было время присесть и спокойно подумать, она бы пришла к выводу, что человека менее подходящего для жизни в Скуллпорте, чем Ваша Красная, просто невозможно вообразить.

Воительница встречала напасти Скуллпорта лицом к лицу с мечом в руке. И в этом не было ничего хорошего. Многослойные интриги города – хотя и приглушённые политикой "безопасной земли", что делала торговлю между врагами возможной – были осложнены странными магическими явлениями, наследием основателя города – одного чрезвычайно сумасшедшего волшебника. Рунный клинок Ваши, возможно, и был выкован для рассеивания магических атак, но вероятно у него были и ограничения, и Лириэль не жаждала узнать какие именно.

Ваша небрежно пробиралась через толпу торгующихся кобольдов. Её движения разбросали купцов с крысыми хвостами, и позволили предмету их обсуждения –

красивой рабыне хафлингу – сбежать в сомнительную безопасность ближайшего борделя. Обманутые кобольды вопили и грозили маленькими кулаками уходящей варварке. Ваша нехотя пощадила гоблиноподобных существ и исчезла в маленьком тёмном переулке.

Лириэль узнала этот туннель – особенно тёмный и опасный коридор, который вился через твёрдые породы к порту. Она пробормотала проклятие, бросила горсть монет, чтобы успокоить тараторящих кобольдов и бросилась в погоню.

Дроу мчалась по туннелю, надеясь на своё эльфийское зрение, которое позволяло разглядеть дорогу даже в темноте. Не сбавляя скорости, она ринулась за крутой поворот, только чтобы погрузить уткнуться лицом в густой мех медвежьего плаща Ваши.

Столкновения, похоже, не доставило варварке ни малейших неудобств. Зато ошеломлённую Лириэль оно опрокинуло на спину. Из такой неподобающей её статусу позиции, молодая дроу согла рассмотреть магическое явление, которое не только дало Скуллпорту его название, но и заставило Вашу Красною резкой остановиться.

В воздухе плавно покачались три черепа – не живых, но и уж точно не мёртвых, – светящихся слабым розовым светом. Лириэль никогда не видела Черепов, но достаточно слышала о них в тавернах, чтобы понимать, что они из себя представляют. Остатки обороны безумного волшебника, Черепа появлялись случайно, чтобы дать прохожим абсурдные задания или наказать тех, кто нарушил и без того шаткий мир в городе. По общему мнению, с теми глупцами, кто не обращал на них внимания, происходили плохие вещи. И судя по всему, Ваша была не в настроении вести себя как-то иначе. Меч был обнажён, мышцы напряжены, варварка оценила нового противника.

Центральный череп из странного трио подлетел к воительнице ближе.

– Незнакомец из другого времени и места, вы не принадлежите этим туннелям, – сообщил он Ваше с сухим шёпотом. Челюсти слабо клацали при каждом слове.

– В моей земле, голоса из могил говорят ценные речи! – провозгласила воин. Она подняла меч и пренебрежительно ткнула им парящий череп. – Скажи мне то, чего я не знаю, или исчезни!

– Гм, Ваша... – начала Лириэль, у которой возникло очень нехорошее подозрение, относительно того, что должно произойти. Из кабацких историй она знала, что указывать Черепам не самая лучшая идея. Действительно, костяной призрак засветился ярче, а его зубы застучали с очевидным возбуждением.

– В наказание за высокомерие и нарушение правил безопасной земли, наши поручения будут долгими и каверзными, – постановили Черепа. – Во-первых, вы должны поймать тысячу летучих мышей и ухаживать за ними. Сбирать их выпавшую шерсть и свить из неё мягкие нити, разделить на две равные части и окрасить в чёрный и красный. Сотките их нитей маленький чёрный гобелен, украшенный тремя малиновыми черепами и повесите его в таверне, где вы убили иллитида.

Ваша засмеялась. Верная своей натуре, она обратила внимание на единственную фразу из всего сказанного.

– Кальмар умер от таких ничтожных ран? Ба!

– Далее, вы должны найти компанию гоблинов, пригласить их в таверну и обслуживать их пищей и питьём, – продолжал Череп.

– Ваша Красная, обсуживающая гоблинов, как кабацкая девка? Я скорее пересплю с орком!

– Я как раз собирался к этому перейти, – в сухом голосе появилось злорадство.

Лириэль вскочила на ноги и потянула за меховую накидку варварки.

– Соглашайся на всё, и давай выбираться отсюда! – быстро прошептала она. – И ради всех Богов, не подкидывай этой штуке идей!

– О, я дам ему о чём подумать, – пообещала мечница мрачно. – Никто, живой или мёртвый, не смеет приказывать Ваше Красной!

Ваша занесла руку меч, между делом снова повалив Лириэль на пол, и приготовилась сражаться с Черепами. Клинок понёсся и раздробил все три парящих головы в пыль и осколки. Обломки костей посыпались на каменный пол со звонким стуком и снопом быстро гаснущих розовых искр. В тот же миг осколки снова поднялись в воздух и сформировали один большой череп. Призрак на мгновение завис в воздухе, сияя интенсивным яростно-багровым светом, а затем исчез.

Лириэль поднялась на ноги, её лицо побледнело от страха и ярости.

– Проклятье, Ваша, ты можешь не сносить всё на своём пути! – завопила дроу.

– Не вижу для этого причин.

– О, ты увидишь, – пробормотала Лириэль, заметив слабое свечения в том месте, где только что парил Череп. Она отпрыгнула на безопасное расстояние, как только мерцание взорвалось, став огромным радужным вихрем.

Из магического туннеля вышел волшебник – длиннородый мужчина, облачённый в остроконечную шляпу и развевающуюся поношенную мантию. Если верить болтовне в тавернах, то этот человек сильно напоминал некоего мудреца, живущего сейчас в далёкой Долине Теней. Ручаться за это Лириэль не могла, так же как не могла не заметить, что волосы это волшебника, одежда и кожа имели ярко-изумрудный оттенок.

Ваша Красная, встретила теневого волшебника. Зелёного.

Юмор этого, несомненно, опасного столкновения мелькнул в сознании дроу и был тут же забыт. Она лихорадочно припоминала свой магический арсенал, но по слухам силы теневых волшебников во много раз превосходили возможности большинства смертных, и Лириэль сомневалась, что любое из её заклинаний возымеет хоть какой-то эффект.

Ваша, естественно, решила действовать в лоб. Воин нанесла смертельный удар по шее зелёного волшебника, но меч просвистел через мужчину, не обезглавив его, как предполагалось. Когда варварка потянула клинок обратно, он снова прошёл сквозь, казалось бы, материального волшебника, не срезав даже волоска с зелёной бороды.

Ваша отступила на шаг и бросила вопросительный взгляд на Лириэль. Дроу, однако, была столь же озадачена. Согласно рассказам в кабаках, магическое оружие могло нанести теневому волшебнику реальный ущерб. Но меч Ваши, который до сих пор резал магию, как нож масло, не пролил ни капли зелёной крови. Хуже того, изумрудные пальцы заплясали, производя магические пасы.

Вдруг Лириэль поняла, почему клинок оказался бесполезен. Меч уничтожал волшебство, но сам не был зачарован. Строго говоря, он не был магическим. Но у дроу было оружие, которое могло помочь – странные устройства, пропитанные уникальной магией Подземья.

Лириэль выхватила предмет в форме паука из мешка на поясе, и метнула его в призрачного заклинателя. Брошенный паук, вращаясь, пролетел между жестикулирующими зелёными руками, и его острые лапки глубоко вонзились в живот волшебника. Мужчина вскрикнул, вырвал оружие и швырнул его в сторону, а затем нырнул обратно в вихрь. Водоворот цветов всосался сам в себя и исчез.

Ваша спрятала меч и посмотрела на Лириэль с одобрением.

– Видишь? Магия не может противостоять честной стали, – она нагнулась, чтобы лучше разглядеть метательного паука. – Даже когда ей придали такую странную форму, – задумчиво добавила варварка.

Дроу решила не тратить время на объяснения. Она забрала своё магическое оружие у женщины и вернула его в сумку.

– Пойдём, – призвала Лириэль, зная, что приказы Черепа невозможно долго игнорировать. – Либо мы найдём заклинателя рун и выведем тебя из города к концу дня, либо тебе придётся всю оставшуюся жизнь ухаживать за летучими мышами.

– Я лучше пересплю с сатиром, – мрачно пробормотала Ваша.

– Ну, конечно. Кто поступил бы иначе? – согласилась дроу и решительно толкнула варварку в туннель.

Мечница, которая всё больше привыкала к чувству юмора тёмной эльфийки, бросила презрительным взглядом через плечо. Но выражение сосредоточенности и серьёзности, появившееся на лице Лириэль, остудило пыл варварки и поубавило её уверенность.

– Это действительно странное место, – заметила она.

Лириэль одобрительно кивнул

– Слава Тёмной Госпоже. Ты, наконец-то, поняла.

Но понимание Ваши Красной оказалось мимолётным. Воительница продолжала встречать препятствия обнажённым мечом и презрением. К тому времени, когда наступил час ужина, они были не ближе к обнаружению неуловимого Тоса, чем в начале своих поисков. Зато Ваша разрубила разумное желе на дрожащие шарики, вызвала на смертный бой грубого эттина, хирургическим путём охладила пыл нескольких пиратов к гулянкам на берегу, и отрезала крылья у небольшой, но агрессивной виверны, после чего посоветовала ошеломлённому волшебнику, хозяину существа, чтобы он содрал с любимца шкуру и сделал из неё достойную пару сапог. Короче говоря, только невероятный коктейль из удачи и грубой силы позволил ей и Лириэль пережить этот день.

Окончательно потеряв терпение, дроу потащила спутницу в «Горящего Тролля». Таверна была дорогой, но еда была хороша, слуги-хафлинги расторопны, и посетители могли рассчитывать на развлекательную ссору. Как только они сели, Лириэль заказала жареною птицу, хлеб, вино и миску холодной воды. Она вырвала

каменную монету из рук Ваши и бросила её в миску. Горячий камень погрузился в воду с протестующим шипением, а затем утих. Лириэль было жаль, что с людьми нельзя поступать также.

– Забудь о монете на время, – настаивала дроу. – Ты не можешь продолжать бегать по Скуллпорту, следуя указаниям куска камня и убивать всех, кто тебе не нравится.

– Почему нет? Последние несколько часов я вела себя именно так.

– И мы так многого этим добились, – заметила Лириэль с кислым сарказмом.

Варварке нечего было возразить.

– Ну и? – сказала она сердито.

– Я знаю волшебников, – убеждённо сказала дроу. – А этот Тос, кажется, особенно скользкой тип. Его поимку мы должны спланировать, тонко и вероломно. Я знаю некоторых людей, которые по разумной цене...

Её голос замер, поскольку стало ясно, что мечница уже её не слушает. Опасно сузив глаза, Ваша внимательно смотрела на чашу, в которой охлаждалась монета. Вода кипела. Пар клубами поднимался от чаши, а каменный осколок подскакивал в бурлящей воде.

– Мы *должны*? – взревела варварка, указывая рукой на вход в таверну. – Мне нужен только меч. Вот Тос, сын Алфгара!

Лириэль обернулась. Невольная улыбка тронула её губы, потому что стоящей в дверях был во многом подобен Ваше: высокий, мускулистый, с пламенными волосами, и одет с не более скромно, чем воительница. Дроу с одобрением отметила, что он прекрасно смотрится. Хотя ей и было любопытно, где он прячет компоненты для заклинаний.

Заклинателя рун вовсе не испугало зрелище разъярённой Ваши. Он двинулся прямо к их столику. С наглой непринуждённостью он вызвал третий стул и сел.

– Благодаря какой презренной магии ты меня нашёл? – потребовала воин. Её лицо и голос были столь же свирепыми, как обычно, но Лириэль подозревала, что Ваша смущена и расстроена тем, что её застали врасплох. Дроу это тоже не радовало. Она провела весь день с Вашей, слишком озабоченная спасением своей жизни, чтобы понять, что заклинатель рун направляет их в этой весёлой погоне. Очевидно, он был хитёр и изворотлив, а эти качества тёмные эльфы ценили.

– Приветствую, Ваша Красная, – дружелюбно сказал Тос. – Я слышал, ты появилась в городе, и предположил, что ты ищешь меня, поэтому отправился по следу разрушений к их источнику.

– Если ты так стремишься к бою, то начнём, – огрызнулась мечница. – Я вызываю тебя на состязание честной стали!

Тос бросил косой взгляд на Лириэль.

– Заметь, она не предлагает состязаться в остроумии. Наша Ваша может быть нетерпелива и упорна, но даже она не будет участвовать в бою, не имея шанса на победу.

Оскорбление заставило Вашу вскочить на ноги. Стол перевернулся с грохотом, прозвучал слабый одобрительный возглас от посетителей таверны. Пока что вечер на их вкус был слишком тихим.

Воин размахнулась своим мечом; Тос создал идентичный клинок из пустого воздуха. Оружие скрестилось с громким лязгом, и бой начался.

Бойцы состязались с мрачной серьёзностью, и в течение нескольких минут посетители таверны с удовольствием наблюдали за схваткой, делая ставки. Но что-то витавшее в воздухе тянуло их к насилию, как пчёл к клеверу. Небольшие стычки вспыхивали то здесь, то там. Те, кто имели клинки, использовали их. Другие довольствовались более простым оружием: люди и полуорки дрались кулаками и ногами, гоблины и ведьмы закидывали друг друга кружками и хлебом, монгрелмены бросали визжавших слуг-хафлингов в огров, которые тут же открывали ответный огонь мебелью. В один момент таверну захлестнул кураж драки.

Лириэль пробралась в угол комнаты, обходя сильных бойцов и ныряя под летающих хафлингов. Несмотря на естественный иммунитет к магии, который был наследием дроу, она чувствовала соблазнительную тягу к бою – следствие некоего неизвестного. Этот Тос был хорош.

Но как бы хорошо он не был, заклинатель рун недооценил Вашу, считая, что масштабная заварушка в таверне может отвлечь её. Правда, кружки, бросаемые гоблинами, не раз обливали женщину элем, а растущие груды тел заставляли интенсивнее работать ногами в танце битвы, но мечница, казалось, не обращала на это внимания. На лице варварки застыло восторженное выражение, пока она наносила удары долгожданной добыче. Лириэль, внимательно следящую за сражением, весьма впечатлило, что Тос мог противостоять такому напору. Но волшебников дроу обучали и владению оружием, и тёмная эльфийка знала, что фехтование не сильно мешает творить магию.

Заклинания, как правило, в этой таверне осуждались, но внимание других клиентов было поглощённые собственными боями. Таким образом, дроу была единственной, кто увидел, как забытый кусок камня, лежавший в луже воды на полу, полетел в руки заклинателя рун и соединился с полукруглым камнем, который тот держал. Только она увидела, как Тос положил монету времени в свою скудную набедренную повязку, как шевелятся его губы, как он беззвучно произносит магическую формулу. Мгновение Лириэль смотрела на красивого заклинателя рун и жалела, что плохо следила за карманником-хафлингом, который пытается «научить её торговле». Но сейчас было не время для сожалений. Дроу сплела собственное заклинание и замерла в ожидании, чётко понимая, что сейчас произойдёт.

Тос исчез, как и ожидалось.

И с ним исчезло заклинание жажды битвы. Большинство бойцов вдруг замолчали, глупо мигая и рассматривая свои поднятые кулаки или обнажённые клинки. Один огр, поднявший над головой хафлинга и занёсший руку для броска, замер так резко, что несчастный слуга улетел назад вместо того, чтобы врезаться во вражеские ряды. Его крик, громкий и пронзительный во внезапной тишине, указывал на то, что он не считает эту участь более приятной. Хафлинг пробил ногами деревянную дверь таверны. Одна половина его тела осталась в помещении, тогда как другая висела на улице. Слуга тихо постанывал.

В едином порыве посетители устремились к украшенному хафлингом выходу. Все, кто могли оставить таверну, так и сделали, поскольку за участие в драке такого масштаба, как правило, награждали ночью в темницах Скуллпорта. В считанные

мгновения Ваша и Лириэль остались единственными здоровыми людьми в опустевшем помещении.

Ревя от разочарования, варварка крушила оставшуюся посуду

– Трус! Нарушитель Клятвы! Подлый заклинающий руны сын дикой свиньи! – вопила Ваша, размахивая мечом от неконтролируемой ярости.

– Ты должна была увидеть, что к этому идёт, – спокойно сказала дроу.

– Как могла я, Ваша Красная, честный воин, предвидеть такое предательство? Я сражалась с честью! Вот я стою, облитая кровью моего врага...

– Это эль, – поправила Лириэль.

Ваша резко замолчала. Она свою промокшую одежду и убедилась в истинности замечания. Это поубавило задор и гордость в глазах варварки. Она спрятала меч, скрестила руки на могучей груди и надулась.

– Кровь, эль. Всё равно. Имеет значение только то, что Тос сбежал туда, где только дочери наших дочерей смогут его найти!

– О, я так не думаю, – сказала дроу удовлетворённым тоном. Она протянула ладонь. В ней лежала каменная монета, почти целая за исключением небольшого куска.

Глаза Ваши расширились от удивления.

– Это монета времени! Но как?

– Типичная тактика дроу. Я украла её у Тоса, используя простые заклинания. Иногда магия является наиболее прямым подходом, в конце концов.

Груды расщеплённой древесины и раненых посетителей, подтверждали точку зрения Лириэль. Ваша кивнула, признавая это.

– Магия восторжествовала том, где сила не смогла, – смиренно признала она. – Но где же Тос, если он не может путешествовать во времени?

– Волшебник достаточно сильный, чтобы сотворить временной портал, может быть практически где угодно, – сказала Лириэль. – Я думаю, однако, что он где-то в Скуллпорте. Чрезвычайно опасно путешествовать в места, которые никогда прежде не видел. Кроме того, поняв, что монеты нет, он вернётся.

От этих слов лицо Ваши просияло.

– Тогда мы всё ещё можем его выследить!

Лириэль кинулась к собравшейся уходить варварке и вцепилась в край медвежьего плаща.

– Довольно! У меня есть другая идея, но ты должна согласиться на использование магии.

Мечница утихла, смиренно склоняя голову.

– Как же мне не согласиться? Ваша Красная потерпели поражение. Я склоняюсь перед мудростью дроу.

Лириэль подняла книгу заклинателя рун.

– Тут говорится, как использовать монету. Мы шагнём назад во времени, к моменту перед тем, как Тос зашёл в таверну. И на сей раз, мы будем готовы.

Ваша согласилась. Она стояла на страже, пока Лириэль изучала и сплетала сложные заклинания. И варварка сумела сдержать удивление, внезапно оказавшись за столом напротив Лириэль в ещё целой таверне. Но вид небольшого фрагмента монеты на дне чаши с водой заставил её тяжело сглотнуть.

– Мы потерпели неудачу! Половина монеты всё ещё у Тоса; он может бежать!

– Зачем ему это? – возразила Лириэль. Она вытащила нож из ботинка и использовала его, чтобы выловить камень из быстро нагревающейся воды. – Он придёт сюда в поисках нас, помнишь? Он не знает, что я украла его половину монеты.

Говоря это, дроу изящными пальцами вытащила из рукава мешочек, где спрятала практически целую монету, которая отпавила в прошлое вместе с ней. Лириэль не поняла, как это произошло, и не имела никаких соображений на тот счёт, что монета может существовать одновременно в их прошлом и в настоящем. Но она не видела причин говорить об этом, эльфийка была уверена, что от её молчания не будет вреда. Скоро Ваша поймает своего заклинателя рун и вернёт его на суд к древним Русам, и всё будет хорошо.

Ваша ещё выглядела озадаченной, но она позволила дроу поставить себя возле двери таверны, на виду всех входящих. Лириэль заняла место ближе к входу.

– Тос будет искать тебя, таким образом, у меня будет больше шансов ударить первой, – объяснилась дроу. – Если я промахнусь, не стесняйся мне помочь.

Варварка покачала головой.

– Я не сомневаюсь в твоём успехе. Что ты будешь делать – поймаешь заклинателя рун каким-то таинственным заклинанием тёмных эльфов?

– Нечто вроде этого, – рассеянно кивнула Лириэль. Она ушла в себя, ища врождённую магию, что текла в крови всех дроу. Призвав природную способность к левитации, она поднялась высоко над дверным проёмом.

Это действие было достаточно лёгким для Лириэль, нечто, что могли сделать все дроу. Но сейчас она была не в Подземье, а такие силы обычно исчезли задолго до того, когда тёмный эльф приближался к землям света. Поэтому зрелище парящей дроу было достаточно необычным для того, чтобы привлечь внимание посетителей таверны. Даже Ваша смотрела вытаращив от удивления глаза.

Таким образом, когда Тос вошёл в трактир и отметил общее потрясение, он инстинктивно проследил направление взглядов посетителей. Когда волшебник поднял голову, Лириэль была готова атаковать – не заклинанием, поскольку она не знала, какую магическую защиту наложил на себя этот могущественный заклинатель рун. На этот раз дроу предпочла последовать примеру Ваши: она ударила беднягу эфесом кинжала точно между глаз.

Могучий Тос пал. Лириэль легко опустилась на пол и присела рядом с лежащим заклинателем рун. Она обыскала волшебника и, обнаружив его половину монеты, приложила к ней меньший фрагмент. Каменные обломки слились воедино, как две капли воды.

Дроу передала восстановленную монету Ваше.

– Как бы я ни хотела её себе, но ты должна вернуться домой, прежде чем за тобой придут Черепя.

– Спасибо Лириэль, дочь Сосдриэль, дочери Мелефисент, – серьёзно сказала варварка. – Я буду помнить твою мудрость и никогда больше не принижу силу магии и важность хитрости!

Лириэль пожала плечами.

– Только не увлекайся. Хотя я никогда не думала, что признаю это – особенно после сегодняшнего дня – есть моменты, когда лучшим является самый прямой подход. Даже если он заключается в точном и быстром ударе.

Мечница кивнула, размышляя над этими словами, будто их изрёк оракул.

– Сложность действительно является мудростью дроу, – восхищённо заключила она. – Хотя проживи я сто лет, мне всего этого не понять. И всё же, – добавила варварка уже куда менее благоговейным голосом. – Есть некоторые вещи, которым могут научиться даже такие как я.

Клинок Ваши мелькнул снова, и блестящий наконечник упёрся в горло Лириэль.

– Вторая монета времени, – решительно сказал мечница. – Та, которую ты принесла с собой. Дай её мне.

На мгновение Лириэль решила попытаться блефовать. Затем, со вздохом, она отдала артефакт.

– Но как ты узнала?

Ваша тонко улыбнулась.

– Ты хочешь узнать о Русах. Какой способ может быть проще, чем вернуться назад во времени? Ты так легко отказалась от монеты, что я сразу поняла, что должна быть другая.

С этими словами варварка вскинула бессознательного заклинателя рун на плечо, подняла одну из одинаковых монет времени и произнесла команду, открывшую портал в её время и землю.

Осторожное молчание последовало за исчезновением Ваши, посетители таверны затаили дыхания, ожидая, что произойдёт дальше. Лириэль вспомнила впечатляющую драку и, не дрогнув, повернулась к враждебным взглядам.

– Поверьте, всё могло кончиться куда хуже, – огрызнулась она.

И это, решила она гораздо позднее вечером, было отличным резюме для дневных приключений. Её встреча с Вашей могла окончиться смертью в тысяче различных форм.

Правда, Лириэль не получила способность путешествовать во времени, но она приобрела новую книгу рунных знаний. И она узнала ещё одну, очень важную вещь:

Основная проблема прямого подхода – магического или нет – заключается в том, что он чертовски предсказуем.

ЭПИЛОГ

Джастин прервал словоохотливого рассказчика:

- И все эти истории здесь? – поинтересовался он, ткнув в рукопись.

- Ну конечно, - отозвался Воло, благодарный за предоставленную возможность отдышаться, - и даже больше.

- И все были подтверждены?

- Подпись всех источников стоит на каждой странице с предоставленной ею или им информацией.

Издатель исследовал бумаги, выискивая подтверждения этим словам, затем, удовлетворённый, сунул страницы обратно в стопку.

- Принцессы дроу, Хелбен, Эльминстер, проклятья, заклятья, межпространственные прыжки, драконы, дымный порошок...

- И многое другое, - уверил Воло.

- Все составляющие бестселлера, - предположил Джастин.

- Вы правда так думаете? – поинтересовался Воло, хлопая глазами и изображая наивность.

- Именно так, - подтвердил издатель. – Сделка на наших обычных условиях.

Воло поднял палец, требуя паузы.

- Я, как бы это сказать, надеялся на немного более внушительный задаток... а то затраты и всё такое, - поколебавшись, известил писатель.

- Как насчёт десятипроцентного увеличения?

- Что насчёт двадцати? – надавил Воло.

- Договорились! – ответил Джастин, протягивая руку своему самому продаваемому автору.

- Договорились! – повторил Воло, пожав руку издателя и тряся её над столешницей; когда оба вновь откинулись в своих креслах по разные стороны стола, он добавил:

- Я надеялся, что мне удастся забрать оплату сразу же... а то затраты и всё такое.

- Без проблем, - ответил Джастин, вставая с места. – Думаю, сразу после обеда будет подходящее время. У меня есть другое неотложное дело, но мой секретарь к тому моменту должен будет уже вернуться.

- Хорошо, - отозвался Воло, намеренно стараясь не звучать грубо – после того, как понял, что его только что лишили обеда. – Скажем, через час?

- Лучше через два, - уточнил издатель, сопровождая лучшего писателя до двери, и далее до лестницы вниз. – Мне нужно разобраться с кое-какими вещами перед следующей встречей, поэтому, я надеюсь, ты не будешь возражать, если я попрошу тебя покинуть?

- Не буду, - подтвердил автор, добавив, – но вернусь где-то через два часа.

- Хорошо, - донёсся голос издателя из тени его кабинета, куда он уже шмыгнул.

Джастин Тим прибыл в свой офис утром, в обычное время – перед назначенным обедом со своим лучшим писателем, Волотампом Геддармом. И он прибыл как раз вовремя, чтобы оказаться поприветствованным работником, хорошо одетым и греющимся у огня камина, рядом со столом.

Пламя рыкнуло, поглотив и превратив в пепел последнюю охапку страниц.

- Эй! Эй! – окрикнул издатель. – Что это ты делаешь здесь, в моём офисе?

- Прошу прощения, добрый сэр, - отозвался невзрачный слуга. – Всего лишь греюсь у камина, дожидаясь Вашего возвращения.

- Ну, теперь-то я здесь, - сказал издатель. – Что ты от меня хотел?

- У меня сообщение от господина Воло. Он сильно извиняется, но прийти не сможет; упомянул какие-то важные дела, или что-то в этом роде.

«Как странно, - подумал Джастин. – Упускать бесплатную еду – это не похоже на Воло». Вслух же произнёс:

- Что ж, ну ладно. Он не первый писатель, опасющийся встречи со своим издателем из-за сорванных сроков. А я так надеялся, что он наконец перейдёт к «Путеводителю по Лунному Морю», как-то упомянутому им. Тогда, пожалуй, можно пойти домой – это была единственная встреча, запланированная на сегодня.

- Да, нет смысла терять такой день, сидя взаперти в стенах кабинета, - ответил рабочий, начиная мыть окна.

- И я так думаю, - согласился Джастин. – Мой секретарь вот-вот придёт. Не мог бы ты сообщить ей, что я решил поработать из дома сегодня?

- Конечно, - отозвался неприметный уборщик.

Когда Джастин завернул за угол дома ниже по улице, мойщик окон принял свою истинную форму.

Хлаавин-допельгангер поворошил очаг кочергой, удостовераясь, что ни одна бумажка не уцелела.

Услышав шаги поднимающейся секретарши, Хлаавин вновь надел маску Джастина Тима и встретил её в начале лестницы.

Разыграв злость и оскорблённое достоинство, «издатель» проинструктировал помощницу:

- Передай этому Воло, что в этом издательском доме его больше видеть не хотят. Какова наглость – пренебречь обедом со мной!

- Да, господин Тим, - раздалось в ответ.

- Возьму отгул на остаток дня, - добавил допельгангер, торопливо спускаясь вниз, на улицу.

На пути наружу Хлаавин слышал отрывистое «Да, господин Тим», но только вполуха – он уже упивался сладостью мести надоедливому писателишке. Он даже надеялся, что его задумка будет подпитывать его до тех самых пор, когда Волотамп Геддарм неотвратимо и сполна получит по заслугам.

